

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
заместитель главного редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 13.VII. 1954 г.
Т-05135. Печ. л. 16,44. Заказ № 272

Формат бум. $70 \times 108^{1/16}$.
Уч.-издат. листов 20,9

Бум. л.
Тираж 2500 экз.

2-я тип. Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер.,

А. И. КОЗАЧЕНКО

ДРЕВНЕРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ — ОБЩАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ БАЗА РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ ¹

Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. было подготовлено всей предшествующей историей русского и украинского народов, развитием между ними экономических, политических и культурных связей. Столетия обособленного существования этих народов не ослабили сознания единства их происхождения, близости языка и культуры; это сознание укрепляло их силы и решимость в борьбе за независимость, в борьбе за воссоединение. Вот почему изучение вопроса о единстве происхождения русских, украинцев и белоруссов имеет прямое отношение к истории воссоединения Украины с Россией и вызывает особый интерес в наши дни, когда многонациональный Советский Союз отмечает 300-летие этого знаменательного события в жизни украинского и русского народов. Правильное освещение вопроса о единстве их происхождения помогает борьбе против проявлений буржуазного национализма, содействует воспитанию советских людей в духе дружбы народов, советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Великодержавные помещичье-буржуазные историки, как и украинские буржуазные националисты, и в этом вопросе фальсифицировали историю. Великодержавные историки отрицали существование трех восточнославянских народностей. Эти историки имели в виду вообще «русское население», его «размещение»; для них все восточные славяне составляли одно «русское племя», в котором можно было выделить только отдельные группы, более или менее в соответствии с тремя «наречиями» — великорусским, малорусским и белорусским ².

Украинский буржуазный националист М. Грушевский, враг интернационализма и братского союза украинского народа с русским, стремился привить трудящимся массам Украины чувство вражды к русскому народу, идейно подчинить их классовым интересам помещиков и буржуазии. В своей статье «Звичайна схема «руської історії» й справа раціонального укладу історії східного слов'янства» Грушевский отвергал как «общерусскую» историю, так и «общерусскую» народность ³. Он настаивал на том, чтобы исключить из истории русского народа киевский период, оторвать от нее историю Украины и Белоруссии, заявлял, что уже в период образования Киевского государства существовали три восточнославянских народа.

Не удовлетворившись отрицанием единой для всей древней Руси народности, М. Грушевский в другой своей статье — «Спільні питання старо-руської етнографії» — заявил о существовании в прошлом особой

¹ Доклад, прочитанный 20 апреля 1954 г. на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященном 300-летию воссоединения Украины с Россией.

² См., например, П. Миллюков, Очерки по истории русской культуры, ч. 1, М., 1918, стр. 45, 66 и др.; В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. 1, М., 1904, стр. 28, и др.

³ «Сборник статей по славяноведению», вып. 1, СПб., 1904.

группы украинских племен, из которых якобы образовалась украинская народность⁴. Несмотря на то, что к этому времени была уже известна синтетическая работа археолога А. Спицына о древнерусских племенах⁵ Грушевский, используя работы А. Шахматова⁶ и идя на открытую фальсификацию, отрицал не только существование древнерусской народности, но и единство восточнославянской племенной базы, из которой образовалась эта народность. Грушевский, как и другие украинские буржуазные националисты, заявлял о полной обособленности происхождения и развития украинского народа от русского. Он преувеличивал этнические связи Украины с Западной Европой, настаивая при этом даже на родстве украинцев с кельтами и германцами. В этом направлении Грушевский фальсифицировал и всю историю украинского народа, полностью отрывая ее от истории русского народа. Политический смысл подобного рода утверждений понятен.

Н. Я. Марр и его «школа», как известно, также игнорировали общность происхождения восточнославянских народов и их языков.

Советская историческая наука добилась в настоящее время определенной ясности в этих вопросах. За последние годы проблема древнерусской народности привлекает к себе все больше внимания. Опираясь на учение классиков марксизма-ленинизма о нации, русские и украинские советские историки выступили с рядом работ, связанных с историей восточных славян, древнерусской народности. В. В. Мавродину принадлежат первые попытки постановки вопроса о древнерусском народе⁷. П. Н. Третьяков своими работами по истории восточных славян, обобщенными в его труде, посвященном восточнославянским племенам, много сделал для решения вопроса о происхождении славян, положив начало выяснению истоков этнической истории славян Восточной и Средней Европы⁸. Б. Д. Греков специально проблемой древнерусской народности не занимался, однако освещение им таких вопросов, как, например, производительные силы, общественный строй восточных славян до образования Киевского государства, позволило исследователям приступить непосредственно к разработке проблемы древнерусской народности⁹. Б. А. Рыбаков положил начало исследовательской разработке отдельных вопросов данной проблемы. Именно он осветил вопрос о Руси, дал свое решение сложнейшего вопроса о складывании ядра древнерусской народности, а тем самым и об ее образовании¹⁰. А. Н. Насонов своим исследованием о «Русской земле» много сделал для выяснения вопроса об этнической территории древнерусской народности¹¹.

Попытки обобщить выводы исследователей по отдельным вопросам и решить проблему в целом сделали В. И. Довженок¹², а также составители «Истории Украинской ССР»¹³ и «Очерков истории СССР

⁴ «Сборник статей по славяноведению», вып. 1, СПб., 1904.

⁵ А. Спицын, Расселение древнерусских племен по археологическим данным «Журнал Мин. нар. просвещения», 1899, VIII.

⁶ А. Шахматов, К вопросу об образовании русских наречий..., «Русский филологический вестник», 1894, и другие работы.

⁷ В. В. Мавродин, Основные этапы этнического развития русского народа: «Вопросы истории», 1950, № 4; его же, Историческая общность русского и украинского народов, «Славяне», 1954, № 3.

⁸ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, изд. 2-е, М., 1953.

⁹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, Л., 1953.

¹⁰ Б. А. Рыбаков, К вопросу об образовании древнерусской народности, Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК..., М., 1951; его же, Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, «Вопросы истории», 1952, № 9; его же, Древняя Русь, «Советская археология», т. XVII, М., 1953.

¹¹ А. Н. Насонов, К вопросу об образовании древнерусской народности, «Вестник АН СССР», 1951, № 8; его же, «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, М., 1951.

¹² В. И. Довженок, К вопросу о сложении древнерусской народности, «Доклад VI научной конференции Института археологии АН УССР», Киев, 1953.

¹³ «История Украинської РСР», т. I, Київ, 1953.

IX—XV вв.»¹⁴. В этих работах все еще наблюдается разное понимание сущности процесса, которое часто сводится к приписыванию народности только элементов трех признаков общности (языка, территории и культуры), не затрагивая вопроса об общности экономической, что нам кажется неверным. При попытках обобщения вопрос нередко фактически сводится к элементам культурной и отчасти языковой общности, с особым упором на развитие национального самосознания. Территориальная общность рассматривается преимущественно только в связи с древнерусской государственностью, причины распада древнерусской народности сводятся лишь к внешним условиям (завоевания) или к результатам феодальной раздробленности. Нам кажется также, что самый процесс образования народности нельзя растягивать на века и тем более приурочивать только к Киевскому государству. В истории народности следует иметь в виду и определенные этапы ее развития. Наконец, неожиданно проявилась тенденция отнести начало складывания трех братских народностей «еще со времени древней Руси», как об этом, например, говорят «Очерки истории СССР»¹⁵.

Все это убеждает нас в необходимости продолжить попытки обобщения в области истории образования и развития древнерусской народности.

* * *

Общеславянская языковая и этническая общность сложилась за много веков до нашей эры. Еще в I тысячелетии до н. э. в жизни славянского мира наметились чрезвычайно важные перемены. Славянские племена Средней и Восточной Европы подошли к заключительной стадии развития у них первобытно-общинного строя. Около VII в. до н. э. славянам стало известно железо, что сказалось на ускорении развития производительных сил. С железным веком у славян появилось специализированное ремесленное производство, особенно в металлургии, начался период пашенного земледелия и развитого скотоводства. С ростом производительных сил связан и рост торговли — внутриплеменной и межплеменной, а также и с более отдаленными краями.

Эти изменения в области производительных сил сказались вскоре не только на общественной и политической жизни, но и на этническом развитии славянского мира. С созданием условий для существования индивидуального производства появилась возможность возникновения и развития имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком. Началось разложение первобытно-общинного строя у славян, началась ломка старых родоплеменных отношений и связей с заменой их территориальными.

В своем этническом развитии славянский мир также сделал большой шаг вперед. Если ранее шел процесс дробления и обособления этнических групп, сопровождавшийся развитием родовых и племенных языков, то теперь наметилась тенденция к сближению и слиянию. Этот процесс прежде всего проявился в отношении групп родственных племен, частично сливавшихся друг с другом. На жизни и развитии славянских племен сказались и внешнеполитические условия: выступления кочевых племен, начиная с сарматов.

В первой половине I тысячелетия н. э. в славянском мире выделились группы западных и восточных славян, а с середины этого тысячелетия — и южных славян. Уже на рубеже нашей эры население бассейнов Днестра, Прикарпатья, среднего Днепра, а также бассейнов Вислы и

¹⁴ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», I, М., 1953, стр. 251—258.

¹⁵ Там же, II, М., 1953, стр. 557.

Одера, состоявшее из многочисленных племен, жило более или менее однородной культурой, связанной с «полями погребений», или «полями погребальных урн». И все же это были уже две, хотя и близкие друг другу, но обособленные племенные группы. Восточную группу составляли племена, занимавшие территорию между верховьями Днестра и средним Днепром, до верховьев Донца, доходя на севере до верховьев Днепра Оки и Волги. В этом процессе этнической консолидации на востоке Европы, начавшемся в I тысячелетии до н. э. и продолжавшемся в I тысячелетии н. э., ведущую роль играли племена южной группы.

Современникам и авторам-византийцам середины I тысячелетия н. э. группы славянских племен были известны под названием антов и склавинов. О близости, родстве этих народов говорят как археологические данные, так и письменные свидетельства современников¹⁶. И все же в рамках каждой из указанных двух групп намечился и ряд особенностей в культуре и языке, отличавших эти группы.

Влияние группы более развитых южных племен на востоке Европы скоро сказалось и на культуре и быте славянских племен верхнего Поднепровья. Об этом говорят археологические находки культуры «полей погребений» на Припяти у Турова (Казаргац), у Пинска и другие, а также на Днепре в районе Речицы и т. д. Кроме «полей погребений» на близость верхнеднепровских племен к южным указывают глиняная посуда с темной вылощенной поверхностью и изделия из металла. Севернее и северо-восточнее встречаются «длинные курганы», близкие «полям погребений», а также округлые курганы, которые, по мнению П. Н. Третьякова, есть все основания отнести к первым векам н. э., а может быть и к последним векам до н. э.¹⁷ В первые века н. э. на севере появились изделия среднеднепровского происхождения, «экономические связи среднеднепровских племен с их северными соседями особенно укрепились»¹⁸. В это время славяне верхнего Поднепровья продвинулись уже несколько к северу, до бассейнов Чудского и Ильменского озер.

Анты, составлявшие южную группу племен восточных славян, на последнем этапе борьбы против Византийской империи периода «великого переселения народов» — в VI — начале VII в. — вместе со склавинами выступили как главная сила.

Балканские войны VI в. в свою очередь сказались на развитии славян. Они «привели к сплочению славянских племен, ускорили в их среде распад первобытно-общинных порядков. Именно здесь, в этом бурном периоде славянского прошлого, лежат начала классового устройства у славян, сюда восходят первые побегы славянской государственности»¹⁹.

Известны выводы наших исследователей в отношении уровня социально-экономического, политического и культурного развития антов, показывающие, что племена антов фактически составляли уже политические объединения территориальных общин, имели характер государственных образований. Названия этих племен менялись, часто определяясь наименованием места, территории расселения, и только названия «анты» было для них более или менее общим. Иордан указывал, что «хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуются склавинами и антами»²⁰.

У антов и склавинов было уже сознание того, что их земля является общим отечеством, было сознание общности. Менандр приводит ответ славянского вождя князя Добрита аварам. Добрит с гордостью указывал на непобедимость «силы нашей»: «не другие наша земля, —

¹⁶ Прокопий, Готская война, III, 14, 22; Маврикий, Стратегикон, XI, 5. Авторы VI в. н. э. цитируются по журналу «Вестник древней истории», 1941, № 1.

¹⁷ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 126.

¹⁸ Там же, стр. 127.

¹⁹ Там же, стр. 142.

²⁰ Иордан, О готах, III, 34—35.

говорил он, — а мы чужою привыкли обладать»²¹. Анты и склавины совершали грандиозные военные походы, требовавшие тщательной и сложной подготовки, поддерживали дипломатические сношения, заключали союзы с Византией и т. п. Антов, как и склавинов, объединяли одна религия, сходство быта и нравов. «У тех и других один и тот же язык», — отмечали византийские авторы²².

Все эти признаки дают основание полагать, что анты представляли собою первую народность восточных славян на заре классового общества.

Известно, что в начале VII в. наименование «анты» исчезает (последнее упоминание о них имеется под 602 г. у Феофилакта Симокатты). Следует думать, что произошел распад молодой народности антов. П. Н. Третьяков, усматривающий в объединении антов только государственный характер, полагает, что «очевидно такие события, как расселение славян на Балканах, славянские походы на Средиземном море, основание первых славянских государств на Дунае и возникновение в VII в. дулебско-волынского государственного объединения племен — «Валинаны»,... привели антское объединение к распаду...»²³ Конечно, все отмеченные П. Н. Третьяковым явления могли содействовать распаду народности антов. Однако нельзя упускать из виду слабость, непрочность элементов общности, внутреннюю неустойчивость этой молодой народности на том этапе социально-экономического развития восточных славян. Так или иначе, но к началу VII в. восточные славяне сделали новый шаг по пути своего этнического развития.

* * *

Истоки процесса образования новой древнерусской народности следует искать в Поднепровье. Успехи социально-экономического развития восточных славян с образованием Киевского государства обеспечили и внутреннюю прочность древнерусской народности. Производственную и социально-экономическую основу этого процесса составляли усовершенствования в области земледелия, развитие ремесла и товарного производства на территории всех восточнославянских племен с распадом первобытно-общинного строя, возникновением и развитием у них феодальных отношений и первых государств.

Многие явления киевской жизни X—XI вв., как справедливо отмечал Б. А. Рыбаков, «уходят корнями в антскую эпоху: земледелие, скотоводство, рабство, сожжение рабынь на могиле князя, пополнение сокровищ и т. д. Киевские князья X в. говорили на том же языке, что и анты в VI в., верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» и по тем же старым антским путям...»²⁴ Эта близость и до некоторой степени связь и преемственность между антами и Русью дали основания Б. Д. Грекову отождествить антов и росов VI в. Однако, нам кажется, следует согласиться с выводом П. Н. Третьякова о том, что анты и древние росы — не одно и то же. «Анты и росы = русы, — пишет П. Н. Третьяков, — это как бы две волны вступающего в политическую историю восточного славянства: первая — охватившая преимущественно юго-западную часть славянских племен восточноевропейской равнины и вбиравшая в себя лишь отдельные восточные и северные элементы, и вторая — более могучая, возглавляемая росами и представлявшая сначала юго-восточные славянские племена, а позднее и всю огромную массу восточных славян»²⁵.

²¹ М е н а н д р, История, отрывок 36.

²² П р о к о п и й, Готская война, III, 14, 22; М а в р и к и й, Стратегикон, XI, 5.

²³ П. Н. Третьяков, Указ. работа, стр. 206.

²⁴ Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», 1939, I, стр. 337.

²⁵ П. Н. Третьяков, Указ. работа, стр. 217.

И действительно, если ко времени выделения группы восточных славян и складывания народности антов восточнославянские племена можно было по уровню их развития разбить на два района — юго-западный, более развитый район, населенный антами, и остальной, к северу от него, более отсталый, то к VII в., когда происходит распад первой известной нам восточнославянской народности — антов, среди восточнославян определилась новая, более развитая группа племен — на юго-востоке. Здесь и составилось новое этническое ядро, вокруг которого сложилась древнерусская народность. Это ядро создали русы.

Б. А. Рыбаков в своих последних работах проследил на археологическом материале процесс складывания ядра древнерусской народности и впервые дал историю русов. В своем исследовании «Древняя Русь» опубликованном в 1953 г., Б. А. Рыбаков установил, что территория Руси в узком смысле слова было пространство от Киева до Курска, этот край во II—V вв. входил в широкую область «полей погребений», составляя ее юго-восточную часть. Б. А. Рыбаков уже для IV—VII вв. устанавливает в археологических данных на этой территории «известное своеобразие: двуглавые антропоморфные и зооморфные фибулы (сосуществующие с более широко распространенными пальчататыми фибулами), «уши» головных уборов, огромные спиральные височные кольца и устойчивый тип знаков собственности на поясах»²⁶.

Территория эта ограничивалась р. Росью, ее притоком Россавой, Днепром у устья Тясмина и отчасти по р. Суле. Это была территория славянского племени русов = росов. Центр племени находился в устье р. Роси. Здесь на месте городища Княжева Гора, как полагает Б. А. Рыбаков, существовал древний город Родня; здесь вблизи был и другой крупный центр русов = росов — Пастерское городище.

В IV—V вв. росы — одно из сильных и активных антских племен. Социально-экономическое развитие, усиление этого племени, а также успешная борьба с внешними врагами позволили ему в VI—VII в. превратиться в союз племен, сохранивший племенное название росов. От VI в. до нас дошло первое упоминание этого названия. По мнению Б. А. Рыбакова, в союз росов входили племена росов (русов) и северян, которые и составили ядро этого племенного союза, а позже, возможно, прикнули и поляне и днепровские уличи. Этот союз устоял в борьбе с внешними врагами — аварами, болгарами и хазарами, преградив им путь на север. В VI—VII вв. на территории союза племен русов начала обособляться народность «с общей с незначительными оттенками культурой на пространстве от Киева до Воронежа»²⁷. Остальные восточнославянские племена, к северу от росов, в VII—VIII вв. также достигли серьезных успехов в своем социально-экономическом развитии. У них зарождаются феодальные отношения, и к IX в. эта группа политических была включена в орбиту русского союза племен. К IX—X вв. у восточных славян наряду с их племенными диалектами уже сложился единый язык народности; наряду с пережиточно сохранившимися особенностями в быту и культуре существовала единая восточнославянская культура. Летописные «племена» восточных славян фактически были территориальными образованиями, возглавлявшимися племенными князьями, вассалами киевского князя. Однако все эти «племена» составляли одно государство, их территория — единую государственную территорию, за которой к концу IX — началу X в. закрепилось название «Русская земля», «Русь». До вхождения в состав Руси эти «племена», возможно, являлись уже «небольшими народностями»²⁸. К IX—X вв. сложилась и древнерусская народность, выросшая из ее русского ядра и включившая в себя всех восточных славян, их «племена».

²⁶ Б. А. Рыбаков, *Древняя Русь*, стр. 99.

²⁷ Там же, стр. 102, 104.

²⁸ П. Н. Третьяков, *Указ. раб.*, стр. 228.

Начальная стадия в истории народности, стадия ее образования, как результат появления новой этнической общности, на смену родо-племенной предполагает прежде всего наличие элементов языковой и территориальной общности.

Выше говорилось, что изменения в производстве наметились, определились и стали развиваться раньше у южной группы восточных славян, у которых начало пашенного земледелия, появление и развитие ремесла видим еще накануне нашей эры. Эти изменения развились и окрепли в первые века нашей эры, а с VII—VIII вв. распространились и на северные славянские племена. Вот в это-то время должны были начать отражаться и в языке восточных славян изменения в производстве — «сразу и непосредственно», ибо с этим связано было существование и развитие самого производства²⁹.

Общеславянское языковое родство было той почвой, которая облегчила установление языковых связей между восточными племенами³⁰. Язык восточнославянской народности, указывает П. Я. Черных, хотя и не был абсолютно одинаков и варьировал по племенам и родовым общинам, все же характеризовался целым рядом общих для всех племенных диалектов черт в произношении, в формах склонения и спряжения и пр. Возвышение Киева, ставшего «матерью градов русских», центром Киевского государства, также способствовало развитию молодого общенародного языка восточных славян³¹.

Развитию общенародного языка способствовало и появление классов, которое у восточных славян наблюдается с VI—VII вв. Возникновение таких слов, как, например, «холоп», «челядь», «закуп», «смерд», «господин», следует отнести к началу классового общества.

Исключительное значение для развития общенародного разговорного языка, по учению И. В. Сталина, должно было иметь появление письменности. Новейшие изыскания советских археологов показывают, что письменность и грамотность были безусловно известны на Руси и получили относительно широкое распространение среди городской, в особенности ремесленной массы еще до X в., т. е. задолго до так называемого крещения Руси. Имеются все основания отнести появление письменности на Руси к VII—VIII в., т. е. к началу классового общества у восточных славян. Это соответствует и указаниям классиков марксизма, которые, как известно, связывают возникновение письменности с началом классового общества.

Письменность сыграла важную роль в развитии у восточных славян языковой общности. Должен был зародиться литературный язык, и он скоро возник в древней Руси. Базой этого литературного языка мог быть только окрепший разговорный язык восточных славян, хотя, конечно, древнерусский литературный язык не мог остаться без влияния и со стороны старославянского языка.

Для укрепления и развития общенародного языка имеет значение, по учению И. В. Сталина, «зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке»³². Такие политические объединения у восточных славян, как Славия, Куявия и Артаня, при наличии классов и письменности должны были использовать переписку для нужд управления и внешних сношений. Развитию языка в это время должна была способствовать и торговля, которая еще более, чем государство, нуждалась в упорядоченной переписке. Найденная кор-

²⁹ См. И. В. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1950, стр. 11.

³⁰ См. П. Я. Черных, *Историческая грамматика русского языка*, М., 1952, стр. 43.

³¹ См. П. Я. Черных, *Язык и письмо, «История культуры древней Руси», II*, М.—Л., 1951, стр. 120—121.

³² И. В. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 26—27.

чага с надписью, сделанной ремесленником для заказчика-купца начала X в.³³, является наглядным свидетельством того, насколько действительно торговля у восточных славян нуждалась в письменности. Применение переписки в расширяющейся торговле восточных славян должно было тоже способствовать развитию их разговорного языка.

Одновременно с элементами новой языковой общности у восточных славян появляются и развиваются элементы новых территориальных связей. Это было вызвано теми изменениями, которые произошли в социально-экономической жизни племен. Прекратились массовые передвижения племен или племенных групп. Они окончательно оседают, осваивая данную территорию. Появление и развитие собственности на землю, переход к пашенному земледелию сыграли важную роль в этом отношении. Господство пашенного земледелия вело к укреплению связей населения с освоенной территорией.

Эта перемена в экономической жизни восточного славянства вызвала и серьезные перемены в быту. В данном случае мы имеем в виду производственное закрепление населения за определенной территорией, установление прочной связи с ней. Освоенная таким образом восточными славянами территория была их этнической территорией, не разделяемой какими-либо природными преградами или этнически инородными массами, которые могли бы мешать длительной совместной жизни и регулярным общениям как внутри «племени», так и внутри всей древней Руси. Действительно, именно такой была территория восточных славян от Финского залива до устья Днестра и Дуная, от Карпат до Оки и Дона.

На смену родовой общине у восточных славян появляется и развивается сельская территориальная община («вервь»). Экономическую основу этой общины составляло пашенное земледелие. Сельская территориальная община стала повсеместно господствовать в общественной жизни восточных славян. С появлением класса феодалов-землевладельцев эта община развивалась — ведь феодалы, как писал Ленин, принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшие таким образом, были чисто территориальными союзами³⁴.

Наряду с новыми отношениями в среде сельского земледельческого населения необходимо отметить и роль ремесла, обмена и городов в развитии новых территориальных связей. Новгород, Киев, Смоленск, Ладога, Псков, Чернигов, Изборск и многие другие города появляются именно в это время.

Появление и развитие городов, ремесел, обмена, начало процесса отделения города от деревни, ремесла — от сельского хозяйства, возникновение, укрепление и расширение местных рынков, — все эти явления тоже имели отношение к развитию новых территориальных связей у восточных славян. Если в сельской общине хотя бы в пережитках должны были еще существовать родовые связи, то в городах этих пережитков не было; здесь территориальная общность населения основывалась на производственных связях, чему также весьма содействовало языковое родство выходцев из разных восточнославянских племен, селившихся в городах. Города способствовали росту территориальной устойчивости населения, которое постепенно начинало группироваться вокруг городских поселений, с ними связывалось и к ним постоянно тяготело.

Объединение населения по территориальному признаку сказывалось также и в постоянной утрате старых (летописных) племенных названий: они заменялись новыми — областными, в основе которых лежали названия городских центров (киевляне, новгородцы, полочане и др.). Города становились не только центрами местной хозяйственной жизни, но и местными политическими и религиозными центрами.

³³ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров, Древнейшая русская надпись, «Вестник АН СССР», 1950, № 4.

³⁴ См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

В дальнейшем исторические условия способствуют не только развитию элементов языковой и территориальной общности, но и появлению других, тоже новых элементов культурной и, наконец, экономической общности.

Сознание общности имелось у восточнославянских племен и прежде. Однако это было сознание родоплеменной общности, основанное на родовых связях. Новым явилось осознание своей принадлежности к одной, общей, древнерусской народности. Национальное самосознание находит свое проявление прежде всего в патриотизме, в общем самоназвании, в признании отечества; появляются национальные особенности народа, включающие и этнографические особенности, скрепленные общим языком народности.

Не все названные признаки возможно конкретизировать для времени до образования Киевского государства. Однако все же некоторыми данными мы располагаем.

Византийский патриарх Фотий подтверждает, что в 860 г. росы совершили дотоле невиданный по силе поход на столицу Византийской империи. Фотий признает, что поход свой росы предприняли в ответ на вероломную расправу в Константинополе с их соотечественниками — «за умерщвление их соплеменников». Фотий всех участников этого похода определяет как один народ — рос.

Появление понятия «Русь» в применении к населению и территории не только в узком смысле — в отношении Поднепровья, но и затем в отношении всех восточных славян отражало наличие и развитие у них элементов психической общности. Конкретные данные по этому вопросу приведены в работе М. Н. Тихомирова «Происхождение названий „Русь“ и „Русская земля“»³⁵, в труде Б. Д. Грекова «Киевская Русь», а также в названных выше работах Б. А. Рыбакова.

Русь для восточных славян, консолидированных в одну древнерусскую народность, стала теперь отечеством, под которым, по В. И. Ленину, понимается «данная политическая, культурная и социальная среда»³⁶. В этой среде стал жить, трудиться и бороться молодой древнерусский народ.

У племени отечества еще не могло быть, там общность и среда определялись родовыми связями. Иное дело на Руси. Здесь с новой общностью, в новых исторических условиях интересы новой исторической среды становились близкими всему народу, а не только кругу лиц, связанных родством.

Интерес к общему прошлому проявляется у восточных славян с началом классового общества, с образованием древнерусской народности. В это время, пишет Б. Д. Греков, «определенный круг песен имел и значение истории... Главная задача устного творчества на исторические темы — это сохранение в памяти народа героев, их имен и подвигов»³⁷.

Археологические и иные данные позволяют со всей определенностью говорить и о культурно-бытовой общности, проявлявшейся в хозяйстве, семейном и общественном быту и обычаях, в народном творчестве и т. п. Особенности в быту в VII—IX вв., развиваясь, становятся характерными на всей территории расселения народа. Не повторяя аргументации, скажем словами П. Н. Третьякова, что «в VII—IX вв. не только на юге, но и в центральных и северных областях постепенно складываются такие формы сельского славянского быта, какие были характерны для ряда последующих столетий»³⁸. Конечно, при этом должны были сказаться и местные естественно-географические условия.

³⁵ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», «Советская этнография», Сб. VI—VII, М.—Л., 1947.

³⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 171.

³⁷ Б. Д. Греков, Киевская Русь, Л., 1953, стр. 400.

³⁸ П. Н. Третьяков, Указ. раб., стр. 271.

П. Н. Третьяков отмечает, что типичная для восточных славян лесная полоса рубленая изба имела печку-каменку у задней стены. В основном это уже было то русское жилище — «черная изба», которое под таким названием продолжало существовать до XX в. Вместе с тем на юге, например в Киевской земле, уже с VI в. существовали жилища «прямоугольной формы», с глинобитными стенами и печами — прообраз украинской хаты. В дворах Ладоги видим сочетание избы, клетки, хлева, житницы и т. д.³⁹

Археологические раскопки Старой Ладоги рисуют картину несложного бытового инвентаря, домашней утвари VIII—IX вв. Это главным образом самодельные изделия из дерева: ковши, ложки, ведра, боченки, коробки, сшитые из луба и бересты, ткацкий стан и т. д. И эти предметы на века вошли в быт, составили этнографическую особенность русского крестьянина.

В одежде древнеруса, как мужской, так и женской, обязательно принадлежностью являлись украшения. Таковы застёжки и пряжки подвески трапецевидной формы, браслеты и перстни. Б. Д. Греков отмечает, что распространение подобных изделий (например, лучевых фибул, лунниц, спиралей, браслетов и др.) на большой восточнославянской территории «не случайность, а результат общности культуры». «VI—VII века, — делает вывод Б. Д. Греков, — это время выявления собственной оригинальной восточнославянской, иначе антской или русской, культуры»⁴⁰.

В обычаях и верованиях восточных славян мы также наблюдаем ряд новых явлений. Старый, родовой общественный строй и в области обычаев и верований напоминал о себе только в пережитках, из которых выветривалось былое содержание. Таков, например, обычай родового места, о котором говорит древнейшая часть «Русской Правды», относящаяся примерно к VIII в.

Вполне закономерно наметились изменения и в религиозных представлениях древнерусов. В это время родился и начал развиваться новый базис, базис феодального строя, которому служила и новая надстройка.

Известно, что христианство появилось у восточных славян задолго до X в. Следует, однако, подчеркнуть, что этот процесс имел весьма важную особенность, которая начала проявляться с первых же веков бытования христианской религии на Руси. Эта особенность заключалась в «обрусении» христианства, которое «оказалось в конечном счете не византийским и не римским, а русским». Христианские представления из родовых родов начали проникать в народные массы села, сливаясь во многом со старыми, языческими представлениями. Так возникла новая, «синкретическая» вера, явившаяся результатом претворения христианства в русской народной среде, иначе — его «обрусение»⁴¹. Эти этнографические особенности верований восточных славян начали складываться в условиях перехода к классовому обществу и государству, с образованием древнерусской народности.

Этнографические особенности наиболее прочно укреплялись и развивались именно в массе крестьянства, составлявшего при полном господстве натурального сельского хозяйства подавляющее большинство населения страны и самой русской народности. Элементы языковой, территориальной и других общностей прочной базой своего сохранения и развития имели прежде всего основной класс-производитель феодального времени — древнерусское крестьянство. Вот почему именно этот класс крестьянства с его появлением на Руси составил связанный

³⁹ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, «Советская археология», XII, 1950.

⁴⁰ Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 378.

⁴¹ Там же, стр. 392, 395.

с землей широкий устойчивый слой, явившийся остовом древнерусской народности.

* * *

С образованием древнерусской народности элементы устойчивых общностей начали развиваться, а вместе с этим начался и длительный процесс развития народности в нацию. Ф. Энгельс, рассматривая процесс консолидации средневековых народностей в буржуазные нации, указывает, что «этот стихийный процесс» был уже силен в IX в. во всей Европе⁴². Образовавшаяся в VII—VIII вв. на востоке Европы древнерусская народность была крупнейшим в Европе народом, который освоил и обеспечил развитие производительных сил на огромнейшей территории — от Ладожского озера до Черного моря, от Карпат до Дона.

Древнерусская народность просуществовала более полутысячелетия, до конца XIII в. В истории этой народности мы можем установить несколько периодов. Время VII—IX вв. составляет период образования и начала развития древнерусской народности, X — первая половина XIII в. — период расцвета и дальнейшего ее развития, XIII век (его вторая половина) — время распада древнерусской народности. Попробуем проследить ее этническое развитие в X—XIII вв. по основным признакам общностей, начиная с языковой.

Когда разложился родоплеменной строй и образовалось Киевское феодальное государство, когда сложился и язык новой древнерусской народности, следы племенных языков еще долго сохранялись, особенно среди сельского населения. Эти пережитки племенных языков с выделением областей (земель, княжеств) в условиях обособленного существования новых политических единиц могли содействовать образованию территориальных диалектов.

Территориальные диалекты древнерусской народности вполне определились к XII в., т. е. ко времени развития феодальной раздробленности. Таковы были диалекты новгородский, псковский, смоленский, галицко-волынский и другие. В тех областях, которые возникли на вновь заселенной или имевшей ранее иноязычное население территории, тоже шел процесс складывания областных диалектов со своими языковыми особенностями. Однако образование и развитие территориальных (областных) диалектов в древней Руси шло одновременно с развитием языковой общности древнерусского народа. Существовал и развивался язык, единый для всего населения древней Руси, на котором говорили, понимая друг друга, как эксплуататоры-феодалы, так и эксплуатируемые массы.

В языке древнерусского народа с IX в., с образованием Киевского государства, и до середины XIII в. произошел ряд изменений. Этому способствовали и новые исторические условия, в которых происходили эти языковые переживания.

После официального принятия христианства, с установлением и расширением культурных связей с Византией и другими народами, в особенности со славянскими, письменность на Руси получает возможность широкого распространения, особенно в крупных городских центрах. В это время на развитие древнерусского разговорного языка оказывал влияние молодой литературный язык, сложившийся на народноречевой восточнославянской основе. Одновременно существовал и старославянский книжный язык, который тоже подвергался воздействию со стороны разговорного языка древнерусского народа.

Существование двух литературных языков, общавшихся с разговорным древнерусским языком, в свою очередь обогащавших и язык народ-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 444.

ности, говорило о бурном развитии языковой общности в древней Руси IX—XI вв. «Слово о полку Игореве» — литературный памятник Руси конца XII в. — свидетельствует о силе влияния разговорного древнерусского языка на литературный язык, доказывает успехи в развитии языковой общности.

Образование и укрепление Киевского государства, развитие древнерусской государственности, а с переходом к феодальной раздробленности — появление новых многочисленных экономических и политических центров, — все это вызывало усиление потребности в более и менее упорядоченной переписке на Руси. Точно так же и рост торговли требовал расширения переписки. Все это должно было способствовать дальнейшему развитию языка древнерусского народа.

Основной словарный фонд древнерусского языка пополнился новыми словами. С этого времени в языке исчезают такие слова, как «княжи мужи», «детские», или «отроки», «гридь» и другие. Появился и прочно укрепился ряд таких социальных терминов, как «князь», «боярин», «дворянин», «гость», «купец», «слуги дворовые», «крестьянин», «холоп» и другие; исчезают такие слова, как «полюдь». Южные по происхождению слова, — пишет П. Я. Черных, — получили широчайшее распространение и стали употребляться в письменности не только на юге, но и в севере, в Новгороде, в Пскове, а также в Смоленске и других древнерусских городах»⁴³.

Общение древнерусского народа с другими народами содействовало некоторому обогащению словарного фонда древнерусского языка. Следует отметить, что в древнерусский язык перешло лишь незначительное число норманских слов («вира», «гридь»), но и те к XIII в. почти вышли из употребления. Вместе с тем и из древнерусского языка перешло в другие языки, в частности в западные (шведов и др.), и удержалось в них значительное количество древнерусских слов.

Таких успехов достигло развитие древнерусского языка, а с ним элементов языковой общности древнерусской народности, за время с конца IX до XIII вв.

Дальнейшее развитие получили и элементы территориальной общности. Территориальные связи древнерусского народа за это время значительно выросли и окрепли. Сельская территориальная община получает свое дальнейшее развитие. Сам термин «вервь» сменяется более поздним «мир». Это не простая смена названий. Если в «верви» мы видим еще преимущественно потомков членов патриархального рода, то «миры» объединяет уже просто жителей данного поселения, среди которых, наряду с родственниками, могли быть выходцы и из соседних общин, из других земель, иногда даже иноземцы. Процесс развития «верви» в «мир» вполне определен в Киевском государстве, в особенности в XII в. Статья «Русской Правды» о «дикой виро» показывает этот процесс. В «миру» — общине отношения основывались уже полностью на частной собственности, свободно развивались классовые противоречия и классовая борьба. Эти новые отношения теперь определяли и связь населения с одной территорией, и передвижение его (навсегда или временно) на другую территорию. Выходцы из сел составляли основную массу производящего населения города. Никаких признаков родовых связей здесь уже не могло быть. Города начинали выступать как экономические и политические центры земель, областей, княжеств. Производство ремесленных изделий, их сбыт населению города и прилегающих к нему сел — вот что определяло экономическое содержание территориальных связей новых центров с их землями, княжествами. Вместе с тем отделение города от деревни и противоположность между ними не ослабляли элементов территориальной общности, а, наоборот, усиливали их.

⁴³ П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, стр. 290—291.

Феодальная раздробленность, развившаяся в древней Руси, также не ослабляла элементов территориальной общности в стране. На данном этапе она еще содействовала укреплению феодального характера территориальных связей, не вступая в противоречие с ростом города, с развитием ремесла и торговли.

Мощный этнический массив древнерусского народа в IX—XIII вв. осваивал, продолжая расширять и закреплять как свою этническую территорию, колоссальные пространства Восточной Европы. Границы древней Руси в первой половине XIII в. четко обозначены в «Слове о погибели Рускыя земли», которое М. Н. Тихомиров датирует 1225 г. и автора которого он ищет в Новгороде: «Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немец, от немец до корелы, от корелы до Устьяга, где тамо бяху тоймици погании и за дышючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы»⁴⁴.

Так обстояло дело с элементами устойчивой территориальной общности.

Укреплению языковых и территориальных связей способствовал и рост культуры в древней Руси. В IX—XIII вв. Русь достигла исключительных успехов в развитии своей культуры. О расцвете древнерусской художественной и политической литературы свидетельствует такой выдающийся памятник, как знаменитое «Слово о полку Игореве», написанное около 1187 г. Коллективность устного народного творчества как его основная черта способствовала созданию, укреплению и развитию элементов культурной общности в народе. Мы не будем останавливаться на этом вопросе, освещенном в известном труде Д. С. Лихачева «Возникновение русской литературы»⁴⁵, в «Истории культуры древней Руси» и «Очерках по истории СССР».

Искусство в его различных формах в древней Руси вскоре достигло высокого уровня. О расцвете древнерусского зодчества уже в первой половине XI в. говорят такие выдающиеся памятники, как храмы Софии в Киеве и Новгороде. Живопись, в особенности фресковая, музыка, песни, танцы также отмечены высоким уровнем развития. В истории культурной жизни древнерусского народа переход к феодальной раздробленности отмечен новым подъемом. Об активной культурной местной жизни говорят памятники различных земель в XI—начале XIII в. В Ростово-Суздальской земле уже в третьей четверти XII в. возникает свое летописание, в котором, наряду с повышенным вниманием к своему краю, сохраняется интерес и к жизни всего древнерусского народа.

Культурный рост древнерусского народа способствовал развитию элементов культурной общности. Дальнейшее развитие получает национальное самосознание в его различных проявлениях — важнейший признак культурной общности в древнерусском народе. Самоназвания «Русь», «Русская земля» прочно вошли в сознание всего древнерусского народа. Национальное самосознание получает свое дальнейшее развитие с появлением чувства национальной гордости.

«Повесть временных лет» IX в., интересуясь историей своей родины, ищет ответа на вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля?»⁴⁶. Автор летописи, сын древнерусского народа, думает о нем как о народе в целом, имеет в виду родину, а не просто какую-то ее часть, край, отдельную землю. Народное устное творчество, как известно, легло в основу

⁴⁴ «Памятники древней письменности», 84, 1892; М. Н. Тихомиров, Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли»? Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, т. VIII, 1951; Б. А. Рыбаков, Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси, «История культуры древней Руси», т. I, М., 1948, стр. 31.

⁴⁵ Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М., 1952, стр. 26—27.

⁴⁶ «Повесть временных лет», ч. 1, 1950, стр. 52.

этого выдающегося памятника культуры древней Руси; применен летописью в национальных рамках определения «Русь», «Русская земля», «Русские люди» отражало наличие национального самоназвания и самосознания у древнерусского народа. Этот же смысл указание терминов отражают и произведения современника древнейшего сво «Повести временных лет» — митрополита Иллариона. Установив место своей родины, своего народа среди стран и народов мира, Илларион прямо отмечает, как национальное, название «земли Русьской». В конце своего «Слова о законе и благодати» автор призывает помолиться о земле Русской, о ее народе⁴⁷. Нет сомнений в том, что в отношении национального самоназвания и самосознания древнерусского народа середина XI в. — это время нового подъема.

Безусловно, еще более высокого уровня развития национальное самоназвание и самосознание достигают во второй половине XII в. Этот высший этап нашел свое отражение в «Слове о полку Игореве». Автор имеет в виду родину — Русскую землю во всем ее географическом политическом многообразии: это и Дунай, и Киев, и Новгород, и Галиция, и куряне, и Полоцк, и Тмутаракань, и Галич с Карпатскими горами, и Владимир на Клязьме и т. д.

С укреплением и расширением национального самосознания связано также развитие понятия «отечество». Эта политическая, культурная, социальная среда, которая сложилась у восточных славян в VI—VIII вв. с образованием древнерусской народности, придя на смену среде, основанной на родовых связях, в IX—XIII вв. значительно окрепла. В этой среде уже не оставалось никаких признаков прежнего родоплеменного строя. Она, эта среда, определяла теперь положение, интересы и направление жизни всего народа.

Расцвет культуры древнерусского народа в новых исторических условиях обеспечил также и упрочение культурной среды. На ней сказались классовое деление общества и классовый характер этой культуры прежде всего в той ее части, достижениями которой мог пользоваться только господствующий класс феодалов. Однако поднялся и культурный уровень народа в целом; об этом говорят, например, переход к труду, распространение письменности на Руси и т. д. Произошли прочно вошедшие в жизнь народа, как его национальные особенности, новые явления в быту и культуре. Получил свое дальнейшее развитие язык древнерусской народности. Все это укрепляло и культурную среду как составную часть отечества.

Беспокойство о судьбе отечества, горячие пожелания его успешного развития и процветания звучат в «Слове» митрополита Иллариона. Великая идея Родины, чувство Родины, ощущение ее как среды в целом у древнерусского народа нашли свое наиболее сильное выражение в «Слове о полку Игореве».

Если в произведениях Иллариона, летописца и других созданных в первой половине XII в. этот образ представляется живым, страдающим от клязмы и внешних врагов существом⁴⁸. Это — свидетельство и того, что окрепло в народе сознание принадлежности к общему отечеству, и выросло национальное самосознание древнерусской народности, как силы, прочности оно достигло к концу XII — началу XIII в. С этим связано и развитие чувства патриотизма в древнерусском народе. Наличие обособленного, с отстоявшимися политическими и этническими границами отечества, упрочившегося за века своего существования, должно было содействовать развитию в народе такого глубокого чувства, как является чувство патриотизма, этого, по выражению Ленина, одного

⁴⁷ «Памятники древнерусской церковно-учительской литературы», под редакцией А. И. Пономарева, в. 1, СПб., 1894.

⁴⁸ См. Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, 1945, стр. 61.

«из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»⁴⁹. Народ в поэтических образах воспел героев-патриотов, именно теперь создав идеал борца-героя, народного богатыря. В образах былинных богатырей отразились лучшие национальные черты самого народа. Устное творчество помогло сохранить в памяти народа факты проявления патриотизма, воспитывать и развивать в новых поколениях лучшие национальные традиции.

Чувство патриотизма находило свое проявление в русских людях независимо от того, где приходилось жить, трудиться, бороться. Чувство это при наличии общей социальной, политической и культурной среды сплачивало со всем русским народом и переселенцев во вновь осваиваемых районах Северо-Восточной Руси и Рязанского пограничья, вызывая в них готовность участвовать в святом деле защиты родины.

Важно отметить, что те инонациональные этнические элементы, которые смешивались с древнерусским народом, скоро усваивали не только язык, культуру этого народа, но перенимали и его любовь к Руси, чувство патриотизма, разделяя беспокойство за судьбы своей новой родины. В этом отношении показателен рассказ Ипатьевской летописи (1151 г.) о черных клобуках, которые, поселившись на южном пограничье, в минуту опасности заявили о готовности за Русь, «...за всю братию и головы своя сложити»⁵⁰.

И в отношении чувства патриотизма «Слово о полку Игореве» является памятником того времени, когда это чувство достигло наибольшей силы в древнерусском народе. «Слово о полку Игореве» — одно из ярких проявлений наличия элементов устойчивой культурной общности древнерусского народа.

С патриотизмом и любовью к родине связаны и чувства национального достоинства, национальной гордости за свою страну, за свой народ. Этим чувством проникнута «Повесть временных лет», им руководствуется и современник древнего летописца — Илларион, автор «Слова о законе и благодати». Он с гордостью указывает: «Не в хуе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в Русьской, яже ведома и слышима есть всеми концы земли»⁵¹.

Черты национального характера древнерусского народа в сложных исторических условиях XI—XIII вв. получили свое дальнейшее развитие, обогатившись, сделавшись более устойчивыми. Находят свое проявление, особенно со второй половины XI в., такие черты, как терпение и трудолюбие. Эти черты вырабатывались и в годы жизни, борьбы и трудовой деятельности на беспокойных южных землях, когда не раз приходилось восстанавливать то, что было разрушено во время княжеских усобиц или набегов кочевников. Черты эти складывались и в великой, упорной работе по освоению новых земель в лесистой Северо-Восточной Руси, куда с конца XI в. древнерусский крестьянин принес с юга и северо-запада земледелие, превратив здесь лесные пространства в пахотную землю.

Свободолюбие стало также национальной чертой древнерусского человека. Он готов был бороться не только против иноземных поработителей. Он восставал и против «своих», местных угнетателей.

Элементы специфических особенностей древнерусского стиля в различных областях культуры в это время значительно окрепли и оформились. Б. А. Рыбаков в одном из своих исследований устанавливает, что в прикладном искусстве в это время «существовал один и тот же стиль. Каждый мастер, каждый художник, — говорит Б. А. Рыбаков, — знал,

⁴⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 167.

⁵⁰ Ипатьевская летопись, 1151.

⁵¹ «Памятники древнерусской церковно-учительской литературы», в. 1.

что и как делают его собратья, и все они мыслили одними образами». В народном зодчестве получают свое развитие и тип древнерусской жилища, и особенности его оформления. С появлением каменного зодчества (жилых зданий, церквей, оборонительных сооружений) эта традиция продолжала сохраняться и развиваться. Широкой волной с конца XI в. хлынули народные, местные начала в искусство древней Руси. Развитие городов, ремесел, вызвавшее появление артелей мастеров, строителей, живописцев и т. д., способствовало проникновению в провозведения искусства черт народного творчества. Однако влияние местных начал в архитектуре древней Руси, хотя и вносило разнообразие в формы, приемы, все же сохраняло элементы общей национальной основы, укрепляя ее. При всем разнообразии это были только местные вариации единой культуры древнерусской народности.

В живописи также сказалось влияние местных, народных вкусов форм, а вместе с тем сохранялись и элементы специфики древнерусского искусства. Эти особенности нашли свое выражение в знаменитых фресках церкви Нередицы в Новгороде; таковы, например, бытовые подробности в композиции Крещения (фигуры сбрасывающего рубашку и плывущего в Иордане), а также в изображении страшного суда.

Прочно в это время вошли в быт некоторые этнографические особенности, сохранившиеся затем до XX в. Так, например, из рисунка на Псковской рукописи XII в. можно установить характерные особенности будничной рабочей одежды крестьянина.

Укреплению, устойчивости культурной общности способствовало и экономическое развитие страны с конца IX в., со времени образования Киевского государства.

Выше уже отмечались успехи в социально-экономической жизни древней Руси IX—XIII вв.: наряду с укреплением феодального землевладения, сельскохозяйственной техники и производства — рост ремесла с отделением его от сельского хозяйства, рост городов, ставших экономическими центрами в политически раздробленной стране. Вокруг этих центров возникали местные рынки, охватывавшие территорию радиусом в несколько километров, а позже — десятков километров. Денежная система и меры веса, длины, сыпучих тел и жидкостей также содействовали установлению связей между местными рынками. Приток поселенцев в города, вызывая развитие ремесел, вместе с тем содействовал расширению местных рынков. Росла противоположность между городами и деревней. Эти явления наблюдались по всей стране.

Создание местных рынков стало возможно в результате экономического развития страны; вместе с тем расширение и укрепление товарного производства в IX—XII вв., при феодальном строе, в свою очередь было симптомом нового подъема производительных сил страны. Возникновение местных рынков, расширение их и превращение затем в крупные областные рынки должно было привести к концентрации их в будущем в единый национальный рынок, с которым связано появление устойчивой экономической общности. Образование и развитие местных рынков в связи с расширением товарного производства и ростом городов в древней Руси — все это были элементы развивающейся экономической общности.

Консолидации древнерусской народности способствовало расширение экономических связей между отдельными землями Руси. Следует обратить внимание на карту районов сбыта овручских шиферных пряслиц в XI—XIII вв. по Б. А. Рыбакову. Граница распространения этих пряслиц в основном совпадает с этнографической границей русских поселений. Такой же район сбыта имели и стеклянные браслеты, изготов-

⁵² Б. А. Рыбаков, Прикладное искусство, «История культуры древней Руси» II, стр. 320.

ленные в Киеве, пряжки, крестики, образки и т. д. Литые в одной форме крестики, изделия одного мастера, например, найдены под Киевом, под Тверью, у Гомеля и около Костромы⁵³. Несмотря на то что в условиях господства феодальных отношений и натурального хозяйства это были пока только элементы экономической общности, их появление и развитие весьма положительно сказывались на всех остальных элементах этнической общности, способствуя их внутреннему упрочению.

Все это были успехи, говорящие о расцвете единой древнерусской народности, о ее внутреннем упрочении в IX—XIII вв.

Нет никаких оснований утверждать, что феодальная раздробленность привела к распаду древнерусской народности, что еще до XIII в. началось образование трех новых народностей. Исторические источники не подтверждают таких выводов. Б. А. Рыбаков, например, на основании археологических материалов города и деревни древней Руси XII—XIII вв. решительно заявляет, что «мы не можем уловить признаков распада древнерусской народности на три группы, соответствующие великоруссам, украинцам и белорусам»⁵⁴.

* * *

Росту производительных сил начинали все больше мешать условия политической раздробленности. «Союз королевской власти и бюргерства,— указывает Ф. Энгельс,— ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов..., но все же этот союз, возобновляясь, становился все крепче, все могущественнее...»⁵⁵

Особых успехов на Руси эта тенденция достигла во второй половине XII в. Расцвет древнерусской народности, ее общее развитие, с одной стороны, сила внешней опасности, равной которой не знал в это время ни один народ Западной Европы, с другой стороны, обусловили все нарастающее требование национального единства, преодоления политической раздробленности, создания сильной княжеской власти. Ни в одной стране тогдашней Европы это требование не прозвучало с такой силой, как в древней Руси, в бессмертном «Слове о полку Игореве». Создание сильной княжеской власти было решающим условием, от которого на данном этапе зависело и успешное этническое развитие древнерусского народа. Ведь на Руси, как и во всей средневековой Европе, эта власть, по определению Ф. Энгельса, «была представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»⁵⁶. С ней было тогда связано все переломное. Об этом говорили призывы «Слова о полку Игореве» к единению; это подтверждают и тенденции к «самовластию», проявлявшиеся все ярче в деятельности князей Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Ярослава Осмомысла, Романа Мстиславича, Всеволода Большое Гнездо, Даниила Романовича.

Древнерусская народность одной из первых в Европе стояла на пути к консолидации в единую нацию. Однако в середине XIII в. этот процесс был нарушен и на некоторое время заторможен. Древнерусская народность очутилась перед угрозой гибели в известных условиях XIII в. и последующего времени. В этих условиях и произошел распад дотоле единой древнерусской народности. Отдельные территории ее земель были оторваны от Северо-Восточной Руси и разорваны на части; они стали добычей польских, литовских, затем турецких и татарских захватчиков.

⁵³ «История культуры древней Руси», т. I, стр. 356—358.

⁵⁴ Б. А. Рыбаков, К вопросу об образовании древнерусской народности. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК..., стр. 21.

⁵⁵ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, 1952, стр. 158.

⁵⁶ Там же.

Однако и в новых условиях древнерусская народность не исчезла, не прекратила своего существования. Отдельные части народности попали в различные инонациональные государственные образования с разным уровнем общего развития, с различным характером производительных сил, образом жизни населения этих государств. Оторванные части потеряли возможность поддерживать регулярные связи между собой. В данном случае возможны были два исхода — гибель народности, ее скрещение с другой, победительницей, и растворение в ней или же возобновление этнического бытия и развитие в рамках оторванной части в борьбе за свое существование, за восстановление былого единства. Но ни одна из оторванных частей не погибла. Социально-экономическое развитие Руси в период феодализма, в тяжелое время татарско-монгольского нашествия, как указывают одобренные ЦК КПСС тезисы к 300-летию воссоединения Украины с Россией, привело к обособлению отдельных частей древнерусской народности.

Устояла Северо-Восточная Русь. С началом борьбы за образование централизованного государства она продолжала процесс своего этнического развития: здесь уже в XIV в. из корня древнерусской народности возникла новая, великорусская народность. Вскоре эта часть древнерусской народности на востоке Европы начала играть выдающуюся роль, сумев одновременно со странами Западной Европы прийти к созданию своего централизованного государства, обеспечившего защиту и возможности развития также и соседним, более слабым народам Восточной Европы. Вместе с тем великорусский народ решил и другую задачу всемирно-исторического значения, навсегда освободив Европу от угрозы агрессии и порабощения со стороны Золотой Орды.

Постепенно из того же корня единой древнерусской народности образовались еще две народности — украинцы и белорусы. Таким образом, на базе древнерусского народа возникли три братские народности с присущими им особенностями языка, культуры и быта, в основе которых лежали достигшие ранее определенной внутренней прочности элементы этнической общности. Эти успехи трех новых народностей объясняются их социально-экономическим развитием; однако их внутренняя прочность и устойчивость обуславливались высоким уровнем этнического развития, той степенью внутренней устойчивости, которой достигла их общая основа — древнерусская народность за время своего расцвета с конца IX до первой половины XIII в.

За много столетий обособленного существования братскими народностям пришлось пережить великие испытания. Однако, несмотря на это, русский, украинский и белорусский народы сохранили и пронесли через века сознание единства происхождения, близости языка и культуры, сознание общности своей судьбы. Вслед за старшим братом — русским народом — украинский и белорусский народы начали борьбу против чужеземных поработителей, за восстановление былого единства, за воссоединение в едином Российском государстве.

Воссоединение Украины с Россией явилось закономерным результатом всей предшествующей истории братских народов. Актом воссоединения украинский народ закрепил исторически сложившуюся связь с русским народом, в лице которого он нашел великого союзника, верного друга и защитника в борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

Крепя братский союз и дружбу, эти народы под водительством Коммунистической партии вместе со всеми народами СССР построили социализм и уверенно идут к торжеству коммунизма.

С. А. ТОКАРЕВ

О КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ*

1

Близкое этническое родство трех братских восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского — факт, давно и прочно установленный в науке. Это этническое родство опирается и на чрезвычайную близость языков, доходящую до почти полного взаимопонимания, и на историческое единство происхождения, — факт, тоже бесспорно установленный. Сознание родства, сознание единства происхождения и языка всегда было и остается незыблемым у всех трех народов. Это сознание пронесено ими через века испытаний, оно укреплялось в общей борьбе против чужеземных захватчиков и против «своих» угнетателей. Особенно ярко проявилось это сознание родства и братства в наши дни, когда народы Советской страны отмечают славный юбилей — 300-летие воссоединения Украины с Русью.

Но есть одна сторона в вопросе о единстве восточнославянских народов, менее освещенная в науке: это вопрос о родстве или общности народной культуры русских, белорусов и украинцев. Каждый из трех братских народов прошел свой собственный путь развития и на протяжении веков творил свою собственную, самобытную, национальную культуру. У каждого из них она обладает своими собственными чертами, которые отсутствуют у других народов. Даже прямо на глаз материальная культура, например, украинцев заметно отличается от белорусской, от русской. И по национальной одежде, и по типу жилища и т. п. украинцев, белорусов и русских различить нетрудно.

Эти бесспорные различия были, однако, односторонне раздуты, преувеличены в работах буржуазных националистов, особенно украинских. Выхватывая с предвзятой целью только черты различия, умалчивая о чертах сходства в культуре названных народов, украинские националистические этнографы и историки типа Волкова, Грушевского стремились противопоставить украинский народ русскому, разорвать связь между ними. Это делалось в угоду интересам реакционной буржуазии, интересам империализма, для того, чтобы ослабить наши народы и помешать им сообща бороться за свободу, за демократию, за социализм.

Большая вина советских этнографов состоит в том, что они до сих пор слишком мало интересовались сравнительно-историческим изучением культуры русского, украинского и белорусского народов. Кое-какие работы в этой области имеются, некоторые интересные результаты достигнуты, но они еще очень невелики в сравнении с тем, что нужно в этой области сделать.

Задача настоящей статьи — обратить внимание этнографов на некоторые факты, требующие в указанном смысле дальнейшего изучения.

* Доклад, прочитанный 15 апреля 1954 г. на сессии Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и 20 апреля 1954 г. на заседании Ученого совета Ин-та этнографии АН СССР, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией.

Сложность проблемы заключается не в недостатке конкретного фактического материала: его очень много. Установить близость, даже одинаковость целого ряда форм и черт культуры трех восточнославянских народов совсем нетрудно; труднее порой выделить культурное единство этих народов из более широкого единства народов Восточной Европы, а иногда даже всей Европы.

2

Если существует культурная общность между какими-нибудь народами, то эта общность не может не опираться либо на одинаковые условия материального производства, либо на тесную связь между различными, но друг друга дополняющими условиями материального производства. Трудно представить себе культурную общность между двумя народами, живущими в совершенно разных условиях хозяйственного быта, если при этом они и не связаны между собой постоянными экономическими сношениями. Для восточнославянских народов древней самой прочной основой культурной общности всегда было земледельческое хозяйство, одинаковое в существенных своих чертах на всем протяжении восточноевропейской равнины.

Это земледельческое хозяйство составляло как бы элементарную основу, на которой могла сложиться общность восточнославянских народов. Но оно не породило какой-либо специфической общности именно этой группы народов, ибо оно охватывало и охватывает гораздо более широкий круг народов. Исторически земледелие прослеживается на гораздо большую глубину, чем само появление славян как этнической общности, а тем более — выделение восточнославянских племен. Ведь корни земледельческого хозяйства в Восточной Европе (и вообще в Европе) теряются в неолитических культурах III—II тысячелетий до н. э., когда еще ни о каких славянах мы не имеем права говорить. Географически же земледельческое хозяйство, однородное по своему типу, издавна распространилось почти по всей Европе, Передней и Юго-западной Азии, Северной Африке. Это плужное (пашенное) земледелие, основанное на культуре хлебных злаковых растений, с постоянным чередованием определенных их видов, с сезонными (весенне-летне-осенними) полевыми работами, с использованием рабочей силы скота, обычно и навозного удобрения, а потому и с непрямым подсобным животноводческим хозяйством. Всеми этими признаками данный тип хозяйства отличается, например, от земледелия тропических стран. Для восточнославянских народов все эти признаки характерны не больше и не меньше, чем для всех других народов этой большой области. Не они сами по себе связывали восточнославянские народы в некое культурное единство, но без них не могло бы существовать это единство.

Имеются, однако, такие черты в традиционном земледельческом хозяйстве русских, украинцев и белорусов, которые специфичны только для этой группы народов и не встречаются у других, в том числе даже у западных и южных славян. Эти специфические черты сложились, видимо, в процессе местного развития земледелия в условиях восточноевропейской равнины, как формы приспособления к этим условиям. Сюда относятся типы пахотных орудий. При всем их разнообразии, пахотные орудия восточных славян — русская соха разных видов, черкуша, белорусская сошка, украинское рало и т. д., принадлежат к одному типу — бесполозных (неустойчивых) плугов, тогда как во всей Центральной, Южной и Западной Европе господствуют плуги с полозом, которые преобладают также и на Кавказе (кроме черкесов). Не вполне ясно географическое происхождение бесполозного плуга, но во всяком случае он наиболее типичен именно для восточных славян; более всего правдоподобно чисто местное происхождение этой формы плуга, быть

может связанное с условиями подсечного лесного земледелия и восходящее генетически к бороне-вершалине.

Из других специфических особенностей следует отметить особое орудие уборки хлеба — серп с насечкой (зазубренный), отличающийся от гладких серпов Центральной и Южной Европы (зазубренный серп известен также соседям восточных славян — восточным полякам, части болгар и др.).

В неземледельческих занятиях русских, украинцев и белорусов тоже сказываются черты, специфические именно для этой группы народов. Так, в прядильной и ткацкой технике Н. И. Лебедева, лучший знаток этого производства, устанавливает общие восточным славянам особенности: сходные формы древних орудий и процессов — мялки, трепалки, моталки-«кресты», снование на стене, одинаковый ткацкий стан (с локальными вариациями), браная техника тканья, полотняное переплетение, закладная техника тканья (с локальными различиями); из орудий более позднего и сложного типа — моталки-«бараны», вертящиеся сновалки, самопрядки, некоторые детали ткацкого стана: блочки, рябушки, сложные подножки и пр.¹ Некоторые из перечисленных особенностей, впрочем, отмечаются и у соседних с восточными славянами народов.

В других ремесленных производствах — гончарном, кожевенном, деревообделочном, кузнечном и т. д. — никто еще не пытался установить общие черты, характерные для восточных славян, но есть основания думать, что такие черты существуют.

3

В типах поселений и формах построек нелегко бывает открыть своеобразные черты, свойственные даже одному определенному народу, если только этот народ расселился на достаточно большой территории с разнообразными природными условиями: вспомним множественность типов жилища, например, у башкир или даже у таких небольших народов, как алтайцы, хакасы, ханты и манси. Тем более трудно порой обнаружить сходные формы в этих явлениях культуры двух данных народов, притом сходные формы, вызванные не одинаковостью природных условий и не новейшим контактом, а глубокой этнической традицией. Поэтому неудивительно, что на первый взгляд и в типах поселений, и в формах построек у восточнославянских народов обнаруживается больше различий, чем сходства. Господствующие типы сельских поселений: у украинцев большое село кучевого плана либо хутор, у белорусов небольшое село рядового (уличного) плана, у русских в большинстве областей село и деревня различной, но редко очень большой величины, на севере небольшая деревня или погост, состоящий из разбросанных однодворок; план деревни — рядовой или уличный. Сходные формы поселений находим мы, кстати, и у соседних и более отдаленных народов, славянских и неславянских. Но это различие типов и форм поселений, вызванное различием географической среды и неодинаковостью истории заселения южных и северных областей, не противоречит исконному единству древних типов восточнославянских поселений: господствующим типом был, вероятно, небольшой родовой поселок кучевого либо линейного плана — тип, засвидетельствованный археологическими памятниками.

Таким образом, данные типологии поселений при историческом их анализе не свидетельствуют ни в пользу, ни против тезиса о культурном родстве восточнославянских народов.

¹ Н. И. Лебедева, Прядение и ткачество восточных славян (рукопись, Архив Ин-та этнографии АН СССР).

Более положительный результат дает изучение типологии построек. На первый взгляд, правда, здесь тоже больше разнообразия, чем сходства. Даже чисто русские крестьянские жилища, скажем, с одной стороны, в Рязанской или Калужской области, с другой, — в Архангельской или Вологодской, мало похожи друг на друга: тут — низкие, приземистые избы с полом на уровне земли, еще недавно часто земляным, с входом прямо с улицы, с четырехскатной соломенной крышей, с разбросанным по открытому двору хозяйственными постройками; там — большой двухэтажный дом, где под одной крышей собраны жилье, крытый скотный двор и другие хозяйственные службы, с высокой тесовой двускатной крышей, повернутый узкой фронтоной стороной к улице, со входом с длинной боковой стороны. Казалось бы — что общего? Тем более, сходные с южновеликорусским и северновеликорусским типы построек известны у ряда соседних народов. Если же взять украинскую хату, сама конструкция и материал, из которого она построена, весьма различны в разных областях: у северных украинцев в лесистых местах срубное жилье, как у русских и белорусов; то же — в западных, в карпатских областях; в лесостепной зоне — каркасный или столбовый дом; еще южнее, в чисто степной полосе, — постройки, почти обходящиеся без дерева: глинобитные, турлучные, саманные, каменные, кирпичные. При наличии столь большого разнообразия в типах построек даже в пределах одного и того же народа, разнообразия, порожденного неодинаковостью условий географической среды и хозяйства, казалась бы, трудно отыскать черты, общие постройкам всех восточнославянских народов и специфические именно для них. И тем не менее такие черты имеются, и настолько устойчивые и характерные, что их с некоторым удивлением отмечали многие исследователи.

Сюда относится прежде всего горизонтальная планировка жилища — «классический» трехкамерный план, развившийся из более древнего двухкамерного (который, кстати, тоже сохраняется местами и у русских, и у украинцев, а у белорусов еще недавно господствовал). Жилье (изба, хата) + сени (холодные) + клеть (комора), т. е. кладовая, служащая часто и летним жильем или заменяемая вторым жильем — «чистым» (горница, светлица и пр.). Эти три части жилой постройки расположены всегда в одну линию, со входом через среднюю часть — сени. Этот тип чрезвычайно характерен для всех трех восточнославянских народов, и признаки или следы его почти всегда нетрудно найти в любом крестьянском доме от Архангельска до Одессы, при всей внешней неодинаковости построек, хотя эта трехраздельная планировка нередко и осложняется различными пристройками или разрастанием в многокомнатный план.

Можно ли считать этот «трехкамерный» план специфичным для восточнославянских народов? Повидимому, да. Наличие такого же плана у некоторых соседних неславянских народов — у восточных литовцев и латышей, у карел, вепсов, коми и других — есть, очевидно, результат русского (белорусского) влияния. Тот же трехраздельный план встречается у западных и южных славян, особенно у восточных поляков, у словаков, у хорват, у словенцев, и его можно рассматривать как одну из черт общеславянского культурного родства, хотя там этот план чаще видоизменяется наличием теплых, а не холодных сеней. Последнее может означать либо позднейшее развитие, либо влияние совсем иных, центральноевропейских форм жилища (так называемый «франконский дом»), где внешне сходное трехчастное деление, но с теплыми сенями, восходит, однако, к совсем иным корням. Но, конечно, нельзя представлять себе дело так, что специфические черты восточнославянского жилища, даже очень характерные, отделены какой-то непроницаемой границей от форм, свойственных другим, славянским или неславянским народам.

Исследователи (Рамм, Зеленин) отмечают обычно и другие черты, типичные для крестьянских построек русских, белорусов и украинцев: такие, как обычай воздвигать стены дома непосредственно на земле, без фундамента, однако, если это сруб, то с укладкой под углы больших камней или на вкопанных коротких столбах и, как правило, с засыпкой нижней части стен землей (завалинка или призьба); как поперечное бревно, лежащее на продольных стенах посреди жилья (матца, сволок, трам), на которое настилается потолок; как неподвижные лавки вдоль стен для сидения и спанья; как прикрепленные над ними полки для посуды и утвари.

Чрезвычайно характерна для всех восточных славян так называемая «русская» (духовая, «варистая») печь, неперемнная принадлежность каждого крестьянского жилища. Древность этого типа печи, характеризующего внутреннюю закрытой полостью, где и раскладывается огонь, восходит в Восточной Европе по крайней мере к трипольскому времени (III—II тысячелетия до н. э.); предполагать, как это делали Нидерле и другие, заимствование печи славянами от римлян через германцев нет поэтому никаких оснований. «Русская печь», вытеснив собой более древний открытый очаг, примитивную печь-«каменку» (сохраняющуюся местами на севере как рудимент, например, в банях) и наружную хлебную печь южных областей, превратилась, по крайней мере с начала II тысячелетия н. э., в один из специфичнейших признаков именно восточнославянского жилища; и у восточных, и у западных соседей сохранились те или иные формы открытого очага, превращающегося в пристенный камин, а в новейшее время вытесняемого разными плитками и «голландками». Русская печь пережила долгую эволюцию, из глинобитной почти везде превратившись в кирпичную, из «черной» — в печь с дымоходом; место ее в жилье тоже не оставалось неизменным, и теперь оно различно у украинцев и белорусов, у западных и у восточных южно-великорусов, у северновеликорусов; в домах же новой стройки наблюдается вообще свободное, не связанное традицией положение печи, особенно в связи с разделением жилой избы на комнаты, с выделением кухни. Но при всем том для всех восточных славян русская печь остается характерным признаком сельского (местами и городского) жилища. К некоторым соседним народам русская печь проникла вместе с другими чертами русского влияния и местами соединилась у них с плитой со вмазанным котлом (татары и др.), либо с очагом (чуваши, карелы). У западных и южных славянских народов печь, приближающаяся к тому же типу, известна: она есть у поляков, у словаков, у хорват и словенцев. Имеются все основания рассматривать ее у этих народов как пережиток древней общеславянской эпохи.

Отмечалось не раз, что с особенностями русской печи связаны и своеобразная кухонная утварь, и способы приготовления пищи у восточных славян: в отличие от большинства других народов, они не знают подвесного или вмазанного котла, обогреваемого снизу; вместо него имеется печной горшок, обогреваемый сбоку, а в новейшее время повторяющий ту же форму глиняного горшка «чугун» без ушей, с перехватом внизу; неперменной принадлежностью служит поэтому «ухват» («рогач») на длинной палке, чтобы ставить и вынимать из печи эти чугуны.

Типы народной одежды не стоят в такой зависимости, как постройка, от непосредственного влияния внешней среды, поэтому здесь легче открыть сходные формы, следы общности культурного наследия. И в самом деле, в традиционном народном костюме русских, белорусов и украинцев, при всем, конечно, разнообразии его внешних форм, вскрывается глубокое внутреннее единство. Характерна нательная одежда:

женская рубаха из домотканного полотна, с рукавами, с особыми плечными вставками «поликами» (у северных великорусов, белорусов, украинцев прямыми, у южных великорусов — косыми). Такой рубахе находит себе, правда, аналогии в некоторых разновидностях женских рубашек у словаков, хорват, северных болгар, но наиболее специфичен он именно для восточных славян. Более древний тип рубашки-туникообразный, сохранивший преобладание у многих народов на востоке, юге и западе, у восточных славян удержался лишь в рудиментах. Мужская рубаха зато сохранила именно туникообразный покрой; украинцев и белорусов она сохранила и древний прямой разрез ворота на груди, у русских примерно с XV в. разрез ворота передвинут налево («косоворотка»). Поясной женской одеждой служили еще недавно архаические виды одежды, не надеваемые, а обертываемые вокруг бедер: украинская дерга, обгортка, запаска, плахта, белорусская и южновеликорусская понева; проникающая с запада юбка (укр. спидниця, белорусск. андарак), а на севере сарафан лишь сравнительно недавно сменил эту древнюю одежду. В выходной и верхней одежде восточных славян мужской и женской, меньше характерного, ибо здесь больше сравнительно новых форм. Однако длинная кафтанообразная мужская одежда и теплая двубортная одежда, как с прямой спиной, так и скроенная по талию, довольно однородна у русских, белорусов и украинцев; она заметно отличается от типов верхней одежды соседних народов, особенно на западе.

Типологическое единство женских головных уборов не раз отмечалось исследователями (Богданов, Зеленин, Маслова). При всем их разнообразии они сводятся к элементарным формам, имеющим целью закрытие целиком волосы: к стягивающему волосы чепцу (укр. очипок; белорусск. чапец, каптур; русск. повойник, волосник, сборник и др.); к твердой кичке и к навертываемому на нее или без нее непосредственно на голову платку-полотенцу (убрус, полотенце, ширинка, наметка, намитка и пр.). Из этих элементарных форм развились и разные сороки, кокошники, кибалки и другие сложные головные уборы замужних женщин. Аналогичные типы женских головных уборов встречаются как у народов Поволжья (где они имеют, видимо, общее с восточнославянским происхождение), так и у некоторых западных и южных славян (лужицкие сербы, местами болгары).

5

Что касается явлений общественного быта, то опираться на них при определении исторического родства тех или иных народов, как известно, труднее всего по той простой причине, что формы общественного быта складываются у самых разных народов, независимо от их языковой принадлежности и этнического происхождения, примерно одинаково соответственно определенной ступени развития их материальных производительных сил. И в самом деле, мы находим поразительно одинаковые или сходные формы общественного устройства у народов разных частей света, находящиеся приблизительно на одном уровне развития. С другой стороны, у одной и той же группы народов, даже у разных частей одного и того же народа, могут бытовать весьма разные формы общественной жизни, отвечающие разным этапам исторического развития. Если поэтому, например, у русских почти до революции сохранялась в тех или иных формах сельская община, не так давно бытовала и большая патриархальная семья, а у украинцев то и другое распалось значительно раньше, еще несколько веков назад, то этот факт сам по себе ничего не говорит ни за, ни против исторического родства русского и украинского народов.

Однако в отдельных специфических обычаях, в семейной обрядовой

жизни можно скорее отыскать черты исторической связи данных народов. И в самом деле, в литературе не раз уже отмечались такие черты в свадебных, родильных, похоронных обрядах русских, украинцев и белорусов. Традиционная свадебная обрядность этих народов построена по одному плану: это хорошо показал Д. К. Зеленин, опровергнув попытки буржуазно-националистических украинских этнографов доказать обратное. Нет смысла здесь приводить его аргументацию и излагать конкретные факты². Правда, многие из общих черт украинской, белорусской и великорусской свадебной обрядности присущи также и свадебному ритуалу других славянских народов, но это несколько не противоречит более близкому единству именно восточнославянских обрядов.

В родильных обрядах тоже наблюдаются общие основные черты. Анализ этих обрядов позволяет, как установлено тем же Д. К. Зелениным³, выделить в них три главные составные части или этапы, одинаковые у всех трех интересующих нас народов: 1) обряды и обычаи, предшествующие родам или связанные с ними: их господствующая черта — стремление укрыть беременную или роженицу от опасностей, отсюда всяческая скрытность; 2) обряды принятия новорожденного в семью или общину (крестильные обычаи и т. п.); им, напротив, придается широкая гласность, в них участвует вся родня, община; 3) обряды очищения роженицы.

Одинаковы по существу и традиционные погребальные обряды, весьма сходные, впрочем, у всех народов Европы. По исследованиям Зеленина, у восточных славян резко различались два типа похоронных обрядов и связанные с ними представления: одни относились к умершим, так сказать, нормальной смертью; таких покойников обычно называли «родителями»; другие — к погибшим насильственной или преждевременной смертью (их называли «мертвяками», «заложными» и т. п.), — сюда входили и самоубийцы, умершие колдуны и ведьмы, умершие некрещеными дети. Весь погребальный ритуал и обычаи, с ним связанные, были совершенно различны для этих двух групп покойников⁴. Впрочем, подобные факты известны и у других народов, и придавать им особенно большое значение как доказательству родства народов едва ли можно.

6

Вообще в области народных верований все известные этнографические описания говорят об идущем из глубокой древности единстве восточнославянских народных традиций, что не исключает, конечно, своеобразие верований у каждого народа.

Не вдаваясь здесь в эту очень специальную область, отметим только важнейшие характерные черты древних восточнославянских верований и обрядов, отличающие их от верований и обрядов других народов; конечно, отличие это может быть лишь очень условным, ибо религиозные представления самых различных народов нередко оказываются чрезвычайно сходными вследствие сходства породивших их социально-экономических условий.

Очень значительная часть обрядов и верований восточных славян прямо или косвенно связана с земледелием, исконным занятием славянских народов. Среди них видное место занимали разные формы аграрной магии, притом в сравнительно элементарном виде, не осложненные теми многочисленными олицетворениями, какие были характерны,

² D. Zelenin, Russische (Ostslavische) Volkskunde, Berlin, 1927; Д. К. Зеленин, Об исторической общности культуры русского и украинского народов, «Советская этнография», сб. III, Л., 1940.

³ Там же.

⁴ Д. К. Зеленин, Очерки русской мифологии, Пгтр., 1916.

например, для германских народов (и были так подробно описаны В. Манхардтом). Несельскохозяйственные, например, лесные промыслы отразились в верованиях меньше. Исконными земледельческими занятиями восточных славян можно, вероятно, объяснить отсутствие у (особенно у восточных) культа леса, рощ, деревьев, — культа, отмеченного опять-таки для германских народов, а с другой стороны, — неславянских народов Восточной Европы, в хозяйстве которых лесные промыслы имели более крупное значение.

Из обрядов, связанных с земледелием косвенно, некоторые специфичны для восточнославянских народов и не отмечались в других местах: таковы обряды с «заломами» («закрутами») на растущих хлебных колосьях с целью порчи; обряды опахивания — магической защиты от эпидемий и т. п.

С сельскохозяйственной обрядностью теснейшим образом связаны старинные обычаи, приуроченные к зимнему солнцестоянию, — святочные и новогодние праздники и ритуалы. Из них для восточных славян особенно характерны так называемые колядки — поздравительные песни, которыми молодежь обходила дома односельчан. Они были предметом внимания многих исследователей, отмечавших и их самобытные славянские черты и следы влияния антично-византийского мира. Последние исследования Петра Карамана и В. И. Чичерова⁵ внесли больше ясности в этот вопрос. Колядные обряды и песни свойственны, помимо восточных славян, также славянским и неславянским народам Юго-Восточной Европы (румынам, грекам, албанцам и др.). У каждого восточнославянского народа отмечается свой особый тип святочных и новогодних песни и обряда: у украинцев собственно колядки и щедривки (особенно в Поднепровье), в средневеликорусских районах «овсення» у северных великорусов «винограде». Но резкого распределения типов нет: у значительной части южных великорусов и у восточных групп украинцев бытовали одновременно и колядки и овсення. В. И. Чичеров очень хорошо разъясняет историческую обусловленность распределения типов колядок по восточнославянской территории, связь каждого типа с определенной исторической областью и взаимные их связи.

Были попытки определить специфику восточнославянских поверий и колдовства, отличающую их от аналогичных западноевропейских представлений. Так, например, Антонович, Чубинский, Канторович предполагали, что восточнославянское колдовство было связано не столько с доминирующими представлениями (как на Западе), сколько с верой в живую природу (аниматизм и т. п.)⁶. Этот взгляд сам по себе едва ли верен. Но нельзя отрицать, что преследования «ведьм» и «колдунов» в Западной Европе в средние века принимали гораздо более дикие массовые формы, чем на Руси, и что это было связано с уродливой гипертрофией веры в нечистую силу в средневековой Западной Европе. На Руси, если и преследовали «колдунов» и «ведьм», то лишь за преступления, полагавшиеся ими зло, а не за самый факт ведовской профессии. Это объясняется тем, что Русь была свободна от влияния изуверско-фанатичного католицизма, который принес так много вреда народам зарубежной Европы, распространяя там дикие и жестокие суеверия, связывая преследование «ведьм» церковной инквизицией с искоренением «ересей» и т. п. На Руси принесенное из Византии христианство, конечно, действовало в том же направлении, но далеко уступало в этом отношении католической церкви.

В этой связи надо отметить, что вообще влияние византийского христианства оставило глубокий след на духовной культуре восточных

⁵ P. Caraman, *Obrzęd koledowania u Słowian i u Rumunów*, Krak., 1938. В. И. Чичеров, Русские колядки и их типы, («Советская этнография», 1948, № 1).

⁶ В. Антонович, Колдовство, СПб., 1877 (с предисл. Чубинского); Я. Канторович, Средневековые процессы о ведьмах, 2-е изд., СПб., 1899.

славянских народов. Известная часть той общности между русскими, украинцами и белорусами, которая обнаруживается в народных представлениях и в обрядовой жизни, восходит именно к этому общему для них всех византийскому влиянию. Расценивать ли его как положительное или отрицательное (в нем были обе эти стороны), — во всяком случае это влияние было на протяжении многих столетий одним из факторов культурной близости русского народа с украинским и белорусским. Кстати, нельзя забывать, что и в момент исторического воссоединения Украины с Русью этот факт «единоверия» сыграл для народных масс свою роль: в сознании украинского народа православная Московская Русь была, в отличие от католической Польши, страной, близкой не только по языку и обычаям, но и по религии, что в те времена имело большое значение.

7

Глубокая историческая общность обнаруживается при сравнении устного народного творчества русских, украинцев и белорусов. Подробный разбор относящихся сюда фактов требует опять-таки специального исследования, тем более, что в прежней литературе вопрос этот трактовался обычно с неверных методологических позиций: старыми авторами — в духе идей «мифологической» школы, позже — с не менее порочной точки зрения «теории заимствований». Подлинное историческое единство народной поэзии русских, белорусов и украинцев в сущности еще не вскрыто. Для этого требуется исследование, построенное строго исторически, где выделяемые путем сравнительного анализа черты общности не закрывали бы и национальной специфичности фольклора каждого отдельного народа.

Особенно важно было бы исследовать в этом смысле героический и исторический эпос. Совершенно бесспорна древнерусская (или «общерусская») основа былинного эпоса, основная часть которого по происхождению связана с Киевской Русью — по крайней мере во времени, а вероятно, и географически, т. е. создавались эти былины впервые в южной Руси, на территории теперешней Украины. Сохранились же они в настоящее время главным образом на русском Севере и в Сибири. Уже одно это свидетельствует о неразрывности культурной традиции русского и украинского народов. Но недостаточно выяснены исторические взаимоотношения этих древних былин с позднейшими украинскими «думами» (которые, видимо, вытеснили былины из украинского фольклора), хотя этому вопросу и уделялось внимание в научной литературе (Сумцов, Веселовский и др.).

Сравнительное изучение народной музыки восточнославянских народов имеет уже большую давность: впервые еще Иван Прач (1790) пытался установить сходство и различия между русскими и украинскими народными песнями⁷. Позднейшие авторы внесли больше точности в методику исследования. Наиболее интересны наблюдения А. Л. Маслова⁸. Он заметил, что если одни украинские песни по мелодическому строю совершенно сходны с русскими (диатонический лад, простой трех — четырехтоновый звукоряд), то в других, напротив, гораздо больше своеобразия, появляется хроматизм, характерная увеличенная секунда и некий отпечаток «восточной» музыки. Какие же именно виды украинских песен сходны с русскими и какие отличны от них? Пытаясь разобраться в этом вопросе, Маслов установил замечатель-

⁷ И. Прач, Собрание русских народных песен с их голосами, 2-е изд., СПб., 1806.

⁸ А. Маслов, Древнейшие черты в украинских народных песнях, «Этнографическое обозрение», 1913, № 3—4.

ный факт: больше всего сходства между русскими и украинскими мелодиями оказывается в древней, обрядовой песне: именно она отличается указанными признаками простого и строго диатонического строя. В более поздних украинских песнях — думах, исторических и бытовых — как раз проявляется то своеобразие, которое отличает их от русских мелодий и которое, очевидно, связано с влиянием «восточной» музыки степных кочевников. Таким образом, и здесь подтверждается факт исконного, глубинного исторического единства русской, украинской (и белорусской) народной культуры.

То же самое обнаруживает сравнительное изучение народного изобразительного искусства. Этому вопросу посвящены исследования нескольких советских ученых. Последний из них по времени, Л. А. Динцес, особенно отчетливо сумел показать историческое единство народного художественного стиля в разных областях изобразительного искусства. Наиболее архаический стиль декоративного искусства — простой, строгий геометрический орнамент — сохранился главным образом в узорах на тканях и в вышивке в разных частях восточнославянской этнической территории: в Карпатах и некоторых других районах Украины, особенно в западных, у белорусов, у южновеликорусов. На этой древней основе у каждого народа позже развивались свои, более сложные мотивы, вырабатывался свой стиль: у украинцев, особенно в средней полосе Украины, наиболее выражен растительный орнамент (цветы, плоды, вазоны), у северных великорусов — своеобразная симметрично-фигурная композиция и т. д. Сказывались и чужеземные влияния — византийское, позднее ренессанса, барокко; они по-разному коснулись народного искусства разных областей Руси, но эти влияния не вели к разобщению отдельных восточнославянских народов, общность их художественной культуры сохранилась.

Изучая распространение стилей декоративного искусства у восточных славян, Л. А. Динцес обратил внимание на тот характерный факт, что нигде в пределах этой большой культурной области не существует резких рубежей между областями распространения русского и украинского, русского и белорусского, украинского и белорусского искусства. Между этими областями, напротив, наблюдаются как бы постепенные переходы, промежуточные зоны и «звенья». Это обстоятельство делает еще более убедительным общий вывод об органическом единстве изобразительного искусства трех братских восточнославянских народов¹⁰.

8

Этот общий вывод можно бесспорно распространить и на всю область народной культуры русских, украинцев и белорусов. Подобно тому как языковая карта восточного славянства не знает резких внутренних границ, и между русским и украинским, украинским и белорусским, белорусским и русским языками нет отчетливых рубежей, а имеются лишь полосы переходных говоров, так и в области народной культуры не существует нигде резких скачков: область северновеликорусской культуры переходит через средневеликорусскую в область южновеликорусской культуры, а та сменяется на границах Курской, Воронежской областей, на нижнем Дону, на Кубани, также без резких граней, украинской. Такой же нечувствительный переход украинской культуры в белорусскую наблюдается в северной Черниговщине, на Припяти, в Пинском Полесье. Белорусская же культура в Смоленской и Брянской областях постепенно переходит в русскую.

⁹ Л. А. Динцес, Историческая общность русского и украинского народного искусства, «Советская этнография», сб. V, Л., 1941.

¹⁰ Там же, стр. 22—23.

Наличие этих постепенных переходов не устраняет, конечно, того факта, что украинская культура остается украинской, а русская — русской, но в пограничных областях даже национальное самосознание населения ослабляется: последнее зачастую и само не уверено, к какой из соседних и близко родственных национальностей оно собственно принадлежит. Тем более не ощущается каких-либо четких рубежей в формах культуры.

* * *

Изложенные выше факты и соображения представляют собой не сколько законченные итоги уже проведенных исследований,— таких итогов, как видим, еще немного,— сколько являются попыткой наметить общую программу для будущих исследований. Приходится признать, что этнографы сильно отстали от своих собратьев — лингвистов, археологов, историков — в изучении исторической общности восточнославянских народов (и еще больше — всех славянских народов). Необходимо резко усилить работу в этом направлении. Одна из очередных и важных задач советской этнографической науки — сравнительно-историческое изучение народной культуры русских, украинцев и белорусов с целью выявить исконные общие черты в этой культуре. Такое изучение, несомненно, принесет еще более неопровержимые доказательства глубокого исторического родства, общности происхождения трех братских восточнославянских народов.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

В. В. МАВРОДИН

К ВОПРОСУ ОБ «АНТАХ» ПСЕВДОМАВРИКИЯ

Советская наука уделяет большое внимание древнейшей истории и точных славян, периоду восточнославянского единства времен Киевской Руси, а также более ранних. В этой связи большой интерес представляет вопрос об антах.

В № 2 журнала «Советская этнография» за 1953 г. опубликована статья М. Ю. Брайчевского «Об „антах“ Псевдомирика». Она по-прежнему, свежо и оригинально решает некоторые важные вопросы древней истории восточного славянства. Автор ее весьма умело анализирует текст «Стратегикона» и, опираясь на некоторые другие синхронные письменные источники и на археологические материалы, приходит весьма убедительным выводам.

Основные положения М. Ю. Брайчевского: 1) о переселении чаше северян из Приднепровья на Дунай и за Дунай, 2) о различном уровне культурного и социального развития восточных славян, 3) о принадлежности «антов» «Стратегикона» к северянам, переселившимся за Дунай мне кажется, вполне приемлемы и заслуживают внимания.

Откликаясь на предложение редакции «Советской этнографии», обратившейся к специалистам с просьбой высказаться по затронутым в статье М. Ю. Брайчевского вопросам, я со своей стороны, оговорив свое несогласие с трактовкой ее автором отдельных проблем, хочу лишь уточнить некоторые вопросы, дополнить и расширить некоторые положения.

Статью М. Ю. Брайчевского следует приветствовать прежде всего потому, что она еще раз обратила внимание советских историков на необходимость серьезной научной критики источников о славянах. Это более необходимо потому, что у нас появилось немало работ, посвященных вопросам этнического и социального развития восточных славян, основанных либо на вольном обращении с источниками, либо на умозрительных заключениях.

По вопросам этнического развития славянства, вопреки прямому указанию И. В. Сталина о том, что «элементы современного языка были зажены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства»¹, т. е. в период первобытно-общинного строя, — некоторые исследователи считают возможным держаться мнения о «происхождении славян»² примерно лишь ок

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 26.

² Термин «происхождение славян», как вообще термин «происхождение» того или иного народа, вызывает сомнения. «Произойти» народ не может, ибо любой народ из физических и языковых предков, существовавших в очень отдаленную эпоху. Можно говорить лишь о том, что состояние языковедческой, археологической, исторической этнографической науки на данном этапе позволяет нам проследить древнейшие судьбы предков данного народа, начиная только с такого-то времени.

ташей эры. Между тем нет никакого сомнения в том, что археологические культуры, приписываемые славянам той поры, выросли из других, более древних культур, созданных предками славян; что же касается языка славян того времени, то он включал основной словарный фонд, использованный «в течение ряда исторических периодов»³, задолго предшествовавших новой эре, и имел «выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй»⁴, корни которых восходят к глубокой древности⁵.

С другой стороны, имеет место и модернизация, сказывающаяся в стремлении без каких-либо ссылок на источники утверждать развитие феодальных отношений и складывание государства у восточных славян в первые века н. э., чем повторяется ошибка, допущенная в свое время С. В. Юшковым, считавшим Киевское государство продолжением скифского государства... VIII в. до н. э.⁶

Статья М. Ю. Брайчевского свободна от этой ошибки, так как он, как и некоторые другие советские археологи (П. Н. Третьяков, Н. Н. Воронин, И. И. Ляпушкин), совершенно справедливо подчеркивает неодинаковые темпы общественного и культурного развития различных частей восточнославянского мира. Этим и объясняются противоречивые характеристики, которые дают военному искусству антов современные им византийские источники. В одних источниках анты — прекрасные воины, «доблестные» («энергичные» (Проконий Кесарийский), «храбрейшие» из славян Иордан); Иоанн Эфесский сообщает, что анты «научились вести войну лучше, чем римляне»⁷. Военачальники антов занимают важные посты в войске Византии (Анангаст командовал фракийскими войсками Византии в 469 г., Хвалибуд начальствовал над всеми византийскими гарнизонами по Дунаю в 30-х годах VI в., высокий пост в войске «ромеев» занял Всегорд, а Доброгаст командовал византийской Черноморской флотией), их люди принимают участие в осаде Константинополя с моря в 626 г.⁸ В то же самое время «анты» «Стратегикона» в военном искусстве еще далеки от совершенства.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

⁴ Там же.

⁵ Не имея возможности подробно аргументировать высказанное предположение, считаем необходимым отметить, что общеславянский характер наименований орудий охоты и рыбной ловли (лук, стрела, тетива, тул, невод, мережа, верша и др.), а также наименования рыб, зверей и птиц (рыба, икра, окунь, щука, линь, язь, плотва, короп, ерш, олень, тур и др.) говорят о наличии элементов славянской речи еще в те времена, когда охота и рыбная ловля играли весьма существенную, если не решающую роль в жизни человека. Элементы славянской речи уже имели место в то время, когда еще не был изжит материнский род, т. е. во времена господства охоты и рыболовства у племен неолитической Европы. Об этом говорит наличие в славянских языках особых терминов для обозначения степени родства и по отцовской, и по материнской линии («уй», «нетий», упоминание о «сестрине сыновии» даже в «Русской Правде», совпадение значений «бабушка»-«баба» и «замужняя женщина» — пережиток материнского рода, когда «баба» была родоначальницей, «большухой», «домачницей», один и тот же термин для обозначения «сына» и «племянника», а именно «сыновычь» и т. п.). См. Л. П. Якубинский, Образование народностей и их языков, «Вестник Ленинградского гос. ун-та», 1947, № 1.

⁶ С. В. Юшков, Учебное пособие по истории государства и права СССР, вып. I—II, стр. 3—4; его же, Рецензия на книгу Б. Д. Грекова «Борьба Руси за создание своего государства», «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 141—142. В этом отношении мне кажется более правильным суждение Л. В. Черепнина, который, исходя из указаний И. В. Сталина о том, что «феодалная собственность на землю» является основой феодализма (И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 41), считает, что феодалная собственность на Руси формируется в IX—XII вв., а, следовательно, и государство складывается в IX в. (см. «Вопросы истории», 1953, № 5, стр. 62).

⁷ «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 252.

⁸ М. Г. Джанашивили, К материалам по истории и древностям Грузии и России, 1912, стр. 117, 124; «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 27, 1900, стр. I—VI, 1—43. Сообщение Георгия Мтацмидели (XI в.) о событиях 626 г., в которых самое активное участие принимали «скифы... кои суть рус-

Эти противоречия можно будет объяснить, если мы, согл. М. Ю. Брайчевскому, признаем в «антах» «Стратегикона» северян, со телей примитивной и архаичной культуры городищ роменско-борщевс типа, переселившихся с Подесенья и Посемья на Дунай⁹.

Правда, эта точка зрения, видимо, не будет в одинаковой мере делена всеми археологами и историками.

В своей статье «Древние русы» Б. А. Рыбаков, считая северян составной (восточной) частью племенного союза русов V—VI вв., определял их культуру, как высокую культуру эпохи «военной демократии», противоречит общему представлению об отсталости культуры городищ роменско-борщевского типа, в северянской принадлежности которых (считая Подонья) никто не сомневается¹⁰. В свое время и сам Б. А. Рыбаков писал о том, что роменская культура северян — это «довольно примитивная культура»¹¹.

Мне кажется, что это противоречие разрешается тем, что северя Подесенья и Посемья еще в IX—X вв. жили в городищах роменско типа с их архаической культурой, тогда как определенная их часть, объединенная в дружины, «северские бродники», как их называет Б. А. Рыбаков, в походах и войнах, в процессе торговых и культурных связей встала на более высокую ступень общественного и культурного развития и вошла в жизнь так называемого «варварского» мира Причерноморья.

Передвижения славян в первые века и в середине I тысячелетия н. э. отнюдь не были одной и единственной волной, захлестнувшей огромную территорию. Из глубин славянского мира на юг и юго-запад волны переселений выплескивались одна за другой. Постепенно включались в «великое переселение народов» славянские племена, обитавшие на все более и более отдаленных от границ Восточно-Римской империи землях. В начале в великое передвижение славян включились южные и юго-западные группы, затем, позднее, славянские племена более северных земель, наконец, — обитатели лесной полосы Восточной Европы.

Юго-западная ветвь восточного славянства — анты — уже в первом веке нашей эры расселились по землям, прилегающим к северному побережью Черного моря. Антам III—IV вв. принадлежит черняховская культура, широко распространенная на Днестре, Южном Буге, на низов Днепра. Это были племена, знавшие высокоразвитое пашенное земледелие, хорошо оснащенное совершенными земледельческими орудиями, р

ские», прибывшие к Константинополю на своих лодях, «каждая из которых выдолблена была из одного цельного длинного дерева», и сжигавшие трупы своих убитых соплеменников, как это делали они у себя на родине, в северной, лесной полосе Восточной Европы, — приобретает еще больший интерес в свете предположений о древних русах, высказанных Б. А. Рыбаковым в статье «Древние русы», опубликованной в 1953 г. в «Советской археологии», т. XVII; см. также В. В. Мавродин, Начало мореходства на Руси, 1949, стр. 12—13.

⁹ И. И. Ляпушкин, Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья, «Советская археология», т. XIII, 1950; его же, Поселения эпохи железа в бассейне реки Ворсклы, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXI, 1947; его же, О датировке городищ роменско-борщевской культуры, «Советская археология», т. IX, 1947; его же, Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского Левобережья, «Советская археология», т. XII, 1950, стр. 55.

¹⁰ А. И. Першиц совершенно справедливо и своевременно поставил вопрос о «военной демократии» как последнем периоде развития патриархальных, первобытно-общинных отношений, когда исчезает соответствие между развитием производительных сил и существующими производственными отношениями. Большую роль в развитии этого противоречия сыграло открытое людьми искусство добычи и обработки металлов, в частности железа. Разложение первобытно-общинных отношений проходило медленно и постепенно, и период «военной демократии» — преддверие классового общества — занимает немалое время в истории народов, в том числе и славянских (см. А. И. Першиц, О «военной демократии», «Советская этнография», 1953, № 2).

¹¹ Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, «Советская этнография», сб. VI—VII М.—Л., 1947, стр. 94.

витое ремесленное производство, торговлю, денежное обращение, накопление богатств, имущественное расслоение, союзы племен. В III—IV вв. на низовьях Южного Буга, у Ольвии и в сопредельных землях усиливаются элементы черняховской культуры, а это говорит о растущем потоке каких-то групп восточного славянства, устремлявшихся на юго-запад к Черноморскому побережью, к низовьям Дуная, где одновременно продвигались на юг, на Балканский полуостров славянские племена, являвшиеся предками современных южнославянских народов и появлялась славянская топонимика («Pelso», «Bistra», «Tsierna» — надпись «dzoapa» и т. д.)¹².

К этому же времени, т. е. к первым векам н. э., относятся обнаруженные в поселениях южного Побужья той поры и в Ольвии каменные рельефы с изображением танцующих женщин. Женщины изображены в негреческих, длинных одеждах, некоторые в своеобразной позе танца (одна рука упирается в бедро, а другая изогнута над головой). И одежды, и поза танцующих, и сам танец типа хоровода или коло очень характерны для славян. Нет сомнения в том, что перед нами изображения танцующих славянских женщин¹³.

Среди изображений «варваров» на колонне Трояна, стоящей у села Адамклиси в Добрудже, имеются изображения с типично славянскими чертами (длинная одежда, волосы, ниспадающие на уши и виски, прямые, длинные усы, остроконечные бороды). Относятся эти изображения к первым векам н. э., ко времени липицкого варианта культуры «полей погребальных урн»¹⁴.

К III—IV вв. н. э. относится заселение славянами правого берега Днепровской Луки (Привольное, Ново-Александровка, Никольское, Волошское и др.). Славяне Днепровской Луки жили в открытых поселениях, в землянках, состоящих из двух камер. Для культуры славян Днепровской Луки характерны высокое развитие ремесла (гончарный круг, лощеная керамика), частная собственность (ключи от замков), «военная демократия» (мечи и другое оружие). В начале (III в. н. э.) на Нижнем Днепре появились небольшие группы славян (находки керамики корчеватовско-зарубинецкого и черняховского типа и бескурганых погребений с трупосожжением). Отсюда, включившись в «великое переселение народов», восточные группы славян выходят на Дунай¹⁵.

Следовательно, уже в первые века н. э. восточные славяне вышли к берегам Черного моря, к низовьям Дуная и освоили устья черноморских рек.

К этому же времени относится появление восточных славян в Крыму.

Уже в III—IV вв. н. э. древние славяне вместе с сарматами проникают в Крым. Могильники III—IV вв. у Инкермана, Ай-Тодора и у с. Черно-речье содержат находки, близкие к славянским вещам среднего При-

¹² П. П. Ефременко, Итоги работ и задачи Института археологии АН УССР в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Доклады VI научной конференции Института археологии», Киев, 1953, стр. 15—17; П. Н. Третьяков, Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языкознании, там же, стр. 37; М. Ю. Смишко, Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных, «Краткие сообщения ИИМК», т. XLIV; Г. Б. Федоров, Славяне Поднестровья, «Вестник АН СССР», 1952, № 2; В. И. Довженко, Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковицы с Поднестровья, «Краткие сообщения ИИМК», т. XLVIII.

¹³ В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина, К вопросу о культуре античных городов, «Советская археология», т. XV, стр. 180; В. А. Городцов, Дико-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, «Труды Гос. историч. музея», 1926, стр. 16—17.

¹⁴ М. Ю. Смишко, Указ. соч., стр. 67—82; М. А. Тиханова, Роль Западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья и Поднепровья первых веков н. э., «Краткие сообщения ИИМК», т. VIII, стр. 69—71.

¹⁵ Ю. В. Кухаренко, Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен (автореферат диссертации), М., 1951.

днепровья времен «культуры полей погребальных урн». Советские археологи приписывают славянам обычай трупосожжения, обнаруживаемый в ряде могильников Крыма той поры. Таковы погребения в урнах из Херсонеса, сопровождающиеся славянскими фибулами с красной эмалью. Связи славян и сарматов в первые века н. э. зафиксированы и в письменных источниках (Тацит), и в памятниках материальной культуры. Археологам известны погребения сарматов с типичным для славян трупосожжением типа «полей погребальных урн», а среди погребений «полей погребальных урн» встречаются захоронения сарматов¹⁶.

III веком нашей эры датируется надпись из Керчи с мужским именем «Αντας»¹⁷.

О появлении славян в Крыму говорит распространение в VI—VII вв. бронзовых лучевых («пальчатых») фибул, столь характерных для Приднепровья. Они были обнаружены в Херсонесе, Артеке, Керчи, Суук-Су. Все эти древнейшие находки славянских фибул имели место по южному берегу Крыма, что говорит о древности морского пути восточных славян вдоль побережья Крыма на восток, к Дону и Тамани¹⁸.

Следами проникновения восточных славян, «русов», на юг и юго-восток являются находки могильника у Суук-Су, раннеславянской керамики и клейм, близких к «княжеским знакам» Киевской Руси (трезубцы) у с. Планерское близ Феодосии в Крыму (VII—IX вв.), Борисовского могильника VIII—IX вв. у Геленджика, на Северном Кавказе, с типичным славянским трупосожжением, неизвестным на Кавказе, упоминание о русской речи воинов «хазар», осаждавших в VII в. Тифлис¹⁹.

Все приведенные выше материалы говорят о том, что древнейшая волна переселений славян, зародившаяся на юге славянских земель, уже в первые века нашей эры докатилась до Черноморского побережья и низовьев Дуная. Ее носителями были славянские племена, предки южных и восточных славян (анты), стоявшие на высокой ступени развития материальной и духовной культуры и переживавшие эпоху «военной демократии», когда война стала «функцией народной жизни» (Ф. Энгельс). В составе этой славянской волны, вполне вероятно, были и какие-то дружины северян, «северские бродники», стоявшие на том же высоком уровне развития материального производства и общественной жизни, на котором стояли и другие славянские племена или части племен, переселявшиеся в при- и задунайские земли. Этого нельзя сказать об их соплеменниках — северянах, оставшихся на старых местах, на территории днепровского левого бережья. Здесь они оставались на том уровне развития материальной культуры и общественной жизни, который так ярко рисует нам романская культура.

Но «северские бродники» отнюдь не были единственной частью северян. Придесенья, принявших участие в передвижениях на юг, на Дунай и в задунайские земли. В более позднее время, в VI—VII вв., имели место новые переселения определенных частей племени северян, причем отдельные

¹⁶ Ю. В. Кухаренко, Указ. соч.; Б. А. Рыбаков, Уличи, «Краткие сообщения ИИМК», т. XXXV, стр. 11.

¹⁷ А. Л. Потодин, Эпиграфические следы славянства, «Сборник статей по археологии и этнографии», 1902.

¹⁸ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М.—Л., 1948, стр. 47—71; В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, «Вестник древней истории», 1949, № 3, стр. 222; Е. Веймарн и С. Ф. Стржеleckий, К вопросу о славянах в Крыму, «Вопросы истории», 1952, № 4, стр. 96—98; И. И. Ляпушкин, Памятники «полей погребений»..., стр. 28—29; А. П. Смирнов, К вопросу о славянах в Крыму, «Вестник древней истории», 1953, № 3; Б. А. Рыбаков, Славяне в Крыму и на Тамани, Крымиздат, 1952 (тезисы доклада на сессии по истории Крыма).

¹⁹ Б. А. Рыбаков, Древние русы, стр. 95; В. П. Бабенчиков, Средневековые поселения близ с. Планерское, «Краткие сообщения ИИМК», т. XLIX, стр. 104—116; В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 60.

семейные общины, принявшие в них участие, выходили из самых глубин северянских лесов.

Стремление к плодородным землям юга, обусловленное ростом значения земледелия в хозяйстве северных, лесных восточнославянских племен, естественная тяга к освоению богатых в природном отношении земель, частично запустевших в результате передвижения на юг соседей-соплеменников, вступление в эпоху «военной демократии», когда походы и передвижения, войны и военная добыча становятся обычным явлением, включение в великую борьбу славян с Восточно-Римской империей — таковы были побудительные мотивы, заставившие какие-то группы северян оставить свои леса днепровского левобережья и устремиться на юг. Но на этот раз это были не только воины-дружинники, не просто «северские бродники».

Указывая на то, что в VI в. поступательное движение германцев приостановилось, Ф. Энгельс отмечает, что «...речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом»²⁰. Этим и объясняется появление за Дунаем не только северян, но и дреговичей, которые, обитая в окрестностях Солуни и в горах Западного Родопа, самым своим наименованием указывали на то, что предки горцев пришли сюда с севера, из покрытых болотами («дрягвами» или «дрегвами») пущ Полесья, издавна занимаемых дреговичами нашей летописи или *Дрѣгѡульѣтъ* Константина Багрянородного²¹. В Добрудже в VII в. жили кривичи (*kribizi*, *krobyzy*).

Наконец, здесь же, в «Малой Скифии» (Добрудже), в VII в. обитало самое северное из славянских племен Фракии — северяне (*seberenses*). Переселенные после покорения Добруджи болгарами Аспаруха на юг и в район Видина, они кладут начало возникшему в конце X и начале XI в. Северскому или Краёвскому (Крайовскому) княжеству. Захваченное венграми в 1330 г., оно переходит к волохам (румынам) и становится зародышем Валашского государства. Память о северянах сохранялась здесь еще в XVIII в. и существовал «бан Северский и Краёвский». В топонимике память о северянах сохранилась по настоящее время (Турну-Северин у Крайовы и Видина). Н. С. Державин усматривал их далеких потомков в гаджалах и гагаузах района Герлова в Болгарии²².

Небезинтересно то обстоятельство, что, по «Хронографу» Феофана, северяне на Дунае соседят с кривичами, и невольно вспоминается то место из «Повести временных лет», где говорится о кривичах и северянах: «Туде бо седять кривичи; та же север ют них». Возможно, что в глубокой древности далеко на севере, в лесах Восточной Европы, оба эти племена были близки друг другу и соседили.

Нет сомнения в том, что северяне на Дунае являются выходцами из земель восточнославянских северян.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 344.

²¹ «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье», «Известия ГАИМК», вып. 91, стр. 58; М. Н. Тихомиров, Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время, «Исторический журнал», 1941, № 10—11; А. В. Успенская, Белорусское Полесье в X—XIII вв., 1953 г. (автореферат).

²² А. Ф. Чертков, О переселении фракийских племен за Дунай, «Временник Московского общества истории и древностей Российских», т. X, 1851, стр. 65—68, 88—89, 111—115; М. Дринов, Заселение Балканского полуострова славянами, «Чтения в обществе истории и древностей Российских», кн. IV, 1872, стр. 152—153; Н. С. Державин, О наименовании и этнической принадлежности гагаузов, «Советская этнография», 1937, № 1, стр. 85; К. В. Шкорпил, О земляных укреплениях и окопах. Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей, «Известия Русского археологического института в Константинополе», т. X, София, 1905, стр. 561. Характерно, что термин «север», «северяне» длительное время сохранялся и сохранился на территории левобережья («севруки» и «северские уходы», «северские города», «Северская Украина» XVI—XVII вв., «Северский Донец», «Новгород-Северск» и другие топонимические обозначения наших дней).

По «Хронографу» Феофана, в Добрудже они занимали земли в течении реки Ольты — двойника Альты (Ольты, Лты) днепровского левобережья, их далекой родины. Тут же лежала Рыла, где возник знаменитый болгарский монастырь Ивана Рыльского. Рыла впадает в Сейм в земле восточнославянских северян. У впадения Рылы в Сейм стоит город Рыльск. Древнейшее городище Рыльска расположено на горе Ивана Рыльского, где стояла церковь его имени. Слои этого городища разновременны: нижние восходят к зольничной культуре («скифов-пахарей»), более поздние — к роменской культуре и еще более поздние — к великокняжеской²³. Рыльск был одним из древнейших городов северян.

Необходимо отметить, что термин «северяне» в обозначении одного из славянских племен встречается не только на территории Приднестровья и Подунавья. Подобно тому, как были поляне «ляшские» (польские) и «русьские», дулебы чешские и восточнославянские, хорваты карпатские и адриатические, так и северяне мы находим в разных местах славянского мира. Северяне жили в верховьях реки Варты, северо-западнее Кракова. Здесь было расположено Северское княжество с главным городом Северж²⁴.

У Географа Баварского, памятника, к сожалению, плохо изученного, представляющего большую ценность для исследования истории славян, мы встречаем ряд племен, названия которых близки к термину «северяне»: «северянин», а именно: 1) «свирыяне», 2) «себирцы» или «саберцы», 3) «северие», 4) «сербяне». Судя по контексту, все они обитатели Восточной Европы²⁵.

В данном случае речь идет не просто о совпадении названий, а о перемещении племен или частей племен.

В «антах» «Стратегикона» следует усматривать ту часть северян, которая, отделившись от основного племени, попрежнему занимавшая лесостепную полосу левобережья Днестра, переселилась в Добруджу. И, как уже отмечалось, это были не дружинники-северяне, впитавшие культуру разноязычных племен Северного Причерноморья эпохи «военной демократии», а именно часть племени — северяне-общинники, принесшие сюда, на юг, из своих придесенских и посеймских лесов специфическую «роменскую» («роменско-борщевскую») культуру.

Нет никакого сомнения в том, что если даже, согласно мнению И. И. Ляпушкина, отрицать наличие подземных соединительных ходов между жилищами полуземляночного типа, обнаруженными на Борщевском городище, то все же городища роменско-борщевского типа действительно соответствуют описанию жилищ антов в «Стратегиконе», так как они предполагают наличие ряда выходов из городища. Городище, а не отдельная землянка, и выступает у автора «Стратегикона» в качестве жилища антов. Только так можно понимать известное указание «Стратегикона» о том, что анты «устраивают в своих жилищах много выходов»²⁶. Нельзя думать, что «много выходов» можно устроить в землянке или полуземлянке размером 4 × 4; 4 × 4,5; 4,5 × 5; 6 × 3 м, какие характерны для городищ роменско-борщевского типа. Скорее всего, автор «Стратегикона» считал «жилищем» тех антов, с которыми византийцы сталкивались на Дунае, целое городище, на территории которого располагалось несколько землянок. Оно выступало в его глазах «жилищем», так как это был действительно комплекс жилищ-землянок, окруженных ровом и валом.

²³ И. И. Ляпушкин, Поселения зольничной культуры..., стр. 54—55; см. также Н. Дылевский, Рыльский монастырь и Россия в XVI и XVII веке, София, 1941. К сожалению, автор не упоминает о церкви Ивана Рыльского в г. Рыльске.

²⁴ П. И. Шафарик, Славянские древности, т. II, кн. III, стр. 207, 250, 337, 338. М. Лябавский, История западных славян, М., 1918 (карта).

²⁵ П. И. Шафарик, Указ. соч., XIX приложение, стр. 68—74.

²⁶ См. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 253.

Когда византийцы сталкивались с одиночными жилищами антов, то их землянки или полуземлянки со стенами, сплетенными из хвороста или камыша и обмазанными глиной, или шалаши типа позднейших «курений», «зимовников» и т. п. производили впечатление «жалких хижин», о которых писал Прокопий Кесарийский²⁷. В «жалких хижинах» «много выходов» не сделаешь.

Таким образом, под «жилищами» антов «Стратегикона» следует подразумевать городища роменско-борщевского типа, имевшие действительно «много выходов» в отличие от ограниченного числа выходов в укреплениях позднеантичной и раннесредневековой эпохи греко-римского мира.

Но как понять указание Прокопия Кесарийского о том, что анты «живут... в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они по большей части меняют места жительства», подтверждаемое свидетельством «Стратегикона», сообщающего, что «они... ведут жизнь бродячую»²⁸?

Во-первых, «жалкими хижинами» для византийцев были, как мы уже писали, землянки, полуземлянки и жилища типа курений и шалашей. Во-вторых, анты выселялись из городищ. По весне они уходили в лес, в поле, на реки и озера ловить рыбу и птицу, бить зверя, собирать мед диких пчел. Уходили в лес на пушной промысел и зимой. Здесь, в лесу, в поле, на берегу реки, ставили шалаш, рыли землянки, казавшиеся византийцам «жалкими хижинами». Наконец, в-третьих, указание на «жалкие хижинки» и на «жизнь бродячую» является следствием того, что византийцы имели дело с передовыми волнами славянской колонизации, имевшей характер военных вторжений, а воинам, жаждавшим славы и добычи и стремившимся все дальше и дальше на юг, включавшимся в движение разнородных дружин эпохи «великого переселения народов», было не до возведения городищ²⁹.

В этом отношении совершенно прав Б. А. Рыбаков, считающий, что воины — русы и северяне — принимали участие в различных военных предприятиях, направленных против рабовладельческого мира, и, обитатели южной и юго-восточной окраины восточнославянских земель, они самостоятельно или в составе дружинно-племенных объединений доходили до Дуная, Добруджи, Фракии, Грузии, Дагестана, Крыма, низовьев Днепра, «ищуци себе славы, а князю чести», и предвосхищая походы будущих русских бродников³⁰.

Конечно, это не означало, что, придя на Дунай, какая-то часть северян, которую мы считаем второй волной их передвижения на юг и связываем отнюдь не только с походами дружинников-северян, перестала возводить городища, которые покрывали берега рек на их далекой родине, в днепровском левобережье. Отнюдь нет, и сообщение «Стратегикона» о жилищах антов, т. е. северян, является ярким тому доказательством.

Таким образом, можно считать установленным, что в формировании болгарского народа приняли участие не только славяне, но и анты, восточная ветвь славянства³¹.

Заслуживает внимания и вопрос о связях северян с болгарами Аспаруха.

Савиры или савары Птолемея, Певтингеровых таблиц, Стефана Византийского и Приска Паннонского, как и савдараты, являются, несомненно, сарматскими племенами, позднее, после вторжения гуннских племен, ассимилированными тюркоязычными племенами. Характерно, что в

²⁷ Там же, стр. 237.

²⁸ Там же, стр. 237, 253.

²⁹ Б. А. Рыбаков, Древние русы.

³⁰ Там же.

³¹ В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, стр. 58, П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии, «Советская этнография», 1948, № 2.

ряде языков (армянском, некоторых кавказских и тюркских) терм «сав» — «сев» выступает в значении «черный» («sevuḡri» — черные упр. К «savardic» — черные сыны, «savḡ» — наименование балкарцев, потом ст «черных болгар»), что уводит к меланхленам Геродота и савдаратам бо и позднего времени, название которых означает «черноодетые», «одетые по «черное»³².

Связи северянской, салтово-маяцкой и древнеболгарской культу В Дуная (Абоба-Плиска и др.) говорят о том, что еще задолго до «черн пр клобуков» в гущу славянского оседлого населения проникали «савиры» м «черные болгары», постепенно ассимилируемые и поглощаемые слав в нами. «Слово о полку Игореве», приводя имена черниговских «былей» э «Могутов, Татранов, Шельбиров, Топчаков, Ревугов, Ольберов, по су «дела перечисляет древние тюркские имена³³. Это — не черные клобуки, б «позднейшее тюркское население X—XII вв., оседавшие на территории Южн к Южной Руси. На территории Северной земли их знали под именами с ««торки», «свои поганые», «коуи». Последних и упоминает «Слово о пол к Игореве». Черниговские «были» с тюркскими именами — старое черниг п «ское боярство. Повидимому, это и были остатки обрусевшей знати черн т болгар. Сам термин «быль» уводит нас в Дунайскую Болгарию. А. И. Со а «болевский отмечал, что термин «быль» встречается еще в уйгуро-орхо п ских надписях в смысле «сановник», «вельможа». В том же значении термин «быль» встречается в Венгрии, где, повидимому, своим появлением он обязан кабарам, которые, кстати сказать, в Венгрии, по Констант Багрянородному, носили название «савартиасфалов». Имя «Шельбир» о связывает с «сабирами» (савирами) Приска Паннонского, Стефана Визан тийского и др.³⁴.

Черные болгары издавна оседали в Северной земле, растворяясь сред местного земледельческого славянского населения, заимствуя его язык и свою очередь обогащая его за счет некоторых своих слов.

Как тюрки — болгары Аспаруха полностью растворились в среде славян, передав им, кроме своего названия «былгарин», лишь два слова вошедших в язык болгар-славян («белег» — знак и «тояга» — палка)³⁵, так и их сородичи — черные болгары — передали восточным славянам, в среде которых они целиком растворились, лишь название знати — «были», да, быть может, два-три слова («чага», «кощей») и свои имена³⁶.

Говоря о скрещении языков, И. В. Сталин подчеркивает: «При этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счёт побеждённого языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его.

Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счёт словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык»³⁷.

³² В. В. Мавродин, Очерки истории Левобережной Украины, 1940, стр. 36—37.

³³ Там же, стр. 41—42; С. Е. Малов, Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве», «Известия АН СССР», т. V, вып. 2, 1946.

³⁴ А. И. Соболевский, Русско-скифские этюды, «Известия Об-ва любителей русского языка и словесности», т. XXVI, 1921, стр. 11; его же, Три слова древней тюрко-болгарской надписи, «Доклады Академии наук», 1929, № 5.

³⁵ П. Н. Третьяков, Произведения И. В. Сталина о языкознании и вопросах этногенеза, Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», 1953, стр. 27.

³⁶ Вопрос о возможной связи наименований «савар», «савир» и «север», «северянин» (по аналогии с «болгар», «былгарин»), как это мы увидим дальше, на данной стадии его изучения следует считать открытым, хотя есть основания полагать, что положительное его решение больше соответствует исторической действительности.

³⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

Возможно, что и само название «савир», «савар», «север» восходит еще к той далекой поре, когда где-то здесь, на левобережье Днепра, в лесостепи, еще в самом начале нашей эры устанавливались связи венедов и сарматов, о чем писал Тацит. «Я сомневаюсь, причислить ли племена певкинов, венедов и феннов к германцам, или к сарматам... вследствие смешанных браков их облик несколько портится сходством с сарматами. Венеды заимствовали много из их (сарматов.— В. М.) обычаев; ибо они простирают разбойничьи набеги на все леса и горы, возвышающиеся между певкинами и феннами»³⁸.

Эти связи прослежены и археологами. И. И. Ляпушкин отмечает, что в первой половине I тысячелетия нашей эры вся территория левобережья «была занята различными племенами оседлого населения. Одна из групп этого населения, связанная с памятниками типа Кантемировка, может быть определена как сарматская, вторая — по обряду захоронения близка к правобережному населению, которое большинством исследователей считается славянским». В дальнейшем традиции «полей погребений» прослеживаются в памятниках салтово-маяцкой культуры, а на остальной территории появляются памятники роменско-борщевского типа, «по общему облику резко отличающиеся от памятников «полей погребений»³⁹ и представляющие собой археологическую культуру, связанную с продвигавшимися на юг из лесов Подесенья и Посемья северянами⁴⁰. Имело место и обратное явление. В послегуннское время древнее, быть может, уже тюркизированное население было оттеснено на северо-запад, в глубь лесостепной полосы левобережья. Здесь в среде северян растворились и ассимилировались потомки савиров — черных болгар, оставив по себе память в названии Чернигова, в древних легендах о Черной Могиле, о князе Черном и княжне «Чорне», в именах черниговских «былей», в курганах со срубными погребениями IX—X вв. на Черниговщине, в памятниках письменности, близких к салтово-маяцким и древнеболгарским (находки у входа в пещеру на горе Синайке у Рыльска)⁴¹.

Таковы некоторые дополнения, которые можно сделать к статье М. Ю. Брайчевского.

Некоторые положения М. Ю. Брайчевского вызывают сомнения: утверждение об архаичности обряда сопроводительных погребений (стр. 31—32), доказательство высокого военного искусства антов путем приведения примеров из области военного искусства славян (стр. 24—25), хотя византийцы их отличали друг от друга, напрасные поиски противоречий в датировке городищ роменско-борщевского типа (стр. 32 и др.), но они не могут повлиять на основные его выводы.

³⁸ «Вестник древней истории», 1949, № 3, стр. 222; Б. А. Рыбаков, Древние русы, стр. 43—44; В. В. Мавродин, Очерки истории Левобережной Украины, стр. 42—43.

³⁹ И. И. Ляпушкин, Памятники культуры «полей погребений»..., стр. 28—29.

⁴⁰ И. И. Ляпушкин, Поселения эпохи железа в бассейне реки Ворсклы, «Краткие сообщения ИИМК», т. XXI, 1947, стр. 97—98.

⁴¹ В. В. Мавродин, Очерки истории Левобережной Украины, стр. 36—37; Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 11, 1949, стр. 52—53; М. И. Артамонов, Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 100—101.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

С С С Р

Г. С. МАСЛОВА

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ ПО ДАННЫМ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ *

Проблема историко-культурных связей восточнославянских народов — одна из существенных проблем славянской этнографии и должна занять видное место в этнографических исследованиях.

Вопрос о культурной общности русского и украинского народов всегда привлекал к себе внимание этнографов, изучавших его по данным фольклора, народной музыки, народного изобразительного искусства, материальной культуры и пр. Задача настоящей статьи — привлечь внимание к освещению этого вопроса более полно, чем делалось раньше, данными о народной одежде, главным образом XIX в., а частично и более раннего времени.

Народный костюм, многосторонне отражая быт народа, показывая возрастные и классовые различия, художественный вкус народа, этническую, национальную принадлежность и выражает не только то, что характерно лишь для данного народа, но и то, что объединяет его с другими окружающими народами.

Используя народный костюм как исторический источник, автор в данной статье пытается осветить общность черт традиционной, преимущественно крестьянской, одежды русских и украинцев, которая при всей своей специфичности обнаруживает и много сходства. При этом автор касается других важных проблем, связанных с изучением русского и украинского народного костюма, в частности отражения в них классовых различий.

Традиционный костюм русских и украинцев в XIX в. представлял сложное явление: в нем сохранялись в более или менее измененном виде (иногда лишь пережиточно) древние типы одежды, восходящие к ранним историческим эпохам; вместе с тем в костюм вошли многие черты более позднего происхождения. Со второй половины XIX в. он подвергся большим изменениям в связи с интенсивным развитием капиталистических отношений в России.

Несмотря на сложность исторических судеб и временное разобщение русского, украинского (а также белорусского) народов, можно наблюдать сходство как в древних, так и в более поздних чертах их одежды, сказавшееся в ее покрое, терминологии, материале, а также в дополнениях.

* Доклад, зачитанный 21 апреля 1954 г. на расширенном заседании сектора славяно-русской этнографии Института этнографии АН СССР, посвященном 300-летию воссоединения Украины с Россией.

ших одежду украшениях. Это указывает на общность происхождения и тесные исторические связи трех братских народов, на усиление этих связей после воссоединения украинского (и белорусского) народов с братским русским народом в едином государстве, что имело огромное прогрессивное значение для их дальнейшего развития.

Сходство хозяйственно-географических условий, естественно, в значительной степени определило сходство материала для одежды и способов его обработки у русских и украинцев. Преобладающим материалом для шитья одежды у обоих народов еще в середине XIX в. составляли издавна известные им «полотно» и «сукно» — ткань из овечьей шерсти («волны»). У части украинцев, как и у значительной части южных великорусов, наиболее употребляемо было полотно из конопли, у другой части украинцев (в северных областях) чаще применялось льняное полотно, как у белорусов и северных великорусов.

Кроме тканей простого переплетения, и украинцами и русскими применялись ткани, выполненные сложными приемами многоремизного тканья и браной техники. Типичный для украинцев способ тканья закладной или паласной техникой, применяя которую изготовляли запаски, килимы и пр., был известен русским, главным образом южных областей (для украшения рубах, шушпанов и т. д.). В приемах шитья, вышивки имелось много сходства: широко применяемая украинками техника «низ» аналогична русскому «набору». Старинный русский двусторонний шов, получивший на севере название «досюльный», применялся украинками под названием «штопівка»¹. Шитье по выдерганному, а иногда и вырезанному холсту («мережка», «вирізування» — у украинцев, «перевить» «вырезы» — у русских), а также вышивание крестом (украинское — «хрещиком») и гладью применяли и применяют оба народа.

Нельзя не сопоставить народные приемы крашения тканей растительными, животными и минеральными красителями. Укажем, например, на применение украинцами (особенно гуцулами) местной кошенили (червеца) для окраски сукна в красный цвет, столь характерный для одежды гуцулов. Этот же способ применялся великорусами юго-западных областей для окраски шерстяных юбок, кушаков и пр. Крашение шерстяной ткани корнем марены (также в красный цвет) применялось при изготовлении сердца, свиты, плахты — на Украине, поневы — у южных великорусов. В северновеликорусских областях корнем подмаренника («мареной», «матурой») окрашивали суконные сарафаны — «шушуны», «маренники», «матурники».

В крашенных набивных тканях, употреблявшихся для шитья одежды, также можно обнаружить значительную близость. «Выбойкой» называлась крашенная узорчатая ткань, рисунок на которую наносился масляной краской при помощи больших деревянных досок. У украинцев «вибійка» широко применялась и в XIX в. У русских в это время выбойка встречалась сравнительно редко. Основными средствами для набивки тканей у них стали главным образом резервирование и вытравка узора при помощи небольших досок — так называемых «манер». Для этих тканей чаще употребляли другие названия — «набойка», «печатник». В орнаменте и колорите крашенных русских и украинских узорных тканей имеются общие художественные черты². Сходные мотивы имеются не только в простейших геометрических узорах, но и в сложных композициях с мотивами растений и птиц³.

В типах украинской и русской народной одежды, преобладавших в XIX в. и лишь частично сохранившихся до настоящего времени, нельзя

¹ Л. А. Динцес, Историческая общность русского и украинского народного искусства, «Советская этнография», сб. V, М.-Л., 1941, стр. 28, 40.

² «Орнамент української вибійки», Київ, 1950, стр. 8.

³ Там же, табл. 5, 6, 23, 24, 27, 28.

не видеть определенную общность. Одежду украинки, состоявшую из холщевой сорочки и укрепленной на поясе плахты (дерги, или запасы), можно сопоставить с одеждой южновеликорусской женщины, которая поверх рубахи носила шерстяную поневу.

Тип женской рубахи со вставками на плечах, с рукавами и соборным воротом был характерен для всех трех восточнославянских народов, что отличало их женский костюм от костюма многих финно-тюркоязычных соседей. Женскую рубаху туникообразного покроя носили как русские, так и украинки крайне редко. У последних она известна в Черновицкой и прилегающих к ней областях; у русских этот тип встречался в XIX — начале XX в. как пережиточное явление и зарегистрирован лишь в нескольких местах как смертная одежда старых женщин, главным образом, старообрядок.

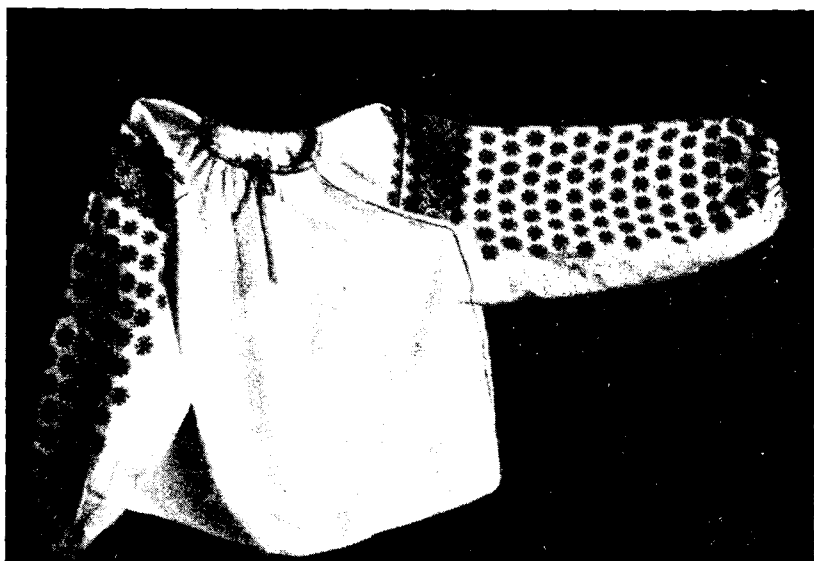

Рис. 1. Женская сорочка; дер. Соколовка Косовского р-на УССР (Гос. музей этнографии и худож. промысла АН УССР, г. Львов; в дальнейшем цит. Львовский музей)

Наиболее характерный для украинок подтип женской восточнославянской сорочки (так называемый «украинский») ⁴ был известен в двух вариантах: 1) с прямыми «установками», пришитыми параллельно основному полотнищу стана сорочки (рис. 1); 2) с «суцільними» рукавами, доходившими до ворота, также пришитыми по основе ткани (рис. 2, а). Такая сорочка по территории ее наибольшего распространения названа проф. С. А. Каревым «карпатской». Вместе с тем этот подтип сорочки бытовал в южновеликорусских областях (Орловской, Калужской, Брянской и др.) и в верховьях Днепра — в Смоленщине (рис. 2, б); следы его обнаружены на юге Московской области; в качестве единичного явления этот подтип отмечается на севере, в Каргопольщине (б. Олонецкой губ.). Другой разновидностью подтипа рубах с прямыми полками (в которых плечевые вставки пришивались параллельно утку основного полотнища ткани) — типичная для северных великорусов (а также белорусов), встречается и у украинок (главным образом северных областей).

Отдельные части русской и украинской рубах и их названия чрезвычайно сходны. Рубаха шилась цельной — «суцільна» сорочка (у

⁴ См. Б. А. Куфтин, Материальная культура русской мещеры, М., 1926, стр. 100.

«исцельница» (русск.) или составлялась из двух частей. Верхняя часть, которую обычно шили из более тонкого полотна, называлась «станок» (укр.), «стан» (русск.), а нижняя часть, которую шили из более грубой ткани, называлась «підточка» (укр.), «подстава» (русск.). Плечевые «уставки» в украинских сорочках иногда назывались «полики»⁵, как и у русских; квадратная вставка под рукавами называлась «ластовочка» и была аналогична «ластовке» в русских рубахах.

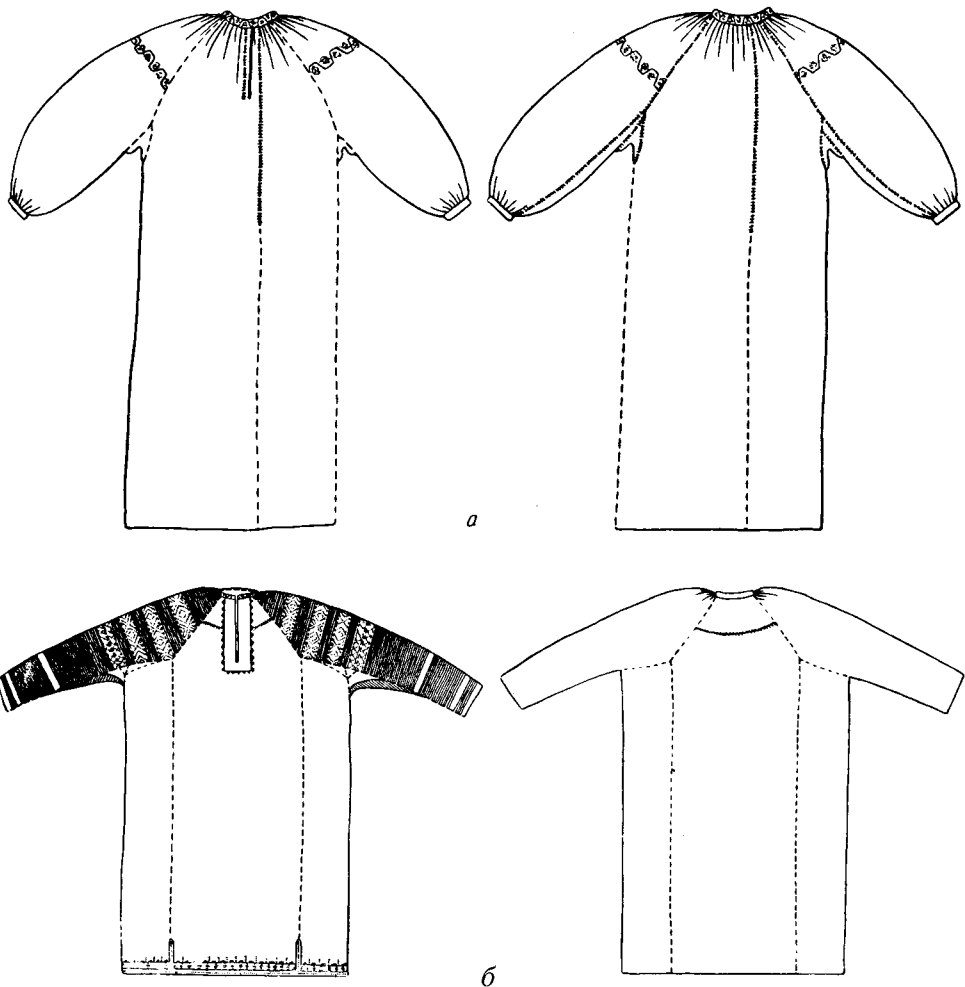

Рис. 2. Женские рубахи: а — дер. Куцовка Киевской обл.

(Музей антропологии и этнографии АН СССР—МАЭ);

б — Юхновский р-н Смоленской обл. (Гос. музей этнографии народов СССР—ГМЭ)

Характерную черту как украинской сорочки, так и русской рубахи составляли украшения. Больше всего украшались плечевая часть рубахи, рукава, ворот. Типично поперечное расположение узоров на плечах, а в некоторых случаях, в праздничных рубахах молодых женщин, и заполнение узором всего рукава (рис. 1). Продольное в виде полос расположение узора на рукаве в целом не очень характерно для украинской и русской одежды, хотя местами встречается и такая композиция, особенно на сорочках украинок. В орнаментике одежды при всем ее своеобразии

⁵ «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.», Гос. русский музей, Л., 1926 стр. 26.

зии у каждого народа можно отметить общие черты, свойственные трем восточнославянским народам. Особенно ярко проявляются геометрических узорах — как в применении излюбленных мотивов, так в их композиции. Характерные мотивы ромба в их специфической работе, мотивы розетки, звезды, геометризованного деревца и другие восходят к глубокой древности. Узоры на рубахах, распространившиеся в позднее время (в конце XIX — начале XX в.), также имеют параллели у обоих народов. Богатая цветочная орнаментация, выполненная крестиком, красными и черными бумажными нитками, особенно распространялась в северо-восточной части Украины, а также у русских и польской, Воронежской и других областей.

Женская набедренная одежда XIX в., состоявшая большей частью из двух-четырех неполовностью сшитых или совсем не сшитых полотнищ шерстяной ткани, укреплявшихся на корпусе при помощи пояса, древнего происхождения. Хотя прямых указаний на ношение поневых плахты мы не встречаем ранее XVI—XVII вв., все же у нас имеются основания относить одежду этого типа и к более древнему периоду. Это свидетельствуют наличие подобной одежды у других славянских народов, упоминание термина «понева» в ранних русских летописных источниках в сходном значении — полотнища ткани — и многое другое.

Вертикальное расположение полотнища как в русской поневе, так и украинской плахте (дерге, запаске) сближает их друг с другом и вместе с тем несколько отличает от подобной набедренной одежды у других народов Восточной Европы: молдавской «катринты» и южнославянской «фоты», состоявших из одного горизонтального полотнища (как и польская «обгортка», «горбатка»). Характерный клетчатый или шапше узор ткани, а также особенности расцветки составляют общую черту плахты украинки и поневы русских. Синяя и красная плахты («синя червона») сопоставляются с синей и красной клетчатой поневою у русских. Гладкая синяя понева в Рязанской области называлась, как и украинская плахта, «синяткой».

Однако имеющиеся различия в покрое и в характере ткани этой одежды позволяют говорить о самостоятельном пути развития ее у русских и украинцев. Лишь один вариант поневы почти тождественен украинской плахте; его можно было бы назвать поневою-плахтой (рис. 3, а). Этот тип поневы носили местами в Орловской, Курской, Смоленской и других областях под названием «понева», «колышка», «снованка». Известна она была и у белорусов смежных областей. Этнографы не обращали внимания на эту поневу, указывая на идентичность ее покрою плахты⁶. Однако характер ткани отличает эту поневу от плахты. Лишь в наиболее близких к Украине местах ткань поневы приближалась к ткани плахты, которую очень часто богато орнаментировали при помощи особой техники тканья «на куколках» (одна из разновидностей браной техники, где дополнительный уток из разноцветных нитей проплетается не по всей ширине ткани, а лишь в пределах клетки)⁷. Большая часть понев этого типа из Брянской и Смоленской областей по ткани тождественна с общераспространенной русской синей клетчатой поневою. В то же время ряд особенностей — способ соединения полотнищ, украшения, способ ношения — отличают ее от плахты. Наличие такой поневы у населения бассейна Десны и верхнего Днестра, несомненно, свидетельствует о его древних исторических связях с населением среднего

⁶ Д. О. Святский, Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний, «Живая старина», вып. 1—2, 1910, стр. 3—4; Н. И. Лебедева, Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки, М., 1937, стр. 44; Н. П. Гринкова, Русская понева юго-западных областей РСФСР, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XII, М.—Л., 1949, стр. 25.

⁷ Эта техника изучена Н. И. Лебедевой и описана в статье «Прядение и ткачество восточнославянских народов» (Архив Института этнографии АН СССР).

днепровья, где наибольшее распространение получил близкий тип одежды — плахта.

Одной из особенностей национального женского украинского костюма являлась «кірсетка» — безрукавка, состоящая из лифа и пришитой к нему расширяющейся нижней части (с клиньями или прямой со сборками). В зависимости от возраста женщины шили кірсетку из темной или яркой фабричной ткани. Кірсетку стали носить не ранее начала XIX в. Такая одежда местами бытовала и среди русских женщин южных и центральных областей; ее носили поверх сарафана или с поневою; называлась она «корсетка».

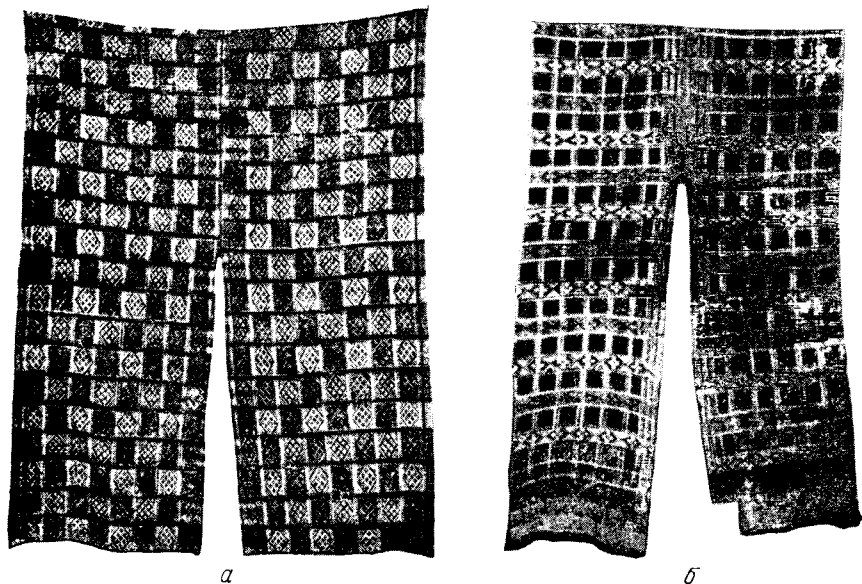

Рис. 3. *а* — плахта; Полтавская обл.; *б* — понева; Орловская обл., б. Севский у. (ГМЭ). Фото А. А. Гречкина

Любопытна и другая женская одежда украинок — «шушун» (в виде длинной пестрой ситцевой кофты с круглым воротником, отделанным оборкой), употреблявшаяся еще во второй половине XIX в. как праздничная и свадебная одежда в б. Полтавской, Киевской и Херсонской губерниях⁸. Эта одежда по своему назначению и названию сопоставляется с южновеликорусским шушуном, хотя и отличается от последнего покроем и материалом (южновеликорусский шушун шили туникообразного покрою из шерстяной домашней ткани).

Обычай обязательного закрывания волос замужней женщиной был распространен у всех восточнославянских народов, так же как и обычай девушек ходить с открытой головой, перевязывая ее лишь полосой ткани, лентой, или же носить «венец» («вінок», «чільце» — у украинок, «челка», «почелок» и др. — у русских). Одним из наиболее древних восточнославянских женских головных уборов было белое покрывало, изображение которого встречается уже в наиболее ранних письменных источниках (миниатюра XI в.)⁹. Украинская «намітка» (а также белорусская «наметка») собственно и являются этим древним типом убора. Широко распростра-

⁸ См. легенды к коллекциям С. М. Дудина (№ 270 собр. 1894 г.) Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

⁹ Н. Кондаков, Изображение русской княжеской семьи на миниатюрах XI в. СПб., 1906, табл. III—IV.

ненная еще в XIX в., она представляла собой белое полотенце из одной холщевой или более тонкой, редкой (похожей на кисею) домашней ткани, повязанное поверх нижней твердой части убора — лубяного обруча или валика («хомовки», «хомли», «кибалки»), и сетки — «чипы». Параллели подобному головному убору встречались у русских Брянск и Смоленской областей¹⁰. Термины «кибола», «кибалка» встречаются в русском Севере¹¹, а покрывало в виде холщового полотенца, или шири, составляло необходимую принадлежность всех русских кичкообразных головных уборов; позднее оно было заменено ситцевым платком (у украинок — «хусткой»). Древнерусское наименование головного полотенца — «убрус» до настоящего времени бытует в западных областях Украины для обозначения головного покрывала («обрус»). В повязывании полотенца или платка прослеживаются приемы, общие обоим народам. Своеобразный способ повязывания — с дополнительным платком

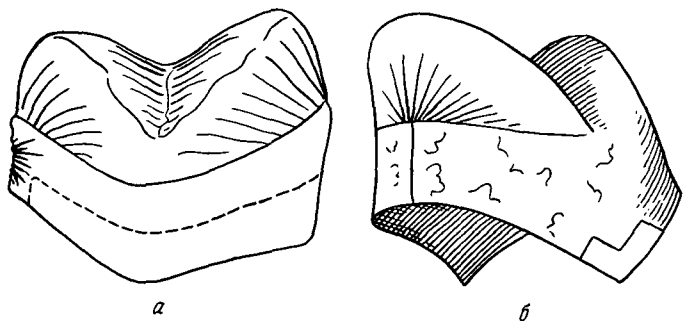

Рис. 4. Женские головные уборы: а — «шеломок»; Орловская обл. (ГМЭ); б — «очіпок»; Харьковская обл., б. Лебединский у. (по Д. К. Зеленину)

проходящим под подбородком («подбородником») и концами, завязанными на темени, — который применяли донские казаки, русские женщины Алтая и других областей, — напоминает один из распространенных способов повязывания украинской наметки (и белорусской наметки).

Весьма древен общий для части русского и соседнего украинского населения (Орловской, Курской, Харьковской областей) седлообразный головной убор, называемый у украинок «очіпок сідлом», а у русских — «шеломок». Седлообразный или двухгребенчатый русский кокошник имеет большое сходство с «очіпком сідлом» (рис. 4, а, б). Д. К. Зеленин считал это результатом русского влияния¹². Возможно и другое объяснение: русский кокошник и украинский очіпок могли развиваться из одного древнего прототипа. Подобный двухгребенчатый убор имеется на одной из древних женских глиняных статуэток из Киевщины, опубликованной работой Ханенко¹³.

Из разнообразных украинских женских «чипцов» наиболее близок русским головным уборам очіпок, имеющий вид мягкой шапочки, сделанной часто собиравшейся на вздержке. Очіпок сходен с русскими «повойником» и «сборником». Эти головные уборы, повидимому, более позднего происхождения по сравнению с древними полотенчатыми и кичкообразными головными уборами. Шили их, как правило, из покупной ткани. У русских процесс замены кички-сороки или кокошника более легким

¹⁰ Н. И. Лебедева, Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оскола, стр. 95—100.

¹¹ Г. Куликовский, Словарь областного олонецкого наречия, СПб., 1898.

¹² Д. Зеленин, Женские головные уборы восточных (русских) славян, «Славянский вестник», вып. 3, 1927, стр. 537.

¹³ Б. И. и В. И. Ханенко, Древности Поднепровья, Киев, 1907, табл. XXXVI.

сборником, или повойником, в ряде мест происходил еще в XIX в. Очіпок получил наибольшее распространение в центральной и восточной частях Украины, прочно войдя в состав женского украинского национального костюма. Мы не касаемся здесь разнообразных «чіпцов» западных областей Украины, имеющих особое происхождение. Так, например, чіпцы населения горных областей Украины, состоящие из обтянутого тканью обруча с сетчатым дном, представляют, видимо, модификацию общекрипакской кибалки и чіпца в виде сетки, носившихся под наміткою.

В качестве украшений, дополнявших костюм, большое значение как у русских, так и у украинок имели различного вида бусы — «монисто», «намисто». Особого внимания заслуживают параллели между украинскими и южновеликорусскими украшениями из бисера. Южновеликорусские женщины любили бисер и в зависимости от зажиточности в большей или меньшей степени украшали им позатыльники, девичьи «косники», кисти поясов, низали из разноцветного бисера узорные «гайтаны», «цепочки», плоские или витые, украшения в виде бисерного воротника, называвшиеся «поджерелок», «ошейник» и т. п. (рис. 5, а, б). Украинские «силянки» (от «силити» «насюливати» — низать), «гирдани», «драбинка», «згардка» также представляют собой плоскую цепочку или как бы ажурный воротник, низанный из разноцветного бисера (рис. 6, а, б). Силянки до настоящего времени носят в Закарпатской и других западных областях Украины; были они известны на Волыни и, как полагают, в восточных частях Украины¹⁴, где исчезли сравнительно рано. Широкое применение бисера, кроме южных великорусов, известно также их финноязычным соседям и чувашам, что указывает на древние культурные связи русских с народами Поволжья. Однако нельзя не заметить, что применялся бисер по-разному: у народов Поволжья он часто сочетался с другими видами украшений, особенно с раковиной-ужовкой, металлическими подвесками, монетами; что же касается украинцев и русских, то у них такого сочетания не наблюдалось; вместе с тем у обоих этих народов имелось значительное сходство и в характере использования бисера, и в форме украшений, и в геометрическом орнаменте.

Очень древнего происхождения украшения из птичьих перьев применяли как в южновеликорусских областях, так и на Украине еще в XIX — начале XX в. Селезневые «кудри», павлиньи перышки, «пушкі» из гусиного пуха южновеликорусские женщины носили в качестве височных украшений с сорокой, а девушки с повязкой — лентой. Местами носили головной убор из крашенных петушиных, гусиных и индюшачьих перьев. Таков был, например, девичий «венок» в Рязанской области, состоявший из лубяного обруча, обтянутого тканью и украшенного разноцветными перышками. В Орловской области молодые женщины и девушки местами носили головной убор из перьев, который назывался «крашоны перья»¹⁵. То же наблюдалось и на Украине. Селезневые, а также куриные и утиные перышки, окрашенные главным образом в зеленый цвет, вплетали в венки, укрепляли на тесьме в виде налобника, втыкали в волосы, подклеивали под платок и т. д.

В типах ушных украшений также можно подметить черты сходства. Древнерусский термин «колты» сохранился до XIX — начала XX в. на крайнем севере у русских и крайнем юго-западе у украинок (гуцулок). «Колтушки» на севере представляли собой металлические серьги с подвесками из бусин или металлических же пластин. «Ковтки» гуцулок также имели по несколько металлических пластинок-подвесок. Серьги грушевидной формы (из стекла или самоцветов) из северных областей сходны с гуцульскими металлическими грушевидными сережками.

¹⁴ См. Ф. Волков, Этнографические особенности украинского народа. Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II, Пгтр., 1916, стр. 551—552.

¹⁵ Гос. музей этнографии народов СССР в Ленинграде, колл. 160—16—22.

В основных типах традиционного мужского костюма русски украинцев меньше сходства, чем в женском. В восточной и центральной части Украины получил распространение мужской костюм с широкими шароварами, своеобразным способом ношения рубахи и другими

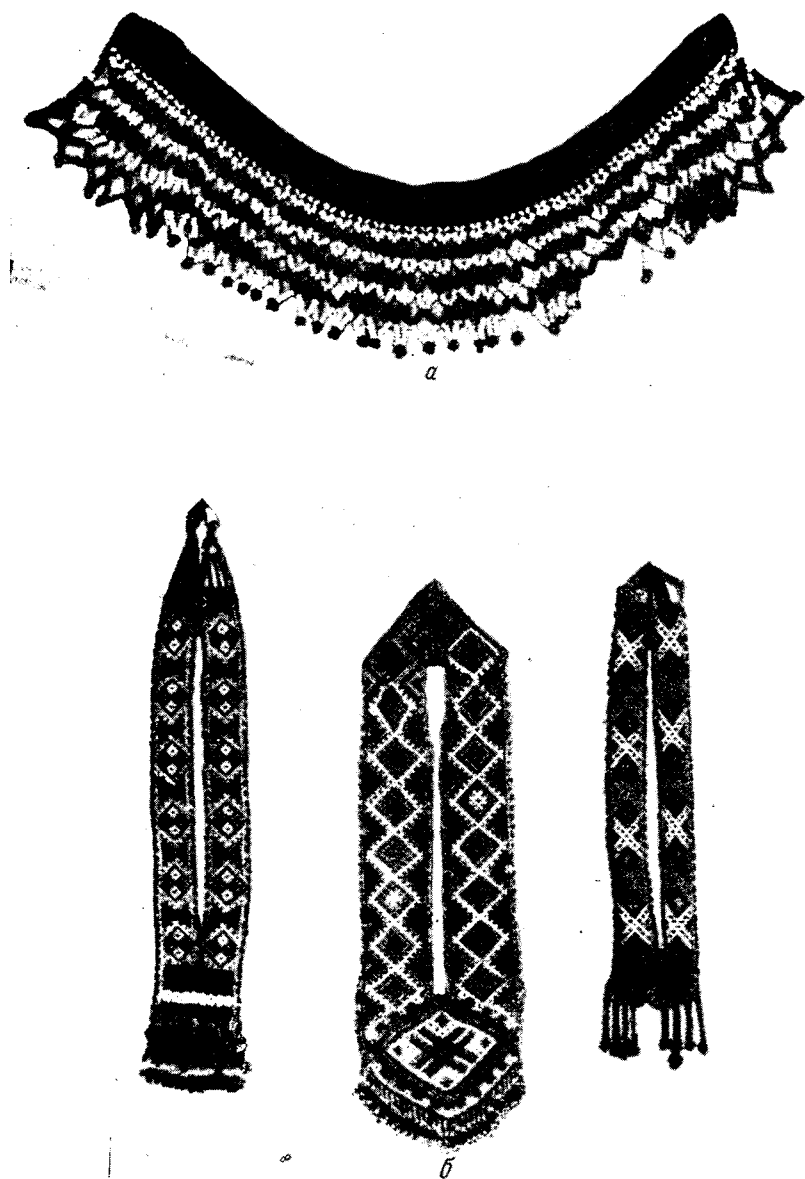
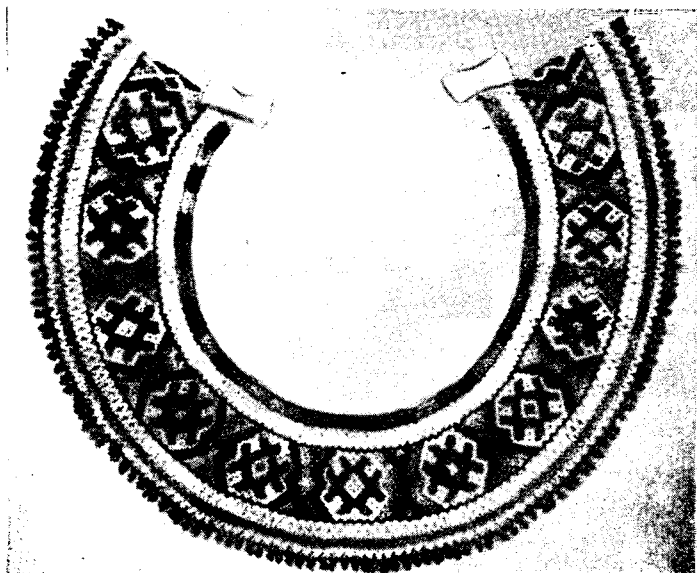

Рис. 5. Женские украшения из южновеликорусских областей (ГМЭ).
Фото А. А. Гречкина

бенностями. Сходство с русской одеждой больше проявлялось в типе сорочки. В мужском костюме западных областей древняя общность русской одежды сохранилась больше. Как и у русских, мужской костюм состоял из сорочки туникообразного покроя, носившейся на выпуклом поперек нешироких штанов. Узкие холщевые штаны были известны в Подолье, на Волыни и западных областях Украины под тем же, что и

а

б

Рис. 6. Женские шейные и нагрудные украшения: а — «си-
лянка»; Станиславская обл.; б — «гердани»; Львовская и Дро-
гобычская обл. (Львовский музей).

русских и белорусов, названием — «порты», «портяниці». Термины «та «ноговиці» для этой части одежды являются общеславянскими.

Туникообразный покрой мужской рубахи, видимо, известен восточнославянским народам с глубокой древности. В XIX в. он оставался типичным и был распространен у русских и большей части украинцев (рис. 7, а, б). О древности подобного рода рубахи можно заключить по тем немногим изображениям, которые дошли до нас еще от конца первого и начала второго тысячелетия н. э. (изображения скомороха на настенной росписи киевского Софийского собора IX в., изображение смерда в Псковском уставе XII—XIII вв. и некоторые другие). Рука

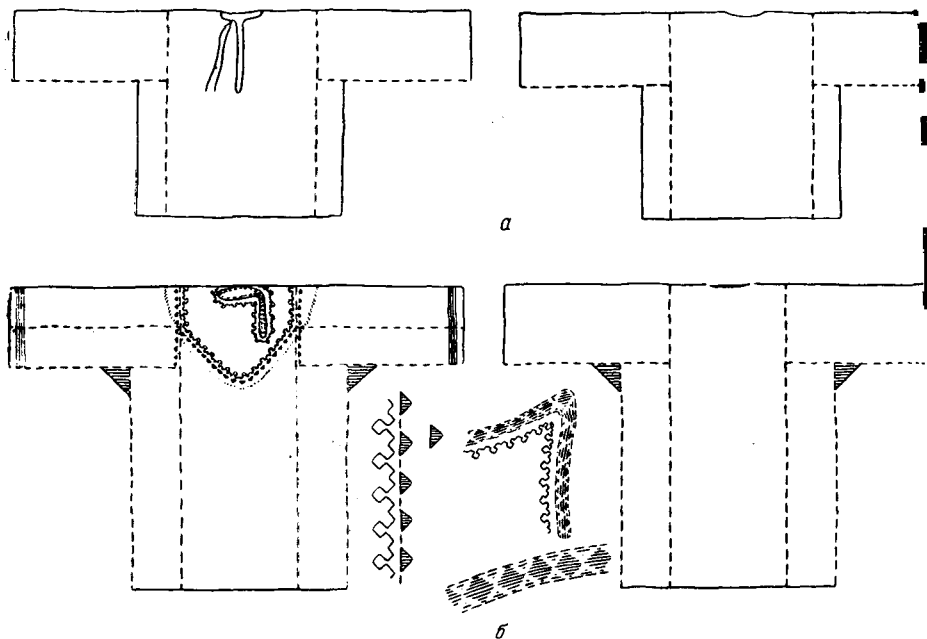

Рис. 7. Мужские рубахи: а — из Киевской обл., б. Бердичевский у.; б — из Курской обл. (ГМЭ)

прямого покроя с прямым разрезом ворота можно видеть на московских крестьянах в гравюрах А. Олсария, а также в образцах рубах XVII в. из коллекций Государственного исторического музея (в частности, имеется такого типа была рубаха Д. И. Пожарского, изученная Л. И. Якушиной). Современные, более полные этнографические и исторические данные позволяют выявить наиболее древний тип мужской рубахи, описывающий положение Ф. К. Волкова о том, что самым древним общевосточнославянским типом мужской рубахи была рубаха «з уставками», т. е. с поликами¹⁶. Мужская рубаха с поликами («кошуля»), судя по этнографическим данным, была распространена лишь в Белоруссии (прежде всего в ее восточной части еще в XIX в. четко прослеживалась, как более древний тип, туникообразная «сорочка») и местами на Украине, преимущественно в северных областях. Нельзя согласиться с Б. С. Познанским и Ф. К. Волковым¹⁷ и в том, что прямой туникообразный тип рубахи заимствован от татар или другого восточного народа. Оба автора полагали, что этот тип рубахи был занесен кочевыми

¹⁶ Ф. К. Волков, Указ. соч., стр. 589.

¹⁷ Б. С. Познанский, Одежда малоруссов, «Труды XII Археологического съезда в Харькове», т. III, М., 1905, стр. 191; Ф. К. Волков, Указ. соч., стр. 589.

тюркоязычными племенами и воспринят днепровским казачеством так же, как и способ ношения ее — забирание в широкие «очкурные» штаны. Если способ ношения рубахи, как и шаровары с широким шагом, действительно составлял традицию одежды степных кочевых племен, то туникообразный покрой рубахи с глубокой древности характерен для восточных славян, отличая их от многих кочевых народов, носивших в качестве нательной распашную одежду. Часть украинцев и русское население другого, более старого типа рубахи не знали.

Отмечая сходство одной из основных частей мужской одежды — рубахи — у русских и украинцев, нельзя не заметить и различий в ней, особенно в устройстве ворота (рис. 7), украшениях и прочем.

У русских широко распространилась косоворотка с разрезом на левой стороне груди; для украинцев осталась типичной сорочка с прямым (по середине груди) разрезом (то же у белорусов). Однако наряду с косовороткой русские еще долго носили сорочку с прямым разрезом, как это можно заключить по сохранившимся образцам XVII в., а также по этнографическим данным¹⁸, свидетельствующим, что местами еще в XIX в. косоворотка у русских крестьян была лишь праздничной одеждой, носившейся наряду с рубахой с прямым разрезом. Поэтому нельзя согласиться с проф. А. В. Арциховским¹⁹, который на основании миниатюры Псковского устава XII—XIII вв. сделал заключение о том, что косоворотка являлась в то время общерусской одеждой. Если в Псковской миниатюре действительно изображена косоворотка (что, впрочем, очень спорно), то для того времени общерусской одеждой она не была.

Распространение у русских косоворотки (так называемой «русской» рубахи), вероятно, шло параллельно распространению двубортной верхней одежды с глубоким запахом и застежкой на левой стороне²⁰. Эти явления, повидимому, связаны с формированием и развитием национального костюма великорусов. В дальнейшем косоворотка прикле к белорусам и частично к украинцам, преимущественно смежных с русскими областей.

В украинской сорочке обычна в качестве украшения прямоугольная нагрудная вышивка. Это основано на древней традиции, о чем свидетельствует нагрудная вышивка подобного типа, встречающаяся на изображениях VI и XII вв.²¹ На украинских сорочках XIX — начала XX в. нагрудная вышивка располагалась в виде двух более или менее широких полос по бокам прямого разреза или же делалась широкой («манишка», «пазушник») и сочеталась с боковым разрезом ворота (в наиболее северных областях), или с прямым (тогда она накладывалась на прямой разрез, прикрывая «пазуху»; отсюда ее название «пазушник»). В конце XIX — начале XX в. геометрические узоры в этой вышивке вытеснялись растительным узором. Местами (Черновицкая, Закарпатская области) для этой вышивки применялся разноцветный бисер (рис. 8, а).

В русских мужских косоворотках украшение в виде широкой прямоугольной нагрудной вышивки получает значительное распространение, главным образом в XIX в. Рубахи часто шили из покупной (бумажной, шерстяной) ткани; они составляли большей частью праздничную одежду молодых мужчин. Нагрудная вышивка выполнялась главным образом крестиком (часто — по канве), иногда гладью (рис. 8, б). Цветочные узоры и здесь получили большое применение.

¹⁸ D. Zelenin, Russische (ostslavische) Volkskunde, Berlin, 1927, стр. 199.

¹⁹ «История культуры древней Руси», т. I, гл. 5. Одежда, М.—Л., 1948, стр. 234—241.

²⁰ Мысль о параллельном развитии рубахи с боковым разрезом ворота и двубортной верхней одежды была высказана Н. П. Горбачевой.

²¹ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 82 — рис. 10 а и стр. 269 — рис. 61.

Общие черты прослеживаются также в мужских прическах и головных уборах. Общей старинной прической была стрижка «в кружок» («горшок» — у русских, «під макітру» — у украинцев). Один из древних типов головного убора представляла валяная шапка полусферической формы или в виде усеченного конуса («маргелка» — у белорусов, «гирка» — у украинцев, «яломок», «валёнка» — у русских). Остатки подобного рода войлочных головных уборов были найдены в курганах К

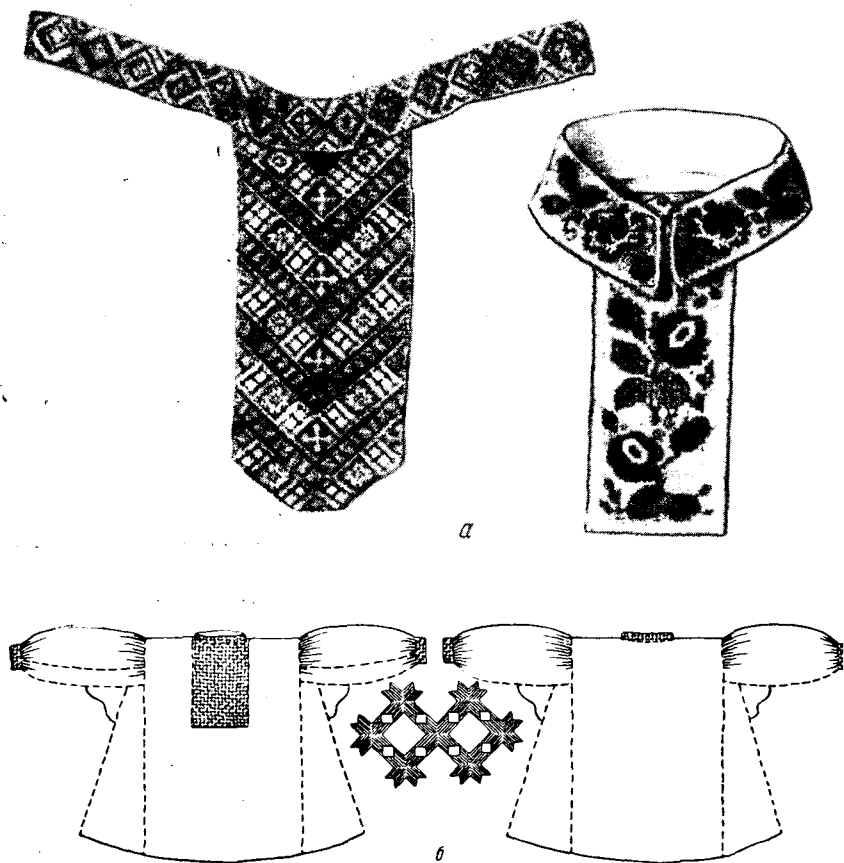

Рис. 8. а — «пазушники», вышитые бисером; дер. Задубровка Садгорского р-на Черновицкой обл. (Гос. исторический музей—ГИМ); б — мужская рубаша с вышитой грудью; Владимирская обл. (ГМЭ)

ской области²². Общеупотребительна была меховая шапка с ушами «треух», «клепаня», «малахай». В XIX в. у русских и украинцев распространяется картуз из фабричной ткани с козырьком, близкий по форме к военной фуражке. Его носили в городах рабочие, мещане, купцы; он распространился и в деревне, сначала в селениях, наиболее связанных с городом.

Немало общего и в других частях русской и украинской мужской и женской одежды (пояс, верхняя одежда, обувь).

Пояс у обоих народов издавна играл существенную роль и составлял обязательную принадлежность как мужской, так и женской одежды. Сходство обнаруживается в поясах, предназначенных для верхней одежды, так называемых кушаках — широких матерчатых поясах с характер-

²² Б. И. и В. И. Ханенко, Указ. соч., стр. II.

ным узором из продольных, иногда поперечных разноцветных полос. Распространенные у украинцев широкие одноцветные, преимущественно красные шерстяные пояса носили и русские Орловской, Курской областей (рис. 9). Аналогичен и способ изготовления этих поясов: натягивая нити основы по стене, их перебирали руками; это был своеобразный способ плетения, где нити основы являлись в то же время как бы и утком²³.

Такая деталь, как подвеска к мужскому поясу кожаной сумочки — «калиты», имела место и у русских (Орловская и другие области) и частично у украинцев (под тем же названием «калитка»). Наиболее распространена была «калита» у белорусов, как можно судить по этнографическим данным XIX в.

«Свита», «кожух», «япончица» — древние русские термины, служившие для обозначения верхней одежды. «Япончица», упомянутая в «Слове о полку Игореве»²⁴, видимо, была плащевидной одеждой. В XIX в. у украинцев бытовала дорожная широкая суконная одежда с капюшоном («відлогою») — «опонча» или «опона», у русских местами в качестве свадебной одежды употреблялась плащевидная «епанчица»²⁵. Трудно судить о покрое «свиты» и других видов

одежды, упоминаемых в ранних русских исторических памятниках, но можно предполагать, что она не была распашной. В дошедших до нас древнерусских памятниках (иконах, фресках, миниатюрах, литых металлических фигурках и т. п.) до XIV в. не встречается изображений распашной одежды. Можно думать, что до XIV в. такая одежда не была широко употребительна, хотя и могла быть известна (распашная одежда известна в Восточной Европе с глубокой древности, еще со скифского времени). В XV в. распашная одежда становится широко распространенной: она представлена в иллюстрациях рязанских и новгородских рукописей, в миниатюрах Кенигсбергской летописи и др.

«Свита», «сермяга», «зипун», «кафтан» имели много общего и по материалу, и по покрою. Русская суконная свита XVII в., найденная среди остатков одежды и жилища русских полярных мореходов на острове Фаддея (залив Симса)²⁶, имеет, по мнению Л. И. Якуниной, наиболее близкие аналогии в одной из украинских свиток XIX в.

В русской и украинской одежде можно проследить один и тот же процесс развития верхней одежды от более древнего прямого покроя к раскошенному, а затем снова к прямому. Старые украинские свитки и русские кафтаны и зипуны из домотканного сукна шили с цельной спинкой и боковыми клиньями («фанты», «сгибы» — у русских, «вуси» —

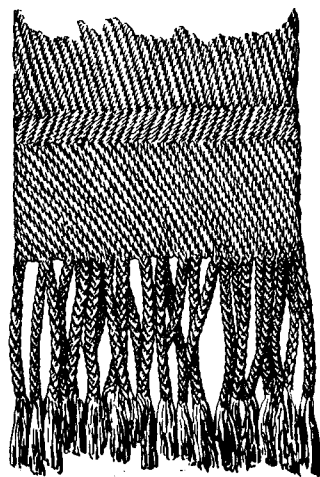

Рис. 9. Плетеный женский шерстяной пояс; дер. Трыковка Орловской обл., б. Карачевский у.

²³ Подобная техника применялась в западных областях Украины при плетении белой тонкой узорчатой ткани для женских чіпцов. Образцы такого плетения хранятся в Украинском государственном музее этнографии и художественного промысла в Львове и были любезно показаны автору статьи сотрудником музея С. И. Сидорович.

²⁴ «Слово о полку Игореве», М., 1945, стр. 60.

²⁵ П. С. Ефименко, Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. I, Труды этногр. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, кн. V, вып. 1, М., 1877, стр. 54.

²⁶ См. Л. И. Якунина, Фрагменты одежды и обуви русских полярных мореходов. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века», Л., 1951, стр. 179—186.

у украинцев), которые почти не нарушали прямого покроя спины. Вместе с тем, имелся покррой другой разновидности, в котором спина, хотя и оставалась неотрезной, суживалась в талии, а число вставных клин по бокам и сзади значительно увеличивалось (рис. 10, а, б). На юго-востоке встречался и покррой одежды (особенно распространившийся в XVIII—XIX вв.) с отрезной спиной (или целиком отрезной у талии) и пришитой от талии сборчатой частью («фалды», «трубы» — у русских, «рясы» у украинцев). Подобная одежда из фабричной ткани у русских назы-

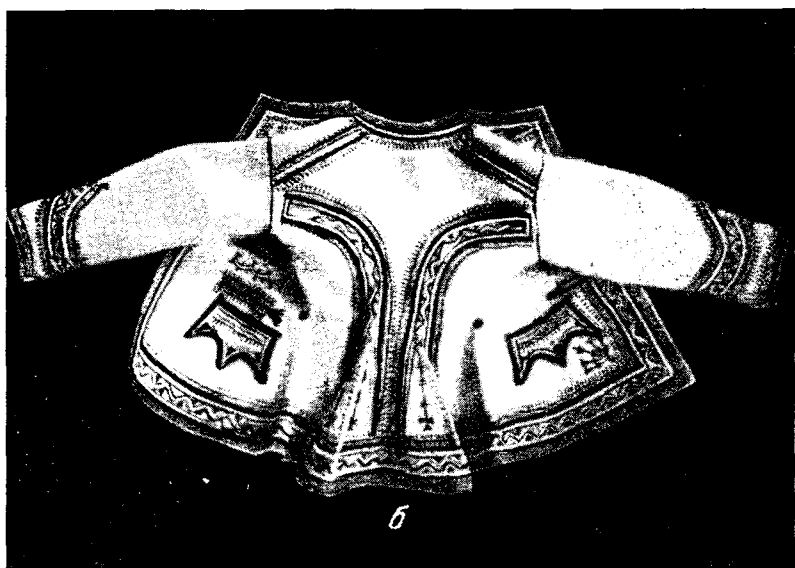
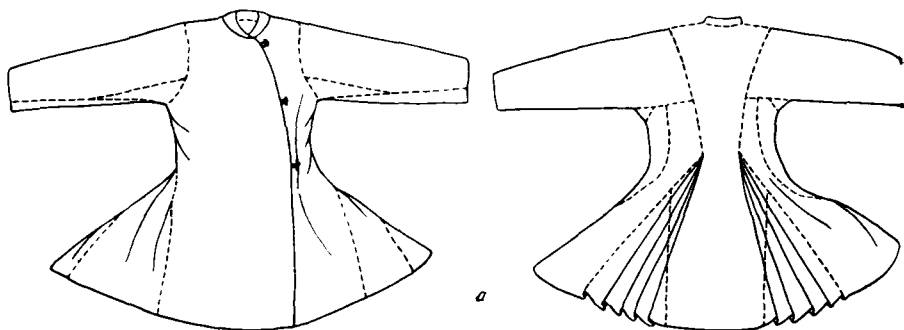

Рис. 10. Верхняя одежда: а — «пониток чекменем» из шерстяной ткани; дер. Мишнево Владимирской обл., б. Ковровский у. (ГМЭ); б — женский «кабат» из сукна; Рогатинский р-н Львовской обл. (Львовский музей)

лась «поддевка», у украинцев — «юбка». «чемарка»; того же покроя одежда из овчины у русских носила название «полушубок», у украинцев — «кожух» (рис. 11, а, б).

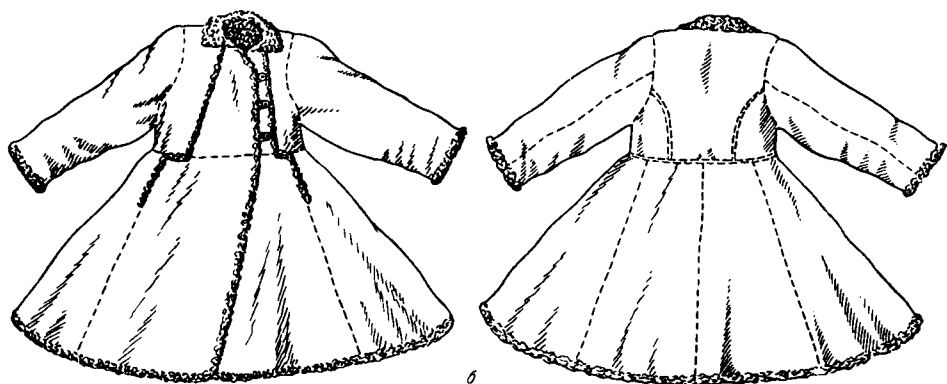
Следует обратить внимание еще на одну характерную особенность русской и украинской верхней одежды: ее двубортность, наличие глубокого захода правой полы на левую с плотной застежкой на несколько крючков или пуговиц. Распашная одежда в миниатюрах Кенигсбергской летописи, на гравюрах Мерберга и Олеария изображается однобортной. Когда произошел переход к двубортной одежде, сказать трудно. Достоверные сведения о ее бытовании относятся лишь к XVIII—XIX вв.; это,

однако, не означает, что ее не было ранее. У русских настолько установился обычай застегивания кафтана, зипуна на левой стороне, что застегивание на правую сторону считалось «грехом» (подобный факт был отмечен П. С. Ефименко у русских Архангельской области во второй половине XIX в.). Двубортная одежда с застегивками на левой стороне отличала русских от восточных и западных соседей, у которых пре-

а

б

Рис. 11. Верхняя одежда из овчины: а — полушубок; Курская обл. (ГМЭ); б — «кожух»; Переяслав-Хмельницкий р-н Киевской обл. (Экспедиция Д. В. Найдич, 1945 г.)

обладала однобортная или же запахивающаяся направо двубортная одежда. У украинцев также распространилась подобная русской двубортная одежда, но главным образом в тех областях, которые раньше всего воссоединились с Россией (рис. 11, б). В западных областях до настоящего времени в верхней одежде сохранилась старинная однобортность: полы одежды сходятся посередине, едва находя друг на друга.

У русских и украинцев имелся, а частично сохраняется и теперь, обычай надевать в дорогу дополнительную одежду поверх свиты, кафтана, шубы и т. п. Это оставшаяся однобортной халатообразная одежда, иногда сильно раскошенная внизу при помощи клиньев, обычно не имевшая застегжки и носившаяся нараспашку или подпоясанная кушаком. У русских этот вид одежды из овчины назывался «тулуп», из сукна — «армяк», «халат», «свита с шиворотом». У украинцев такая же одежда из овчины носила название «кожух тулубом», из сукна — «кобеняк», «сірак», «свита з кобеняком». Особенность украинской одежды подобного рода составлял надвигавшийся на лицо капюшон («відлога», «кобка», «каптур», «бородиця») с отверстиями для глаз.

Общим для украинских и русских крестьян являлся тип рабочей

одежды в виде «белого балахона» (русск.), «полотнянки» (укр.) — тана из холста, надевавшегося в холодное время поверх свиты, зили шубы.

В мужской и женской обуви русских и украинцев также имели общие черты. Кожаная крестьянская обувь — «постолы», «морще «ходоки» — была широко распространена на Украине еще в XI У русских ей соответствовали «поршни», «моршни», употреблявшие западных и северных областях для работы²⁷. Обувь этого типа на при раскопках древних Новгорода, Смоленска, Рязани, Москвы. Это стоятельство еще раз показывает ошибочность выводов Ф. К. Вол считавшего, что этот вид обуви у великорусов не встречается²⁸.

Плетеную и простейшую кожаную обувь носили с обертками из ста или сукна («онучи», «портянки» — у русских, «гонучи», «обгортк у украинцев) и привязывали к ноге «оборами» (русск.), «волок (укр.) из пеньки, шерсти и пр. Красные и черные шерстяные оборы треблялись гуцулками и русскими юго-западных областей, ременные ры, преимущественно мужские, — украинцами и русскими, особенно стухами. Они являлись древней составной частью обуви: металлические колечки, подобные тем, которые имелись на концах обор, находят в ганных погребениях.

Что касается кожаной обуви с пришивной подошвой и каблуком, как свидетельствуют археологические и другие данные, производство на Руси уже в XII—XIV вв. достигло высокого уровня²⁹. По этнофическим данным XIX в., крестьянской обувью такого типа явля женские низкие башмаки — «коты» (русск.), «черевики» (укр.), а та сапоги или чоботы, которые большинству сельского населения служ только праздничной обувью.

Валяная обувь с высоким голенищем — «валенки», «катан (русск.), «валінці» (укр.) — изготовлялась из овечьей шерсти. Впер твердые, сделанные по колодке, валяные сапоги, отличные от мяг войлочной обуви, стали делать в начале XIX в. русские ремесники б. Семеновского уезда Нижегородской губернии³⁰. Низкая валя обувь без голенища или с холщевым голенищем существовала да Работая над изготовлением валяного сапога, семеновские валяльщ сначала делали низкие валенки и отдельно голенища к ним, кото затем сшивали друг с другом, но вскоре перешли к изготовлению ц ного валяного сапога. Производство валенок быстро распространил В середине — второй половине XIX в. валенки носили почти повс

Рассмотрение народной русской и украинской одежды выявляе черты общности, отражающие единство происхождения и различн исторические периоды совместной жизни русского и украинского наро дов. Древняя общность, восходящая ко времени существования едино древнерусской народности, прослеживается в мужской одежде (тунико образная рубаха, штаны с нешироким шагом, шапка — валёнка), в женской одежде (типы сорочки с поликами, близкие типы набедренно одежды, полотняные головные уборы с основой из лубяного обру ча, девичьи головные уборы и пр.), в украшениях (бисерные украшения применение птичьих перьев и др.), в типах старинной обуви и многог другом. Некоторые из перечисленных черт являются общеславянскими

²⁷ Н. А. И в а н и ц к и й, Материалы по этнографии Вологодской губ., «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», под ред. Харузин. «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды этногр. отд. т. XI, вып. X, М., 1890, стр. 19; см. также полевые материалы Н. И. Лебедевой по Новгородскому краю и автора по Калининской области, Архив Ин-та этнографии АН СССР.

²⁸ Ф. К. Волков, Указ. соч., стр. 575.

²⁹ Л. И. Я к у н и н а, Новгородская обувь XII—XIV вв., «Краткие сообщения ИИМК», т. XII, М.—Л., 1947, стр. 38—48.

³⁰ Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, вып. V СПб., 1880, стр. 588—589.

Общность древней основы в одежде прослеживается более или менее четко у всех групп русских и украинцев. Даже население западных областей Украины, несмотря на насильственную многовековую оторванность от остальной массы украинского народа и особенно жестокий национальный гнет, сохранило свой язык, обычаи, материальную культуру, выражавшие его национальное самосознание.

В горных областях Украины в силу известной изолированности населения, а особенно в силу слабого развития товарно-денежных отношений, долго сохранялись такие древние особенности одежды и украшений, которые давно исчезли у других групп восточнославянских народов (например, металлические нагрудные украшения, девичий венец).

Народная украинская одежда центральных и восточных областей приобрела свои особенности в связи с иными историческими судьбами населения. В частности, большое значение имело то, что население этих областей раньше воссоединилось с братским русским народом. С этого времени тесные культурные связи двух народов отразились в костюме: распространилась двубортная верхняя одежда, специфические ее типы — поддевка, полушубок (кожух), типы женских головных уборов (очіпок, повойник). В XIX в. распространяется женская кірсетка, типы кожаной и валяной обуви, картуз и многое другое. Особая близость обнаруживается в одежде населения пограничных русских и украинских областей (Черниговской, Харьковской, Курской, Воронежской и др.), сложившаяся в результате длительного тесного общения и миграции населения.

Усиление экономических связей украинского и русского народов после их воссоединения в едином государстве оказывало огромное влияние на народный костюм. Украинские купцы привозили в Россию кожу, шерсть, пеньку, текстильные художественные изделия (килимы, рушники), украинские «золотари» изготовляли украшения и для русских женщин. На Украину привозились изделия русских ремесленников — пестрядь, сарпинка, овчинные шубы, полушубки, тулупы, валенки, производство которых было сосредоточено главным образом в центральных нечерноземных областях. Огромное значение имело развитие в России в XIX в. промышленности — фабричного производства хлопчатобумажных и шерстяных тканей. Русские ситцы, платки, шали, галантерейные товары распространялись повсеместно. С развитием капитализма легкие фабричные ткани все более вытесняют тяжелую домотканину, а нового типа городское платье проникает в деревню.

В настоящее время в одежде русского и украинского колхозного крестьянства произошли огромные изменения. Традиционная одежда имеет лишь весьма ограниченное, локальное применение. Однако лучшие традиции народного творчества в области одежды находят дальнейшее развитие в современности. В то же время все шире становится обмен творческим опытом между народами. Современные мужские сорочки: «украинка» — из фабричного полотна с вышитым отложным воротником и «гуцулка» — с широкой многоцветной вышивкой на груди и небольшим стоячим воротником, представляющие дальнейшее развитие традиционных типов украинских мужских сорочек, а также «украинка» — женская сорочка с пышными рукавами, — широко вошли в быт русского и других народов Советского Союза. С другой стороны, косоворотка, разнообразные сарафаны и другие виды русской одежды, также в измененном виде, вошли в современный обиход украинского народа. Широкий творческий обмен опытом между двумя братскими народами имеет место и в области современного декоративного прикладного искусства, где получают огромное применение разнообразные приемы украшения одежды: используется характерная ткань украинской плахты, техника и узоры русского ткачества, вышивка русских и украинок.

Все это ярко свидетельствует о дальнейшем усилении культурных связей между двумя братскими народами.

Г. С. СУХОБРУС

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩНОСТИ РУССКОГО И УКРАИНСКО НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА *

Многовековое фольклорное наследие русского и украинского народов вызывает чувство законной патриотической гордости; при изучении под социально-политическим углом зрения в нем раскрываются первые прогрессивные идеалы своего времени, рожденные конкретно-историческим бытием трудящихся.

В классовых антагонистических формациях, где создателем и носителем народного творчества является трудящаяся эксплуатируемая масса, условия жизни которой, по известному выражению В. И. Ленина, неизменно порождают идеологию демократическую и социалистическую, народное творчество является одним из важнейших элементов этой демократической и социалистической культуры, — элементов, которые, как у В. И. Ленина, формируют интернациональную культуру демократизма всемирного рабочего движения¹.

Именно эту идеологию, выраженную в героико-патриотических разностях народной поэзии, надо иметь в виду, исследуя основные черты общности русского и украинского дооктябрьского фольклора. Именно она являясь прогрессивным ведущим звеном в живом фольклорном процессе прошлого, была предметом постоянного взаимодействия и взаимообогащения поэтического творчества этих братских народов, столь близких и языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории.

При этом, конечно, нельзя забывать, что в дооктябрьском фольклоре как русского, так и украинского народов, наряду с ведущими революционно-освободительными идеями, нередко, будто накипь, проявлялись консервативные взгляды, суеверия и т. п., порожденные многовековым угнетением трудящихся. Но все это, вносимое или поддерживаемое на протяжении столетий эксплуататорами с целью притупления классовой борьбы, не составляло основного, ведущего звена в развитии поэтического творчества двух свободолюбивых братских народов. Основным, ведущим звеном были революционно-освободительные идеи, которые отражали жизненные, прогрессивно-демократические и социалистические стремления трудящихся. Они получили наилучшее выражение в героико-патриотических произведениях. Для данной работы берется только наиболее типичный, наиболее яркий материал, позволяющий отметить отдельные вехи в огромном и сложном процессе исторического развития русской и украинской народной поэзии.

* * *

Исследуя русское и украинское народно-поэтическое творчество, обязательно надо иметь в виду фольклорное наследие древнерусской народности, которая была общим корнем исторического развития восточнославянских народов.

* Доклад, прочитанный 15 апреля 1954 г. на сессии Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8.

вянских народов. Отзвуки этого творчества мы находим не только в памятниках древней письменности, но и в более поздней фольклорной традиции.

Известно, что освободительная борьба трудящихся Киевской Руси уже в XII в. была направлена как против иноземных поработителей, так и против феодально-княжеской эксплуатации, против разрушительных удельных усобиц князей, за государственное объединение и укрепление отечественных земель. Эта продолжительная напряженная борьба обусловила появление героического былинного эпоса, который уже в то время, будучи вначале общим продуктом поэтического творчества восточнославянских народов, ярко отражал демократический характер патриотизма трудящихся.

Патриотизм самого любимого богатыря, мужицкого сына Ильи Муромца состоит в том, что он прежде всего выступает защитником интересов угнетенных масс. В тревожные дни вражеского натиска иноземных захватчиков он самоотверженно шел в бой не ради князя Владимира, а ради земли русской, за стольный Киев-град, за вдов, за сирот, за бедных людей.

Освободительные идеи, глубокий патриотизм былинного эпоса определили его жизненную силу и способствовали активному творческому усвоению богатырских былинных образов фольклором восточнославянских народов в его дальнейшем историческом развитии. «Русская народная поэзия кишит богатырями...», — справедливо отмечал В. Г. Белинский².

Обилием богатырей отличается и украинская народная поэзия. Мы имеем в виду не только сказки об Илье Муромце, но и огромный цикл героических сказок о богатырях-змееборцах. Сюда же относятся бытующие на Украине героические легенды о борьбе русичей с иноземными захватчиками, например, легенда о победе древнерусского богатыря Никиты Кожемяки над печенегами³, а также легенда о патриотическом подвиге женщины-воина — Перепетихи⁴. Образ первой легенды широко распространен также в русском и украинском сказочном материале. Второму образу во многом соответствуют былинные Поляницы.

С богатырскими образами русских былин во многом сближаются по характеру обрисовки и герои украинских народных дум и исторических песен. Таких героев мы видим, например, в думе «Про Івася Коновченка», «Про Івана Богуславця», в песне «Про Нечая». Величественными богатырями изображаются и исторические личности, защитники народа и выраители народных интересов: Палий, Довбуш, Кармелюк.

* * *

Общая многовековая борьба русского и украинского народов против социального и национального гнета, особенно ярко проявившаяся после воссоединения Украины с Россией, укрепление дружбы и политического единства двух братских народов в процессе этой борьбы способствовали активному развитию общих героико-патриотических черт русского и украинского фольклора. Эта общность наблюдается прежде всего в идейно-тематической основе многих произведений, в изображении положительного героя, в выражении революционных идеалов, во взаимном усвоении образов.

Одной из наиболее распространенных общих героико-патриотических тем русского и украинского фольклора эпохи феодализма является тема антикрепостнических крестьянских восстаний и освободительных войн.

² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VI, СПб., 1903, стр. 463.

³ Легенда широко бытует и теперь в Переяслав-Хмельницком районе.

⁴ Легенда опубликована в книге В. Шульгина «О состоянии женщины в России до Петра Великого», Киев, 1850.

Положительными героями в народной поэзии на эту тему выступили группы народных мстителей (казаки, гайдамаки, опришки) или отдельные руководители стихийных крестьянских восстаний (Разин, Пугачев, Палий, Довбуш, Кармелюк). Подчеркивая вольнолюбивую деятельность своих героев, народ изображает их организаторами вольниц. Они действуют на просторах «Волги-матушки» (Разин); на тихих водах «мильца-Дона» (Ермак, Пугачев, Платов); на «Дніпрі-славуті» (запорозьці); на «високих гірських полонинах» (опришки), в «темних лісах» (гайдамаки). Они — защитники голи бедняцкой, кровная связь с которой ярко отображается в русском и украинском фольклоре:

...Братцы, вы, мои, казаченьки,
А й ну и голь же, голь бедняцкая,
...Товарищи, вы други любезные...

говорит, например, обращаясь к своим казакам, Степан Разин⁵.

Характерно, что и в русской и в украинской народной поэзии такие обращения народного героя к своим товарищам-сподвижникам представляют собой патриотический клич, мобилизующий массы на борьбу против феодально-крепостнического гнета и иноземного порабощения. Так, в русских исторических песнях Пугачев «созывает вольных людей: «чтоб не царствовал род дворянский, а вольготно бы жил люд крестьянский»⁶. Аналогичный клич бросает козацкой голоте Хвесько Ганжук, герой одноименной украинской думы⁷.

Патриотической идеей служения отечеству пронизаны поэтические обращения Богдана Хмельницкого к запорожским казакам в украинской думе и Платова к донским казакам в русских исторических песнях. Сила патриотических освободительных стремлений двух братских народов показана в образах непокоримых народных героев, которые, будучи смертельно ранены, плененные врагом или подвергнутые нечеловеческим пыткам палачей, остаются верными своей родине и полны непримиримой ненависти к врагу. Так, в известной украинской песне о Нечаях поется, что герою в неравном бою «знято з пліч головоньку», но даже и в таком состоянии он обращается с просьбой к матери помочь ему вернуть жизненную силу, чтобы отомстить врагу:

Подай, мамко, шовку
Най зв'яжу головку,

Та й поїду ще й здогоню
Ворожого полку⁸.

Образ народного героя-казака, патриота своей отчизны, представлен в широко известной украинской песне о Байде. Попавши в плен к турецкому султану, Байда наотрез отказывается служить ему. Повешенный турецким царем на крюк за ребро, испытывая тяжкие муки, он находит в себе силы отомстить врагу кровью за кровь. Образ такого же непокоренного патриота, плененного татарским царем, встречаем в русской исторической песне «Под Конотоповым было городом». Эта песня привлекает наше внимание еще и тем, что в ней отображена общая героическая битва русского и украинского народов против крымских

⁵ А. М. Листопадов, Былинно-песенное творчество Дона, Ростов н/Д, 1948, № 63.

⁶ «Исторические песни», Библиотека поэта, мал. серия, 2-е изд., «Сов. писатель», Л., 1951, стр. 274.

⁷ Сборн. «Думи та історичні пісні», Бібліотека поета, № 2, Київ, 1941, стр. 132.

⁸ Сборники: «Думи та історичні пісні», стр. 108, «Исторические песни», стр. 320.

⁹ Записано автором 30 июня 1944 г. в с. Кетросах Ямпольского района Винницкой области от М. И. Бондар, 86 лет. Рукописные фонды Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

татар, которые вскоре после воссоединения Украины с Россией стремились отторгнуть и захватить в свое владение южноукраинские земли. Верным сыном своего народа, своей родины в этой песне показан воевода Семен Романович Пожарский. Попавши в плен к татарам, он так же, как и Байда, отказывается служить татарскому царю и гневным сарказмом разит врага, толкающего героя на измену родине:

...Как бы у меня были скоро ноги не связаны...
Как была бы у молодца в руках сабля вострая,
Послужил бы я тебе верою и правдою —
Над твоею шеей толстою!..¹⁰

Герои-патриоты и в русской и в украинской народной поэзии представлены бескорыстными людьми, борцами за общенародные интересы. Чаще всего это выражается в ответе героя русскому царю, который хочет наградить его за патриотические подвиги высокими чинами или золотой казной. Интересную параллель в этом отношении представляют украинская песня «Про Палія та Мазепу» и русская «Как у нас было, братцы, на святой Руси». В первой герой отвечает царю:

...Ой, не хочу я, велик світ государю, До віку некрутів брати,
Великої плати брати, А ні некрутів, а ні подушного,
Тільки не подозволяйте із України А ні якої плати!¹¹

Во второй:

...Ой да вот не надобно мне чинов, золотой казны,
Ты пожалуй меня вот и волей вольною:
Не стоять во строю, а и быть во темном лесу
Ой да во темных-то лесах, гулять во диких степях!¹²

Распространенные в русских исторических песнях поэтические обращения героев к казакам донским, гребенским и запорожским выразительно подчеркивают единство двух братских народов, их нерушимую дружбу в борьбе за освобождение. Об этом свидетельствуют также и поэтические пожелания, представленные в концовках украинских дум:

... Буде слава славна	Війська запорозького,
Поміж козаками,	Донського,
Поміж друзями,	З всією чернью Дніпровою,
Поміж лицарями,	Низовою,
Поміж добримі молодцями.	На многі літа,
Утверди, боже, люду царського,	До кінця віка! ¹³
Народу християнського,	

В повествовательном антикрепостническом фольклоре двух братских народов наблюдается та же самая общность идей, тем, образов и революционно-демократических идеалов. Непримируемая ненависть к эксплуататорам, беспощадная расправа с ними, раздача их богатств, нажитых подневольным чужим трудом угнетенных — основные, типические, общие черты легенд и сказаний о Разине, Пугачеве, Довбуше, Кармелюке и других. «Панів убивав, а бідних нагаждав. Такий він був...», — говорится в украинских народных рассказах о Кармелюке¹⁴. В легендах

¹⁰ «Песни, собранные П. В. Киреевским», стар. серия, вып. VII, № 1, стр. 25—26.

¹¹ Сборн. «Політичні пісні українського народу XVIII—XIX ст.», з увагами М. Драгоманова, ч. 1, разд. 2, Женева, 1885, стр. 12.

¹² А. М. Листопадов, Указ. раб., № 102.

¹³ Сборн. «Думи та історичні пісні», стр. 64.

¹⁴ Журн. «Український фольклор», кн. 2, Київ, 1937, стр. 77.

о Засорине, который вместе с Гаркушей выступал против па в конце XVIII столетия на Полтавщине, проводится та же са мысль. Когда к Засорину в тюрьму пришел сам царь, говорит леге и спросил: «Ну, шо, Засорин, ти покаешся, чи ні?», он ответил: «В царское величество! Я душ праведних не гублю! Я ситих оббирае нагих награждаю»¹⁵.

Это же сюжетное положение — народный герой отнимает у бога, нагбенное ими богатство и отдает его голытьбе — очень распро нено и в русских народных рассказах о Степане Разине и Емельяне. гачеве. Так, например, о Пугачеве рассказывается, что он «являлс богатым, требовал у них хлеба и денег, раздавал то и другое беа кам»¹⁶. Подобные же рассказы о Разине записал в своем «Дневни Т. Г. Шевченко, возвращаясь из ссылки. Поэт-демократ обратил осо ное внимание на то, что в народном представлении Разин был защ ником интересов трудящихся, держал брандвахту на Волге, соби пошлину с кораблей и раздавал ее бедным людям. Т. Г. Шевченко: бовно называл Разина славным рыцарем народным, пугалом моск ского царя и персидского хана¹⁷.

Одинаково в русском и украинском народном творчестве изо бжаются свободолюбивые стремления народных мстителей. Закован в кандалы или подвергнутые тюремному заключению, они неизмеа выходят на свободу, чтобы продолжать начатое дело:

«Стенька тряхнул ногой, и железы прочь полетели»¹⁸.

«Кармелюк стріпнеться, рвоне, і кайдани спадають з його рук»¹⁹.

«Кармелюк... мав при собі таку силу, що як в тюрмі намалює стіні човна, сяде в нього з молодцями та й виїде на волю»²⁰.

Так же изображаются в украинских легендах и побеги Засорин: «...Посидів Засорин у острозі, обібрався день сонячний, тихий. Напуст Засорин повний острог води, вималював лодку, забрав усіх невольник і поїхали лодкою. Ніхто не бачив, де вони й ділись»²¹.

Этот поэтический прием изображения побега героя из тюрьмы пр меняется и в русских легендах о Степане Разине: «Возьмет угоа напишет тем углем на стене лодку, насажает в ту лодку колоа ников, плеснет водой: река разольется от острога до самой Волг. Стенька с молодцами грянут песни — да на Волгу. Ну, и помине как звали»²².

Поэтическая гиперболизация народного творчества является выраж нием заострения и обобщения художественного образа, созданного тр дьящимися.

Кроме идейно-тематической и образной общности, в русской и укр инской народной поэзии исследуемого периода наблюдается также тво ческое взаимоусвоение отдельных произведений. Это ясно видно хотя б на примере рекрутских и солдатских песен, песен об Отечественной вой 1812 г., о работе на литейных заводах, на рытье каналов и других. Со данные в русской армии, где служили и русские и украинцы, на тяж лых земляных работах по сооружению каналов и военных крепост или же на отхожих промыслах и заводах, эти песни сохраняют текст

¹⁵ В. Милорадович, Средняя Лубенщина, «Киевская старина», IX, 190 стр. 254.

¹⁶ А. Н. Лозанова, Песни и сказания о Разине и Пугачеве, Изд. «Academia» 1935, стр. 211.

¹⁷ Т. Г. Шевченко, Повна збірка творів в трьох томах, т. III, Київ, 194 стр. 167—168.

¹⁸ А. Н. Лозанова, Указ. раб., стр. 104—111.

¹⁹ «Український фольклор», кн. 2, 1937, стр. 80.

²⁰ Там же, стр. 78.

²¹ В. Милорадович, Указ. раб., стр. 254.

²² А. Н. Лозанова, Указ. раб., стр. 111.

альное сходство, имеют как бы две редакции: русскую и украинскую. Они являются также неопровержимым доказательством идейного и культурного единения двух братских народов. В качестве примера сопоставим русскую и украинскую песню о работах на канале:

От Корякова до Актава семисотны версты,
Прознобили козаченьки у рук, у ног персты,
У рук, у ног персты, считаючи версты.
Мы к Актаву подходили, на гору всходили:
Что на той ли на горе стояла палатка:
Как из этой из палатки выходил молодчик,
Выходил молодчик, анжинер поруччик.
Выдает он расплату: керки и лопаты.
Уж мы керки получали, сашенцы копали,
Землю выкидали, дерном устиляли,
Дерном устиляли, житье проклинали:
— Распроклятое житье, вся козачья доля,
Над рекою Монакою выросло древо,
Выросло древо, березонька бела.
Как на этой на березе сидит птица пава,
Кричит пава: «Запропала вся казачья слава...»²³

В украинской песне (записанной в Полтавской губ. еще в 1856 г.) заметна незначительная перестановка строк и сильное влияние русского языка. Однако назвать механической «калькой» эту песню нельзя, так как в ней сохранена присущая украинскому песенному творчеству образная система (например, образ голуба, голубчика).

Ой, у полі берьозушка тонка, кучерява,
А на етой берьозушкі сидить птица пава;
Кричит пава: распропала салдацькая слава.
От тепер нам, салдатушкам, поход ісказали
От Києва до Казані, до етой управи.
Ми управи ісходили, налево смотрили;
Ми налево посмотрили, к шатру приходили,
А с під того шатьорка вилітав голубчик.
То не голуб, не голубчик, молодой поруччик.
Он виносить нам расплату: заступ, ще й лопату,
Приказує роботати, канави копати.
Мы канавушку копали, службу проклинали:
Распроклятая такая, служба земляная!
А хто в службі не буває, той горя не знає...²⁴

В других вариантах украинских песен о работах по прорытию канала образ «розплаты» (т. е. оплаты) имеет более конкретную социальную окраску, благодаря чему песня приобретает выразительную антицаристскую направленность:

... Ой, дала ж, дала славным
запорозцям
Та цариця заплати:
Ой, понабивала на ноги кайдани,
Дала в руки лопати,

Ох, да послала на «легку» роботу
Та канави копати.
Ой, летить ворон та із чужих
сторон,
Да летючи ж криче:

²³ Сборн. «Політичні пісні українського народу XVIII—XIX ст.», з увагами М. Драгоманова, ч. I, розд. 2, стр. 87—88 (записано около Семипалатинска Н. Потаниным, см. «Этнографический сборник», VI, стр. 114—115).

²⁴ Сборн. «Політичні пісні українського народу...», ч. I, розд. 2, стр. 89.

Ой, сидить козак да над канавою
Та жалібненько плаче.
Ой, летить ворон та із чужих сторон,
Та він крылами має.
Ой сидить козак та над канавою,

Сорочку латає...
— Поздоров, боже, царя Костянтина,
А царицю Катерину,
Що будем обдерті, та будем топтати
Із китайки онучі²⁵.

Значительный интерес может представить также сопоставление русских и украинских песен о работе на литейных заводах. Мы имеем виду русскую песню «Уж ты ворон сизокрылый» и украинскую «Хви з моря, вітер з поля...» Совпадая текстуально, эти песни имеют ищую революционную направленность: в первой молодец выливает заводе медные трубы (пушки), чтобы помочь Пугачеву, и сам принимает участие в народном восстании; во второй он вместе с товарищами: мает эти трубы, восставая против заводчиков. Сопоставим наиболее сходные строфы:

Уж ты, ворон сизокрылый,
Ты скажи, где мой милый.
А твой милый на работе
На литейном, на заводе,
Не пьет милый, не гуляет,
Медны трубы выливает
Медные трубы выливает,
Емельяну помогает,
Прошла слава по народу,
Что Пугач казачья роду.
Твой то милый — тож казак,
Помогать казакам рад...²⁶.

Ой, ти, орло сизокрилий,
Скажи мені правдоньку, де мій
милый.
А твій милый на роботі
Ой, дай на литейному заводі.
Ой, він робить, не гуляє
Ой, дай мідні трубоньки виливає.
... Наробили хлопці лому
Пішла паронька по заводу,
Ой, да пішла славонька по народу²⁷.

Образ Пугачева в русской песне свидетельствует об огромной действенной силе пугачевских восстаний, охвативших в 1773—1774 гг. почти всю европейскую часть России. Память о Пугачеве жила в народе, хотя даже упоминание о нем преследовалось властями. А песни, некогда певшиеся о Пугачеве и его соратниках, творчески применились к другим героям русского и украинского народов. В этом отношении особенно интересной является творческая переработка тюремной песни об одном из сподвижников Пугачева казаке Чике (Зарубине) «Ты, звезда ли, моя звездочка». Эта песня первоначально была сложена об известном деятеле, участнике семилетней войны З. Г. Чернышеве и рассказывала о заключении Чернышева «во Кистрине крепком городе». В годы пугачевского восстания она была переработана в песнь о пленном пугачевце и связалась с именем Чики, которого называли Чернышевым. Так эта песнь и стали петь. В XIX в. песнь подверглась новой переработке. Она стала говорить о ссылке великого украинского поэта-революционера Т. Г. Шевченко²⁸. В песне он назван невольничком:

... Что во той тюрьме невольничек —
Черноглаз Тарас Григорьевич.
По тюремке он похаживает,
Кандалами он побрякивает;

— Кандалы вы мои крепкие,
Переменушки на всё редкие;
Испотерлись мои ноженки
По сибирской по дороженьке,
По широкой.

²⁵ Сб. «Політичні пісні українського народу...», стр. 99 (записано в Киевской губернии в 1863 г.).

²⁶ Сб. «Исторические песни», стр. 280.

²⁷ Рукописные фонды Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР; записи М. П. Лиждвой.

²⁸ Песня записана в Каменке-Уральском. По сведениям исполнительницы, она широко бытовала на Урале в 70-х годах XIX в. Опубликовано в книге: «Исторические

* * *

Общность русской и украинской народной поэзии, проявлявшаяся на протяжении многих столетий, стала еще выразительнее в период империализма, когда в России развивалось массовое рабочее революционное движение, когда самый революционный класс — пролетариат, руководимый своим боевым авангардом — Коммунистической партией, возглавил общую борьбу всех народов царской России за социалистическую революцию.

Ярчайшим проявлением общности русского и украинского народного творчества в этот период было взаимоусвоение революционной поэзии, рожденной в огне освободительной пролетарской борьбы. Огромную роль в развитии этого процесса сыграла русская пролетарская поэзия, созданная поэтами-революционерами — пламенными борцами и агитаторами за свержение царизма, за построение нового, социалистического общества. Основной фонд этой боевой поэзии, мобилизующей и организующей широкие массы трудящихся, призывающей их к борьбе за общепролетарское дело, составляли такие песни, как: «Варшавянка», «Беснуйтесь тираны», «Красное знамя» Г. Кржижановского, «Смело, товарищи, в ногу» Л. Радина, «Интернационал» в переводе А. Коца, «Мы кузнецы» Ф. Шкулева. Эти песни содержали боевой призыв к революционному уничтожению старого мира — царства тиранов и к построению нового мира — царства свободы, братства семьи трудовой, сплоченной вокруг красного знамени — символа международного пролетарского единения и великих завоеваний социализма. Впервые поднятая как боевое знамя борьбы за социализм передовым русским рабочим классом, пролетарская поэзия с 1900-х годов начала широко распространяться во всероссийском масштабе через большевистскую печать.

Могучей волной была вынесена она и на арену революционной борьбы украинского народа, кровно связанного братскими узами с передовым русским народом. Так, начиная с 1905 г., на Украине широко бытовали многочисленные революционные песни, созданные по мотивам «Марсельезы», но включающие, в отличие от последней, боевые революционно-освободительные пролетарские призывы, присущие вышеупомянутым образцам русской пролетарской поэзии. Особенно показательна в этом отношении «Марсельеза» — «Над залитою кровью землею»²⁹. И в идейном, и в образном отношении она явно созвучна с русской пролетарской поэзией, в частности с песнями Г. Кржижановского и Л. Радина. В ней выражены интернациональные пролетарские идеи, выражено осознание роли рабочего класса — гегемона революции:

Над залитою кров'ю землею
Ніч похмура, туманна стоїть,
А в тумані під сірою млою
Бій кривавий останій кипить
... Гей, пролетарство, щільніше
в ряди!
Кров'ю за кров всім тиранам,
Тільки смертю платімо за рани,
Тільки смертю ми знищим катів.

Але зійде під сірим туманом
Пролетарське сонце ясне,
Запалають вертепи тиранів
Царство визиску, горя мине.
І з'єднаються бідні, убогі
У велику робочу сім'ю,
На руїнах неволі старої
Праця викує долю свою.

Кроме многочисленных творчески переработанных «марсельез», на Украине, начиная с 1905 г., через подпольные большевистские прокламации, листовки и другими путями, определяемыми большевистскими

сказы и песни». Собрал и составил В. П. Бирюков, Челябинское областное изд-во, 1949, стр. 57.

²⁹ Опубликована в сборн. «Робітничі визвольні пісні», Видавництво комуністичної партії Східної Галичини та Буковини, Київ, 1919, стр. 5—6.

комитетами РСДРП Харькова, Луганска, Екатеринослава, Киева, Николаева, Одессы и других городов, широко распространялись в массово творчески усвоенные русские пролетарские песни: «Интернаціон «Сміло, товарищі, в ногу», «Варшав'янка», «Червоний прапор». Многие из этих песен в творческой переработке бытовали и в Западной Украине. Свидетельством этого может быть хотя бы сборник «Робітничі пісні» изданный в 1908 г. во Львове.

Революционные песни получили распространение и в Буковине Украины. Особенно показательным фактом в этом отношении является творческая переработка песни Л. Радина «Смело, товарищи, в ногу», в которой концовка целиком совпадает с русским оригиналом:

В оригинале	В украинском образце
Свергнем могучей рукою	Скинем міцною рукою
Гнет роковой навсегда	З себе вік вічний тягар,
И водрузим над землею	І піднесем над землею
Красное знамя труда ³⁰ .	Прапор червоний до хмар ³¹ .

Творческое усвоение русской пролетарской поэзии украинским народом было ярким свидетельством единства братских русского и украинского народов в осуществляемой ими революционной борьбе. Воплощающая революционные идеи пролетариата, эта поэзия целиком отвечает коренным интересам и русского и украинского рабочего движения, она была боевым идейным оружием всех народов России в борьбе за великие социалистические преобразования.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народ царской России от социального и национального гнета, вывела их, как указывал В. И. Ленин, «на дорогу самостоятельного творчества новой жизни», сплотила их в единую братскую семью и этим самым подняла на новый, качественно высший уровень развитие основных черт общности народной поэзии многонационального Советского Союза. Эта качественно новая всенародная общность поэтического творчества трудящихся СССР определяется социалистическим характером общественных отношений в нашей стране; коммунистическим воспитанием широких масс, дружбой народов, их патриотическими стремлениями в грандиозном строительстве коммунизма. Сущность этой общности состоит в единстве социалистического содержания, закономерно выраженного для каждого народа посредством присущей ему национальной формы.

В процессе дружественного творческого контакта братских народов в их строительстве общей социалистической культуры происходит также интенсивное взаимоусвоение отдельных образцов. Но это является предметом уже специального исследования, выходящего за рамки данной работы.

³⁰ Сборн. «Революционная поэзия», стр. 117.

³¹ Из рукописных фондов Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР («Підпільний зошит революційних пісень м. Садгори, Чернівецької області»).

Ф. И. ЛАВРОВ

ДРУЖБА РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И ДРУГИХ НАРОДОВ СССР В УКРАИНСКОМ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ *

Выдающееся историческое событие — 300-летие воссоединения Украины с Россией — является большим праздником не только украинского и русского, но и всех народов Советского Союза, ибо братская, нерушимая дружба народов нашей Родины составляет один из главных источников силы и могущества Советского государства, одну из главных движущих сил социалистического общества.

Пролетарский интернационализм, крепнущая и расцветающая с каждым днем нерушимая дружба братских народов Советского Союза являются триумфом национальной политики Коммунистической партии. «Наша партия,— говорил Г. М. Маленков на XIX съезде ВКП(б),— хранит и впредь будет хранить, как зеницу ока, единство и дружбу народов СССР, укрепляла и впредь будет укреплять советское многонациональное государство»¹.

За годы существования Советской власти Украина при помощи народов Советского Союза, и прежде всего братского русского народа, добилась грандиозных успехов в политической, экономической и культурной жизни. Одним из наиболее ярких и убедительных примеров расцвета культуры Советской Украины является бурное развитие массового и индивидуального поэтического творчества украинского народа. В нем находит широкое отображение дружба и братская связь русского и украинского народов, складывавшаяся в многовековой борьбе с внешними и внутренними врагами.

О дружбе народов, решающей роли братского русского народа в подготовке и проведении Октябрьской революции, о руководящей роли Коммунистической партии и ее вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина говорится в эпико-героическом произведении «Пісні про Леніна і Сталіна». В нем рассказывается, как русский, украинский и белорусский народы, показанные здесь в поэтическом образе трех родных братьев, собрались, чтобы найти свободу и счастье для всего угнетенного народа:

Ой, зішлись три брати думоньку гадати,
Долю пошукати, правдоньку знайти...
Старший із Росії, другий з України,
Третій з Білорусі — браття молодці.
— Ой, найдем ту правду,— каже щонайстарший,—
Знаю, де та правда, не журись, брати!
Ми підем до батька, ми підем до Леніна,
Він дорогу знає, знає всі путі².

---

* Доклад, зачитанный 20 апреля 1954 г. на заседании Ученого совета Ин-та этнографии АН СССР, посвященном 300-летию воссоединения Украины с Россией.

¹ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, М., 1952, стр. 76.

² Журн. «Народна творчість», Киев, 1939, № 4.

От руководителей партии братья получают совет: упорно и настойчиво готовиться к предстоящим революционным боям, чтобы совместными силами ударить по врагу. Заканчивается песня показом победы революционного народа в дни Великого Октября.

В известной народной сказке «Ленінська правда» также рассказывается о том, как украинский трудовой народ долгие годы искал приключения и счастье и только при помощи братского русского народа нашел Ленина. Украинский народ ярко отобразил в своем творчестве подвиг великого русского народа в завоевании Советской власти на Украине. Многочисленные думы, песни, сказки, рассказы, частушки, коломь, пословицы и поговорки, созданные украинским народом, посвящены Великой Октябрьской революции. В прекрасном художественном образе «зіроньки», взятом из богатейшего арсенала украинской народной поэтики, показывается социалистическая революция, принесящая свободу и счастье всем угнетенным национальностям царской России:

Ой, у бурю і негоду	І всім націям, народам
В Жовтні зіронька зійшла	Ключ до щастя принесла ³ .

Народное песенное творчество раскрывает интернациональный характер Великой Октябрьской социалистической революции:

Зійшла зірка над Москвою,	Шлях народам всього світу
Світить вона стала.	Вона показала ⁴ .

Художественный образ ясной зари, которая зажглась над столицей русской державы, является символом Москвы как центра революционного движения, — именно здесь взошла заря и своими яркими лучами осветила путь трудящимся всего мира к светлой будущей жизни. И теперь —

Стала Україна жити у союзі
Із руським народом, як брати і друзі⁵.

В период гражданской войны и иностранной военной интервенции росла и укреплялась дружба русского и украинского народов, «стали близкими и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»⁶. С гневом и ненавистью говорит украинский народ в своих поэтических произведениях о контрреволюционных действиях Центральной Рады и предателей украинского народа — буржуазных националистов. Большой цикл народных дум и песен посвящен гражданской войне и ее легендарным героям, представителям братских народов нашей страны, боровшимся за общее дело — защиту исторических завоеваний Великого Октября.

Тоді ж то із славної Лугані	З Чернігова — Щорс Микола і Боженко,
Обізвався Ворошилов Клим,	А за ними Олександр Пархоменко,
А Будьонний теж за ним,	Григорій Котовський із Дністра
Із Урала сам Чапаєв на коні,	Рушив верхи до Дніпра,—

говорится в думе кобзаря В. Перепелюка⁷. Имена этих легендарных героев — Фрунзе, Ворошилова, Чапаева, Буденного, Щорса, Пархоменко,

³ Сборн. «Закон нам дав великий Сталін», Киев, 1938, стр. 20.

⁴ Фонды Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (далее цит. ИИФЭ).

⁵ Из песни буковинской колхозной поэтессы Прасковии Амбросий, Фонды ИИФЭ.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 74.

⁷ Фонды ИИФЭ.

Котовского, Лазо — одинаково дороги русским, украинцам и всем братским народам нашей страны.

В дни гражданской войны и иностранной интервенции украинский народ спрашивал от имени своей Родины:

Зажурилась Україна,	Ой, хто ж мені допоможе
Стала сумувати,	Ворогів зламати?

В это тяжелое для Советской Украины время к ней на помощь пришел великий русский народ. Общими усилиями народов нашей страны враг был разбит. Мудрое руководство Коммунистической партии, поэтически лицевитной в образах ее вождей Ленина и Сталина, обеспечило эту историческую победу:

Вирвав мене із неволі	А виростив і доглянув
Сизий орел Ленін,	Ясний сокіл Сталін ⁸ .

Победоносно закончив гражданскую войну, советский народ перешел на рельсы мирного строительства, начал зализывать раны, нанесенные войной. Большую помощь и в этом оказал Украине братский русский народ. Период мирного социалистического строительства определил новое идейно-тематическое направление поэтического творчества украинского народа. Основной темой в нем стало изображение героической борьбы советских людей за восстановление народного хозяйства, политический и трудовой подъем в стране. Строительству Харьковского тракторного завода, в котором принимали участие рабочие различных республик Советского Союза, посвящено много украинских народных песен. Руководящей идеей новых поэтических произведений является советский патриотизм, дружба народов как основной источник успехов советского народа в его борьбе за выполнение планов построения социализма в нашей стране:

Ой, то в полі не вітри,	Рознімались міцні крила
Не хмари кудлаті,—	Та й знов трепетали,
Позлітались соколи	І як в морі буйні хвилі,
Щастя будувати.	Стіни виростали ⁹ .

Используя художественные образы народной поэтики, особенно поэтические сравнения, автор произведения подчеркивает мысль о всенародном характере строительства ХТЗ, для участия в котором «позлітались соколи» со всех братских республик нашей Родины. Поэтический образ «і як в морі буйні хвилі, стіни виростали» характеризует высокие темпы и грандиозность этой стройки.

Широкой волной разливаются по необозримым просторам советской земли песни счастья и радости, вдохновенного героического труда многомиллионного народа. На фабриках и заводах, рудниках и шахтах, в колхозах и совхозах — везде поют вдохновенные песни, посвященные Коммунистической партии. Большое количество народных песен, дум, частушек и коломыек создано в нашей стране о колхозном строительстве, о лучших людях колхозной деревни. В этих песнях рассказывается о том, как зарождался, ширился и укреплялся колхозный строй, как вырастали колхозные кадры, как славная Коммунистическая партия и родное Советское правительство помогали создавать и укреплять колхозы.

⁸ Журн. «Народна творчість», Киев, 1939, № 3, стр. 84.

⁹ Журн. «Український фольклор», кн. 3, Киев, 1938, стр. 101.

Народно-поэтическое творчество отобразило героический труд колхозного крестьянства. До восхода солнца, с веселыми и бодрыми песнями дружно направляются колхозники на работу в поле:

Гей, ще сонце не зійшло,
В поле рушило село,
Разливається піснями,
Молодыми голосами
Гей, гей, над колгоспними ланами.

Гей, весела пісня ця,
Хай лунає без кінця,
Хай дзвенить для світу всього,
Про колгоспну перемогу.
Гей, гей! Хай вквітає нам дорогу¹⁰!

Украинский советский народ гордится своей Отчиной, колхозным строем, принесшим трудовому крестьянству культурную и зажиточную жизнь. Счастливое колхозное крестьянство Украины хочет, чтобы ее бодрую, жизнеутверждающую песню о больших победах колхозного строя слышали трудящиеся всего мира.

В идейном отношении эта песня созвучна многим песням русского колхозного крестьянства. Приводим для примера отрывок из одной русской песни:

За Уралом, за рекой
Весело живетсЯ,

По колхозным по станицам
Песня раздается¹¹.

Период завершения построения социализма и принятия новой Конституции Советского Союза нашел также широкое отражение в украинском народном творчестве:

Наша любА, наша миЛА
Конституція Нова.

В цей Закон мы записали
Всіх працюючих права¹².

Большинство песен, посвященных Конституции, отображает ленинско-сталинскую дружбу и братство народов Советского Союза. Рабочий киевского завода Василий Спасиченко создал глубоко патристическую песню «Ми серцем оспівуєм дружбу народів», ставшую одной из самых популярных песен на Украине. Используя лучшие средства традиционной народной поэтики, автор песни с большой искренностью говорит о дружбе народов, которая так ярко и красочно расцвела в нашей стране:

Цвіте — розцвітає, як в лузі калина,
В нас сталінська дружба народів¹³.

В народных песнях неизменно подчеркивается, что дружба народов выросла и окрепла у нас благодаря мудрой национальной политике нашей партии, ее повседневной заботе о благе советского человека:

Дружба в нас, усіх народів,
Кується із сталі:

Про цю дружбу піклується
Партія і Сталін¹⁴.

Советский народ хочет, чтобы его вдохновенные песни долетели до трудящихся всех стран мира, чтобы и они узнали, как радостно и весело живетсЯ народам всех национальностей Советской страны:

¹⁰ Сборн. «Українські народні пісні», Киев, 1951, стр. 402—403.

¹¹ Сборн. «Фольклор Чкаловской области». Чкаловск, 1940, стр. 274.

¹² Сборн. «Закон нам дав великий Сталін», стр. 134.

¹³ Журн. «Український фольклор», кн. 5—6, Киев, 1938, стр. 78—79.

¹⁴ Журн. «Народна творчість», кн. 3, Киев, 1939, стр. 85.

Лети ж, наша дружба, як пісня крилата,
Від краю до краю гучніше лунай,
Що линула слава про тебе багата,
До сонця народи усі піднімай.
Не май ту зупинку над горами й морем,
Сузір'ям кремлівським над світом сій! ¹⁵

Благодаря всемирно-историческим победам советского государственного и общественного строя, украинский народ осуществил свои многовековые стремления о воссоединении всех украинских земель в едином Украинском советском государстве. Коммунистическая партия, Советское правительство и наш народ всегда помнили, что часть украинского народа находится под игом иноземных захватчиков и ведет постоянную борьбу за воссоединение со своей матерью — Советской Украиной, с великим Советским Союзом. Об этом стремлении красочно говорит западно-украинский народ в своих песнях и коломыйках. Много задушевных поэтических произведений посвятил он своему родному брату — русскому народу. Трудящиеся Западной Украины всегда думали о Советской России, верили, что она придет им на помощь. Еще задолго до воссоединения на Западной Украине пели:

На Карпатах я родився,
Росія — мені мати.

Там хочу я жити, жити,
Та й не помирати ¹⁶.

Народные массы Западной Украины всегда стремились жить в свободной Советской России:

Ой, піду я до Росії,
А там буду жити,
Більш не буду в Мадьярщині
Цурявим ¹⁷ ходити ¹⁸.

На високій полонині
Зеленіє паша,
Та я піду до Росії,
Бо Росія наша! ¹⁹

«Росія наша» — с большой любовью и вдохновением говорит западно-украинский народ. Близкой и родной считал он Советскую Россию, в которой нет социального и национального гнета, где господствует равенство и расцветают дружба и братство народов. Трудящиеся массы Западной Украины всегда надеялись, что

Колись наша Україна
Возз'єднана буде! ²⁰

И это долгожданное время пришло. В сентябре 1939 г. Советская Армия освободила от польско-шляхетского владычества Западную Украину. Ее освобожденный народ во весь голос запел новые песни о счастливой жизни в братской семье народов Советского Союза, о Коммунистической партии, о великой дружбе народов СССР.

В августе 1940 г. с Советской Украиной были также воссоединены северная Буковина и Измаильская область. Свое отношение к воссоединению с Советской Украиной народ выразил в таких словах: «радісно нам стало, так ще не бувало!»

Вдохновленная ленинско-сталинской дружбой народов, росла и расцвела воссоединенная Советская Украина — составная и неотъемлемая часть Союза Советских Социалистических Республик. Дружба на-

¹⁵ Журн. «Український фольклор», кн. 5—6, Киев, 1938, стр. 78—79.

¹⁶ «Літературна газета» от 15 сентября 1949 г.

¹⁷ Цурявый — оборванный, в лохмотьях.

¹⁸ Фонды ИИФЭ.

¹⁹ Сборн. «Українська радянська народна пісня», Львов, 1950, стр. 100—101.

²⁰ Фонды ИИФЭ.

родов сыграла решающую роль в истории украинского народа, кото «...первым, вслед за русским народом, стал на путь социалистиче революции и благодаря этому осуществил вековую мечту о созд своего свободного и суверенного, подлинно демократического национ ного государства»²¹.

За годы существования Советской власти Украина при повседнев помощи братских народов СССР, и в первую очередь великого русс народа, прошла большой и славный путь развития, преобразовалас республику мощной индустрии, крупного социалистического сельс хозяйства, передовой, национальной по форме, социалистической содержанию советской культуры, стала одной из передовых респуб Советского Союза.

Народ с небывалым подъемом трудился на благо своей вел родины.

Но мирный труд братских советских народов был прерван веро ным нападением гитлеровцев на Советский Союз. Братская семья н дов нашей Родины поднялась в едином патриотическом порыве священную битву против злейших врагов человечества.

Загула земля українська,
Білоруська і російська,—
Одвічали їм землі братнії,
А що з півночі і на полудень.

На далекий сід простягаються.
Загула земля, затривожилась,
Рать червону собираючи,
На врага — супостата споряджаючи!

«Суцільним полком стала Великая Русь»,— говорится в народ песне.

Украинский народ создал поэтические произведения о Великой (чественной войне. В них подчеркивается, что советский патриотизм дружба народов сыграли решающую роль в победе над фашистами.

Та ні, не така була у ворога сила,
Щоб нану країну вона підкорила.

В народу у нашого сталінські крила,
І партія дружбу народів зміцнила!²²

говорят в своих песнях рабочие Криворожья.

Большой цикл песен периода Великой Отечественной войны посвящен великому русскому народу, заслужившему в этой войне всеобщее при звание как руководящая сила среди всех народов нашей страны. Свою сердечную любовь к русскому народу воспел украинский народ в мно гочисленных песнях и думах.

Широко бытовала на Украине «Пісня про руського солдата». В не реалистически отображены дружба народов, задушевное, братское отно шение украинского народа и всех народов СССР к героическому русско му воину. Приводим отрывок из этой народной песни:

Ти солдат наш руський,
Ти пройшов війну,
Не одну ти весну
Застрічав в диму.
Тебе укривало
Лісове гілля,
Часто споминала
Любима твоя.

Дощі вимивали
Чуб в пилюці твій,
У вогні і бурі
Йшов ти твердо в бій.
Крізь суворі роки
Перемогу ніс,
За життя Вітчизни
Скільки горя зніс!²⁴

²¹ Из Постановления ЦК КП(б)У о десятилетиях воссоединения украинского наро в едином Украинском Советском государстве, «Правда Украины» от 21 августа 1949

²² Сб. «Великому Сталіну», Киев, 1949, стр. 165—167.

²³ Рукописный сборник, составленный Ф. М. Яловым «Радянська поетична творчі робітників Криворіжжя», стр. 204, Фонды ИИФЭ.

²⁴ Из песни В. Крывченко, Фонды ИИФЭ.

Дружба народов, морально-политическое единство советского народа выдержали все трудности и испытания войны. Одержав всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне и завоевав долгожданный мир, советский народ вступил в период мирного строительства. Советская Украина под руководством Коммунистической партии и Советского правительства приступила к осуществлению грандиозной программы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, разрушенного фашистскими разбойниками в дни войны. И здесь опять проявилась животворная сила морально-политического единства, советского патриотизма и нерушимой братской дружбы народов нашей страны. Еще продолжались бои с фашистскими захватчиками, а великий русский народ и все народы нашей родины спешили подать Украине помощь в восстановлении разрушенных городов и сел. На Украину посылались оборудование, аппаратура, машины, хлеб, скот и т. п. Украинский народ с большой сердечной благодарностью принял эту щедрую помощь братских народов.

Украинское народно-поэтическое творчество послевоенного периода отобразило самоотверженный труд рабочих, колхозников и советской интеллигенции, направленный на успешное строительство коммунистического общества в нашей стране. Не узнать теперь дореволюционной Украины, коренным образом изменилась она. О расцвете Советской Украины, составной и неотъемлемой части Советского Союза, об исторических достижениях в социалистическом строительстве с патриотической гордостью говорит известная колхозная поэтесса Евфросиния Карпенко в своей песне «Україна»:

У дружній великій
Радянський сім'ї,
Горять України
Яскраві вогні.

Не та Україна,
Що колись була,
Ніколи так буйно
Вона не цвіла²⁵.

В песне криворожских шахтеров «Хто край мій прославив?» с патриотическим подъемом поется о том, как изменился облик Криворожья, как выросла техника, и особенно о том, как изменились люди нашей страны, строящие коммунистическое общество. «В комуни ведуть нас шляхи перемоги, сьогодні не ті ми, що вчора були», — говорится в этой рабочей песне. Теплыми, сердечными словами говорят народные певцы Украины о больших достижениях в послевоенном развитии народного хозяйства Украинской ССР. «Україно моя — всіх республік сестра ... твої села й міста у відбудові киплять», — поет колхозный поэт Черниговщины Василь Кривченко.

Народные певцы Советской Украины — кобзари Владимир Перепелюк, Павло Носач, Иван Иванченко, колхозные поэты — Евфросиния Карпенко, Прасковья Амбросий и многие другие создали свои думы и песни, посвященные величественным сооружениям нашей эпохи — гидроэлектростанциям на Волге, Дону и Днепре. В строительстве Каховской ГЭС украинский советский народ видит большую заботу Коммунистической партии и Советского правительства об экономическом развитии Советской Украины, о благе украинского народа. Замечательными идеями советского патриотизма и ленинско-сталинской дружбы народов проникнуты произведения об этих грандиозных сооружениях.

Відомо, на світі немає чудес,
То лєнінські зорі включив Дніпрогєс,
На згарищах битви цвіте знову сад,

Ще кращим з руїни встає Сталінград,
Не грізнi гармати над Волгою б'ють,
То нові будови почав «Волгобуд»²⁶,—

²⁵ Фросина Карпенко, Сборник произведений «Розквітає Україна», Киев, 1950, стр. 13.

²⁶ Фонды ИИФЭ.

говорит Иван Харченко, подчеркивая большой интерес украинского народа к огромному строительству на Волге.

С энтузиазмом трудятся лесорубы Советского Закарпатья, заготовляя лес для гидроэлектростанций на Волге и Днестре.

Ой, липчанські лісоруби
Виконують норму,

Щоб послати ліс карпатський
На Дніпро і Волгу²⁷.

Украинский народ в своих песнях связывает грандиозные стройки на Волге, Дону и Днестре с неустанной борьбой миролюбивого советского народа за мир во всем мире:

Хай за мир лунає слава,
Ми не хочемо війни,

Щоб росли нові будови
І на Волзі й на Дніпрі²⁸.

Буковинская колхозная поэтесса Прасковья Амбросий в своей песне «Ми прямуєм в комунізм» говорит об успешном завершении строительства Волго-Донского канала:

Перші сходи комунізму
Безупинно в нас ростуть,

Ріка Волга за пишним Доном
Вже рученьки подають²⁹.

Украинская народная поэзия развивается в творческом содружестве поэзией других народов Советского Союза и в первую очередь с народным поэтическим творчеством братского русского народа. О грандиозных стройках нашей эпохи создано множество поэтических произведений всеми народами Советского Союза.

В Ленинградской области широко бытует интересная народная песня «Дитя народа», посвященная строительству Волго-Донского судоходного канала. Вот отрывок из нее:

Добрые люди, где вы гуляли,
Чью же вы свадьбу с почетом справляли?

— Мы матушку Волгу-реку величали
С батюшкой Доном ее повенчали³⁰.

Известная карело-финская сказительница М. И. Михеева тоже посвятила строительству гигантских сооружений в нашей стране песню; в конце ее говорится о грандиозной перспективе, открывающейся перед Советской Украиной. Во многих карело-финских частушках поется о братской помощи, оказываемой карело-финским народом строительству Каховской ГЭС, например:

Эшелоны из Карелии
Груженные идут,

На канал великой стройки
На Каховку лес везут³¹.

В поэтическом творчестве народов СССР о великих стройках нашей эпохи широко воспета дружба народов и выдающаяся роль великого русского народа в построении коммунизма в нашей стране.

Сердце нашей Родины — Москва стала символом многовековой нерушимой дружбы и братства народов, силы, могущества и величия Со-

²⁷ Фонды ИИФЭ.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Сборн. «За мир. Поэтическое творчество трудящихся», Изд. Всесоюзного Дома народного творчества им. Н. К. Крупской, М., 1951.

³¹ Сборн. «Мы по новому живем, песни новые поем». Составитель К. В. Чистов. Гос. Изд-во Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1952, стр. 28—29.

ветского Союза. Москва — столица многонационального Советского государства, родная, близкая, дорогая всем народам нашей родины, источник жизненной силы советского общества и нерушимого единства советских людей. В художественно-поэтическом образе московского Кремля с его сверкающими звездами народная поэзия воплощает нашу социалистическую отчизну, ставшую самой любимой и самой дорогой страной для всего прогрессивного человечества:

Скрізь тебе видно,
Зірньо рідна,

Чеху, китайцю,
Корейцю, в'єтнамцю³².

Как о самом любимом и самом дорогом для каждого советского человека, говорится в многочисленных народно-поэтических произведениях украинского народа о величественной столице нашей отчизны — Москве.

Поэтические произведения, воспевающие любимую Москву, украинский народ создавал на всех этапах развития советского общества. Создает он их и сейчас.

Гей, лети ж ти, моя пісню,
Через міста і степи,
Аж до нашої столиці —
Краснозорої Москви...

Задзвени ж ти стологосю
Понад зорями Кремля,
Розкажи, що це привіт шле
Українська земля...³³—

говорит в своей песне кобзарь Владимир Перепелюк.

Выражая всенародную любовь к родной столице, он желает, чтобы его песня пролетела через все города и степи необъятной Родины, чтобы она «стоголосю» зазвенела над сияющими рубиновыми звездами величественного Кремля.

Украинский советский народ всегда помнил и помнит, что своими величайшими достижениями в области политического, экономического и культурного развития он обязан братской помощи народов СССР и в первую очередь великому русскому народу.

Н. С. Хрущев на XVI съезде Коммунистической партии Украины говорил:

«Нерушимая ленинско-сталинская дружба народов Советского Союза является могучим залогом всех наших дальнейших успехов. В тесной братской советской семье народов СССР, во главе с великим русским народом, украинский народ творит свое светлое будущее»³⁴.

Об этих успехах Советской Украины и поет народ:

Що в Радянському Союзі
Маком-квітом розцвіла,
Про її квітучі села,
Про поля, сади, гаї,
Про її життя веселе

У возз'єднаній сім'ї.
Про її квітучу вроду,
Про осяяну блакить,
Що в російського народу
Вчиться жити і творить³⁵.

В идейном и художественном отношении с этим произведением перекликается такая народная частушка:

То не маки на горі,
Не калина в лузі,

То Вкраїна розцвітає
В Радянськім Союзі³⁶.

³² «Літературна газета» 3 апреля 1952.

³³ Фонды ИИФЭ.

³⁴ Отчетный доклад Н. С. Хрущева на XVI съезде партии о работе ЦК КП(б)У. XVI съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, Госполитиздат, Киев, 1949, стр. 59.

³⁵ Фонды ИИФЭ.

³⁶ Там же.

Приведенные образцы хорошо показывают и то, как удачно придает род своей поэзии национальный колорит (квітучі села, поля, сагаї, маки на горі, калина в лузі).

Показывая все богатство и разнообразие нашей жизни, народная поэзия неизменно проводит мысль, что только наша социалистическая отчизна обеспечила всем народам счастье, радость, свободную, культурную и зажиточную жизнь, что под солнцем Советской Конституции расцвели все республики Советского Союза. В песне «Шістнадцять республік», записанной в с. Переволоки Бучачского района Тернопольской области, прославляется Советский Союз, объединивший шестнадцать республик — родных сестер, живущих в мире, согласии и сердечной дружбе:

Шістнадцять республік,	Щоб жити прекрасно,
Шістнадцять сестер	Цвісти — розцвітати,
В єдину сім'ю	В великім Союзі
Возз'єднались тепер,	Могутньо зростать ³⁷ .

В произведениях украинского народа — песнях, думах, частушках, лемыйках, пословицах и поговорках — отображается руководящая роль великого русского народа в братском содружестве СССР, дружба русского и украинского народов. «Живе щасливо Україна, у дружбі з рідними живе», — с любовью говорит украинский народ.

Подготовка к историческому юбилею 300-летия воссоединения Украины с Россией вызвала новую волну творческого подъема советского народа. В городах и селах Украины создаются глубоко патристические произведения о многовековой дружбе украинского народа со своим старшим братом, великим русским народом.

В песне «Про шістнадцять сестер, народів-братів, рідного батька-матір-Вітчизну» говорится о нерушимой дружбе народов, о руководящей роли в нашей стране русского народа («вперед росіяни народи ведуть» — выражается ему глубочайшая благодарность и признательность:

Наш брате російський,	І ми перед ворогом	Спасибі, наш брате,
Товарищу вірний,	Теж не схилялись,	Тобі за науку,
Ти був у віках	Бо йшли за тобою,	За дружбу велику,
Ворогам непокірний.	Бо в тебе навчались.	За братню руку ³⁸ .

Украинский народ беспредельно верит в жизненную силу ленинско-сталинской дружбы народов нашей многонациональной родины, глубоко убежден, что эту «дружбу народів навек не зломить», — как это поется в украинской народной песне.

Колхозное крестьянство западных областей УССР создало много прекрасных коломыек, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией. Вот одна из них:

Заспіваєм коломийки	Що з'єднані з руським братом,
Веселеньким тоном,	Ніби Волга з Доном ³⁹ .

Теме воссоединения Украины с Россией, дружбе двух великих народов посвящает свою песню «Про дружбу» кобзарь Иван Иванченко:

³⁷ Фонды ИИФЭ.

³⁸ Автор произведения Ф. Самойлович, Фонды ИИФЭ.

³⁹ Газ. «Радянська Україна» от 27 августа 1953 г.

Що то за веселка
Сяє угорі,
Від Дніпра до Волги
В весняній порі?

По землі проміння
Щедро розлива,
То велика дружба
Наша розцвіла⁴⁰.

Расцвет многовековой дружбы советских народов, прежде всего русского и украинского, изображен автором песни в художественном образе радуги, которая в летнюю пору разливает свои многокрасочные лучи по земле и радуется людей своей неопишуемой красотой.

Многовековая общая борьба русского и украинского народов развивала и укрепляла их дружбу, исторические результаты которой убедительно разоблачают вражескую, антинародную сущность буржуазно-националистических извращений в оценке значения воссоединения Украины с Россией, показывают безуспешность всяческих попыток буржуазных националистов разорвать неразрывный союз украинского и русского народов — братьев. Трудящиеся Украины поют:

Триста років уже минає,
Як одна днина,
Як з'єдналась з Росією
Наша Україна.

Про Богдана Хмельницького
Кобзарі співали,
Як Україну з Росією
Навіки єднали⁴¹.

Этот же неразрывный союз отображен и во многих современных пословицах и поговорках, например:

- Росія та Україна — одного кореня калина.
- Росіяни нам брати — легко з ними в ногу йти.

* * *

Под мудрым и испытанным руководством Коммунистической партии Советского Союза наш многомиллионный советский народ добился исторических успехов в экономическом, политическом и культурном развитии социалистического общества, объединился в братскую семью народов Советского Союза, выковал их нерушимую дружбу.

Это содружество народов нашей великой многонациональной страны основывается на общей для всех социалистических наций преданности Советской Родине, на общности интересов народов-братьев, на общей великой цели построения коммунизма в нашей стране.

Вот почему с таким патриотическим вдохновением, с такой горячей любовью воспевают украинский советский народ дружбу и братство народов Союза Советских Социалистических республик. Вот почему, отмечая великий всенародный праздник — 300-летие воссоединения Украины с Россией, — украинский советский народ еще и еще раз с сердечной любовью и радостным душевным волнением говорит в народно-поэтическом творчестве о своем родном старшем брате — великом русском народе. Глубоко и правдиво передают эти чувства и мысли народа вдохновенные слова Государственного гимна Украинской Советской Социалистической Республики:

Нам завжди у битвах за долю народну
Був другом і братом російський народ.

⁴⁰ Фонды ИИФЭ.

⁴¹ Там же.

А. М. КИНЬКО

ОБРАЗ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО В НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ *

В думах и исторических песнях украинского народа запечатлены многие этапы его длительной борьбы за социальное и национальное освобождение. Воспевая своих героев, возглавлявших выступления против иноземных поработителей, украинский народ неизменно подчеркивает их стремление к братскому единению с русским народом. Прославленные герои отвергали коварные предложения турецких султанов и русских шляхтичей, направленные на разрыв дружбы украинского и русского народов.

Так, легендарный Байда погибает в жестоких мучениях, будучи хвачен султаном, который хотел переманить его на свою сторону:

Ой, ти Байдо та славнесенький,	Будеш паном на всю Вкраїночку.
Будь мені лицар та вірнесенький,	— Твоя, царю, віра проклятая,
Візьми в мене царівночку,	Твоя царівночка поганая,—

отвечает Байда султану.

Историки не без основания предполагают, что под именем Байды род воспел казацкого атамана Дмитрия Вишневецкого, одного из инициаторов создания Запорожской Сечи. В 1550—1560 гг. Вишневецкий служил с казаками в русских войсках, командовал русскими и украинскими военными отрядами во время общих походов против турок и татар. Умер Вишневецкий героической смертью в Цареграде. Как и легендарный Байда, он принял мучительную смерть, но не пошел на преступный сговор с турецким султаном.

Подобно Байде не подчинился воле султана и атаман Самийло Кишка, пострадавший затем всю жизнь в турецком плену («Дума про Самийла Кішку»¹). Героическим патриотизмом проникнута песня «Слава була в Побережжю всіма сторонами»², в которой воспет один из эпизодов борьбы народа против поглощения Украины султанской Турцией.

Много песен и дум посвящено героической борьбе украинского народа против гнета шляхетской Польши. В этой борьбе крепла дружба с русским народом. Братские взаимоотношения с русскими ярко отражены в «Думе про Сулиму, Павлюка і Яцька Острияницю»³. Характерно начало произведения, подчеркивающее бесправное положение трудовых масс «на Дніпрі», и «на Росі»:

Зажирились запорожці,	Ні на Росі,
Шо нема їм волі —	Ні в чистому полі.
Ні на Дніпрі,	

* Доклад, зачитанный 15 апреля 1954 г. на юбилейной сессии Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и 21 апреля на расширенном заседании сектора славяно-русской этнографии Ин-та этнографии АН СССР, посвященном 300-летию воссоединения Украины с Россией. Печатается в сокращенном виде.

¹ «Українські думи та історичні пісні», Київ, 1944, стр. 29—40.

² Там же, стр. 102.

³ «Українські народні думи та історичні пісні». Упорядкували П. Павлій, М. Родіон М. Стельмах, Відповідальний, редактор М. Рильський.

В этих условиях рождались единодушные в борьбе против угнетателей, крепкая надежда на поддержку старшего брата — русского народа.

Украинский народ не скупится на краски, изображая переход Острияницы, вожака повстанческих отрядов, через границу Русского государства, где он надеется получить помощь против «сучих панів ляхів»:

За отаманом Острияницею
Женуться ляхи кінями,
Ше й біжать пішаницею,
Ляхи хочуть Острияницю упіймати,
А славне військо Запорозьке

Щоб посікти, порубати.
А що ж отаман Острияниця
Перелетів Дніпро з кошом
Як лебідь-птиця.

Уверенный в радушном приеме, Острияница ведет свой кош на земли русского народа:

Та й повів свій кіш,
Отаман Острияниця

У московські землі,
Щоб там поселиться...

О чувствах украинцев, идущих к русским, и их совместной борьбе против общих врагов поется во многих русских и украинских песнях. Особенно интересны в этом отношении песни «За Зарайским городом, за Рязанью за старою» и «Гомін, гомін, по діброві».

Неоднократно возникавшие с конца XVI в. крестьянско-казацкие восстания подготовили народ к освободительной войне за уничтожение польско-шляхетского господства, которая завершилась воссоединением Украины с Россией.

Огромному размаху освободительной войны 1648—1654 гг. и выдающимся победам украинского народа способствовали постоянная помощь и поддержка широких народных масс России и Русского государства.

Мощный толчок этой борьбе дала славная победа русского народа под руководством Минина и Пожарского в войне против польско-шведских интервентов перед освободительной войной украинского народа. Об этом свидетельствуют непосредственные указания в песнях и значительная общность идейно-тематической основы песен русского и украинского народов о героической борьбе с польской шляхтой. Особенно ярко эта общность проявилась в изображении битвы русского народа за освобождение Московского Кремля («Как в старом то было городе»⁴) и битвы под Корсунем («Дума про Корсунську битву»⁵).

В песне «Розлилися круті бережечки...» выражаются стремления народа изгнать врага, победить его на его территории и обеспечить дальнейшее развитие своей родины:

Гей у лузі червона калина, гей, гей, похилилася,
Чогось наша славна Україна, гей, гей, засмутилася.
А ми ж тую червону калину, гей, гей, та піднімемо,
А ми ж свою славну Україну, гей, гей, розвеселимо⁶.

Чтобы повести народ на борьбу и добиться победы над польско-шляхетскими захватчиками, а добившись победы, воссоединиться с русским народом, был необходим руководитель, не только сильный и могучий характером, но и с выдающимися государственным умом. Таким вошел в историю Богдан Хмельницкий.

Эти черты Хмельницкого подчеркивал В. Г. Белинский, говоря, что он был «герой и великий человек в полном смысле этого слова. Много в истории Малороссии характеров сильных и могучих, но один только Богдан Хмельницкий был вместе с тем и государственный ум»⁷.

⁴ «Исторические песни», Л., 1951, стр. 130.

⁵ «Українські думи та історичні пісні», стр. 72—74.

⁶ «Исторические песни малорусского народа», т. II, вып. I, 1875, стр. 50.

⁷ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, М.—Л., 1926, стр. 412.

Впервые воспета деятельность Хмельницкого как талантливого организатора народно-освободительной войны в думе «Хмельницкий і рабаш». Центральная тема думы — борьба двух лагерей. В одном лагере — народ, готовый сражаться против социального и национального гнета, и его верные руководители во главе с Богданом Хмельницким. В другом — польская и украинская шляхта, представителем которой является гетман Барабаш. Руководитель народного лагеря Хмельницкий показан как великий государственный деятель, «муж совета и разумею хорошо понимающий стремления своего народа и знающий его тихие силы. Главный представитель противоположного лагеря — гетман Барабаш, продажная личность, заботящаяся только о собственной выгоде. Его не беспокоит судьба народа. Он готов ползти на коленях перед польскими вельможами ради того, чтобы обеспечить себе «не мірянні» и «гроші не лічені». Барабаша пугают планы Хмельницкого и прежде всего его стремление к союзу с Москвой.

Дума начинается заповедом от имени народа, в котором прославляется Хмельницкий за то, что в тяжелое время, когда начались великие войны на Украине, он встал на защиту интересов народа. Чтобы организовать организацию вооруженных сил и тыла, Богдан Хмельницкий просит гетмана Барабаша на сторону народа:

Ей, куме, каже, куме!

Чи не могли б ми з тобою королевських листів прочитати,

А козакам козацьких порядків подавати,

За віру християнську достойно-праведно стати?

Не случайно важнейшие политические требования об освобождении народа от гнета польской шляхты и об установлении «козацких порядков» на Украине прикрыты религиозной оболочкой. Призыв к защите христианской религии после Брестской унии получил особое содержание: выражал протест против социального и национального гнета и духовного порабощения Ватиканом. В этом призыве раскрывалось стремление народа к дальнейшему национальному развитию в союзе с братским русским народом. О таком понимании призыва свидетельствует неслучайное высказывание Хмельницкого. Мы ищем официальных союзников с Россией, говорил Хмельницкий, «потому что от Владимирова крещения одна наша благочестивая христианская вера с Москвитским государством и мы имели единую власть, а разъединила нас правдами своими и насиліем коварная шляхта»⁸.

Не добившись успеха в переговорах с Барабашем, Хмельницкий едет в Запорожскую Сечь, где его планы сразу встретили поддержку. Максим Кривонос, Мартын Пушкаренко, Иван Богун и другие известные в народе герои взяли на себя обязательства на «лядські табори ізійзати» и подымать крестьянско-казацкие массы на борьбу, призывая:

Ей, козаки, друзі-молоді, добре дбайте —

Руське оченаш читайте,

Ляхів упень рубайте,

Кровь їх лядську з жовтим піском мішайте,

А віри християнської на поталу в вічний час не подайте!⁹

Весной 1648 г. крестьянские восстания охватили почти всю Украину. Значительная часть восставших шла в Запорожье. Польский коронный гетман сообщал королю, что он направил вооруженные силы на Украину, чтобы «потушить гибельное пламя, разгоревшееся так сильно, что...

⁸ И. П. Крипьякевич. Богдан Хмельницкий — поборник возъединения Украины с Россией, «Жовтень», 1953, № 10, стр. 95.

⁹ «Українські думи та історичні пісні», стр. 71.

было ни одной деревни, ни одного города, в котором не слышны были призывы к мятежу, и дабы не замыслили на жизнь и имущество своих панов и государственных людей...»¹⁰

В народной думе все эти события художественно обобщены в картине, показывающей, что народными массами единодушно подхвачен призыв Хмельницкого и его соратников:

Да вже тоді козаки, друзі-молодці, добре дбали,
Руське оченаш читали,
Ляхів, мостивих панів, впень рубали,
Віри християнської на поталу в вічний час не подали¹¹.

Опираясь на народ, Богдан Хмельницкий еще решительнее нажал а ту часть украинских панов, которая с первых дней войны стала на защиту польской шляхты. Далее следует типичная для народной поэзии эпическая картина расправы народного героя с изменником¹².

Дума заканчивается патетическим рассказом о том, как все Запорожье стало на сторону Хмельницкого и избрало его гетманом:

Да вже тоді пан Хмельницький гетьманом став,
Да вже козаки, друзі-молодці, добре дбали,
І стиха словами промовляли:
«Ей, пане, Хмельницький, Богдане, Зиновію,
Наш батю, полковнику чигиринський!
Дай, господи, щоб ми за твоєї голови пили й гуляли...»¹³

Большое достоинство старинных исторических песен и дум заключается в том, что непосредственные свидетели событий запечатали в них многочисленные батальные картины, в которых с большой художественной силой передается напряжением боевой обстановки и раскрывается глубокий смысл освободительной борьбы. В них щедро и искренне отражена настоящая радость первых побед — на Желтых Водах и под Корсунем, горечь битвы под Берестечком, триумф народного войска в сражении на Батогском поле. Все победы народного войска воспеты как результат органического единства беспримерного героизма народных масс и талантливости руководства Богдана Хмельницкого и его славных соратников — Максима Кривоноса, Ивана Богуна и других.

Изображая Хмельницкого, народ с любовью подчеркивает его выдающийся государственный ум, талантливое стратегическое и тактическое руководство военными действиями, личный героизм, храбрость и пламенную натуру. Особенно выразительно отражены все эти черты в песнях о первой битве под Желтыми Водами («Ой чи не той то хміль...»), в думе, посвященной Корсунской победе («Ой обозветься пан Хмельницький, отаман батько Чигиринський»), а также в исторической песне о разгроме шляхетского войска («Не дивуйтеся, добрії люди, що на Україні повстало») и др.

Песня «Ой чи не той то хміль, що коло тичин в'ється» построена на художественном сопоставлении образа руководителя народных масс Хмельницкого с хмелем — поэтическим символом источника жизненной энергии, молодчества, отваги и храбрости:

¹⁰ «Памятники для разбора древних актов», т. I, ч. III, Киев, 1845, стр. 7.

¹¹ «Українські думи та історичні пісні», стр. 71.

¹² За свою жизнь Хмельницкий обезвредил немало предателей. Но приписанная ему расправа с Барабашем не соответствует историческим фактам. В действительности И. Барабаша убили реестровые казаки, следовавшие под его командованием на подавление народного восстания.

¹³ «Українські думи та історичні пісні», стр. 72.

Чи не той то хміль, що коло тичин в'ється
 Гей той то Хмельницький, що з ляхами б'ється.
 Чи не той то хміль, що у пиві грає.
 Ой той то Хмельницький, що ляхів рубає,
 Чи не той то хміль, що у пиві кисне.
 Ой той то Хмельницький, що ляшеньків тисне.
 Гей поїхав Хмельницький і к Жовтому Броду,
 Гей не один лях лежить головою в воду...
 Становили ляхи дубові хати,
 Придеться ляшенькам в Польшу утікати¹⁴.

В песне подчеркивается, что силу Хмельницкому дает вера в героический народ:

А я ляхів не боюся і гадки не маю,
 За собою велику потугу я знаю...

Глубокая преданность народу, тесное единение с ним, понимание желаний и стремлений воспеваются почти в каждой думе как неотъемлемые черты образа Хмельницкого. Дума, посвященная битве под Корсунем¹⁵ начинается с призыва, в котором использован традиционный героической поэзии восточных славян символ «варения пива»:

Гей, друзі-молодці,	Добре знайте, барзо гадайте,
Браття козаки запорожці.	Із ляхами пиво варити затирайте!

Давая боевое задание, гетман смело полагается на творческую инициативу масс:

Гей, обозветься пан Хмельницький,	Браття козаки-запорожці!
Отаман батько Чигиринський:	Добре знайте, барзо гадайте,
«Гей, друзі-молодці,	Од села Ситників до города Корсуня!
	Шлях канавою перекопайте...»

После Корсунской битвы «чорна хмара над Польшею стала», шлях проводила «день и ночь в страхе и трепете».

Через месяц народные войска заняли Чернигов, Новгород-Северский, Немиров, Винницу, Брацлав и много других городов. Изображение этой победы проникнуто верой в могущество народно-освободительного движения, которое представляет угрозу уже для всей панской Польши:

Зняли козаки ляхів так, якби череду.	Котрих до Бузька,—
Ой котрих гнали до Прута,—	Була дороженька барзо грузька;
Була дороженька барзо крута;	А котрих до Хотини,—
	То біжучи попотіли...

Едким сарказмом наполнены обращения к польско-шляхетскому командованию:

Гей, Потоцький, Потоцький,
 Не годишся ж ти воювати...

Еще резче безнадежность усилий панской Польши подчеркнута в песне «Пані Потоцька»:

¹⁴ І. Франко, Студії над українськими народними піснями, Львів, 1913, стр. 34.

¹⁵ «Українські думи та історичні пісні», стр. 72—74.

Чи ж я тобі, пан Потоцький, давно не товкла:
Давно уже ти, Потоцький, з козаками воюеш,
Ти козаків не звоюєш, свою силу згубиш¹⁶.

С чувством великой уверенности в победе поднялись по всей Украине крестьяне и городская беднота, готовые к непримиримой борьбе, способные, по меткому выражению Тараса Шевченко, «резать все, что называлось паном». Хмельницкий, стремясь организовать эту могучую силу, поручил одному из своих ближайших соратников Максиму Кривоносу формировать полки¹⁷.

Весь ход событий, показывающих, как Кривонос выполнял поручение Богдана Хмельницкого, отражен в глубоко патриотической песне «Не дивуйтеся, добрії люди, що на Вкраїні повстало».

Появившийся на Брацлавщине во главе отряда казаков Кривонос успешно ведет борьбу с шляхтой. К нему присоединяются разрозненные отряды крестьян и городской бедноты. В скором времени образуется могучая армия, которая «множество ляхів» перебила:

Не дивуйтеся, добрії люди,
Що на Вкраїні повстало:

Ой за Дашевом під Сорокою
Множество ляхів пропало¹⁸.

Крестьяне, городская беднота и казаки, полные ненависти к своим угнетателям, отчаянно бились со шляхетскими войсками, которыми предводительствовал Иеремия Вишневецкий.

Этот палач украинского народа «клялся, что не успокоится, пока не помое ноги в крови казаков»¹⁹. При захвате Погребищ Вишневецкий не оставил в живых ни одного человека. В городе не было дерева, на котором не был бы повешен крестьянин или казак. В Немирове, чтобы отомстить населению за помощь Кривоносу, Вишневецкий сам руководил расправой. По его приказу людям отрубали руки, выкалывали глаза, распинали их на крестах, обливали смолой и поджигали. На шеи повешенных жолнеры Иеремии Вишневецкого надевали страшные «украшения» из отрубленных голов детей и родственников казненных.

Обуреваемая священным гневом, народная армия разбила до зубов вооруженные войска польской шляхты и дошла до Львова. В боях под Львовом народная армия, получив приказ Богдана Хмельницкого штурмовать «Высокий замок», успешно выполнили это задание — «лядську славу загнали під лаву».

В заключительных строках песни выражается торжество победы:

Ой чи бач, ляше, що по Случ наше,
По костяную могилу
Як не схотіли, забунтовали
Да й утерjali Вкраїну.
Ой чи бач, ляше, як пан Хмельницький
На Жовтім піску підбився?

Од нас, козаки, од нас, юнаки,
Ні один ляшок не скрився!
Нуте ж, козаки у скоки!
Заберімося у боки:
Загнали ляхів за річку Вислу,
Що не вернуться й в три роки²⁰.

Сложенная в ходе борьбы песня «Ой не буде лучче, ой не буде краще, як у нас на Вкраїні» получает новый вариант:

Та немає лучче, та немає краще,
Як у нас на Вкраїні.

Та немає ляха, немає папа,
Немає унії²¹.

¹⁶ Там же, стр. 122.

¹⁷ В. Дядиченко. К. Стецюк, Борьба украинского народа за воз'еднання України з Росією, Держполітвидав УРСР, 1953, стр. 18.

¹⁸ «Українські думи та історичні пісні», стр. 118.

¹⁹ Цит. по книге: Л. К. Полухін, Максим Кривонос, Київ, 1952, стр. 12.

²⁰ «Українські думи та історичні пісні», стр. 119.

²¹ «Исторические песни малорусского народа», т. I, Киев, 1875, стр. 74.

В этой песне отражены первые успехи народа в налаживании жизни. Под руководством Богдана Хмельницкого на значительной территории Украины, вместо панско-шляхетского управления, были новлены органы украинской государственной власти²² — «козацький рядки», как их в думах называл народ. Песня завершается выражением чувства удовлетворения от крепнущих экономических и дипломатических связей с Россией.

Расширившиеся экономические, политические и культурные связи украинского народа с русским, успехи государственной деятельности Хмельницкого, направленной на окончательное закрепление союза с Москвой, приводили в трепет польскую шляхту. Она вновь двинула свои чичища на Украину. Во многих вариантах живет в народе песня о Нечаях — одной из первых жертв новой войны. Штаб полковника Данилы Нечая в г. Красное подвергся внезапному налету вражеского отряда. Выражая грусть и тоску о гибели народного героя Нечая, народ вместе с тем призывает усилить бдительность в борьбе с коварным врагом:

Я тебе Нечаю,
Не обещаю,

Припни шаблю в лівім боці
Для свого звичаю²³.

Предостережения народа учел винницкий полковник Иван Богун. Защищаясь долго и успешно, ожидая помощи от Хмельницкого. Об этой героической обороне и рассказывается в думе:

Як у Вільниці, на границі,
Над Бугом рікою,
Там стояв Іване Богуне Каленицький,
Обителю Комлицький,
Із ляхами, із мостивими панамі,
Чотири неділі в запорі,
Казав би, як у тяжкій, великій неволі.
Од своїх рук листи писав,
До гетьмана Хмельницького посилав:
«Пане гетьмане Хмельницький,
Батьку Зинову Чигиринський,
Помочі-порятунку дай»²⁴.

Присланные Хмельницким полтавский и уманские полки помогли снять окружение и разбить шляхту. Героическая защита Винницы выдвинула Богуну на одно из первых мест среди руководителей украинского войска.

Народ требовал вести борьбу до победного конца. На специальной Раде представители от войска заявили Хмельницкому: «...Бог и войска того желают, чтобы мы с королем ни на каких условиях не мирились. Мы на этом порешили и для этого сюда пришли...».

Песня «Висипали козаченьки з високої гори» отражает эти желания и всю горечь боя под Берестечком:

Висипали козаченьки з високої гори:
Попереду козак Хмельницький на воронім коні.
«Ступай, коню, дорогою, широко ногами;
Недалеко Берестечко і орди за нами.
Стережися, пане Яне, як Жовтої Води:
Иде на тебе сорок тисяч хороніої вроди»²⁵.

²² См. «Історія Української РСР», т. I, Київ, 1953, стр. 242.

²³ «Исторические песни малорусского народа», т. II, вып. 1, стр. 6—67.

²⁴ «Українські думи та історичні пісні», стр. 81.

²⁵ «Исторические песни малорусского народа», т. II, вып. 1, стр. 107.

Боевое, бодрое начало сменяется возмущением по поводу предательства крымского хана, что привело к неудачному исходу боя. Крымский хан не только изменил своему договору, но еще и задержал Хмельницкого. Большой грустью проникнуты строки, передающие, как тяжело переживал этот момент Хмельницкий:

Чи не той то хміль, що на тички в'ється?
 Чи не той то козак Хмельницький, що з ляхами б'ється?
 — Ой не я той хміль зелений, — по тички не в'юся;
 Ой не я той козак Хмельницький, з ляхками не б'юся! ²⁶

Украинское войско осталось без своего гетмана. Один за другим менялись руководители. Не обошлось и без предательства со стороны богатой части старшин. И в самый трудный момент, когда войско было прижато к болоту, взоры всех бойцов обратились к народному герою обороны Винницы — Ивану Богуну. Ему поручили вывести войско из окружения.

В песне «Кину пером, лину орлом» изображена встреча войска, вышедшего из окружения, с гетманом, возвратившимся из плена. Образ орла, роняющего перья для того, чтобы возвратить себе свободу, — поэтическое обобщение деятельности народного героя Богуну во время битвы под Берестечком. Гетман вернулся из плена не растерянным. Он готов с еще большей силой своей кипучей энергии продолжать борьбу:

Кину пером, лину орлом, конем поверну,
 А до своего отамана таки прибуду.
 — Чолом пане, наш гетьмане, батьку наш!
 А вже нашого товариства багацько не маш!
 — Ой як же ви, панове молодці, ой як ви ставали,
 Що ви своє товариство на віки втерили?
 — Становились, пане гетьмане, плечем об плече,
 Ой як крикнуть вражі ляхи: «у пень посічем!»
 — Ой що ж ви панове молодці, о за здобич мали?
 — Мали коня у наряді, та ляхи одняли!
 Зима прийшла, хліба нема, то же нам не хвала;
 Весна прийшла — ліс розвела, всіх нас покрила! ²⁷

Самым значительным произведением, в котором нашло наиболее убедительное отражение то, как украинский народ во главе с Хмельницким приблизил воссоединение с русским братом, является дума «Про повстання після Білоцерківського миру».

Народ требует от гетмана объяснить целесообразность Белоцерковского договора, который вынуждал переносить тяжкие злодеяния возвратившейся шляхты. Не желая подчиняться шляхте, народ требовал от Хмельницкого разрешить переселиться на территорию Русского государства или вновь организовать борьбу:

Батьку козацький.
 Звели нам під москалей утікати,
 Або звели нам з ляхами великий бунт зривати ²⁸.

Однако начинать борьбу зимой было очень невыгодно для народного войска. Гетман советовал казакам перетерпеть до весны:

Як дасть бог, що прийде весна красна,—
 Буде наша вся голота рясна.

²⁶ Там же, стр. 107.

²⁷ Там же, стр. 108—109.

²⁸ М. Максимович. «Сборник украинских песен», ч. 1, К., 1849, с. 76.

Весной снова под руководством Хмельницкого «великий бунт зриває». В битве под Батогом была одержана блестящая победа, доказавшая раз, на что способны народные массы в борьбе за социальное и национальное освобождение и их руководитель, когда он верно понимает интересы народа и до конца им предан:

Тоді ж то пан Хмельницький добре дбав,
Козаків до схід сонця в похід виправляв,
І стиха словами промовляв:
«Ей, козаки, діти, друзі,
Прошу я вас, добре дбайте,
На славу Україну прибувайте,
Ляхів, мостивих панів, упень рубайте,
Кров їх лядську у полі з жовтим піском мішайте,
Віри своєї християнської у поругу не давайте!»
Тоді ляхи, мостивії пани, догадливі бували,
Усі по пущах, по лісах повтікали;
То козак і лісом біжить,
А лях за кущем і лежачи дрижить;
То козак ляха за кущем знаходжає,
Келепом межи очі наганяє...²⁹

В этой думе, как и во всем украинском героическом эпосе, всегда подчеркивается, что борьба ведется не с поляками вообще, а с «ляхами мостивими панями», т. е. с классовыми врагами. Любопытно повторение образа «желтый песок», на котором казаки побеждают «мостивих панів». Некоторые исследователи усматривают в этом связь с блестящей победой на Желтых Водах. Повторение этого образа в думе о битве под Батогом особенно усиливает эмоциональное восприятие текста. Известно, что эту битву современники сравнивали с самыми выдающимися образцами военного искусства.

В конце думы показывается, как шляхта, которая прежде так зверски издевалась над казаками, после разгрома выпрашивала у них пощады, называя их уже не «бидлом», а «рідними братами»:

«Ей, козаки,
Ріднії брати!
Коли б ви добре дбали,
Та нас за річку Вислу хоть в одних сорочках пускали»³⁰.

Казаки же, загоняя панов под лед, приговаривали:

«Ступайте, тут вам дорога одна,
До самого дна!»

После битвы под Батогом все Приднепровье и Киев были освобождены. Чтобы снова создать тяжелое положение на Украине, шляхта всеми силами стремилась втянуть в войну молдавского господаря. Хмельницкий организовал поход против сообщника польской шляхты. Замысел гетмана опозитизирован в известной на Украине и в Белоруссии думе «Похід в Молдавію»:

Як із низу, із Дністра тихий вітер повіває
Бог святий знає, бог святий і відає,
Що Хмельницький думає-гадає.
Тоді ж то не могли знати ні сотники, ні полковники,
Ні джури козацькії,

²⁹ «Українські думи та історичні пісні», стр. 80.

³⁰ Там же, стр. 80.

Ні мужі громадські,
 Що наш пан гетьман Хмельницький,
 Батьо Зинов Богдане Чигиринський,
 У городі Чигирині задумав вже й загадав³¹.

Народ верно воспринял поход против молдавских панов как один из этапов борьбы за ослабление шляхетской Польши. Отношение народа к походу в Молдавию отражено в картине выступления казацких полков:

За им козаки йдуть
 Яко ярая пчола гудуть³².

В конце думы народ прославляет участников похода в Молдавию и одобряет стратегические планы гетмана:

Хмельницький добре учинив:
 Польщу засмутив,
 Волощину побідив, Гетьманщину звеселив³³.

Новая встреча украинского войска с шляхтой состоялась в августе 1653 г. под Жванцем. Блестящим маневром Хмельницький, отрезав шляхетское войско от его коммуникаций, подготовил победу над ними.

В думе «Ой з города з Немирова хмара виходжала» в ряде контрастных картин изображается эта последняя великая битва перед самым воссоединением Украины с Россией.

Вначале шляхта, лелея надежды вернуть Украину, пыталась договориться с Хмельницьким о перемирии. Хмельницький, веря в силы своего народа и братские связи с русскими, ответил на эти предложения разгромом шляхты:

Вийшов пан Хмельницький	Ой запекли кривоньку ляхи
Під Жванці з Кравчиною,	Та тому Подоллю!
Ой, прощайся, ляше,	Ой, пізнали тоді ляхи,
Ти із Волощиною!	Де їм станом стати,—
Вийшов пан Хмельницький	Як гетьмана Хмельницького
По жванському полю,—	До себе єднати! ³⁴

Только новое предательство крымского хана помешало украинским войскам наголову разгромить шляхту.

В октябре 1653 г. Земский собор, созданный русским правительством, принял единодушное решение о воссоединении Украины с Россией, а 5 (18) января 1654 г. состоялась Переяславская Рада.

К самым ранним откликам на Переяславскую Раду относится песня «Ідуть хмари з-за лиману». Украина радостно встречает посланцев Москвы:

А в неділю рано-вранці	З' бончуками, хоругвами
Всі дзвони лунають.	Московців стрічає.
З Московщини в Переяслав	Московських послаників
Гості прибувають.	Хмельницький вітає,
З Чигирини в Переяслав	Уклін низький посилає
Богдан одбуває,	Миру промовляє ... ³⁵

³¹ «Українські дума та історичні пісні», стр. 74.

³² А. Метлинский, Народные южно-русские песни, 1854, стр. 391.

³³ Выражение «Волощину побідив» следует понимать как победу над молдавскими феодалами, выступавшими в союзе с шляхтой. К молдавскому народу это не относится, так как «социальные низы Молдавии твердо и нерушимо стояли на стороне украинского казачества» (История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 222).

³⁴ Фонды Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

³⁵ Там же.

Речь гетмана передается в песне лаконично, сжато, но очень и Хмельницкий прежде всего остановился на единстве происхождения украинского и русского народов и на общности их исторического

Україна й Москівщина —
Православна віра,

Один батько, одна мати
Всіх нас породила.

Народ славит Богдана Хмельницкого за то, что он с первых освободительной войны стремился к объединению с великим русским родом и со всей силой своего могучего таланта добивался воссоединения Украины с Россией:

Ой, спасибі тобі, Хмелю,
И превелика шана,
Що врятував Україну
Від польського пана.

Тепер ляхам з України
Більше не глумиться,
Бо Москва для України —
Рідная сестриця.

К 300-летию юбилею воссоединения Украины с Россией возникло множество новых песен, посвященных этому выдающемуся историческому событию. В них одно из центральных мест занимает образ Богдана Хмельницкого.

В песнях, слагаемых рабочими и колхозниками в честь исторического праздника дружбы украинского, русского и других народов, образ Богдана Хмельницкого дополняется новыми штрихами, отражающими современные требования к борцу за интересы народа. Так, например, колхозный певец Андрей Шаповал из г. Переяслав-Хмельницкого, воспроизводя в своей поэме «Переяславська Рада» речь гетмана, подчеркивает постоянное стремление украинского народа к миру и дружбе:

Мир і спокій нам потрібен,
Війни нам не треба.
Будем чесно працювати,
Не ждїть манни з неба.

Необхідно нам, панове,
Дружби пошукати
Та припиним кров народну
Вічно проливати³⁶.

Значение деятельности Богдана Хмельницкого как поборника воссоединения Украины с Россией трудно переоценить, особенно в наше время, когда дружба наших народов привела к таким величественным результатам. Соединив свою судьбу с русским народом, украинский народ как равноправный разделит успехи Великой Октябрьской социалистической революции, вступил на путь социалистического развития и ныне вместе со всей семьей братских народов советских республик строит коммунизм. Поэтому особенно эмоционально звучит призыв Богдана Хмельницкого в устах колхозного певца:

Так послухайте ж, панове,
Що маю сказати:
До Росії, до братів,
Вас хочу з'єднати.

Море голів захиталось,
На площі греміло:
— До Росії, до Росії...
Найсвятіше діло.

На протяжении трехсот лет народ вдохновенно поет и рассказывает о том, как блестяще разрешил украинский народ, возглавленный Богданом Хмельницким — пламенным патриотом и бесстрашным воином, выдающимся полководцем и дальновидным дипломатом, — поставленную историей задачи: освобождение Украины от иноземного гнета и воссоединение Украины с Россией.

³⁶ Фонды Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

Б. БУТНИК-СИВЕРСКИЙ

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

История человечества не знает такого народа, который не был бы творцом, неутомимым созидателем произведений искусства и лучшим хранителем художественных традиций. Понятия «народ» и «искусство» неотделимы. Вся жизнь народа, весь его общественный и домашний быт настолько пронизаны искусством, что существование человека вне искусства, без искусства немыслимо.

На разных этапах общественного развития народное искусство неодинаково: оно изменяется во времени и по содержанию, и по форме, а условия, в которых оно развивается, определяют скорость его развития. Чем тяжелее условия жизни народа, тем медленнее развивается народное искусство. Но ни самый жестокий гнет, ни самая беспощадная эксплуатация не могут отнять у народа его искусство, как не могут задушить его любви к свободе.

Народные освободительные войны не всегда и не сразу заканчивались полной победой народа. Однако именно в периоды подъема освободительной борьбы и особенно после одержания победы в этой борьбе прежде всего расцветало народное искусство. Примеры этому неисчислимы, так как это закон развития народного искусства.

Изучение украинского народного искусства показывает, что никогда за все предшествовавшие этапы своего развития оно не достигало такого бурного и всестороннего расцвета, как в период национально-освободительной войны 1648—1654 гг. Никогда украинское народное искусство не поднималось еще на такую высоту, как со второй половины XVII в., т. е. после того, как украинский народ воссоединился с братским русским народом. Вторая половина XVII и почти весь XVIII век в истории украинского народного искусства — это эпоха созидания таких художественных ценностей, которые еще многие и многие годы будут служить неисчерпаемым источником творческого вдохновения для советских мастеров искусства. История украинского народного искусства этой эпохи — это вместе с тем и сокрушительный удар по украинскому буржуазному национализму, идеологи которого пытались доказать, что после «Переяславской угоды» на Украине начался период «руины», т. е. упадка экономической и культурной жизни. Действительность говорит о том, что украинское народное искусство, берущее свое начало еще в Киевской Руси, колыбели трех братских народов, впервые расцветает лишь тогда, когда исторические судьбы украинского народа навечно, накрепко сливаются с судьбой великого русского народа.

Однако как бы ни был высок и замечателен этот расцвет, подлинных, непревзойденных вершин украинское народное искусство достигает только после того, как украинский народ, руководимый Коммунистической партией, при помощи братского русского народа, устанавливает в своей стране советский строй и как равный среди равных входит в великую семью свободных советских народов. С этого времени украинское народное искусство становится на новый путь развития.

Украинское советское народное искусство — явление нового порядка. Оно не имеет ничего себе подобного и равно о ни в прошлом, ни современном капиталистическом обществе. Если говорить о сравнении то их следует искать лишь в пределах Советского Союза. Украинское советское народное искусство развивается по тем же законам, что и искусство всех свободных народов Советского Союза. В этом его сила, в это залог непрерывного, не знающего предела роста, в этом и объяснение его особенностей.

В чем же заключаются основные отличия украинского народного искусства советского периода? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы в самых общих чертах обрисовать состояние украинского народного искусства накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Классовое расслоение крестьянства, сопровождавшееся быстрым опустошением основной его массы, не могло не сказаться на состоянии народного искусства. Безлошадный крестьянин не имел возможности укрывать резьбой сани. Став батраком, крестьянин не мог думать об украшении своего кожуха, так как у него этого кожуха не было. Кто лился собственной хаты, тому не приходилось думать о настенных росписях. Сказанное не означает, что капитализм полностью смял и задушил народное искусство. Применение народного искусства в домашнем быту было сужено до крайних пределов, но в то же время капитализм в известной мере способствовал развитию художественных промыслов, которые для капиталистов являлись средством дополнительной эксплуатации крестьянства, а для народных мастеров — источником добывания хлеба самых ничтожных средств к пропитанию.

Художественные промыслы вместе с тем давали выход неугасимой потребности народных мастеров создавать художественные ценности. Ни помещики, открывавшие в своих имениях чисто капиталистические мастерские, ни скупщики, ни даже земства, пытавшиеся направить народные художественные промыслы на путь изготовления продукции по вкусам буржуазного потребителя, не могли отвлечь народных мастеров от поистине прекрасных, глубоко художественных традиций в их мастерстве. Иначе говоря, как ни тяжелы были условия, в которых народ создавал свое замечательное искусство, это искусство, брошенное предпринимателями всех мастей на капиталистический рынок, было сохранено народом в лучших его формах, в лучших его традициях, а вместе с этим сохранились и все основные центры старейших народных художественных промыслов.

Капитализм соединил железными дорогами самые отдаленные местности, капитализм заставил массы разоренных крестьян целыми деревнями переселяться на незнакомые земли в южных губерниях или искать себе заработок в отхожих промыслах, капитализм разрушил натуральное хозяйство и заставил крестьян покупать фабричные ткани, посуду и прочее, но он так и не смог уничтожить те особенности, которые отличают черниговскую вышивку от волынской или подольской, киевскую от полтавской или харьковской; не смог уничтожить такие очаги народной керамики, как Опoшня на Полтавщине или Бубнивка на Подоллии; не смог полностью нивелировать местные особенности в ковроткачестве, в резьбе по дереву, в отделке кожи, в обработке металлов и т. д. До последних дней существования капиталистического строя в России и на Украине украинское народное искусство сохранило все свои черты, все свое богатство, многогранность и своеобразие, не переставая совершенствоваться и развиваться на основе тех традиций, которые были выработаны народом на протяжении веков.

Не случайно украинское народное искусство, вопреки национальному гнету со стороны царизма, пользовалось широкой популярностью и было искренне любимо не только у себя на родине, но и у всех народов цар-

ской России. Особенным признанием пользовалось украинское народное искусство среди представителей передовой русской культуры. Достаточно указать на произведения таких русских художников, как Тропинин, Жемчужников, Трутовский, Репин, В. Маковский и многие другие, которые в своих произведениях с глубокой любовью запечатлели мотивы народной архитектуры, народной одежды, народного орнамента. Украинское народное искусство пользовалось популярностью и любовью и среди прогрессивных элементов населения в зарубежных странах. Об украинском изобразительном народном искусстве опубликовано немало статей в английских, французских, итальянских искусствоведческих журналах. Произведения украинского народного искусства находили распространение в Польше, Швеции, Австрии, Чехии, даже в Бразилии. Все это свидетельствует о том, что украинский трудовой народ пришел к Великой Октябрьской революции не с пустыми руками, а с большим, многовековым творческим опытом, с громадным художественным наследием, без которого немислимо создание нового, социалистического искусства.

Как же это художественное наследие было использовано советским народом в новых условиях?

Советский народ никогда не рассматривал искусство как забаву. Для него искусство — это сильнейшее идейное оружие. Вот почему у нас не уменьшилось внимание к искусству даже в то время, когда шла ожесточенная борьба с военными интервентами и внутренней контрреволюцией; наоборот, именно в это время народное искусство впервые было поднято на такую высоту, которая в дореволюционное время даже не мыслилась. Вот яркие примеры этому.

12 февраля 1919 г. в Москве открылся Первый всероссийский съезд деятелей промысловой и кустарной кооперации, впервые в истории поставивший вопрос о подъеме и развитии народных художественных промыслов, рассматривая эту задачу как задачу государственного порядка. Но это был только первый шаг. 15 марта 1919 г. в «Правде» была опубликована большая статья «О кустарной промышленности», а 27 апреля там же был опубликован подписанный В. И. Лениным декрет ВЦИК о мерах содействия кустарной промышленности. Декрет этот сыграл решающую роль в судьбе художественных промыслов не только в России, но и на Украине. Прямым откликом на него явилось постановление Совета народного хозяйства Украины об организации в июне того же года Укрглавкуста, в ведение которого поступили все художественно-промысловые школы и мастерские.

Правильное решение организационных вопросов в общегосударственном масштабе обеспечило всеобщий, массовый подъем творческой инициативы на местах. Так, еще в самом начале марта 1919 г. в Харьковской губернии были переданы в ведение Губсовнархоза не только бывшие государственные, но и помещичьи, общественные и частные учебные художественно-промысловые мастерские. В мае того же года Киевский горисполком принял решение о создании ткацкой, ковровой, вышивальной, набоечной, кружевной, красильной, керамической и деревообделочной учебных мастерских для подготовки инструкторов, которые могли бы пропагандировать среди народа художественную промышленность. Такие же художественно-инструкторские школы создаются и на периферии. В Глинске и в Миргороде учреждаются керамические школы, полтавское ремесленно-художественное училище реорганизуется в художественно-инструкторскую деревообделочную школу, по этому же типу реорганизуется и дегтяревская ткацкая мастерская. В общем же по всей Украине за 1919 г. более двухсот кустарных художественных мастерских превращаются в художественные инструкторские школы, которые заняты не столько выпуском продукции, сколько подготовкой мастеров-художников, будущих руководителей восстанавливаемых и вновь создаваемых художественно-промысловых мастерских.

Этот факт заслуживает особенного внимания. Нельзя забывать, что подготовка художественно-педагогических кадров велась в условиях чрезвычайнейшей хозяйственной разрухи и предназначались эти кадры для предприятий, которые лишь начинали свое существование или же были только запроектированы. Вопрос о народных художественных промыслах рассматривался, таким образом, не с деляческих позиций, а с учетом предвидением всего дальнейшего развития и художественных промыслов и самого народного искусства в целом. Важно отметить и то, что такие школы, как правило, создавались не в центральных городах, а там, где уже много десятилетий, а то и столетий, существовали центры народного творчества, где уже сложились глубокие, проверенные временем художественные традиции. Подготовкой мастеров-педагогов на базе этих подлинно народных традиций Коммунистическая партия конкретно разрешала вопрос о художественном наследстве.

Одновременно с этим в Киеве была организована Крестьянская школа художественного труда. В эту школу принимали лишь тех мастеров народного искусства, которые уже успели зарекомендовать себя как талантливые художники. Их не нужно было обучать технике того или иного художественного ремесла. Их знакомили в этой школе с образцами родного искусства различных областей, а также с профессиональным декоративным искусством выдающихся мастеров. Этим преследовалась важнейшая задача: сблизить между собой народных мастеров, указать им путь к творческому обмену опытом и вместе с тем проложить дорогу к сближению народного и профессионального искусства.

Следует, наконец, отметить и еще один чрезвычайно интересный факт. К 1 мая 1919 г. в Киеве, в здании бывшего купеческого собрания (ныне здание Гос. филармонии), была организована первая выставка народного искусства, а в примыкающем парке вдоль аллеи выставлены громадных фанерных щитов, покрытых народными орнаментами в многократно увеличенных размерах. Особенность этой выставки заключалась в том, что на ней фигурировали не безымянные народные произведения, как это бывало прежде, а индивидуальные подписные произведения мастеров народного искусства. Здесь впервые были показаны выдающиеся произведения народной сатирической скульптуры работы Ивана Гончара и работы мастера народной декоративной живописи и вышивки Ганны Собачко. То, что на выставке экспонировались не безымянные и индивидуальные работы, не было случайностью: это было выражением нового отношения к народному мастеру.

Приведенные примеры достаточно ясно свидетельствуют о том, что основные принципы, поныне определяющие самое существо советского народного искусства, были установлены еще в годы гражданской войны. Вот эти принципы: 1) сохранение и дальнейшее развитие лучших традиций народного искусства в быту; 2) создание и развитие художественных промыслов в старых, исторически сложившихся очагах на новой экономической основе, указанной В. И. Лениным в декрете о кооперации; 3) активная поддержка индивидуального творчества мастеров народного искусства, создающих произведения, отвечающие интересам и требованиям социалистического общества, широко использующих лучшие традиции народного искусства и идущих по пути творческого сотрудничества с советскими художниками — мастерами профессионального искусства. Памятуя об этих принципах, мы получаем ключ к правильному пониманию всего дальнейшего пути развития украинского советского народного искусства.

Если бы перед нами стояла задача последовательно, этап за этапом изложить всю историю украинского советского народного искусства, мы должны были бы рассказать, как с окончанием гражданской войны улучшилась жизнь крестьянства, как стало расцветать бытовое искусство, как восстанавливались прежние художественные промыслы.

систематически расширяя и объем продукции и ассортимент изделий, как постепенно возникала слава целого ряда мастеров народного искусства, как создавались и быстро развивались музеи народного искусства, как это искусство все больше входило в быт города, оказывая возрастающее влияние на творчество художников-профессионалов. Фактов, иллюстрирующих эти явления, можно было бы привести десятки и сотни. Но как бы подробно мы ни останавливались на рассмотрении этих фактов, мы могли бы констатировать лишь то, что в первые послевоенные годы народное искусство продолжало развиваться в том же направлении, что и в годы гражданской войны. По существу это был период утверждения и внутреннего обогащения того, что было завоевано в годы борьбы за установление Советской власти. Да иначе и не могло быть. Восстановление народного хозяйства вело к улучшению народного быта, а вместе с этим и к повышению удельного веса народного искусства в быту, но само хозяйство крестьян оставалось еще преимущественно единоличным; поэтому и быт сохранялся в значительной мере старый, а с ним удерживались и старые формы народного искусства. Новое нарождалось медленно и утверждалось не сразу.

Резкий перелом в развитии народного искусства наступил лишь после того, как была решена важнейшая народнохозяйственная задача: коллективизация сельского хозяйства на базе его механизации. Тридцатые годы — это новый этап в истории украинского народного искусства. Чем же он ознаменовался?

Прежде всего о народном искусстве в домашнем быту. Колхозный строй резко изменил внешний облик крестьянской усадьбы: уменьшились за ненадобностью число и размеры хозяйственных построек при одновременном увеличении жилого дома. Хаты стали выше, просторнее, светлее. Изменились внутренняя планировка и обстановка жилых помещений. «Скрыню» заменил гардероб, «полиці» и «мисник» — буфет, «лавы» были заменены стульями, «пiл» — кроватью и т. д. Глиняную посуду сменила фаянсовая и фарфоровая, домотканые материи — фабричные ткани и т. п. Вместе с этим, казалось бы, должно было уйти из домашнего быта и народное искусство. Но это не так.

В быту остался целый ряд форм народного искусства и не только остался, но на эти оставшиеся формы искусства появился повышенный спрос. Быстро начали развиваться ковроткачество и изготовление декоративных тканей — плахт, ряден, скатертей, дорожек, покрывал. Вновь вошла в быт уже почти забытая набойка. Резко повысился спрос на декоративную керамику, как в виде мисок и тарелок, так и в виде настольных ваз и цветочных вазонов. Шире начала применяться вышивка и на одежде (женской, мужской, детской), и на таких предметах обихода, как полотенца, скатерти, простыни, занавески, наволочки. Количественный рост использования этих видов народного искусства сопровождался и некоторыми качественными изменениями. Из всего художественного наследия предпочтение отдавалось более богатым и по рисунку, и по композиции, а иногда и по расцветке мотивам. Заполнение плоскости ткани орнаментом стало более интенсивным. Достаточно отметить, что вышивка на груди мужской сорочки повсеместно стала шире. Богаче стала вышивка на рукавах женской сорочки. Заметно улучшилось качество ткани. И — самое важное — в оформлении ткани даже при самой ограниченной цветовой гамме общее цветовое решение стало мажорным.

Старые орнаментальные мотивы нашли применение и в новых предметах обихода. Так, например, в колхозной деревне появились новые покрои женской одежды; она украшалась вышивкой, но композиционное размещение последней уже не могло быть таким же, как на традиционных сорочках, а зачастую из старого мотива выбирались лишь отдельные облегченные элементы, которые в новом композиционном соединении создавали впечатление совершенно нового узора.

То же случилось с такой формой народного искусства, как резьба по дереву. Предметы, которые традиционно украшались резьбой, ушли быта в одном виде, но возвратились в него иным путем и в другом качестве: в виде изделий, выпущенных художественно-промышленными предприятиями для массового потребления, как, например, комнатная мебель, украшенная резьбой, выполненной по народным мотивам, обивочных тканей и т. п.

Еще в довоенные годы на Украине была создана целая сеть художественно-промышленных предприятий. В старых очагах народных художественных промыслов — Решетиловке и Дегтерях — возобновилось производство ковров, художественных тканей и вышивок; возродились и такие старинные центры ковроделия, как Сорочинцы и Диканька; здесь же возобновилось производство плаховых тканей. В Кролевце были восстановлены и расширены ткацкие мастерские, известные своими декоративными рушниками. В Ополшне и Хомутце на Полтавщине, в Буковке и Кришенцах на Винничине на базе старых гончарных промыслов были созданы крупные художественные керамические мастерские. Число таких возрожденных, реконструированных и вновь созданных мастерских возрастало с каждым годом, и уже накануне Великой Отечественной войны они составляли густую сеть организаций, охватывавшую всю территорию Украины и представлявшую все виды народного искусства, народных художественных промыслов. Важно отметить, что все эти мастерские изготавливали предметы быта, которые поступали на городской и сельский рынок.

Развитие художественных промыслов представляет интереснейшую страницу в истории украинского народного искусства, а изучение его могло бы быть предметом специального обстоятельного исследования. Будучи связаны рамками журнальной статьи, мы вынуждены ограничиться рассмотрением лишь некоторых сторон этого большого вопроса.

Как уже упоминалось, художественные промыслы и художественно-промышленные мастерские начали восстанавливаться еще в годы гражданской войны; тогда же на базе веками выработанных народом художественных традиций в художественно-инструкторских школах бережно выращивались будущие мастера, которые смогли бы не только сохранить народную традицию, но и развить ее, поднять на высшую ступень творчества. Этот принцип характерен для деятельности всех художественно-промысловых предприятий и в последующие годы: мастерские в своей работе не только пользовались лучшими образцами народного искусства, но и развивали народные мотивы, обогащали их новыми элементами, усложняли композицию, находили новое применение старым мотивам, насыщали свои произведения новым содержанием.

Говоря об обогащении народных мотивов новыми элементами, следует прежде всего отметить такой факт, как органическое вращение в народный орнамент мотивов советской эмблематики (см. рис. 1). Вторым знаменательным фактом — это тяга мастеров народного искусства к сюжетным изображениям, а отсюда широкое развитие таких вышивок, декоративных росписей, резьбы и т. п., где, кроме орнамента, начинают принимать участие портрет, жанровые мотивы, а также элементы архитектурного пейзажа. Все это взятое вместе создает совершенно новый облик народного искусства. Но новизна не только в этом. Новизна и там, где мастер не выходит за пределы старых традиционных мотивов, но применяет их в необычных формах, как мы уже об этом упоминали, говоря о вышивке и резьбе. Особенно ярко это сказывается в использовании тканей: плахта, почти вышедшая из употребления как элемент женской одежды, начала вырабатываться в огромном количестве в качестве настенной декоративной ткани, наволочек для диванных подушек и т. п.

Следует, наконец, еще раз напомнить о двух важнейших событиях

происшедших в развитии украинского советского народного искусства. Первое — это индивидуальное творчество мастера. Если в годы гражданской войны впервые заговорили об отдельных мастерах, то через десять-пятнадцать лет народное искусство становится искусством широко известных всей стране народных мастеров, крепко связанных с народом, с его искусством, с его традициями и вместе с тем далеко ушедших

Рис. 1. Декоративное блюдо с гербом БССР работы косовских мастеров. Резьба по дереву с инкрустацией

вперед по пути создания новых образцов. И второе: мастера народного искусства, лишь впервые встретившиеся с профессиональным искусством в годы гражданской войны, за последующие десять-пятнадцать лет делают громадный шаг вперед по пути установления крепкого творческого содружества с художниками-профессионалами. Прямым результатом такого содружества является создание целого ряда крупных художественных произведений, навсегда вошедших в историю советского искусства.

Достижения народного искусства Советской Украины, накапливавшиеся из года в год, стали по-настоящему ощутимы лишь после победы колхозного строя. Достижения эти были продемонстрированы в 1936 г. в столице нашей родины Москве на выставке Украинского народного искусства. То, что советские люди увидели на этой выставке, было исполнено огромного значения. Это и неудивительно, так как на выставке демонстрировалось искусство нового общественного класса, нового, неизвестного еще в истории человечества — советского крестьянства. Выставка показала, что украинское колхозное крестьянство не утеряло кровных связей с дореволюционным народным искусством. Каждый экспонат свидетельствовал о сохранении лучших художественных традиций, о глубоком творческом их использовании. Стремление взять из прошлого самое лучшее, насытить его новым содержанием и использовать для новых целей было причиной того, что каждая показанная на выставке

вещь, вызывая чувство восхищения своей подлинной красотой, воспринималась зрителем и как нечто уже давно, с самого детства знакомое, как что-то совершенно новое, сегодняшнее.

Возьмем для примера хотя бы ковры или кролевецкие рушники Подольские, полтавские, киевские ковры сохранили все свои местные особенности. Они и теперь легко отличимы друг от друга, но цветы

Рис. 2. А. И. Антипенко. Кролевецкие рушники

их стала сочнее, внутренне богаче, оптимистичнее, сами декоративные мотивы значительно обогатились. Особенно заметно это на подольских коврах. В прошлом построенные почти исключительно на геометрическом орнаменте, теперь они гармонически сочетают растительные и геометрические мотивы, что вносит необычайную жизнерадостность и разрушает прежнюю монотонность. Появились ковры, вытканые колхозницами по новым, оригинальным рисункам народных мастериц декоративной живописи; особенно интересно в этом отношении творчество Параски Власенко.

Существенные изменения произошли и в тканом орнаменте кролевецких рушников, который полностью освободился от мотивов, насажденных царским режимом, стал легче, узорчатее, богаче композиционно и сюжетно. Традиционно стройный и монументальный по композиции кролевецкий рушник, не выходя за пределы одного цвета, приобрел какую-то особенную праздничность (рис. 2).

Особо нужно отметить те изменения в отдельных видах народного искусства, которые вывели это искусство на новый путь. Прежде всего мы имеем в виду народные декоративные настенные росписи. Здесь произошли такие же изменения, как и в коврах, тканях, керамике и т. д.

эти росписи не только сами стали внутренне богаче, но и значительно шире стали использоваться для оформления интерьера жилища. Новое сказалось в том, что многие мотивы настенных росписей в полном смысле этого слова оторвались от белой стены крестьянской хаты, чтобы выполнять теперь новую художественную задачу.

Рис. 3. П. И. Глущенко. Декоративное панно

Такие мастера настенной росписи, как Татьяна Пата, ее ученицы, сестры Вера и Галя Павленки или Параска Власенко из Киевской области, а также П. Глущенко из Днепропетровской области, начали писать свои орнаменты на больших листах бумаги (рис. 3), а затем на полотне, грунтованном картоне и т. п., предполагая совершенно иное использование этих росписей. Уже незадолго до Великой Отечественной войны орнаментальные мотивы колхозниц-петриковчанок все прочнее входили в быт и в виде оформления киосков и павильонов, и как элементы художественного оформления книги, и как мотивы оформления фарфоровых чайных и столовых сервизов. Достаточно напомнить громадное декоративное панно работы Параски Власенко, оформлявшее павильон Украинской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 г.

Приведенные примеры свидетельствуют не только о выходе украинского народного искусства на новую арену, но и о первых шагах на пути объединения творческих усилий мастеров народного искусства и художников-профессионалов. О плодотворности этого объединения говорит

хотя бы такой знаменательный факт, как появление совершенно нового вида украинского искусства — тематических и портретных ковров (рис. 4). На выставке 1936 г. впервые появились такие замечательные мастерству тематические ковры, как «Товарищ Сталин среди народ», «К. Е. Ворошилов принимает парад красного казачества», «Красные п

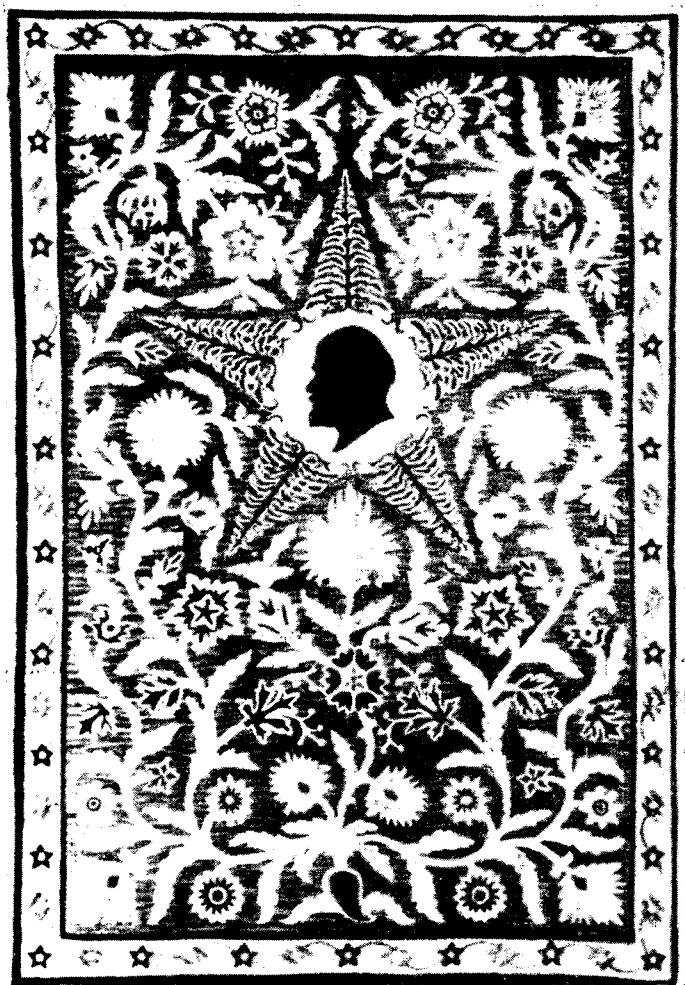

Рис. 4. Ковер, выполненный Решетилковской мастерской по эскизу П. И. Мощенко

тизаны» и ряд других. Вытканые по картонам украинских художников-профессионалов, среди которых первое место принадлежит Д. Н. Шавыкину, эти ковры, однако, не являлись механическим воспроизведением картонов ткачами. Колхозницы-ткачихи в процессе работы вносили в замысел художника значительные изменения; многие изменения вносил в свой эскиз и сам художник в процессе творческого сотрудничества с высококвалифицированными ковровщицами. В результате создание тематического ковра стало таким видом художественного творчества, где труд художника-профессионала и художниц-ткачих слился воедино. Это сотрудничество привело к тому, что в украинском профессиональном искусстве появился целый ряд мастеров тематического ковра, а среди ткачих выросли замечательные мастерицы, чьи имена стали известны по всему Советскому Союзу.

Творческий рост художников-колхозников обусловил тот факт, что выставка украинского народного искусства в Москве в 1936 г. была выставкой не безымянного, а индивидуального творчества подлинных мастеров искусства, представивших здесь свои личные работы или результаты коллективного труда. Это новое в истории украинского искусства явление было зафиксировано правительственным актом об учреждении почетного звания мастера народного искусства УССР. Такое звание было присуждено кролевещкой ткачихе Явдохе Демченко, колхознице из с. Скобцы Параске Власенко, ковровщице из того же села Наталии Вовк, гончару из с. Кришенцы Винницкой области Ивану Гончару, резчику по дереву из Баришполя на Киевщине Петру Верне и мастеру настенных росписей из Петриковки Николаевской области Татьяне Пате.

В последующие годы украинское советское народное искусство пополнялось все новыми и новыми славными именами подлинных мастеров, а в 1939 г. приняло в свой состав новый большой отряд мастеров воссоединенных западных областей Украины.

Вторгшиеся на территорию нашей родины гитлеровские варвары нанесли украинскому народному искусству огромный ущерб. Были разрушены художественно-промысловые мастерские; уничтожены до основания многие местные музеи народного искусства с неоценимыми собраниями произведений; многие мастера народного искусства были угнаны в фашистскую неволю, а выдающийся мастер народной скульптуры Иван Гончар был замучен фашистами в Киеве.

Но как ни тяжелы были разрушения и потери, народное искусство не заглохло. Еще шли ожесточенные бои на территории Украины, а в освобожденных районах быстро восстанавливалась художественная жизнь. Уже в декабре 1943 г. возобновила работу Кролевещкая ткацкая мастерская, а в Киеве открылась артель художественной вышивки и завод «Керамик» под руководством художницы Грядуновой начал выпускать орнаментированную украинскими народными мотивами посуду.

В январе 1944 г. в Киеве открылась вторая артель вышивальщиц, работавших по рисункам Параски Власенко; в марте возобновилась деятельность Барановского и Мархлевского фарфоро-фаянсовых заводов; апреле киевский завод «Керамик» приступил к выпуску архитектурно-керамических изделий и возобновила свою деятельность Решетиловская оверткацкая мастерская. В мае того же года были восстановлены гончарные промыслы в Киевской области. В этом же месяце было вынесено решение Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У «О восстановлении и развитии художественных промыслов на Украине», сыгравшее решающую роль в дальнейшем развитии украинского советского народного искусства. В июне 1944 г. возобновили работу ткацкие мастерские в с. Дегяри Черниговской области. В сентябре в Киеве открылось училище прикладного искусства. В октябре Укрхудсоюзом и Союзом советских художников Украины был объявлен свободный конкурс на создание лучших образцов вышивок, тканей, ковров, керамики, резьбы по дереву, игрушки, кукол и детской игрушки. В ноябре был объявлен небывалый конкурс — на звание лучшей вышивальщицы Харьковской области. 1945 год принес новые крупные победы: в январе возобновилась работа уцулов — мастеров народного искусства; в феврале открыто 30 художественно-ремесленных училищ в различных городах Украины, а в марте в Львове возобновил свою деятельность Музей этнографии и художественных промыслов Академии наук УССР, обладающий изумительными по качеству и количеству собраниями произведений по всем отраслям народного искусства. 29 июня 1945 г. Закарпатье воссоединилось с Украиной, и в семью мастеров украинского народного искусства влился еще один большой и сильный отряд.

Приведенная нами краткая хроника событий, связанных с восстановлением и развитием народного искусства и художественных промыслов

Украины, говорит о том, что восстановительные работы, начавшиеся еще в годы войны, осуществлялись на расширенной базе. После войны к работе возвратились все оставшиеся в живых мастера народного искусства, к которым быстро присоединялись новые силы, выросшие и окрепшие в годы войны и в первые послевоенные годы. Некоторые из них, как ряд учениц Татьяны Паты, завоевывали известность постепенно, другие, как Катерина Белокур, сразу же получили широкое признание.

Рис. 5. В. П. Одрехивский. Серны.
Деревянная скульптура

Катерина Белокур, колхозница Полтавской области — первый и пока единственный мастер декоративного натюрморта, исполненного техникой масляной живописи в крупных размерах, часто в натуральную величину. Умелое сочетание реалистического изображения природы с декоративным началом делает натюрморты Катерины Белокур подлинно монументальными. Ее панно, скромно названные автором — «Цветы», «Привет урожаю», по богатству композиции и блестящей цветовой гамме должны были бы носить такие названия, как «Гимн природе», «Праздник урожая».

Появились новые имена и в других видах народного искусства. Особо следует назвать двух выдающихся мастеров народной круглой скульптуры из Станиславщины — Андрея Сухорского и его ученика Василия Одрехивского (рис. 5). Характерна творческая биография резчика по дереву из Закарпатья Василия Свиды. Крестьянский мальчик,

с ранних лет сирота и батрак, короткое время ученик ремесленной школы, Василь Сvida впервые обращает на себя внимание как скульптор лишь после воссоединения Закарпатья с Украиной в 1945 г., когда его работы попадают на художественные выставки — сначала на областную, а затем и на республиканскую. В 1947 г. Сvida уже экспонент профессиональных выставок. Его крупные деревянные скульптуры — «Партизаны», «В школу» и ряд других ярко показывают, как в условиях советского строя из неизвестного резчика-самоучки за несколько лет вырос талантливый скульптор-профессионал, бережно хранящий традиции народного искусства. Сейчас Василь Сvida — один из активных деятелей Союза советских художников Украины.

Наряду с таким фактом, как перерастание мастера народного искусства в художника-профессионала, в чем нельзя не видеть одного из проявлений процесса постепенной ликвидации существенных различий между городом и селом, мы должны отметить еще одну особенность развития народного искусства в послевоенное время. Мы имеем в виду коллективный метод труда. Если до войны мастера народного искусства объединялись для создания общими усилиями какого-либо произведения искусства, то объединяющим началом, как мы это видели на примере создания тематических ковров, всегда являлся художник-профессионал. Теперь же творческие возможности мастеров народного искусства настолько возросли, что они оказались способными вполне самостоятельно решать сложные художественные задачи. Примером может служить создание группой косовских резчиков по дереву полного комплекта художе-

ственной мебели для кабинета И. В. Сталина. Мебель изготовлена на основе использования конструктивных приемов сборных деревянных изделий, традиционных в быту прикарпатских украинцев. Работой руководил резчик Мыкола Кишук, в прошлом — кустарь-одиночка, вынужденный прятать тайны своего мастерства от других собратьев по ремеслу, а теперь видный советский художник и депутат Верховного Совета УССР.

Мы остановились на этом факте не только потому, что он напоминает об одном из прекраснейших произведений украинского народного искусства, но и потому, что он свидетельствует о перестройке психологии

Рис. 6. П. М. Иванченко. Ваза. Фарфор

мастеров народного искусства. В условиях капиталистического общества одиночка-ремесленник тщательно охранял свои производственные секреты, старался выведать секреты других мастеров и остерегался даже своих собственных учеников: к этому его понуждала жестокая конкуренция. Колхозный строй научил работать совместно. Быстрое развитие методов социалистического труда не только в сельском хозяйстве, но и в художественных промыслах сделало обычным обмен опытом, знаниями. Теперь производственные секреты мастеров народного искусства стали достоянием всего творческого коллектива, что привело к самым блестящим результатам. Ни один потомственный мастер, обладавший унаследованными от отца и деда приемами художественного труда, никогда не мог сделать того, что оказалось под силу коллективу.

Многие мастера народного искусства за последние годы настолько творчески и профессионально выросли, что оказались вполне подготовленными для работы в качестве инструкторов на крупных предприятиях советской художественной промышленности наряду с художниками-профессионалами. Никто, сравнивая творчество сестер-петриковчанок Веры и Гали Павленок с творчеством высококвалифицированного керамиста П. Иванченко, получившего высшее художественное образование и име-

ющего многолетний производственный и педагогический опыт, никогда не задумается о том, что они пришли к общему результату совершенно различными путями.

Говоря о таком мастере-керамисте, как П. М. Иванченко, одна из работ которого приводится нами (рис. 6), нельзя не подчеркнуть, что не один. Среди керамистов следует отметить З. Д. Охримовича, Л. Н. Кияницю, О. П. Грядуну. Все они — художники-профессионалы, но их работы не отличить от работ народных мастеров. Это показывает, что народные мастера овладели методами профессионального искусства, а художники-профессионалы научились глубоко, творчески пользоваться художественным наследием народа: народное искусство их общая и единая основа.

Этим объясняется и тот факт, что сотрудничество мастеров народного искусства и художников-профессионалов за последние годы приняло новые формы. Если до войны это сотрудничество носило эпизодический характер, то теперь оно постоянно. В качестве примера отметим такое массовое явление, как совместная работа мастеров-керамистов и архитекторов в создании нового типа художественной облицовочной керамики. Еще более интересный пример является совместная работа научных сотрудников Института монументальной скульптуры и живописи Академии архитектуры УССР с народными мастерами декоративной живописи по созданию проектов оформления общественных сооружений в Новой Каховке. Творческое содружество научных работников и народных мастеров — замечательная особенность советского народного искусства, которой не знает и не может знать капиталистическое общество.

В советском обществе народное искусство перестало быть экзотикой для эстетствующих интеллигентов. Для советского украинского народа народное искусство — неисчерпаемый источник творчества, источник постоянного вдохновения для создания таких художественных произведений, существование которых неотделимо от новых форм социалистического быта. Достижение этого оказалось возможным только в условиях социалистического строя, только в тесном и неразрывном союзе с великим братским русским народом.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К. В. ЧИСТОВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В № 2 журнала «Советская этнография» за 1953 г. опубликована статья В. С. Бахтина «О некоторых проблемах фольклористики (в связи с теоретическими положениями книги «Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи»)».

Статья В. С. Бахтина — один из многих печатных откликов на названную выше книгу. Кроме того, «Очерки» обсуждались в ряде городов, в том числе в Москве и в Ленинграде, на специальных заседаниях. Все это свидетельствует о том, что книга вызвала значительный интерес. Подавляющее большинство участников обсуждений сошлось на признании важности и значительности проделанной авторами работы и в то же время спорности, а в ряде существенных моментов — слабости общей теоретической основы «Очерков».

Действительно, каждый, кто по-настоящему заинтересован в развитии советского народно-поэтического творчества и науки о нем, не мог не ожидать с большим нетерпением появления книги, цель которой — обобщить важнейшие процессы развития советского народно-поэтического творчества за более чем три с половиной десятилетия.

Как известно, 36 лет, прошедшие со дня Великой Октябрьской социалистической революции, были чрезвычайно значительными в развитии поэтического творчества народов Советского Союза. Можно с уверенностью сказать, что не только ни одно тридцатилетие, но и ни одно столетие в прошлом не было столь насыщенным, бурным, ярким и плодотворным. Изменения, происшедшие в народном творчестве за годы советской власти, столь глубоки и принципиальны, что к современному народному творчеству, как справедливо отмечают авторы «Очерков», совершенно неприменимы все те определения «фольклорности», которые отстоялись и закрепились в результате изучения народно-поэтического творчества дооктябрьского времени. Следовало бы добавить: темп и глубина этих изменений таковы, что к современному (послевоенному) народному творчеству неприменимыми оказываются и те критерии, которые казались правильными в предвоенные годы. Одним словом, 36 лет развития советского народного творчества — это большой и сложный путь, нуждающийся в систематическом изучении, в глубоком теоретическом осмыслении.

Нельзя не признать, что Институт русской литературы поставил перед собой важную и актуальную и вместе с тем трудную задачу. Задача была чрезвычайно трудна, так как авторы, работая над задуманным монографическим очерком, неизбежно должны были столкнуться и с полнейшей неизученностью ряда важнейших вопросов и с теоретической путаницей в самом понимании природы советского народного творчества. Поэтому следует всячески приветствовать дерзание, на которое отважился авторский коллектив.

В книге собран огромный материал, отдельные части этого материала освещены с достаточной подробностью, с большим или меньшим успехом. Однако самое важное сейчас все же не это. Самое важное то, что общий процесс развития (именно р а з в и т и я) вырисовывается пока еще очень нечетливо. Изменения самой природы народного творчества, его художественного метода, его взаимоотношений с литературой, его удельного веса и значения в общей культурной жизни страны показаны очень слабо. В книге фиксированы главным образом тематические изменения, которые несомненно, важны, однако показать их — это еще не значит выявить процесс развития в целом.

Если не касаться деталей, то следует признать, что после прочтения книги вырисовывается примерно следующая картина: произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, она принесла коренное изменение тематики народного творчества, значительное изменение сферы его общественного воздействия, причем все это произошло почти сразу и в дальнейшем оставалось почти неизменным. Как это новое утверждалось, к а к о й борьбой это сопровождалось, как, например, крестьянство в процессе своего превращения в колхозное крестьянство преодолеvalo пережитки прошлого в своем мировоззрении и мировосприятии, были ли какие-нибудь различия между поэтическим творчеством пролетариата и крестьянства в 20-х годах, увеличивались или уменьшались в дальнейшем эти различия, — после прочтения книги остается без малого неизвестным. Показ борьбы, становления, дальнейшего развития, смены успехов и неудач нет. Господствуют тишина, мир и благополучие, причем не завоеванные, а пришедшие сразу, сами по себе.

Бесспорно верными были упреки и в потере критерия художественности авторами некоторых глав «Очерков», в забвении того, что фольклористика как раздел литературоведения должна иметь дело с явлениями художественными по своей природе.

Совершенно недостаточно показана и роль великой культурной революции, происшедшей в нашей стране, в истории народного творчества. О великой культурной революции говорится главным образом в плане поэтического отражения явления нового быта, вопрос же о воздействии культурной революции на весь процесс развития народного творчества на саму природу народного творчества в основном обойден. В значительной степени это связано с тем, что, приводя те или иные факты, авторы как правило, недостаточно четко показывают значение этих фактов для данного этапа истории советского общества.

Приведу некоторые примеры. Авторы почти с первых же страниц тома говорят о развитии самодеятельности. И верно — самодеятельность развивалась с первых же лет революции, однако в 20-х годах она была иной, чем в 30-х и 40-х годах. Недаром «Правда» 5 апреля 1950 г. констатировала, что самодеятельность теперь стала «поистине всенародным движением», недаром в этой же передовой говорится о самодеятельности как об организованной и, что еще важнее, ведущей форме современного народного творчества. Все это — черты именно современного этапа развития этой формы народного творчества.

Или еще один пример. Самодеятельные хоры давно уже начали создавать песни. В «Очерках» приводятся соответствующие факты и для предвоенных лет, и для лет Великой Отечественной войны, и для послевоенных лет. Факты бесспорные, однако важно, что в 30-х годах это были лишь отдельные попытки, не имевшие еще серьезного влияния на общий ход развития народного творчества, теперь же это целое движение, развитое и имеющее большое будущее, бесспорно важная, передовая, плодотворная форма народного творчества. Число примеров можно было бы увеличить, но и приведенных совершенно достаточно.

В чем же причина, в чем методологические корни подобного рода промахов?

Они обнаруживаются особенно ясно при обращении к одному из разделов «Введения» — к разделу «Советское народное творчество как новый этап в истории народной поэзии». В этом разделе анализируются основные особенности советского народного творчества. Однако вся беда в том, что они характеризуются суммарно, как качества одного этапа. Между тем советская эпоха в истории народного творчества — это уже далеко не один этап, это по крайней мере пять этапов, если принять периодизацию, предложенную авторами книги.

Основные особенности советского народного творчества изображаются в «Очерках» как неизменные качества, а не как результат длительного и сложного процесса. Между тем ясно, что 26 октября 1917 г. и 31 декабря 1950 г. (день, на котором заканчивается книга) народное творчество было во многом неодинаковым. 26 октября 1917 г. оно обладало возможностью приобретения этих качеств и в дальнейшем приобретало их по мере построения социалистического общества в нашей стране. Поэтому попытка объединить начало процесса и ряд его дальнейших этапов в одной краткой суммарной характеристике явно не может удовлетворить. Кроме того, народное творчество развивалось и изменялось на протяжении всего этого периода в теснейшей связи с другими формами советской культуры. Суть послеоктябрьских процессов развития народного творчества прежде всего и заключается в решительной и окончательной ликвидации изолированности поэтического творчества трудовых масс от других форм творчества, выработанных нацией в целом. Это преодоление изолированности стало возможным только благодаря великой культурной революции, происшедшей в нашей стране в результате объединения миллионных масс трудящихся к лучшим достижениям национальной и мировой культуры. Огромную роль сыграло и уничтожение в процессе построения социализма векового антагонизма между городом и деревней, «городской культурой» и «деревенской культурой», и все усиливающееся стирание существенных различий между умственным и физическим трудом. В результате грандиозных преобразований родилась и расцвела единая по содержанию культура социалистических наций, входящих в состав Советского Союза, являющаяся блестящим выражением морально-политического единства советского народа.

В связи с этим следует сказать, что основным пороком методики собирания и изучения советского народного творчества, которой еще совсем недавно придерживалось большинство фольклористических организаций, было изолированное изучение «фольклорных» явлений, изучение их вне связи с другими явлениями, в своей совокупности составляющими художественную культуру советского народа. Толкование понятия «советский фольклор» как исключительно устного творчества заставляло отворачиваться от всех других форм массового художественного творчества, будто бы «не подлежащих изучению» фольклориста. Здесь несомненно сказывалось совершенно недопустимое механическое перенесение устаревших, выработанных на дореволюционном материале представлений о роли, значении и социальной природе устного творчества и его взаимоотношениях с «письменной», «книжной» литературой в условиях социалистического города и советского колхозного села. Если до Великой Октябрьской социалистической революции устное творчество было в основном единственной формой творчества широких масс русского трудового народа, особенно крестьянства, то в наши дни оно является одной из форм (причем явно не ведущей формой) богатой и многообразной художественной культуры советского народа, наряду с книгой, журналом, газетой, кино, театром, радио, самыми различными видами художественной самодеятельности и т. д. Все эти формы социалистической культуры нашего народа находятся в органическом взаимодействии, постоянно переплетаются и дополняют друг друга. Поэтому изучать одну из них в отрыве от всех остальных, вне их взаимодействия, принци-

пиально неверно. Такое изучение не сможет принести ничего, кроме ошибок. Сама жизнь поставила новую и благороднейшую задачу — от ограниченного и замкнутого в самом себе, исключительного изучения устного творчества перейти к изучению всей литературно-художественной культуры советского народа во всем богатстве ее форм и видов.

Невиданно благоприятные условия развития народных талантов, всемерная поддержка литературы и народной художественной самостоятельности со стороны партийных и советских организаций создали исключительное многообразие путей возникновения и бытования поэтических произведений. Можно назвать десятки видов советского литературно-художественного творчества: оно может протекать письменно и устно, осуществляться писателем-профессионалом и членом самостоятельного литературного кружка, возникать как произведение индивидуальное или коллективное (ср., например, песни или частушки, сложенные хорами), создавать для напечатания в книге, журнале, газете (или стенной газете), либо для произнесения по радио, воспроизведения в кино, исполнения с подмостков дома культуры, избы-читальни, клуба, парка культуры и отдыха, для записи на патефонную пластинку, исполнения на молодежной вечеринке во время массового гуляния и т. д. и т. п.

Как бы мы ни называли ту или иную форму или группу явлений этого многообразной и вместе с тем единой поэтической культуры — «литературой», «фольклором», «народным творчеством», «устным творчеством», «народно-поэтическим творчеством», «массовым творчеством», «литературно-художественной самостоятельностью» и т. п., одно остается несомненным: профессиональное и массовое (самостоятельное), индивидуальное и коллективное, письменное и устное — все эти формы развиваются в теснейшем и органическом взаимодействии, переплетаются друг с другом и перебиваются друг в друга ежедневно, ежечасно, ежеминутно.

В связи с этим возникает вопрос: правы ли те исследователи, которые стремятся во что бы то ни стало, якобы ради строгости научной классификации явлений, разъединить, расчленить «литературное» и «фольклорное», «устное» и «письменное», «индивидуальное» и «коллективное», отыскать во что бы то ни стало каждое из этих явлений в «химически чистом виде»? Не потому ли в представлении некоторых фольклористов «исчезает объект изучения», что они не могут освободиться от изжитой самой жизнью терминов и понятий, от метафизического подхода к делу, требующего ответа по формуле, «да — да, нет — нет, а что сверх того, от лукавого»? (или как в статье В. С. Бахтина: «фольклор, а не что иное» — стр. 154).

Если не затуманивать проблему темным и так и не привившимся термином «фольклор», а отдать себе ясный отчет в современном содержании слов «народ», «народное творчество», «творчество народа», то нельзя вспомнить о том, что советский народ — это все граждане, все трудящиеся нашей страны, что никаких нетрудовых классов, групп и слоев населения, противостоящих народу, у нас нет, что творчество всего народа у нас давно уже едино по своей идейной направленности и становится все более и более единым по своей художественной форме. В этом смысле «советское народное творчество» в широком понимании этого термина — это все словесно-художественное поэтическое творчество советского народа во всех его видах и формах, включая письменные и устные, профессиональные и массовые, самостоятельные, условно говоря, «фольклорные» и «литературные». Однако практически пользуются и вполне можно пользоваться термином «народное творчество» и в более узком его значении, имея в виду массовое словесно-художественное творчество народа в отличие от творчества профессионального, с которым оно тесно связано (ср., например, «Дом народного творчества»).

Таким образом, советское народное поэтическое творчество — это поэтическое творчество народа, в какой бы форме (похожей или непохожей

на литературную) оно ни протекало, это творчество не профессионалов-писателей, а массы народа, советских людей, творящих параллельно с другими профессиональными занятиями, более того — осуществляющих в основном другие виды материального или духовного производства.

Исходя из этого, а также из убеждения в тесной взаимосвязи всех форм творчества советского народа, фольклористика, как нам кажется, должна ставить перед собой две основные задачи:

1) изучение литературно-художественного репертуара советского народа, т. е. изучение путей и причин распространения (бытования, популярности) в народе словесных и музыкально-словесных художественных произведений вне зависимости от их происхождения;

2) изучение всех форм и видов массового непрофессионального поэтического художественного творчества в их взаимосвязи и в связи с различными видами профессионального искусства.

Само собой разумеется, что сказанное вовсе не исключает необходимости внимательного изучения отдельных форм массового творчества, их художественной специфики, общественного значения и т. д. Однако было бы глубоко неправильно выделять одну из форм в качестве единственного и специального объекта специальной науки, так как генеральная задача фольклористики, несомненно, заключается в изучении массового поэтического творчества во всем его объеме, в изучении исторического значения самого этого многообразия и взаимопроникновения форм, в изучении путей развития народного творчества и т. д. и т. п.

Отдельные формы творчества, например, коллективная форма, по понятным причинам могут особенно интересовать фольклористов. Однако это не отменяет сказанного. Коллективные формы творчества (например, песни, создаваемые хорами, частушки, устные рассказы и т. п.), как показывает изучение, постоянно сочетаются с индивидуальными формами, что очень важно подчеркнуть, ибо, как известно, в практике советской жизни коллектив не подавляет личность, а способствует ее всемерному развитию. Именно об этом и говорил Г. М. Маленков в докладе на XIX съезде КПСС: «Враги социализма и всякого рода их подпевалы изображают социализм как систему подавления индивидуальности. Нет ничего примитивнее и вульгарнее такого рода представления. Доказано, что социалистическая система обеспечила раскрепощение личности, расцвет индивидуального и коллективного творчества, создала условия для всестороннего развития талантов и дарований, таящихся в глубинах народных масс»¹.

Можно с уверенностью сказать, что в недалеком будущем, по мере нашего приближения к коммунизму, профессиональное и массовое искусство срастутся еще теснее, так как дальнейшее развитие советской литературы, несомненно, будет повышением и углублением ее народности, а самодеятельное массовое искусство будет все более и более приближаться к профессиональному уровню мастерства. Совершенно естественно, что будущее принесет еще больше произведений, о которых будет еще труднее, чем теперь, сказать, «литературны» или «фольклорны» они по своей природе. Вместе с тем и литературоведение и фольклористика неизбежно и окончательно сольются и образуют единую науку о литературном творчестве и литературной жизни советского народа, о творчестве профессиональном и самодеятельном, о творческом восприятии народом произведений искусства, об участии широких народных масс в созидании единого искусства эпохи коммунизма.

Интересная и острая статья В. С. Бахтина начинается с бесспорного утверждения: отсутствие общепризнанного определения понятия «советское народное творчество» ощутимо тормозит развитие советской фольклори-

¹ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 67.

стики, приводит к путанице и теоретической неуверенности. Поэтому останавливается именно на этом важнейшем теоретическом моменте, посвящает ему по существу всю свою статью. В статье В. С. Бахтина много интересного и верного, но еще больше спорного.

В. С. Бахтин, так же как и авторы «Введения» к «Очеркам», стремится найти основной показатель «фольклорности», безошибочный критерий, своего рода универсальный инструмент, при помощи которого можно будет в любом случае уверенно определить, принадлежит ли данный текст к области «литературы» или «фольклора». Думается, что в самой такой постановке вопроса уже таится методологический порок.

В. С. Бахтин считает, что можно отыскать единый критерий «фольклорности» для всех форм и видов советского народного творчества во всех этапах его существования. Мысль явно ложная, приводящая к сдвигу основной задачи: изучать идеологическую жизнь народа, как она проявляется в словесном художественном творчестве, во всех его формах и видах. Вместо этого выдвигается задача во что бы то ни стало найти отличие «фольклора» от «литературы», вынести за скобки что-то такое, что удовлетворило бы этой потребности.

Что же предлагает В. С. Бахтин? Он пишет: «Действительное отличие советской литературы от советского фольклора состоит не в содержании и даже не в способе создания художественного произведения, а лишь в форме последующего бытования этого произведения» (стр. 153). Специфически фольклорная природа «фольклорных» художественных произведений, по В. С. Бахтину, связана с их дальнейшей шлифовкой, совершенствованием коллективом. В отличие от этого, литературное произведение имеет раз навсегда созданный, закреплённый текст.

Из рассуждений В. С. Бахтина следует, что будто бы есть произведения («фольклорные»), которые специально созданы для того, чтобы быть изменяемыми, чтобы шлифоваться. Он пишет: «Вспомним также, что произведения фольклора, как бы давно они ни были созданы, всегда ощущаются современными, поскольку они действительно непрерывно изменяются, обновляются и в содержании, и в художественной форме, и в языке» (стр. 153). Прежде всего, в этом утверждении есть фактическая неточность. Далеко не все классические, бесспорно «фольклорные» произведения осмысляются как современные. Более того, большинство из них осмысляется теперь именно как повествования о прошлом. Кто же из наших современников воспринимает волшебные сказки с Иванами-царевичами и характерными чертами феодально-патриархального быта как рассказы о современности? Как можно вообразить, что классические бытовые сказки о мужике и барине, мужике и попе, мужике и кулаке воспринимались бы кем-нибудь как современные? Еще в большей степени это относится к былинам, которые, по крайней мере уже с конца XV — начала XVI в., стали восприниматься как рассказы о прошлом. Кто же воспринимает богатейшие и разнообразнейшие песни о С. Т. Разине как современные песни? Мы и любим их именно как старинные песни, как песни о нашей славной старине.

«Фольклорным» произведением, созданным для того, чтобы в дальнейшем подвергаться коллективной шлифовке, В. С. Бахтин противопоставляет произведения индивидуальные. Созданные отдельными поэтами, певцами, сказителями, эти произведения не подвергаются изменениям, тексты их якобы твердо «закреплены».

Критерий, предлагаемый В. С. Бахтиным, может показаться безошибочным только тому, кто не пробовал применить его на практике. Практическое изучение современного народного репертуара показывает, что некоторые песни в процессе бытования действительно совершенно изменяются, другие, наоборот, подвергаются некоторым изменениям иногда форменной шлифовке. Однако происходит это вовсе не потому, что одни из них «литературны», а другие «фольклорны» по своей природе.

вовсе не потому, что одни созданы для того, чтобы быть неизменяемыми, а другие для того, чтобы подвергаться изменениям.

Народ поет ту песню, которая хороша, которая отвечает его коренным общественным интересам, соответствует его эстетическим идеям, совершенно не считаясь при этом, кто и как (устно или письменно) создал эту песню (т. е. «фольклорна» или «литературна» она по своей природе). Народ совершенствует ту или иную песню тоже, вопреки утверждениям В. С. Бахтина, вовсе не считаясь с тем, на какую полочку своего сознания положили ее фольклористы. Жизнь песни — процесс совершенно объективный, поэтому, вместо отвлеченных споров о классификации плохо изученных явлений, значительно важнее изучать реальные жизненные факты. А эти факты показывают, что неизменяемыми остаются те песни, тексты которых закреплены частым исполнением по радио, публикациями в песенниках, распространением посредством патефонных пластинок и т. д. Подобные песни претерпевают изменения лишь в крайних случаях — когда автор, поэт-песенник, совершил явную ошибку, когда он безусловно погрешил против смысла или явно не посчитался с художественными вкусами народа (см. например, изменения в «Партизанской» Алымова, «Конной Буденного» Асеева и др.). Нечего и говорить, что шлифовки без нужды, шлифовки ради шлифовки не происходит.

С другой стороны, существуют и песни, тексты которых не закреплены в сознании народа указанными выше средствами и подчас продолжают претерпевать изменения, подвергаться шлифовке и улучшению. Обычно это песни, распространяемые в значительной мере устным путем. Однако устность и такого рода песен очень относительна. Устный способ распространения и здесь постоянно чередуется, если не с печатным, то с письменным способом (рукописные песенники и т. п.). Следует признать, что, как правило, это песни второсортные, дефектные в идейном или художественном отношении, именно поэтому они и не популяризируются средствами радио и печати. Я подчеркиваю: как правило, потому что возможны и действительно существуют талантливые, яркие песни, еще не получившие широкого признания. Однако это не опровергает сказанного выше — закономерности нашей жизни таковы, что хорошая песня в конце концов будет признана и будет популяризироваться.

Перед наукой о русском народном творчестве стоят большие задачи, за решение которых она только начинает приниматься. Она должна создать научную историю народного творчества с древнейшей поры до наших дней. Она должна научно объяснить весь ход развития художественного творчества, созданного поэтическим гением русского народа, творчества, которое на протяжении столетий служило единственной формой, в которой выражалось мировоззрение народа, его понятие о прошлом, его мнение о современности, его мечта о прекрасном будущем. Наука о народном творчестве должна ясно показать роль и значение народного творчества в формировании и развитии великой русской литературы, в обретении ею таких важнейших качеств, как реализм и народность. Наконец, наука о народном творчестве должна показать роль и значение как фольклорного наследия, так и народного творчества советской эпохи в истории советской литературы, должна показать и объяснить те глубочайшие изменения природы народного творчества и его взаимоотношений с другими явлениями культуры, которые произошли в советское время.

Для решения последней в нашем перечислении, но едва ли не важнейшей задачи советской фольклористики совершенно необходимо уяснить современное состояние и характер народного творчества, решительно и навсегда отказаться от устаревших представлений (выработаны ли они были на дореволюционном материале или на материале середины 30-х годов). Нужно надеяться, что дискуссия, открытая журналом «Советская этнография», сыграет в этом значительную роль.

ЗАМЕТКИ СООБЩЕНИИ РЕФЕРАТЫ

А. Ф. БУДЗАН

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ УКРАИНЫ

Народное искусство в западных областях Украины после вхождения их в УС достигло больших успехов. Замечательные достижения народных мастеров западных областей Украины и широкие перспективы развития их искусства ярко выявляются в частности, при рассмотрении художественной резьбы по дереву.

Обработка дерева и связанная с ней резьба по дереву на территории Украины были известны с глубокой древности. О широком развитии ее в Киевской Руси свидетельствуют древние литературные источники, археологические находки инструментов для обработки дерева и, наконец, самые изделия (миски, обнаруженные во время раскопок Райковецкого городища и тайника Десятинной церкви в Киеве). Во время татаро-монгольского ига художественная обработка дерева концентрировалась главным образом в Галицко-Волинском княжестве, где работало много мастеров с Поднепровья, которые скрывались там от татар. В XVI и XVIII вв. украинская народная резьба по дереву, используя богатые традиции искусства Киевской Руси, достигла высокого развития. Об этом свидетельствуют предметы домашнего и культового назначения, собранные в музеях Киева, Харькова, Полтавы, Львова и других городов. Плоская и трехгранно-выемчатая резьба с рисунками геометрического характера, очень близкая к этому виду русской народной резьбы по дереву, украшала в те времена предметы домашнего обихода, например, сани, возы, яра и т. п. О высоких художественных и технических достижениях народных мастеров того времени свидетельствуют предметы культового назначения: ручные кресты и иконостасы, изготовленные по заказам церквей. Народные мастера вводили в официальную каноническую орнаментику элементы окружающей природы, например, мотивы подсолнуха, ореха, дубового листа, груши, яблока и т. п. Наглядным доказательством этого служат Рогатынский и Богородчанский иконостасы, сделанные в 1649 и 1698 гг. (последний хранится в настоящее время в музее г. Львова).

В XVI—XVII вв. львовский цех обработки дерева и изготовления мебели, судя по архивным данным¹, занимал ведущее место не только среди одноименных цехов Украины, но и во всей средней Европе. Резная мебель львовского цеха успешно конкурировала с венской мебелью того времени. К львовскому цеху принадлежали мастера из разных районов Подолья и Покутья, например, из городов Буска, Рогатина, Галича, Коломыи, Камьянки и других. О большом значении львовского цеха говорит и тот факт, что в его ведении находился один из крупнейших цехов в Камьянце на Подолье, который в XVI в. имел уже 72 члена². В львовском цехе обучались и делали «пробы» на звание мастера-древотелы ученики со всей территории Подолья и Покутья. Этот цех был одним из крупнейших в Львове. Во всех торжественных городских шествиях он занимал место вслед за наиболее богатыми цехами — купцов и мясников, а потом шли все остальные.

В конце XIX — начале XX в., несмотря на тлетворное влияние капитализма, тяжелый социальный и национальный гнет, украинское народное искусство, благодаря крепким традициям и тесной взаимосвязи с искусством русского народа, сохранило здоровое ядро и продолжало совершенствоваться талантливыми мастерами. В развитии резьбы большую роль сыграли выдающиеся мастера Юра Шкрибляк, Марко Мегедынюк и Василий Девдюк.

¹Архив г. Львова 1565 и 1660 гг.

²Е. Сидинский, Материалы для истории цехов по Подольской губ., «Труды Подольского церковного историко-археологического общества», Каменец-Подольск, 1904 стр. 417.

Широко развитая среди русских трехгранно-выемчатая резьба у украинцев была распространена главным образом в Полтавской области. В горных районах Станиславской области, населенной гуцулами, культивировалась плоская резьба, носившая название «гуцульской». Названные мастера, сохраняя традиции народного искусства, обогатили гуцульскую резьбу новыми художественными и техническими приемами.

Наиболее талантливый резчик Юра Шкрибляк (1823—1885), уроженец д. Яворов Косовского района Станиславской области, первым приемам работы по дереву научился у своего отца-бондаря. Шкрибляк работал резчиком в технике «сухой»³ плоской резьбы геометрического характера. Он дал много новых форм изделий, ввел новые мотивы, разработал новые приемы резьбы. Его орнамент, отличавшийся простотой и ясностью композиции, был очень выразительным. Запас основных декоративных мотивов в его работах невелик, но он их комбинировал с такой виртуозностью, что его изделия производят впечатление богатства и разнообразия. Связь орнаментальных мотивов он строил на основе симметрии и ритма, столь характерных для всех видов народного искусства. Ю. Шкрибляк тонко ощущал характер украшаемой поверхности. На плоском поле он пользовался обычно симметричной композицией, бочковидные и круглые поверхности заполнял ритмически повторяющимися мотивами, как правило, самой простой формы. Всю плоскость, предназначенную для резьбы, Шкрибляк делил на несколько более мелких полей, заполняя их в порядке сопоставления контрастными мотивами. Центральный мотив, ритмический центр композиции, всегда выделен. Резьба Юры Шкрибляка, очень мелкая, отличается необыкновенной тонкостью выполнения.

Дерево Шкрибляк обрабатывал на токарном станке, который он сам сконструировал. Это значительно облегчало выработку изделий и давало возможность введения новых форм. Он хорошо знал особенности различных пород дерева. Гармоническое сочетание рисунка резьбы с формой и назначением предмета, виртуозное комбинирование мотивов и необычайная тонкость исполнения придают изделиям Юры Шкрибляка органическую цельность.

Последователями и хранителями лучших достижений Юры Шкрибляка были его сыновья Василий, Николай и Федор, работавшие в конце XIX — начале XX в.

Марко Мегедынюк (1842—1912), уроженец д. Ричка того же Косовского района Станиславской области, первым разработал принцип украшения деревянных изделий разноцветным бисером. Цветовая гамма Мегедынюка небогата. Он употреблял в основном бисер трех цветов: белый, темнокрасный и синий. Предмет, украшенный таким образом, приобретал своеобразный вид драгоценного изделия.

Эта новая манера — инкрустация или «выкладанка» — получила дальнейшее развитие в работах Василия Девдюка (1873—1951), который ввел в «выкладанку» не только бисер, но и дерево различных оттенков, а также металл, рог и перламутр. Он совсем отказался от резьбы. Девдюк разработал новые мотивы орнамента, которые отличаются необычайной простотой формы, приспособленной к сложной технике врезания их в деревянную основу изделия. Колористическая гамма в изделиях Василия Девдюка построена на игре контрастных цветов.

Техника «выкладанки» Василия Девдюка так тонка, что невооруженным глазом невозможно обнаружить места соединения вставных частей с основным материалом изделия. Как выдающийся мастер, Девдюк был приглашен преподавателем этого вида искусства в специальную школу в Выжнице близ Черновца, где он проработал с 1900 по 1917 г. К сожалению, этот замечательный мастер не избежал влияния упадочных вкусов заказчиков из буржуазной среды, зачастую иностранцев, которые видели красоту лишь в чрезмерном украшении изделия.

Несмотря на разлагающее влияние капиталистических условий, в первой четверти XX в. работала группа гуцульских мастеров, сохранявших традиции лучшей поры Шкрибляков, Мегедынюка и Девдюка. К этой группе можно отнести Семена и Юрка Корпанюков, Ивана Семенюка, Ивана Луговяка, Василия Якибюка и других. Их обширное и многообразное художественное наследие стало основой для развития этого вида народного искусства в советское время.

В гуцульской резьбе важное значение имеет материал. Дерево должно иметь красивую структуру (расположение слоев), эластичную массу и слабо реагировать на изменение температуры. Для резьбы используются в основном явор (белый клен) — дерево светложелтого цвета, обыкновенный клен — темножелтое дерево и грушевое дерево с однородной красновато-коричневой древесиной. Материал выдерживают три года. Ствол дерева разрезают на куски по 2—3 м длиной и просушивают в темном и сухом месте. Через год его распиливают на доски и в течение двух лет хранят в темном, хорошо проветриваемом помещении. В атрели «Гуцульщина» в г. Косове Станиславской области в настоящее время оборудованы искусственные сушилки.

Просушенный материал распиливают сообразно размерам изделий. Плоские части предметов обстругивают рубанком, объемные формы обтачивают на токарном станке. Используются два типа токарного станка. Один из них был построен Юрой Шкрибляком в середине XIX в. Другой, новейшей конструкции, — с «маховиком».

Части предмета соединяют разными способами, но столь тщательно, что в готовом изделии места соединений очень трудно обнаружить. По окончании столярной работы

³ Это название закрепилось за техникой плоской резьбы без инкрустации.

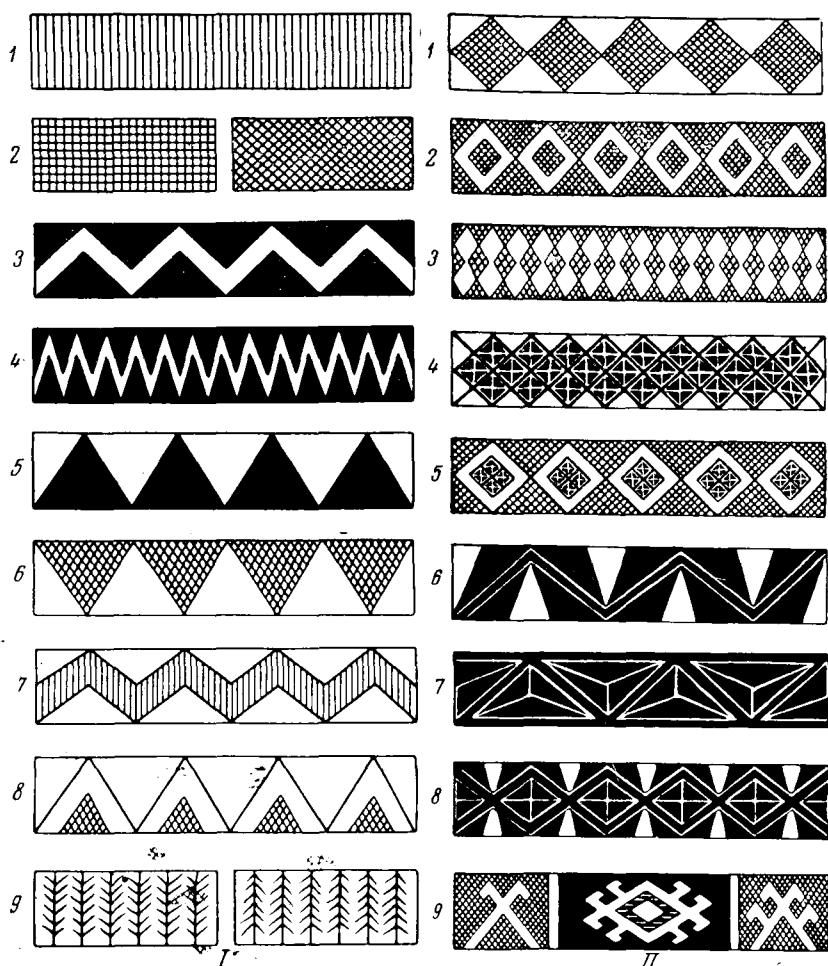

Рис. 1. Основные элементы украинской плоской резьбы по дереву: I группа: 1—„драбинки“, 2—„ільчете письмо“, 3—„кривульки“, 4—„моршинка“, 5—„зубчики“, 6—„січені зубці“, 7—„дашки“, 8—„бендюги“, 9—„смерічки“; II группа: 1—„огірочки“, 2—„медівники“, 3—„бесаги“, 4—„копаниці“, 5—„віконці“, 6—„півширинки“, 7—„завиваники“, 8—„ширинки“, 9—„гачки“

изделие зачищают наждачной бумагой и полируют прозрачной политурой, добывая того, чтобы она глубоко впиталась и чтобы поверхность изделия приобрела стеклянный блеск.

Различаются три основных декоративных приема гуцульской резьбы. «Писане» собственно резьба, называемая еще «сухой» или «чистой», родственная русской троганно-выемчатой, но вполне своеобразная по мотивам. Это самый старый вид резьбы «Впускане» — инкрустация бисером, введенная Мегедынюком во второй половине XIX в. «Викладанка» — инкрустация различными материалами, начатая в конце XIX в. Девдюком.

Инструменты гуцульских резчиков довольно разнообразны. Для выполнения разных элементов резьбы они применяют до 50 различных видов долот — «долитця». Кроме того, резчики пользуются пилками, мелкими сверлами, молотками, напильниками, шкулами и т. п. Для вырезывания круглых и полукруглых форм служит специальный инструмент «друливник».

Желобки для инкрустации металлом прорезают «клюкачкой», а лунки для помещения бисера — особым сверлышком — «бориком». Бисер в лунки вкладывают иголкой, затем вбивают деревянным молоточком.

Инкрустация металлом называется «жироване»; для этого употребляется медь, редко серебряная проволока. «Клюкачкой» прорезают на поверхности изделия желоб

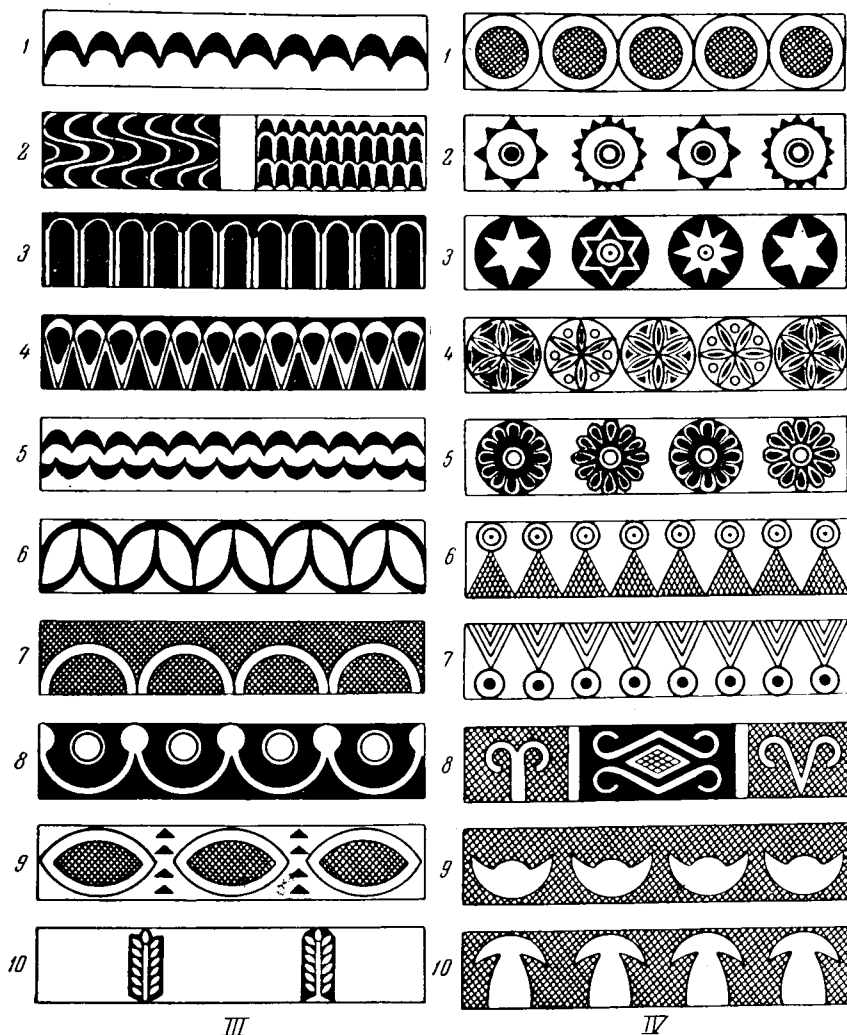

Рис. 1. III группа: 1—„конитці“, 2—„жолобки“, 3—„парканець“, 4—„сльози“, 5—„гадючка“, 6—„заячі вушка“, 7—„дужки“, 8—„тарнички“, 9—„п'явки“, 10—„пшеничка“. IV группа: 1—„кочела“, 2—„сонічко“, 3—„зірки“, 4—„ружі“, 5—„сонішник“, 6—„бани“, 7—„ментелі“, 8—„кучері“, 9—„ріжки“, 10—„грибки“

и по концам прокладывают шилом отверстия глубиной 0,5 см. В эти отверстия вкладывают загнутые концы проволоки и вбивают ее легкими ударами деревянного молотка в желобок.

Для инкрустации деревом используют явор, грушу, яблоню, вишню, сливу. Иногда дерево окрашивают. Для получения желтого цвета применяют отвар дикой яблони — «квашеници», цветка «зановати» или «кукурічки». Для окраски в темнокрасный цвет используют отвар луковичной шелухи; в зеленый — отвар полевого хвоща; в голубой — отвар василька; в черный — отвар старых бобовых стручков. Крашенное в отварах растений дерево называют «варене».

В «сухой» резьбе мастер располагает множеством мотивов; комбинируя их, он может создавать бесчисленное разнообразие композиций. Элементы или мотивы носят определенные названия. Хотя все они в настоящее время имеют геометрический характер, некоторые наименования дают возможность предполагать, что эти мотивы были взяты из животного и растительного мира, например «пшеничка», «дзвіночки», «смерічки», «грибки», «огірочки», «ріжки»; «заячі вушка», «журавлі», «гадючка», «п'явки» и т. п.

Все мотивы «гуцульской» резьбы можно разделить на четыре основные группы в зависимости от того, из каких элементов они составляются. К первой группе (рис. 1, I) относятся наиболее старинные мотивы, построенные из линейных элементов.

Это — «драбинки», «ільчете письмо», «кривульки», «моршинка», «зубчики», «зубці», «дашки», «бендюги», «смерічки». Ко второй группе (рис. 1, II) принадлежат мотивы, формы которых исходят из элементов прямоугольника, квадрата и треугольника, как, например: «огірочки», «медівники», «віконці» и т. п. В третью группу (рис. 1, III) входят мотивы, формы которых строятся из полукруга и эллипса, например, «копитці», «сльози», «гадючка» и т. д. К четвертой группе (рис. 1, IV) относятся мотивы, составляющиеся из кругов, комбинированных с квадратами, прямоугольниками и треугольниками, например, «сонічко», «зірки», «ружі» и т. п.

Все эти четыре группы мотивов в современных работах никогда самостоятельно не выступают. Они всегда комбинируются, что придает большое разнообразие композициям.

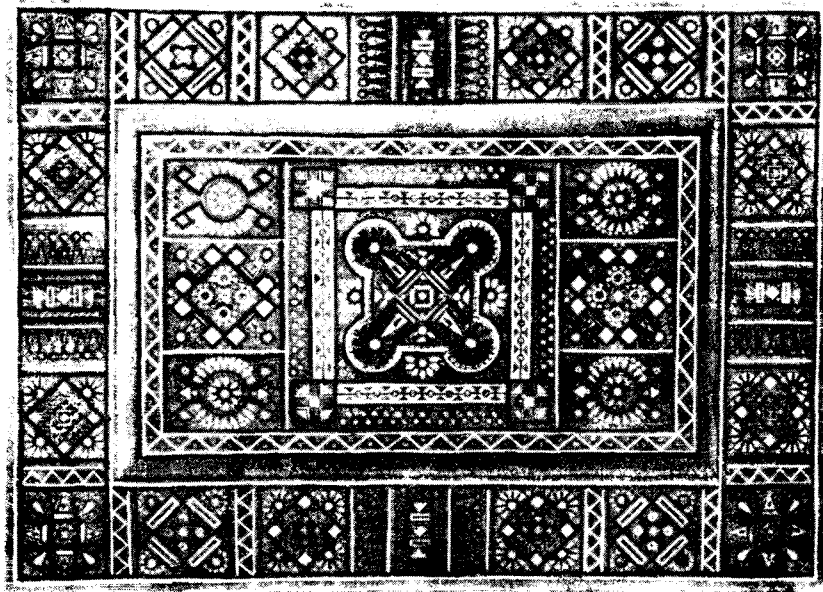

Рис. 2. Т. Т. Баранюк. Крышка шкатулки. Дерево, инкрустация

Советские мастера разработали много новых мотивов «сухой» резьбы. Центральное место в их композициях занимают эмблемы — пятиконечная звезда, которая имеет шесть разновидностей, и гербы Советского Союза и союзных республик. Введением эмблем является первым этапом в развитии советского орнамента народными мастерами гуцульской резьбы по дереву. У некоторых мастеров наблюдается стремление к сюжетным композициям. Эта черта заслуживает особого внимания со стороны руководителей данного художественного промысла, так как развитие орнаментики в этом направлении значительно расширит возможности художественной обработки деревянных изделий.

Производство изделий, украшенных плоской гуцульской резьбой, в настоящее время сосредоточено в двух основных центрах: г. Косове Станиславской области и г. Выжич Черновицкой области. Артель «Гуцульщина» в г. Косове и два ее отделения в селах Ричке и Брустурах Косовского района объединяют более 300 народных мастеров-резьбачиков. Гуцульской резьбе обучаются также учащиеся Львовского и Косовского художественных училищ.

Артель «Гуцульщина» при производстве изделий использует все три основных декоративные приемы. Мастера работают индивидуально. Одни мастера, как Юра Копанюк, А. В. Кошак, М. Ф. Юрашук, М. П. Донбенчук, И. В. Балагурак и другие работают почти исключительно приемом чистой резьбы. Другие, как Н. Ф. Кишук, Я. В. Тонюк, М. Ю. Григорчук, М. М. Бернадский, А. В. Нагныбидок, Т. Т. Баранюк и другие работают исключительно приемами «жирования» и «выкладанки». Третья группа мастеров: Н. П. Тымкив, М. И. Иосыпчук, П. Н. Ткачук, И. Ф. Коземчук, П. М. Палик, В. Ф. Кобчук и другие, комбинируют резьбу с инкрустацией.

При создании композиции изделия мастера рисуют ее целиком на бумаге, раскрашивая рисунок соответственно расцветке инкрустации. Только после полной обработки всех деталей рисунок переводят на изделие при помощи иголки. Раньше мастера обычно рисовали узор на самом изделии, а некоторые лишь намечали долотом и карандашом главные части узора и их расположение.

Артель выпускает много предметов, нужных и полезных в быту советских людей: лампы различных видов — висячие, настольные и настенные, письменные и курительные приборы, спортивные кубки, крышки альбомов и много других изделий. Самой распространенной формой является шкатулка.

Артель «Гуцульщина» изготавливает также художественную мебель. Ее мастера разработали новые формы мебели, отделанной резьбой и инкрустацией на основе старой народной традиции, но согласованные с современным внутренним убранством домов. Примером такой новой мебели может служить кабинетный комплект, изготовленный в подарок И. В. Сталину ко дню его 70-летия.

Рис. 3. Н. Ф. Кишук, А. В. Кошак. Футляр для записной книжки. Дерево, плоская резьба

Среди изделий артели выделяется шкатулка (рис. 2) работы Т. Т. Баранюка — одного из лучших резчиков артели «Гуцульщина»⁴. Шкатулка имеет традиционную прямоугольную форму. Она поставлена на довольно высокие ножки, что делает ее импозантной по самой форме. Несмотря на некоторую перегруженность инкрустацией, в которой применены разноцветное дерево, металл, бисер и перламутр, все ее элементы исполнены в такой необычайно тонкой технике, что эта шкатулка является одним из лучших произведений гуцульской резьбы последних лет.

Композиция мотивов построена на традиционном делении декоративной плоскости. Колоритная гамма инкрустации основана на контрастном сопоставлении темных и светлых пород дерева, хорошо подобрана и гармонически объединена. Небольшие кусочки перламутра и разноцветный мелкий бисер сверкают на полированной поверхности шкатулки, как драгоценные камни.

Невооруженным глазом трудно различить места соединения инкрустации с основным материалом шкатулки. На это указывают только разные цвета частиц использованных материалов. Всего в шкатулке свыше 5000 таких частиц. Вся композиция хорошо продумана и умело расположена. Она ясно подчеркивает конструкцию самой шкатулки и ее частей. Даже соединения боковых стенок так хорошо подобраны по форме и цвету, что они органически входят в состав композиции.

⁴ Шкатулка находится в Львовском музее этнографии и художественного промысла АН УССР.

Среди новых форм плоской «гуцульской» резьбы по дереву выделяется футляр записной книжки (рис. 3), выполненный народным мастером А. В. Кошаком по проекту народного мастера Н. Ф. Кищука. Футляр имеет форму книги. Крышка и боковые стороны сплошь покрыты плоской резьбой с традиционным расположением декоративных мотивов. Центральное место в композиции занимает пятиконечная звезда довольно больших размеров, помещенная среди квадрата, кругов и полукругов на фоне «ильчече письмо». Две боковые плоскости крышки декорированы мотивом «головкаты» на «ильчече письмо». Крупный план этих мотивов и фон органически соединяют декорацию боковых поверхностей с центральной. Композиция заключена в двойную рамку с мотивом «ширинки», края ее отделаны «разовыми зубцами», из которых, покрытые орнаментом «ильчече письмо», а другие имеют гладкую поверхность. Элементы с гладкой поверхностью являются хорошим переходом от орнаментации к гладкой.

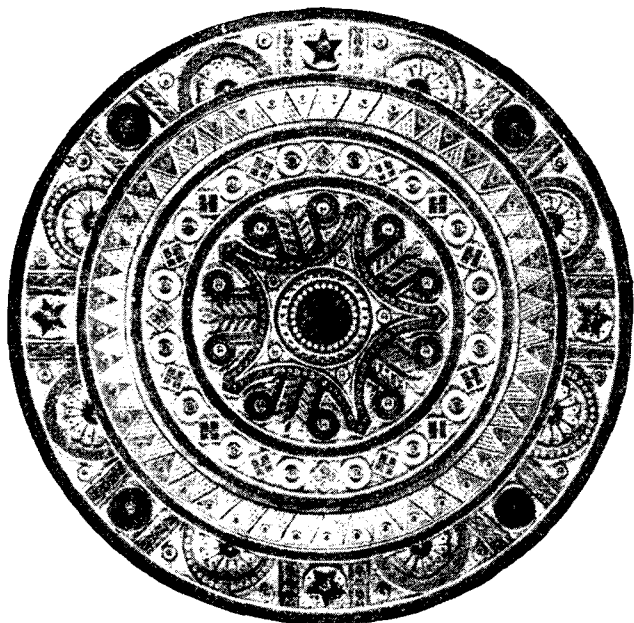

Рис. 4. Н. П. Тымкив. Декоративная тарелка. Дерево, резьба с инкрустацией

поверхности крышки. Вся композиция футляра отличается гармоническим соединением мотивов и органической связью их с формой футляра. Это гармоническое соединение всех мотивов в единое целое подчеркивает одинаковый фон в виде «ильчече письмо» на котором они отчетливо выделяются⁵.

В настоящее время в производстве артели «Гуцульщина» большое место занимают декоративные тарелки. Выделяется тарелка работы народного мастера Н. П. Тымкива, выполненная плоской резьбой с инкрустацией из разноцветного дерева, бисера и металла (рис. 4). Центральным мотивом этой тарелки является инкрустированная пятиконечная звезда на точечном фоне. Края тарелки украшены элементами мотива «сонишник» в «дужках». Круглые и полукруглые формы элементов хорошо подчеркивают несколько приподнятые и круглые края тарелки. Декоративной особенностью этой тарелки является построение мотивов в двух планах на одном точечном фоне, который их объединяет. Описываемая тарелка является удачным примером сочетания плоской резьбы с разноцветной инкрустацией.

Народные мастера не только развивают традиции плоской резьбы по дереву, но и дают свободу своим творческим способностям, пробуют свои силы в новых видах народного искусства. В досоветский период в Западной Украине совсем не было известно бытовая барельефная резьба, редким явлением была деревянная скульптура бытового назначения. Только при Советской власти, в условиях творческого сотрудничества народных резчиков и профессиональных скульпторов, эти два вида народного искусства получили возможность широкого развития.

Виднейшие мастера барельефной резьбы В. П. Одрехивский, И. Ф. Момрик, В. А. Чмиль создали несколько произведений с портретными изображениями вождей

⁵ Изделия, показанные на рис. 3—6, находятся в Львовском музее этнографии и художественного промысла АН УССР.

нашего народа В. И. Ленина и И. В. Сталина. Молодые резчики по дереву И. Ф. Момрык, И. В. Кушнир и А. Т. Фигель создали барельефные портреты великого русского поэта А. С. Пушкина, выдающегося украинского революционера-демократа И. Я. Франко и великого русского писателя-сатирика Н. В. Гоголя.

Типичные образы карпатских лесорубов передал в своем барельефном произведении «Горцы» А. Т. Фигель. В лицах этих горцев молодой талантливый мастер передал силу, энергию и глубокие переживания изнуренных тяжелым трудом людей, работавших на капиталистов при панской Польше. Это глубоко психологическое и правдиво реалистическое портретное изображение экспонировалось на выставке народного искусства во время декады украинского искусства в Москве в 1951 г. Оно привлекло к себе внимание тысяч зрителей, а жюри выставки оценило его как «наиболее выдающуюся работу в области народной резьбы по дереву мастеров Украины».

Впервые в творчестве народных мастеров западных областей Украины выдвигается тема труда. Эту тему разрабатывают не только молодые, но и старые резчики. Сви-

Рис. 5. В. П. Одрехивский. „Дровенос“. Деревянная скульптура

нарку и доярку изобразил И. Г. Лисовский — один из старейших резчиков-скульпторов г. Яворова Львовской области. Работу колхозных кузнецов хорошо изобразил резчик А. П. Сухорский из г. Львова в скульптурной группе «Колхозные кузнецы». Свободный и веселый отдых колхозников запечатлен в скульптурных группах, исполненных резчиками В. П. Одрехивским — «Танец гуцулов» и А. П. Сухорским — «Танцующие лемки». В этих скульптурах очень живо передан характер народного танца, особенности движений лемков и гуцулов.

Многие произведения посвящены жизни советских воинов. Зоркость пограничников и их бдительная охрана советских рубежей нашли отражение в скульптурных произведениях В. А. Бынча «Пограничник с собакой» и В. П. Одрехивского «Красноармейская разведка». Партизанское движение в западных областях Украины против фашистских захватчиков запечатлено в скульптурной группе «Лемко-партизан» работы В. П. Одрехивского. Радостному моменту возвращения советских воинов-победителей к своим родным посвятил свою скульптурную группу «Возвращение сына из Советской Армии» резчик А. П. Сухорский. Вариант этого произведения, несколько переработанный автором, был подарен И. В. Сталину ко дню его семидесятилетия трудящимися крестьянами западных областей Украины.

Особую группу составляют произведения объемной скульптуры, изображающие тяжелую жизнь украинского крестьянства и рабочих в период владычества панской Польши. К лучшим произведениям этой группы принадлежат «Дровенос» (рис. 5) В. П. Одрехивского, «Пахарь» А. П. Сухорского (рис. 6) и «Тяжелая жизнь» В. А. Бынча. В этих произведениях народные мастера проявили глубокое знание жизни и умение передавать ее ярко и выразительно.

Большую группу скульптур составляют изображения лесных животных и птиц. Эти скульптуры почти всегда украшают пепельницы и письменные приборы.

Отдельную группу резных работ составляют украшающие детскую мебель скульптуры и барельефы резчика В. А. Чмиля из г. Болехова Станиславской области. Молодой мастер создал несколько комплектов детской мебели, в которых хорошо соединено художественное оформление с ее бытовым назначением. Наиболее интересны комплекты мебели с резьбой на сюжеты детских сказок «Репка», «Доктор Айболит».

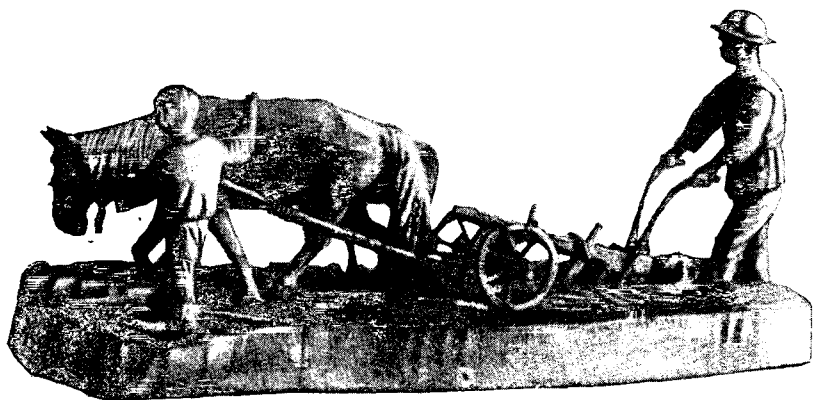

Рис. 6. А. П. Сухороский. „Пахарь“. Деревянная скульптура

Почти во всех работах народные мастера реалистически передают современную жизнь и окружающую их природу. Однако в области композиционного построения произведений и в соотношении частей бывает еще много недочетов.

Перед народными скульпторами и резчиками западных областей Украины стоит задача всемерно развивать новые для них виды искусства — круглую и барельефную резьбу. Эта область искусства позволяет наиболее ярко и живо отразить образы советских людей, их труд и быт и показать те громадные сдвиги, которые произошли в сознании украинского народа западных областей со времени воссоединения их с Украинской Советской Социалистической Республикой. В то же время народные резчики должны всячески совершенствовать и традиционную плоскую резьбу, все более обогащая ее новыми элементами, рожденными советской действительностью.

А. С. БЕЖКОВИЧ

НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ УКРАИНСКОЙ ХАТЫ

Настенная роспись на Украине известна издавна. Она применялась в городах и селах, но, к сожалению, ее старинные образцы до нас не дошли. Особенно это относится к росписи крестьянских хат, которая обычно наносилась на стены, сделанные из глины, иногда глиной же и выполнялась. Не сохранились и старые росписи более капитальных построек, о них остались лишь упоминания в различных документах, летописях и литературных источниках.

В советское время украинская настенная роспись достигла высокого художественного совершенства. Эти успехи в настенной росписи были отмечены на выставках украинского народного искусства в Москве в 1936 и 1952 гг., в Киеве в 1949 г. Можно назвать многих превосходных мастериц росписи — «малювальщиц»: Т. Пата, В. и Г. Павленко, В. Кучеренко, Н. Белоконь, Н. и Г. Пилипенко, М. Приймаченко, Х. Шелепко, С. Король, Х. Полищук, Е. Журавскую, Г. Соболенько, Х. Патыка, Д. Полищук, Т. Тимченко, Н. Глущенко, Е. Белокур, П. Власенко и других.

За годы Советской власти в украинской настенной росписи произошли большие изменения. Это прежде всего касается тематики росписи. Переход к новой тематике вполне определился к 1940-м годам. Сборы образцов росписи 1924—1925 и 1927 гг. еще не отмечали таких изменений. Теперь уже совсем изжиты из настенной росписи религиозно-культовые мотивы — «малювальщицы» их забыли. За советское время значительно улучшилось мастерство выполнения росписи. Многие панно по тонкости работы, умелому использованию красок являются полноценными самобытными художественными произведениями.

Настенная роспись тесно связана с другими видами украинского народного искусства. Она зародилась в крестьянской среде и развивалась вне профессионального обучения мастериц.

Зарождению потребности украшать стены хаты красочной росписью в немалой степени способствовали природные условия — наличие цветных глин, песка, мела, извести. Цветные глины встречаются почти всюду на Украине и с давних пор используются населением как строительный материал и как красители. Помимо цветных глин, для настенной росписи применяются растительные красители и покупные анилиновые краски.

Растительные краски колхозницы готовят домашним способом из паслена, царской бородки, волошки, материнки, шпорыша, лободы, цветов подсолнечника, листьев шелковицы (тутового дерева), «крученых панычей», вишневого сока, бузины, корней конского щавеля, дубовой коры, скорлупы волошского ореха и т. п. Широко применяются и такие естественные краски, как охра, глей (ил) и сажа. Повидимому, их следует отнести к числу наиболее древних красителей, находивших применение в простейшей росписи.

Перед употреблением краски подвергают довольно тщательной обработке. Их изготавливают по определенному рецепту, выработанному практикой. Например, анилиновые краски готовят на жидком мучном клее, на воде с молоком или на яйцах. Для придания блеска в состав добавляют сахарный песок. Из анилиновых и растительных красок получают наиболее ходкие цвета — красный, желтый, зеленый, фиолетовый, а также голубой и розовый. Цветные глины для приготовления красок растирают в порошок, а затем разводят на молоке или на яйцах. Разные породы глин дают различные цвета — красные, желтые, белые. Смешивая один цвет с другим, получают разнообразные оттенки. Для приготовления черной краски используют печную сажу и древесный уголь, растертый в порошок, а для синей краски — синьку. В фондах Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде хранится коллекция красок для росписи хат, вывезенная из Подольской губернии в 1925 г. Почти вся коллекция состоит из минеральных красок: зелень темная и светлая, кармин пунцовый, умбра коричневая, сурик кирпичного цвета, бакан темный, цвета бордо, крон желтого цвета, бакан с мелом, дающий лиловато-розовый цвет, бакан светлый, из которого получают красный цвет, ультрамарин синего цвета, а также сажа для черного цвета¹.

¹ Коллекции Гос. музея этнографии народов СССР, № 4321—39—49.

Этот набор красок дает возможность мастерице иметь 10 цветов для росписи. Такой богатый и разнообразный набор красок свидетельствует о высокой художественной подготовленности «малювальщиц», прекрасно разбирающихся в цветах.

Для нанесения настенной росписи используются самые разнообразные средства приемы. Мы насчитываем примерно девять таких способов: 1) накатывание узора помощи тряпки («вихтя»), 2) расписывание кистями, 3) роспись «пензлем», 4) шпатель, 5) катание кукурузных початков, обмокнутых в краску, 6) раскрашивание колосьями, 7) разбрызгивание, 8) роспись перьями из птичьих крыльев, 9) раскрашивание пальцами. Для нанесения окружности применяют тарелки, сковороды, самодельные циркули и т. п. В. Ю. Федоренко-Коляда во время собирательских работ в 1937 г. в Николаевском и Херсонском районах установил шесть способов и средств нанесения настенной росписи, а именно: малювание «пензлем», «щиткою» или колосьями, штапование, катание и разбрызгивание². Все девять приведенных нами способов и технических средств нанесения росписи редко применяются одной мастерицей или в одной селе. Чаще одна мастерица использует 3—4 или 4—6 способов.

Кисти для настенной росписи мастерицы готовят из болотного растительного «рогоза» или из лыка. Для более тонкой росписи применяют нежные кисточки из кошачьей шерсти, выстриженной из хвоста или из-под шеи и прикрепленной ниткой к спичке. Твердые кисточки делают из ваты, скатывая ее в шарик, который обматывают тонкой тряпочкой и также прикрепляют к спичке.

Кисточки, или «щиточки», как их называют мастерицы, бывают различной величины: для миниатюрной тонкой росписи — маленькие, а для выполнения крупных мазков — большие «щитки», сделанные из щетины. Иногда используют обычные «щитки», которыми белят хаты. На Уманщине очень распространена «щиточка», сделанная из двух куриных или утиных перьев, взятых из разных крыльев. Перья складывают противоположными изгибами и связывают ниткой. Такая «щиточка» пружинит, она очень удобна для наведения переходных линий от толстых в тонкие и наоборот. Части росписи, выполненные этой кисточкой, легко отличить от росписи, выполненной другими техническими средствами.

Употребляют также кисточки из колосьев пшеницы. Колосья складывают в ровный пучок, связывают ниткой, подстригают остя и затем, обмокнув в краску, наносят на стену легкий узорный рисунок, напоминающий мрамор. «Мраморный» рисунок получают также путем катания по стене кукурузного початка, смоченного краской. Некоторые мастерицы обходятся без кисточки, пользуясь «вихтем» — тряпкой, которой мажут «доливку» (пол), или штампами, сделанными из свеклы, картофеля, тыквы. Для приготовления штампа нарезают свеклу или крупный картофель на две половинки и одной из плоскостей вырезают нужный узор, например, звездочку, крестик и т. п. Слегка обмокнув штамп в соответствующую краску, наносят им определенную часть рисунка. Листья и цветы часто «малюют» пальцем.

Роспись хаты, побелка ее и поддержание порядка в жилище считаются делом исключительно женским. Некоторые девочки, имеющие прирожденное влечение к живописи, начинают пробовать свои силы в росписи хат уже с 7—8 лет. Чаще всего искусные мастерицы встречаются среди девушек 18—20 лет и молодых женщин, которые с любовью расписывают свои хаты. Иногда встречаются и старухи («бабуси»), которые, начав «квітчати» хату своей матери еще в детском возрасте, пристрастились к этому искусству и продолжают им заниматься всю жизнь. Очень редко росписью хат занимаются юноши, иногда в силу природного влечения к этому делу или под влиянием матерей и сестер «малювальщиц». Изредка встречаются и мужчины, увлекающиеся росписью. Это природные художники, которые так любят краски и работу с ними, что не стесняются заниматься «жіночим ділом».

Искусство росписи («квітчаня») хат передается по традиции от одного поколения к другому. Овладение этим мастерством зависит от личных художественных способностей девушек. Одни выполняют задуманную ими роспись посредственно, другие добиваются высокого графического совершенства и декоративности рисунка, третьи не останавливаются до самостоятельного творчества, а лишь подражают другим, повторяют известные композиции и признанные за лучшие образцы росписи. В каждой части села или улицы есть свои, признанные там авторитеты, которые имеют подражателей. Эти лучшие соревнуются между собой, в результате чего выявляются общепризнанные таланты, которые задают тон всему селу. Художественные росписи какого-либо села по совершенству образов их росписи поднимаются до общереспубликанского признания. Таким, например, стало с. Петриковка, Днепропетровской области. В этом селе большую роль в развитии и совершенствовании настенной росписи сыграла мастерица Татьяна Пата. Она создала целую школу последователей, среди которых выделялась ее дочь В. Кучеренко, являвшаяся одной из лучших рисовальщиц в этом селе. В Петриковке жил народный мастер Василий Вовк, искусно вырезавший настенные украшения из бумаги. Такие украшения наклеивают на стены или на печь.

На Украине и в других областях, где живут украинцы, трудно найти хозяйку дома, которая не белила бы свою хату весной и осенью. Такое заботливое отношение украин-

² В. Ю. Федоренко-Коляда, Стінні розписи в Миколаївському і Херсонському районах, «Архитектура Радянської України», 1938, № 4—5, стр. 55—56.

к своему жилищу, стремление держать свою хату чистой, уютной и нарядной способствует развитию и совершенствованию настенной росписи.

Наиболее распространенный вид росписи — это подводка «смугою» (панелью) нижней части стены. Такое оформление хаты является обязательным при каждой побелке. Внутри хаты стены подводят панелью высотой на 8—12 см. Подводят панель и мажут «долижку» жидкой глиной, одним и тем же «вихтем». Это умеют делать каждая хозяйка и все девушки в семье. Снаружи побеленную хату также обязательно подводят панелью. Наружная панель покрывает завалинку («прызбу») и поднимается выше ее на 15—20 см. Обычно панель подводят на передней лицевой («чильни») и двух или одной боковой («причильковой») стенах. Во многих областях Украины заднюю глухую стену не белят. Но если глухая стена беленая, панель занимает всю ее нижнюю половину. Наружная подводка отличается от внутренней не только высотой, но иногда окраской и материалом. Для наружных стен употребляют более разнообразный материал, чем для внутренних. Кроме глины — серой, желтой, коричневой, применяют сажу, древесный уголь и красную охру.

Обрамляют росписью двери и окна, если они без наличников и ставень («віконіць»), а в некоторых районах и углы хаты. Чаще всего этот вид росписи выполняется жидкой глиной того же цвета, что и наружная панель, и теми же приемами, с «вихтем» в руках. Но иногда, кроме глины, применяют сажу, охру, синьку и краски различных цветов и оттенков. Наиболее простой вид росписи — обрамление окон и дверей одноцветной «смугой» — полосой в 10—15 см шириной. Иногда росписью имитируют у окон ставни в раскрытом виде. Встречается роспись в виде симметрично расположенных стилизованных цветов или шариков, квадратов, ромбов и других геометрических фигур, создающих обрамление. Такой вид настенной росписи применяется снаружи и внутри хаты.

На верхней части лицевой стены хаты под стрехой крыши обычно расписывают фриз — «хмель» в виде гирлянды из веток и цветов, красиво заполняющей пространство стены между крышей и окнами (рис. 1). Иногда роспись по углам хаты гирляндами ниспадает до завалинки — «прызбы». Межоконные простенки украшают «квітком» — росписью в виде вазонов, венков, букетов и веточек (рис. 2). Так создается вполне законченная композиция декоративного оформления передней стены хаты.

В украинском быту широко принято украшать росписью верхнюю часть печи — «комин». Рисунками покрывают или весь комин, или только части его. Комин занимает почти центральное место на печи хаты, поэтому, расписанный, он становится украшением украинского жилища (рис. 3). На стене, около которой стоит кровать (ліжко), выполняют роспись, и по узору и по расцветке имитирующую ковер. Но встречаются композиции и с антропоморфными элементами. Нередко стены внутри хаты расписывают рисунками, имитирующими обои. Иногда на таких «обоях» воспроизводят бытовые сцены, например, девушку с парнем у колодца или разговор женщин-соседок у «перелаза» и т. п. Изредка встречается роспись «стели» (потолка). Для обрамления окон внутри хаты применяется роспись, имитирующая «рушники» — вышитые или тканые с узором полотенца.

Одним из сюжетов росписи являются птицы («птахи»), либо составляющие самостоятельные композиции (например над окнами), либо сочетающиеся с растительными мотивами — с виноградом, цветами в вазоне и т. д.

Роспись хозяйственных построек иногда выглядит более декоративно, чем наружная роспись хат. На больших плоскостях, не расчлененных окнами, создаются крупные во

Рис. 1. Образцы украинской настенной росписи. Фризы. Работа М. К. Муха, с Михайловка Каменецкого р-на Кировоградской обл., 1954 г. Фото А. А. Гречкина

всю стену декоративные пятна, изображающие подсолнечники, высокие кулевые цветы. Нередко во всю стену рисуют казаков на конях. Для большей декоративности к росписи, заполняющей центральное поле стены, прибавляют широкий фриз.

Особый интерес представляет настенная роспись общественно-политического содержания, выполняемая в виде плакатов. Композиционно она оформляется в виде венок, богато насыщенного рисунком сплетенных веток с листьями и вплетениями цветов. Центральная часть венка, обычно свободная от рисунка, заполняется художественно выполненными надписями. Так, например, на плакате, посвященном тридцатилетней Украине ССР, в венке написано «30 років» (рис. 4).

Рис. 2. Настенная роспись. Работа В. Ф. Клименко, с. Петриковка Днепропетровской обл., 1947 г. Фото А. А. Гречкина

Таким образом, по расположению в хате и наиболее постоянному характеру изображений можно различать 12 видов настенной росписи: 1) подводка панелей, 2) обрамление окон, дверей и углов, 3) роспись фриза, 4) заполнение межоконных простенков, 5) украшение печи, 6) имитация ковра, 7) роспись потолка, 8) имитация обоев, 9) имитация рушников, 10) «птицы» над окнами, 11) роспись хозяйственных построек, 12) плакаты.

Видовое разнообразие росписи такой классификацией не исчерпывается. Достаточно указать, что многие элементы, входящие в композиции, часто встречаются и как самостоятельные рисунки. Это прежде всего звезды (зірки), различные геометрические фигуры и животные.

В орнаменте росписи преобладают растительные мотивы. Характерная особенность украинского растительного орнамента — извилистость, волнистость линий, так как излюбленным мотивом являются выходящие растения: хмель, барвинок, огуречник, виноград. Прямая линия в растительном орнаменте встречается как исключение.

Во всех композициях настенного рисунка обязательной частью являются ветки. Обычно мастерица начинает роспись с изображения ветки, а затем уже рисует листья и цветы. Ветками определяют размер, размах рисунка. В декоративной части росписи они играют подчиненную роль и потому изображаются тонкими, мало заметными, а листья и особенно цветы — сравнительно крупными, пышными. Такая особенность росписи характерна, в частности, для ходолевских «малювальниц».

Стебли трав — также широко распространенный мотив в самых разнообразных композициях. Особенно часто изображают любимый в народе барвинок, игравший в прошлом важную роль в свадебном обряде и считавшийся символом жизни и неуязвимости. Довольно часто встречается в настенной росписи огуречник (огірки, огірочки), воспринимавшийся ранее как символ молодечества. Одним из любимейших мотивов настенной

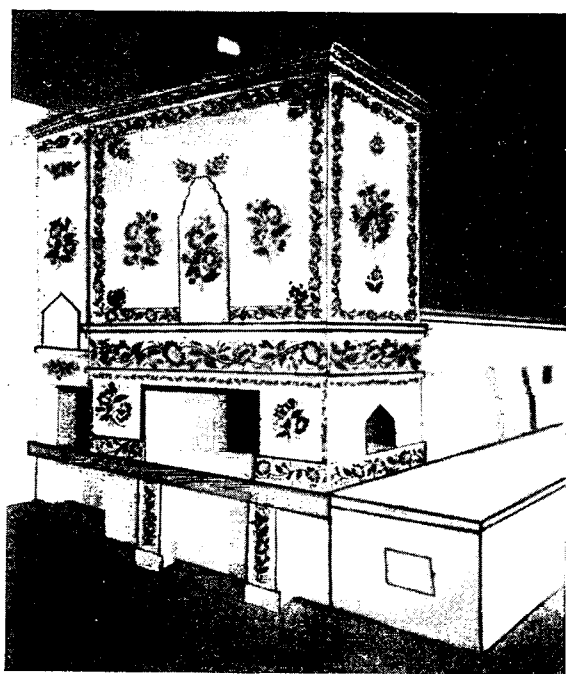

Рис. 3. Роспись печи. Работа П. И. Глушенко, с. Петриковка Днепропетровской обл., 1953 г.
Фото А. А. Гречкина

Рис. 4. Декоративная роспись — плакат, посвященный 30-летию СССР. Работа мастера народного искусства П. И. Глушенко, с. Петриковка Днепропетровской обл., 1947 г. Фото А. А. Гречкина

росписи является виноградная лоза с листьями, а иногда и с гроздьями. Изображен виноград встречается не только в настенной росписи, оно было широко распространено в украинском церковном декоративном искусстве. Известно его применение еще Киевской Руси, например, на саркофаге Ярослава Мудрого и в росписи хоров Софийского собора в Киеве. Можно предполагать, что этот мотив перешел в украинскую настенную роспись из церковной, но исключена возможность самостоятельной разработки этого мотива на основе непосредственного наблюдения над природой в районах, где виноград произрастает в садовых условиях.

Рис. 5. Настенное украшение, вырезанное из бумаги и раскрашенное. Работа мастера народного искусства В. Вовк, с. Петриковка Днепропетровской обл., 1947 г.
Фото А. А. Гречкина

изображаются еловые или сосновые шишки. Можно выделить три основных вида композиции: из растительных мотивов, геометрических и животных. Наиболее распространены композиции из растительных мотивов. Ветки, стебли, листья и особенно цветы, а иногда плоды и ягоды встречаются в самых разнообразных комбинациях. В некоторых композициях растительные мотивы сочетаются с геометрическими фигурами или с изображением животных и птиц (рис. 5). Широко распространена композиция вазона и букета, особенно в росписи «килима» на стене у кровати и в украшении «комната». Вазон чаще всего подается в условной форме: очень маленькая и изящная ваза, из которой как бы выросли огромные ветки, усеянные мелкими, редкими листьями и крупными пышными цветами. Украинки называют этот вид орнамента «квітком», «квітками», а не вазоном.

Изображение животных и птиц — коней, собак, лисиц, рыб, петухов, гусей, павлинов и др. — тоже довольно часто встречается в настенной росписи (рис. 6). «Малювальщиці», рисуя животных, несомненно, пользовались натурой. Даже такая редкая птица, как павлин, встречалась на Украине не только в помещичьих птичниках, но иногда и у крестьян. В восточнославянском орнаменте павлин известен давно. В Киевской Руси еще до монголо-татарского нашествия применялся орнамент с павлином. В раскопках древнего Колодяжина в мастерской была найдена шиферная литейная форма для отливки котла с изображением двух павлинов³.

Мастерицы добиваются высокой декоративности настенной росписи гармоничным сочетанием красок и их оттенков. Такие цвета, как красный, желтый, синий, зеленый, чаще дают в притушенном виде. На Украине давно укрепились традиции пользоваться в народном искусстве не яркими, а притушенными, блеклыми красками. Благодаря вы-

Довольно часто в композиции настенной росписи встречается мотылек, приближающегося по форме к вишневному, то к яблоневому. Иногда роспись состоит из гирлянд дубовых, кленовых, хмелевых, барвинковых, и речных и виноградных листьев.

Мотив цветка (квітка), пожалуй является самым распространенным в настенной росписи. Отсюда и название процесса — «квітчати» хату. Чаще всего изображают цветок в раскрытом виде с тычинками и пестиками, в обрамлении чашелистиков. Это не относится к лилиям, тюльпанам, гвоздикам и другим цветам с удлинненными лепестками, которые при таком изображении теряют свой характерный вид. Довольно часто настенной росписи встречаются стилизованные цветы различного размера: круглой, овальной или вытянутой формы, с симметрично расположенными лепестками.

Тона окраски лепестков, тычинок и чашелистиков часто выполняются условно штриховкой или мелкими точками, а контуры цветка — прерывистой линией. Нередко цветок очерчивается лишь одной легкой контурной линией, совсем без красок, или же дается в виде одноцветного красочного пятна, без светотеней.

Иногда в композиции росписи встречаются мотивы плодов, главным образом яблок, слив, пучков вишни. Изредка

³ В. К. Гончаров. Древний Колодяжин, «Краткие сообщения ИИМК», XII, М., 1951, стр. 51.

бору мягких тонов украинская настенная роспись производит прекрасное зрительное впечатление свежести и привлекательности.

Тесная связь настенной росписи с остальными видами народного искусства Украины ярко проявляется в общности мотивов. Например, изображение букета и цветов в вазах весьма распространено в тканом узоре и вышивке рушников⁴, в растительном орнаменте ковров Полтавской области⁵, в росписи керамики⁶ и даже в резьбе по дереву⁷. Веточки («гилячки», «гилочки») тоже встречаются почти во всех видах народного искусства Украины. Применяемые в настенной росписи рисунки фриза можно встретить в вышивке рушников, края которых обрамлены подобным же орнаментом, а также на кайме ковров и в росписи посуды. Птицы, животные и рыбы, изображаемые в настенной росписи, в такой же характерной трактовке встречаются в вышивке, на коврах, на керамике и пр.

д

Рис. 6. Декоративная роспись на бумаге „Пава и виноград“. Работа мастера народного искусства П. И. Власенко, с. Скопцы Киевской обл., 1947 г. Фото А. А. Гречкина

Бытование настенной росписи связано с материалом жилища, поэтому она больше распространена в южных, степных областях Украины, где хаты почти сплошь глинобитные, вальковые или саманные, хорошо смазанные и выбеленные. Менее постоянна роспись в лесостепных областях, где при преобладании турлучных, т. е. каркасных, хат, как правило, всегда обмазанных и выбеленных, встречаются и рубленые хаты, не всегда обмазанные и побеленные. Значительно реже встречается роспись в северной, лесной части Украины, где хаты сплошь рубленые и почти все небеленые.

В настоящее время наиболее славятся широким распространением и высоким живописным качеством настенной росписи Днепропетровская, Винницкая и Подольская области. Архитектор М. В. Холостенко, занимавшийся исследованием украинской хаты, отмечал, что настенная роспись очень распространена в Подолии и, в частности, в Каменец-Подольском районе, Проскурове и Летичеве, на юго-западе — в районах Ямполья и Балты⁸. Кроме Подолии, настенная роспись также распространена на Одешине, Херсонщине, Уманщине, Киевщине и в южной части Харьковщины (район р. Донца). Ареал настенной росписи совпадает с распространением глинобитных и турлучных хат. Значительно менее распространена роспись в северной части Киевской области, в частности в Коростенском районе, где хаты не турлучные, а рубленые, не всегда обмазанные и побеленные.

⁴ Альбом «Украинское народное творчество», серия III. Женские рукоделия. Рушники, вып. 1, Полтава, 1912, рис. 1—53; вып. 2, 1913, рис. 1—48.

⁵ Там же, серия II. Ковры, вып. 1, рис. 29, 33—35 и др.

⁶ Ю. А. Самарин, Подольские гончары, табл. VII, рис. 1.

⁷ Альбом «Украинское народное творчество», серия IV. Древоделие, вып. 1, рис. 82—89.

⁸ М. В. Холостенко. Форма, колір і живописна декорація, «Архітектура Радянської України», 1938, № 6, стр. 23.

За пределами Украины настенную роспись мы встречали в 1924 г. у украинского населения на Кубани. На хуторе Красном станицы Ильской хозяин дома нарисовал красной глиной на белом фоне стены над своей кроватью большую пятиконечную звезду⁹. Примерно в те же годы в станице Нововеличковской в хате С. К. Бижко видели расписную «доливку», выполненную разноцветной глиной. Каждую субботу смазке «доливки» роспись заменялась новой, более или менее сходной с предыдущей. Наносилась она обычным «вихтем».

По наблюдениям В. Котельникова, настенная роспись на Кубани встречается и в настоящее время. «Печь, в отличие от белых стен, окрашивается в голубой, но чаще желтый цвет, с обязательными цветными узорами, иногда довольно замысловатыми».

В 1927 г. во время этнографических работ в Казахстанской экспедиции Академии наук СССР нам пришлось наблюдать настенную роспись в Семипалатинской губернии. В хате, построенной украинцами-переселенцами, в зимовнике, расположенном в нескольких километрах в 12—14 от с. Георгиевского, на внутренних чисто выбеленных стенах были нарисованы цветы. Это было творчество украинских девушек¹¹. Традиция украшать стены настолько укоренилась в народном быту украинцев, что даже в таких условиях, как временное жилище, вдали от села, в степи, — они стремились принарядить, украсить настенной росписью.

Эта традиция в современных условиях не только сохраняется, но и получает большее развитие. Мастерство «малювальщиц» идет по пути все растущего художественного совершенства. С повышением культурного уровня колхозного крестьянства растут и его эстетические потребности, находящие свое удовлетворение, в частности, в настенной росписи как одном из средств украшения жилища. Развитие народной настенной росписи необходимо всячески поощрять, добиваясь ее широкого распространения в

⁹ А. Б-ч (А. Бежкович), Комсомол на Кубани, Сб. «Комсомол в деревне», 1926, стр. 189.

¹⁰ В. Котельников, Кубань-Терек. Изд. «Молодая гвардия», 1950, стр. 80.

¹¹ А. С. Бежкович. Скотоводческий быт украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии. «Материалы комиссии экспедиционных исследований», изд. АН СССР, вып. 16. Сб. «Украинцы-переселенцы», Л., 1930, стр. 136.

Х Р О Н И К А

ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ ИНСТИТУТА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ФОЛЬКЛОРА И ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК УССР

15 и 16 апреля состоялась юбилейная сессия Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, посвященная 300-летию воссоединения Украины с Россией. В работе сессии приняли участие ученые братских русского, белорусского и других народов СССР.

Сессию открыл директор Института действительный член АН УССР доктор филологич. наук М. Ф. Рыльский. Он выступил с докладом «Значение воссоединения Украины с Россией для развития искусства, фольклора и этнографии».

Остановившись на общности истоков русского, украинского и белорусского искусства, литературы и языка, М. Ф. Рыльский вскрыл антинаучность, вредность теорий Марра, отрицавшего языковую общность русских и украинцев. В докладе был приведен ряд фактов, ярко показывающих общность и взаимовлияние русской и украинской культуры. Такое взаимовлияние обогащало культуру братских народов. «У русского и украинского народов, — сказал докладчик, — мы видим много общего и в одежде, и в обычаях и т. д. Каждый народ гордится тем, что не без пользы брал один у другого взаимно».

Специальный раздел в докладе был посвящен дружественным связям передовых представителей русского и украинского народов в области науки и искусства. Говоря о передовых деятелях начала XIX в., докладчик особо выделил дружественные связи между Максимовичем и Алябьевым, издавшими первый сборник украинских песен с нотами. «Максимович, — сказал он, — является гордостью украинцев, так же как Алябьев является гордостью русских, и оба они нашли общий язык, чтобы издать песни, которые дороги и для украинцев, и для русских. И, очевидно, об этом сборнике Максимовича говорил Пушкин, когда писал: «Обкрадываю ваши песни» (он знакомился с этими песнями для создания «Полтавы»)».

Благотворное влияние передового русского искусства помогло украинским композиторам, особенно основоположнику украинской музыки Н. В. Лысенко, сразу же направить развитие музыкальной культуры на Украине по пути реализма и народности. Это здоровое направление украинской музыки дал еще Глинка, оказавший большое влияние на С. Гулака-Артемовского.

Передовые деятели русской культуры не только помогали украинским друзьям своими советами и научными трудами, но и сами, как известно, участвовали в собирании фольклорных и этнографических материалов на Украине. «Когда мы обращаемся к украинской этнографии, — сказал М. Ф. Рыльский, — кажется, что ни Франко, ни Гнатюк, возможно, не пошли бы тем демократическим путем, которым они пошли, если бы не большое влияние русской передовой этнографии». М. Ф. Рыльский напомнил о заветах Максима Горького, который, руководствуясь указаниями Коммунистической партии, всемерно заботился о развитии советского народного творчества, а также о развитии советской этнографии и фольклористики. Эти заветы М. Горького являются руководящими для украинских фольклористов и этнографов.

Советская этнография, сказал докладчик, в отличие от дооктябрьской и современной буржуазной этнографии, особенное внимание обращает на передовую, ведущий класс народа — на рабочий класс, изучая современную и прошлую культуру и быт рабочих.

В советское время особенно укрепилась дружба между учеными России и Украины. «Я не мог бы, — сказал докладчик, — сейчас назвать кого-нибудь из русских фольклористов, этнографов, театроведов, музыковедов, знатоков изобразительного искусства, которые так или иначе не были бы связаны с нашим Институтом. Эти связи необходимо углублять и укреплять».

С докладом «Культурная общность русского и украинского народов по данным этнографии» выступил доктор историч. наук С. А. Токарев (Ин-т этнографии АН СССР). Украинскому народному поэтическому творчеству об освободительной войне 1648—1654 гг. и воссоединении с Россией были посвящены доклады кандидатов фило-

логич. наук Ф. И. Лаврова и А. М. Кинько (Ин-т искусствознания, этнограф и фольклора АН УССР).

Ф. И. Лавров в докладе «Отображение освободительной войны 1648—1654 гг. воссоединения Украины с Россией в украинском народно-поэтическом творчестве» показал, что темы этой освободительной войны, борьбы украинского народа со своими внутренними и внешними врагами и великой дружбы русского и украинского народов нашло самое широкое художественное отображение в украинском героическом эпосе — народных думах и исторических песнях. В них отображен массовый героизм участников освободительной войны, простых крестьян и казаков, большое внимание уделено выдвигавшимся народным героям Богдану Хмельницкому и его боевым друзьям Максиму Кривоносу, Ивану Богуну, Даниле Нечая и многим другим. Преданностью родине, страхом, храбростью и отвагой отличались эти народные герои-воины. В исторических песнях «Гей, не дивуйте, добрі люди», «Ой, не дали Перебийносу...» и других с большой художественной силой дан образ любимца украинского народа полковника Максима Кривоноса (в народных песнях — Перебийнос), показана его боевая удача. «Руби мечем голови з плечей, а решту топить водою», — говорится в народных песнях, посвященных отважному герою. Не менее популярным среди народа и казачества был ученик многих боевых походов Хмельницкого брацлавский полковник Данило Нечай. Посвящено много народных песен, отображающих его беспримерный героизм. В боях с врагами Нечай беспощаден: «то зложив же ляхів тисяч з коней, як солому», как этот свидетельствует народная поэзия. Воспет в народном украинском творчестве Иван Богун, под предводительством которого украинские войска разгромили на левом берегу Украины сильные воинские части панской Польши. В песнях подчеркивались личные боевые качества Богун: «Силу він турків стріляв і шабельками рубав, аркан забирав, у річку Буг їх утоплював».

С большой любовью изображается в украинском народном героическом эпосе образ Богдана Хмельницкого. Любимый гетман Украины показан настоящим народным героем, выдающимся государственным деятелем и полководцем, выразителем и защитником интересов широких народных масс, с которыми он тесно связан и во главе которых стоит. Хмельницкий всегда советуется с народом, а народ поддерживает своего любимого гетмана. Массы и народные герои показаны в думах и песнях в тесной связи.

В украинском народном поэтическом творчестве показан ход освободительной войны и ее важнейшие события, например, победы Хмельницкого под Желтыми Водами и Корсунем (об этом говорят думы «Корсунська перемога» и «Про Хмельницького»). В этих произведениях показывается героизм народа, разоблачается польская шляхта, которая долгие годы терзала живое тело Украины, грабила народ, издевалась над ним. Тяжелый для Украины Белоцерковский мир, заключенный с панской Польшей после поражения войска Хмельницкого под Берестечком, вызвал новую волну крестьянских восстаний, о которых говорит дума «Повстання після Білоцерківського миру». С большой патристической гордостью и радостью воспевают народ окончание войны, свою победу над врагом, освобождение родной Украины и воссоединение ее с Россией.

Дружба народов-братьев, и прежде всего русского и украинского народов, особенно расцвела и окрепла в советский период. Об этом ярко и правдиво говорится в современном народно-поэтическом творчестве украинского советского народа.

А. М. Кинько в докладе «Богдан Хмельницкий в народной поэзии» показал, как вдохновенно народ славит пламенного патриота и бесстрашного воина, выдающегося полководца и дальновидного дипломата, который с первых дней освободительной войны всеми силами стремился к объединению Украины с Россией. Докладчик уделял значительное внимание анализу поэтических особенностей реалистического отражения в народных песнях деятельности Богдана Хмельницкого.

Кандидат филологических наук Г. С. Сухобрус (Ин-т искусствознания, фольклор и этнография АН УССР) в докладе «Основные черты общности русского и украинского народно-поэтического творчества» особенно остановилась на тесных связях русской и украинской героико-патристической народной поэзии¹.

Ряд докладов был посвящен русско-украинским связям в отдельных областях искусства. Большой интерес вызвал доклад доктора искусствознания С. М. Дурылина (Ин-т истории искусств АН СССР) «К истории русско-украинских театральные связи». В докладе показаны тесные связи русских и украинских театральные деятели и проанализировано влияние передового русского искусства на развитие украинского театра. Докладчик привел интересные неопубликованные материалы, обнаруженные им в архивах: переписка А. П. Чехова с Заньковецкой, воспоминания о гастролях в Москве украинской труппы и др.

Несколько докладов было посвящено связям в области русской и украинской музыки: «Образ Украины в русской музыке» — доктора искусствознания В. А. Васильев-Гроссман; «Влияние эстетики русских революционных демократов на развитие украинской музыки XIX века» — кандидата искусствознания Л. Б. Ахримович; «Поэзия Тараса Шевченко в творчестве русских композиторов-классиков» — кандидата искусствознания Н. М. Гордейчук. Были также заслушаны доклады кандидатов искусствознания Я. П. Затенацкого «Богдан Хмельницкий в украинском искусстве».

¹ Доклады С. А. Токарева, Г. С. Сухобрус и А. М. Кинько публикуются в настоящем номере журнала.

бразительном искусстве» и Г. В. Журова «Идейно-художественные связи русского и украинского киноискусства».

Юбилейная сессия дала возможность русским и украинским этнографам, фольклористам и искусствоведам теснее связаться и взаимно ознакомиться с проводимой работой.

Ф. Лавров

А. Кинько

СЕССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР, ПОСВЯЩЕННЫЕ 300-ЛЕТИЮ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

В текущем году все народы Советского Союза торжественно отметили 300-летний юбилей выдающегося события в истории нашей страны — воссоединения Украины с Россией, состоявшегося по решению Переяславской Рады в 1654 г.

В ознаменование этого исторического юбилея Президиум Академии наук СССР постановил провести ряд научных сессий — Общего собрания и отделений Академии, а также торжественные заседания институтов, с широким привлечением к участию в них ученых Украины и других союзных республик.

12 апреля состоялась сессия Общего собрания АН СССР. В своем вступительном слове Президент Академии акад. А. Н. Несмеянов, отметив огромное значение этого юбилея как торжества братского единения, сотрудничества и дружбы народов нашей страны, указал на прочно установившиеся, теснейшие связи русских и украинских ученых, дружными усилиями развивающих советскую науку, внедряя в практику ее передовые достижения. С ответным словом от имени ученых Украины выступил президент Академии наук УССР акад. А. В. Палладин. Затем были заслушаны доклады акад. А. М. Панкратовой — «Историческое значение воссоединения Украины с Россией» и заведующего отделом науки и культуры ЦК КПСС А. М. Румянцев — «Экономическое сотрудничество украинского и русского народов».

13 и 14 апреля состоялась сессия Отделения исторических наук. Заседание открыла акад. А. М. Панкратова, отметившая, что празднование этого исторического юбилея вылилось в большое всенародное торжество, в чем ярко сказалась нерушимая дружба советских народов — неиссякаемый источник могущества и силы советского государства. «300-летие воссоединения Украины с Россией», — сказала А. М. Панкратова, — отмечается и всем передовым человечеством, вдохновляя людей доброй воли на всех континентах к борьбе за победу во имя торжества дела мира, безопасности и содружества народов».

На сессии были заслушаны доклады: акад. М. Н. Тихомирова (АН СССР) — «Значение древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов», канд. историч. наук И. Д. Бойко (АН УССР) — «Решения Переяславской Рады и их историческое значение», канд. историч. наук С. Н. Белоусова (АН УССР) — «Расцвет Советской Украины в братской семье народов СССР» и действ. члена АН УССР Н. К. Гудзий — «Культурные связи украинского и русского народов».

В сессии Отделения, как и в сессии Общего собрания, помимо большого числа украинских ученых, приняли участие представители ряда академий союзных республик.

20 апреля состоялось заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР. Открывший заседание директор Института чл.-корр. АН СССР С. П. Толстов подчеркнул огромное историческое значение воссоединения двух братских народов, которые в совместной борьбе отстаивали свою политическую самостоятельность, отразили многократные иноземные нашествия, вместе закладывали основы освободительного движения в России, общими усилиями создавали передовую демократическую культуру, вместе боролись за победу Великого Октября, за торжество социализма в нашей стране, сообща разгромили гитлеровские полчища, а в послевоенные годы добились нового, невиданного расцвета Советской страны. Многовековая дружба двух великих народов, сказал далее С. П. Толстов, своими корнями восходит к глубокой древности. Общей этнической основой русского и украинского народов явилась древнерусская народность, создавшая государство восточных славян со столицей — Киевом, колыбелью древнерусской культуры. Хотя в дальнейшем исторические судьбы русского, украинского и белорусского народов в течение ряда веков протекали по-разному, — сознание их братской связи, единства происхождения, общности культуры никогда не прерывалось.

Враги русского и украинского народов — русские великодержавные шовинисты и украинские националисты — пытались разорвать исконную дружбу обоих народов, посеять между ними недоверие и вражду. Эти враждебные устремления нашли свое отражение и в научной литературе. Одни пытались, извращая действительность, доказать коренные различия в антропологическом типе украинцев и русских, другие намеренно преувеличивали различия в народной культуре, третьи, фальсифицируя исторические факты, распространяли ложные антинародные концепции. Советские ученые немало сделали для восстановления научной правды; собранный ими огромный фактический материал с неопровержимостью доказывает общность происхождения и единство культуры братских восточнославянских народов. Этим важным вопросам, заключил свое выступление С. П. Толстов, и посвящены доклады, намеченные к заслушиванию на на-

стоящем заседании, которое должно послужить еще большему укреплению связей между русскими и украинскими учеными — этнографами и фольклористами.

Со словом приветствия от украинских ученых выступил канд. филологич. Ф. И. Лавров. Поздравив присутствующих со знаменательным юбилеем, он рассказал о каком огромном политическом и трудовом подъемом готовится украинский народ, чтобы достойно отметить этот общенародный праздник. Ф. И. Лавров подчеркнул огромную помощь в борьбе и в труде, которую всегда оказывал и особенно и оказывает теперь, в условиях советского строя, русский народ братскому украинскому народу. Благодаря этой помощи Советская Украина добилась выдающихся успехов в политическом, экономическом и культурном строительстве. Помощь со стороны русских ученых повседневно ощущают украинские ученые, в частности этнографы и фольклористы.

Проф. А. И. Козаченко (АН СССР) выступил с докладом «Древнерусская народность как общая этническая база русского, украинского и белорусского народов». Канд. филолог. наук Ф. И. Лавров (АН УССР) — с докладом «Дружба народов СССР в украинском народном творчестве». Далее были заслушаны доклады проф. С. А. Токарева (АН СССР) — «Культурное родство русского и украинского народов по данным этнографии» и канд. историч. наук Е. М. Кравец (АН УССР) — «Русско-украинские связи в области этнографии начала и середины XIX века».

Продолжением заседания Ученого совета Института этнографии явилось заседание на следующий день, 21 апреля, расширенное заседание сектора славянской этнографии. На заседании были заслушаны доклады: А. М. Кинько (АН УССР) «Образ Богдана Хмельницкого в народной поэзии», Г. С. Масловой (АН СССР) «Русская и украинская народная одежда» и А. С. Куницкого (АН УССР) — «Из истории этнографического изучения рабочего быта Украины»¹.

Прошедшие научные сессии воочию показали неразрывную связь русских и украинских ученых, в творческом содружестведвигающих вперед советскую науку на благо советской Родины.

О. К.

О НАУЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ СЕССИИ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР

(Постановление Президиума Академии наук СССР от 7 мая 1954 г.)

С 23 по 29 апреля 1954 г. проходила сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР, посвященная итогам экспедиционной деятельности институтов этнографии и истории материальной культуры АН СССР в 1953 г. (подробная информация о сессии будет опубликована в следующем номере журнала). Президиум АН СССР рассмотрел итоги сессии и вынес публикуемое ниже решение.

* * *

Президиум Академии наук СССР отмечает, что проведенная с 23 по 29 апреля 1954 г. сессия Отделения исторических наук, Института истории материальной культуры и Института этнографии АН СССР подвела итог археологическим и этнографическим полевым исследованиям за 1953 г.

В работе сессии приняли участие представители всех академий наук союзных республик, филиалов АН СССР, а также университетов, музеев и других научных учреждений Советского Союза, ведущих работу в области археологии, этнографии и антропологии.

В работе отчетной экспедиционной сессии впервые участвовали ученые Китайской Народной Республики, Польской Народной Республики, Чехословацкой Народной Республики, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Болгарской Народной Республики, Германской Демократической Республики и Монгольской Народной Республики.

На пленарных заседаниях сессии был заслушан 31 доклад и на заседаниях девяти секций было сделано 131 сообщение о научных результатах археологических, этнографических и антропологических исследований.

В докладах ученых — представителей стран народной демократии были продемонстрированы значительные успехи, достигнутые археологами и этнографами этих стран.

Заслушанные на сессии доклады и экспонированные на отчетной выставке материалы показали, что советские археологи, этнографы и антропологи в 1953 г. добились

¹ Доклады А. И. Козаченко, Ф. И. Лаврова, С. А. Токарева, А. М. Кинько, Г. С. Масловой публикуются выше; доклады Е. М. Кравец и А. С. Куницкого направлены к опубликованию в ближайших номерах нашего журнала.

серьезных успехов в полевых исследованиях и в теоретических обобщениях их результатов. Экспедиционные работы Института истории материальной культуры и Института этнографии АН СССР велись в тесном контакте с исследованиями, проводимыми учеными академий наук союзных республик, филиалов Академии наук и других научных учреждений.

В результате работы экспедиций получен большой фактический материал по археологии, этнографии и антропологии, позволяющий по-новому осветить различные периоды в истории народов нашей родины — от эпохи палеолита до современности. Благодаря этому работа советских археологов, этнографов и антропологов все в большем объеме используется в общенациональных трудах и обеспечивает более глубокое знание различных эпох истории народов СССР.

Заслуживает быть отмеченным применение археологическими экспедициями новых технических средств (авиаразведка, механизация земляных работ и т. д.).

Важный раздел работ советских археологов в 1953 г. попрежнему составляли археологические исследования в зонах крупнейших новостроек, осуществленные Куйбышевской, Сталинградской, Бухтарминской, Московской и другими экспедициями, обогатившими советскую науку новыми данными по истории народов СССР.

В области палеолита следует отметить выдающиеся открытия палеолитических погребений в Крыму и на Дону и исследования многослойных стоянок на Днестре. Находки костных остатков человека позднемустерского времени в стоянке Староселье близ Бахчисарая и в верхнепалеолитических памятниках Костенковско-Боршевского района имеют мировое значение, и их исследование позволит по-новому осветить многие вопросы становления человека. Научную ценность представляют исследования мустерской стоянки у Сталинграда и другие находки нижнего палеолита в Среднем Поволжье, сделанные за последние годы.

Исследования многочисленных памятников неолита и бронзы в различных районах нашей страны заполнили ряд белых пятен на археологической карте, позволили уточнить хронологию культур того времени и дали дополнительные материалы о размещении и продвижении древних племен.

В области археологии раннего железа следует отметить изучение культур лесостепной полосы Приднепровья, Дона и Днестра. Впервые были поставлены археологические разведки в степной части Крыма; археологическими исследованиями в 1953 г. охвачены новые районы Краснодарского и Ставропольского краев, исследованы сотни памятников в зоне строительства Сталинградской ГЭС.

Археологи-антиковеды начали работы по исследованию сельскохозяйственных территорий древних северопапонтийских государств.

Большое научное значение имеет исследование систем древнего орошения и связанных с ними памятников различных эпох, проведенное Хорезмской археоло-этнографической экспедицией.

Серьезным достижением является открытие Южно-Туркменской экспедицией свыше тысячи древних письменных документов и мраморной скульптуры в Древней Нисе.

В области славяно-русской археологии достигнуты существенные успехи в изучении славянских племен и древней Руси. Открытые и исследованные славянские древности на Верхнем и Среднем Днестре, на Таманском полуострове, в Молдавии, в Верхнем Приднепровье и на Сейме доставили советской науке новые материалы по истории восточного славянства. Плодотворными были и археологические раскопки в Новгороде, в Переяславе-Хмельницком, в Москве, во Владимире, в Среднем Поднепровье и Поднепровье и других древних русских центрах.

Большие успехи были достигнуты в 1953 г. этнографическими экспедициями в области изучения вопросов происхождения народов и проблемы формирования социалистических наций. Особо должно быть отмечено предпринятое Институтом этнографии АН СССР создание монументального труда «Русский этнографический атлас». В основном сбору материалов для атласа была посвящена Русская этнографическая экспедиция 1953 г.

Большая работа была проведена экспедициями Института этнографии АН СССР по изучению культуры и быта колхозного крестьянства различных народов нашей страны.

Важным этапом по пути исследования проблемы национальной консолидации народов Южной Сибири явились этнографические исследования в Тувинской автономной области. Дагестанской экспедицией накоплены значительные материалы, характеризующие современную культуру и быт многочисленных народов Дагестана и освещающие процессы этнической консолидации, которые протекают здесь в условиях исключительной языковой раздробленности. С успехом продолжались в 1953 г. работы Балтийской антрополого-этнографической экспедиции, проводимые в тесном сотрудничестве с учеными Прибалтийских республик. Большие археологические, этнографические и антропологические исследования были проведены Киргизской комплексной экспедицией, организованной Институтом истории материальной культуры, Институтом этнографии и Киргизским филиалом АН СССР.

Значительные успехи достигнуты в составлении подробных историко-этнографических карт отдельных районов СССР.

Серьезный вклад в историю древнего и современного населения СССР внесли в 1953 г. советские антропологи, работавшие в Дагестане, Киргизии, Белоруссии, исследовавшие палеантропологические материалы разных эпох.

Вместе с тем сессия показала, что в работе советских археологов, этнографов, антропологов имеются существенные пробелы, в значительной мере обусловленные слабой технической оснащенностью экспедиций, недостаточным использованием современной техники при археологических работах, отставанием работ по консервации, реставрации и технологическому изучению материалов. Совершенно недостаточно применяются для изучения археологического и палеоантропологического материалов современные физико-химические методы. Почти прекратилось пополнение этнографических фондов музеев.

Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. Одобрить инициативу Отделения исторических наук и институтов Истории материальной культуры и Этнографии в организации и проведении сессии с широким привлечением ученых стран народной демократии.

2. При дальнейшем развитии археологических, этнографических и антропологических экспедиций обратить особое внимание на исследование:

а) проблемы происхождения человека, в связи с чем усилить изучение палеонтологических, особенно нижнепалеолитических, памятников и добытых при их раскопках остатков ископаемого человека;

б) проблемы истории земледелия у народов СССР с древних времен до начала XX в., в особенности истории поливного земледелия в южных районах СССР;

в) проблемы истории развития ремесел, в особенности художественных ремесел; народов СССР, представляющих драгоценное наследие, еще недостаточно изученное и используемое;

г) проблемы происхождения народов СССР, в первую очередь русского и восточнославянских народов, а также тех народов, вопрос о происхождении которых не может быть разрешен на месте из-за недостатка кадров исследователей;

д) проблемы формирования социалистических наций, в особенности у народов, не сложившихся в свое время в буржуазные нации;

е) проблемы социалистического переустройства быта колхозного крестьянства и рабочего класса народов СССР;

ж) проблемы, связанной с разработкой и составлением этнографических, историко-этнографических и археологических атласов и карт,—

и на проведение работ, связанных с участием археологов и этнографов в подготовке и написании истории СССР и историй отдельных народов.

3. Отмечая положительный опыт проведения комплексных исследований Хорезмской, Балтийской, Киргизской экспедициями, считать необходимым расширение этого опыта с привлечением к участию в археолого-этнографических исследованиях институтов не только Отделения исторических наук, но и других гуманитарных и естественно-научных отделений Академии и предложить институтам Истории материальной культуры и Этнографии в двухмесячный срок войти в Президиум с предложениями по этому вопросу.

4. Предложить директорам институтов Истории материальной культуры и Этнографии в двухмесячный срок представить свои предложения по усилению технической оснащенности экспедиций, организации необходимых лабораторий и финансированию работ по собиранию этнографических коллекций, по исследованию новыми методами археологического и антропологического материалов, а также план научных публикаций результатов работ экспедиций.

5. Признать необходимым опубликование материалов Сессии; предложить Институту истории материальной культуры и Институту этнографии подготовить эти материалы к 1 июля с. г., а РИСО и Издательству АН СССР — обеспечить их выпуск в I квартале 1955 г.

6. Поручить Отделению исторических наук (акад. М. Н. Тихомиров) и Управлению делами (М. И. Соколов) подготовить вопрос об организации постоянной выставки материалов экспедиций и представить в Президиум предложения в месячный срок.

7. Выразить благодарность доктору исторических наук П. Н. Третьякову, члену-корреспонденту АН СССР С. П. Толстову, доктору исторических наук А. П. Смирнову, кандидату исторических наук М. Г. Левину и кандидату исторических наук М. В. Попову за подготовку и проведение археолого-этнографической сессии Отделения исторических наук.

Вице-президент Академии наук СССР
академик И. П. Бардин

И. о. главного ученого секретаря
Президиума Академии наук СССР
член-корреспондент АН СССР Н. М. Сисакян

РУССКИЙ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС

16—17 февраля 1954 г. состоялось заседание Ученого совета Института этнографии им. Миклухо-Маклая, в котором, помимо сотрудников Института, приняли участие работники Института истории и Института языкознания АН СССР, Института мировой литературы им. Горького, Академии архитектуры СССР, Государственного исторического музея, Государственного музея этнографии народов СССР (в Ленинграде) и ряда других научных учреждений. Заседание было посвящено обсуждению подготовки русского историко-этнографического атласа.

Доклад о задачах и программе атласа сделал П. И. Кушнер (Ин-т этнографии). Докладчик указал на необходимость создания обобщающего труда по этнографии русского народа, в котором нужно показать своеобразие русского народного быта, богатство форм народной культуры, отражающей многовековую историю русского народа и особенности его психического склада. Работа должна быть выполнена в виде научного пособия, которое наглядно представило бы сущность изучаемых явлений, разнообразие их форм и районы распространения. Таким пособием и явится атлас.

В отличие от обычных этнографических атласов, которые ставят своей целью показать лишь распространение тех или иных явлений, в подготовляемом атласе все явления будут прослежены в их историческом развитии, что даст возможность установить закономерности в изменении форм и в содержании изучаемых явлений. Атлас, сказал докладчик, должен выявить не второстепенные, а основные явления народной культуры, такие разделы ее, которые теснейшим образом связаны с народным бытом и потому могут наиболее ярко раскрыть национальную специфику народной жизни. К таким разделам в области материальной культуры относятся: различные типы сельскохозяйственных орудий и сельскохозяйственных построек, формы народного жилища, народной одежды, народного питания, домашней утвари, различные средства передвижения и т. п. К ним же относятся семейный быт, а также обычаи и обряды, связанные с различными формами труда, народными праздниками, религиозными верованиями.

Основными источниками для составления атласа являются вещественные памятники, находящиеся в музеях и бытующие до сих пор среди населения, а также литературные и архивные материалы. Эти материалы достаточно полны, они охватывают почти все стороны материальной и духовной культуры русского народа в XIX и начале XX в.

Атлас будет состоять из ряда разделов. Каждый из них будет включать исследовательские статьи, типологические таблицы, карты, иллюстративные материалы. К концу 1955 г. предполагается подготовить для публикации следующие разделы атласа: 1) «Вводный»; 2) «Земледельческая техника русских крестьян в XIX и начале XX в.»; 3) «Русское народное жилище»; 4) «Русская народная одежда». По этим разделам уже собран значительный материал.

В составлении русского историко-этнографического атласа заинтересованы многие научные учреждения. Отправляясь от материалов атласа, привлекая данные других дисциплин, можно изучать уходящие в более отдаленное прошлое корни некоторых форм материальной и духовной культуры и быта. Изучение генезиса этих явлений окажет громадную помощь в изучении и выяснении таких актуальных исторических проблем, как процесс сложения великорусской народности и консолидации русской буржуазной нации.

Институт этнографии обращается ко всем научным учреждениям, заинтересованным в атласе, с предложением договориться о координации работ по созданию русского историко-этнографического атласа.

Второй доклад — Г. С. Масловой (Ин-т этнографии) был посвящен вопросу об этнографических подразделениях и культурно-исторических группах русского народа второй половины XIX в. Русский народ, прошедший многовековой путь развития, в исследуемый период представлял собой сложившуюся буржуазную нацию со всеми характерными для нее признаками. Однако совершенно естественно, что народный быт русских, расселившихся на огромной территории, в связи с различной исторической судьбой отдельных групп отличался своими этнографическими особенностями. Анализ этнографических данных показывает, что наибольшие различия наблюдались среди русского населения северных и южных областей. Средняя группа является как бы связующим их звеном. Диалектологи и этнографы называют эти этнографические группы северными, южными и средними великорусами.

Помимо этих этнографических подразделений, говорит докладчик, можно наметить отдельные историко-культурные области или районы, население которых, в силу определенных исторических условий, приобрело особенности в культуре и быте. Привлекая разнообразные этнографические данные, докладчик намечает следующие области: северо-западную, северную, центральную, восточную, поволжскую, западную (включая Псковщину и Смоленщину), южную, вторую южную область и область Сибири, которую в свою очередь можно разделить на три: западную и восточную Сибирь и Дальний Восток. Кроме этих историко-культурных областей, заселенных русскими, можно отметить среди русского населения многочисленные мелкие локальные группы. Эти группы весьма разнообразны по времени и условиям своего возникновения. Одни из них, несомненно, древнего местного происхождения (полежи, мещера), другие возникли сравнительно недавно, в результате главным образом передвижений русского населе-

ния. Некоторые из этих групп, несомненно, имеют свои этнографические особенности, отличаются по материальной и духовной культуре, по своему происхождению, а некоторые обладают сознанием локально-групповой общности. Но многие из них не имеют никаких этнографических признаков: одни из них («степняки», «поляне») являются чисто географическими, другие («корежские дворяне») — социальными; третьи («однодворцы», «казачьи») — сословными группами.

Вопрос об этнографических подразделениях и своеобразных группах русского народа, сложившихся в XIX в. в состав русской буржуазной нации, имеет большое значение для понимания проблем этнической истории. Картографирование распространения географических особенностей разных явлений русской народной культуры внесет ясность в эту проблему.

Выступивший в прениях Р. И. Аванесов (Ин-т языкознания АН СССР), подчеркнув всю важность создания русского историко-этнографического атласа, отметил, что в этой работе заинтересованы и собственно историки, и историки русской культуры и историки русского языка. Р. И. Аванесов указал, что план атласа, охват материалов и проблематика не вызывают возражений. Заметив, что для этнографического атласа прежде всего важны те стороны материальной культуры народа, в которых имеются известные отличия, Р. И. Аванесов предлагает ограничить программу атласа основной территорией, на которой слагалась великорусская народность. Если основная задача атласа, говорит он, образование и развитие великорусской народности, то не вся территория нашей необъятной Родины имеет одинаковое для этого значение, поэтому здесь может встать вопрос о некотором территориальном ограничении. Остановившись на картографировании материала для атласа, Р. И. Аванесов подчеркнул, что этнографические карты должны отмечать не только распространение одного какого-либо явления, но и тех явлений, которые являются аналогичными им и выполняют то же назначение.

Остановившись на втором докладе, Р. И. Аванесов отметил, что многие основные категории, которые устанавливаются в истории русского языка и диалектологии, находят себе подтверждение на этнографическом материале. В заключение Р. И. Аванесов предложил установить тесный деловой контакт между институтами этнографии и лингвистики при разработке тематики атласа.

Выступивший в прениях С. П. Толстов (Ин-т этнографии) подчеркнул, что при работе над атласом необходимо критически использовать все то ценное, что уже создано русскими этнографами. Нельзя игнорировать и опыт составления историко-этнографического атласа Сибири. Вопрос об образовании и развитии великорусской народности действительно является одной из важнейших проблем атласа, но наряду с этим будут стоять вопросы, связанные с формированием буржуазной нации, и целый ряд других проблем. Поэтому ограничить территорию исследования так, как это предлагает Р. И. Аванесов, невозможно. Наоборот, очень плохо, что при работе над атласом не удалось в первые выпуски включить, кроме европейской территории СССР, также и Сибирь. Конечно, при окончательной подготовке атласа работающему над ним коллективу придется до известной степени ограничить его рамки, ибо этнография, как язык, — необъятное море. Но лишь после того, как будет проделана черновая работа, можно будет произвести тщательный отбор, максимальное сокращение числа объектов подлежащих картографированию. Трудно, конечно, вести параллельную работу на всеми темами атласа, но это необходимо. В заключение С. П. Толстов еще раз подчеркнул, что при работе над атласом нужно использовать опыт не только этнографов, но и специалистов смежных дисциплин, в частности — работающих над составлением диалектологического атласа. Но при этом не надо забывать, что этнографический атлас имеет несколько иные задачи, чем атлас диалектологический.

П. С. Кузнецов (Ин-т языкознания АН СССР) присоединился к мнению Р. И. Аванесова о необходимости совместной работы лингвистов и этнографов. Особенно большие трудности, говорит П. С. Кузнецов, стоят перед лингвистами в лексико-терминологической области; здесь неоднократно возникали затруднения, которые помогло устранить только контакт с этнографами. Остановившись на докладе Г. С. Масловой, П. С. Кузнецов указал, что этнографические и диалектные подразделения во многих случаях совпадают. При этом на основной территории формирования русского народа соответствий больше, чем в тех областях, которые присоединились позднее. При сопоставлении этнографических подразделений с диалектологическими необходимо ставить вопрос исторически: к какому времени относится возникновение тех или иных подразделений, в какой мере это подразделение этнографическое, а в какой мере — диалектологическое.

Отвечая на заданные вопросы, П. И. Кушнер сказал, что при работе над атласом его коллектив использует имеющиеся картографические источники, использует и опыт составления атласа Сибири, но так как масштабы русского атласа совершенно иные, то коллективу, работающему над ним, очень многое придется решать заново. Остановившись на докладе Г. С. Масловой, П. И. Кушнер отметил, что, когда только приступлено к работе над атласом, нельзя целиком принимать старые схемы деления великорусов как совершенно доказанные. Над этим вопросом надо еще работать, ибо может случиться, что выводы будут несколько иными. Сибирь в атлас включить, конечно, нужно, ибо атлас исследует не только великорусскую народность, но и сложение русской буржуазной нации. Но при том недостатке материала по Сибири, который

у нас обнаружился, вряд ли целесообразно включать Сибирь в атлас сейчас. Раздел Сибири или будет добавлен в новом издании атласа, или будет подготовлен специальный выпуск.

Очень трудно вести параллельную работу по всем разделам атласа сразу, но при разработке детальной программы экспедиций уже в этом году непременно будут включены в нее те разделы, которые еще не вошли в атлас,— средства передвижения, пища, гончарство, ткачество и пр.

Выступивший вторично Р. И. Аванесов указал, что задача представителей разных специальностей, изучающих такие комплексные темы, как образование великорусской народности или русской нации, заключается в том, чтобы на специфическом материале данных наук выявить, в чем совпадают выводы этих наук и в чем они расходятся. Но эти расхождения не обязательно будут свидетельствовать об ошибках этнографов или лингвистов. Этнографические и языковые признаки очень часто совпадают, но они могут и не совпадать. И то и другое для историка чрезвычайно важно, потому что наша задача — объяснить причину этих несовпадений.

Во второй день были заслушаны сообщения научных сотрудников Института этнографии по отдельным разделам атласа.

Г. С. Маслова остановилась на результатах проделанной работы по разделу «Русская народная одежда». Источниками накопления материала по этому разделу, говорит Г. С. Маслова, являются полевые исследования, архивные материалы, музейные фонды, различные литературные данные. Уже накопился большой материал (более 7000 карточек), составлена картотека, где весь материал группируется по губерниям, а внутри губерний — по уездам.

Конечно, при работе над атласом используется опыт предыдущих работ и, в частности, сибирского и диалектологического атласов; из последнего, например, заимствована форма картотеки; но очень многое приходится вырабатывать самим. Уже выработаны основные типы классификации народной одежды. В качестве микрорайона при картографировании принята территория уезда. Материал по одежде будет наноситься на карты по отдельным периодам, что даст возможность показать изменения, происшедшие в ней за данный промежуток времени. Будут созданы типологические таблицы. В объяснительной записке, которая будет приложена к картам, найдут свое отражение вопросы, связанные с различным бытованием одежды: отражение классового расслоения, возрастных делений и пр. Будет картографироваться и терминология, но мы, говорит докладчик, не будем отрывать термин от самого явления, ибо, хотя термин и само явление могут иметь свою несколько особую историю, они тесно связаны между собой. Уже первые опыты картографирования явлений и их терминологии дали ценные результаты.

Сообщение по разделу «Русское народное жилище» сделала Е. Э. Бломквист (Ин-т этнографии). По этому разделу, говорит докладчик, собрано более 2500 карточек, а по некоторым губерниям имеются уже рабочие карты, которые дают возможность сделать некоторые выводы. Карты по этому разделу охватят 15 тем: распространение типов жилищ по материалу, технике постройки, формам соединения дома с двором, расположению домов, по отношению к улице, внутренней планировке и пр. Указанные темы дадут возможность полностью охватить эту, одну из важнейших областей материальной культуры, что будет способствовать разрешению основных проблем, которые стоят перед русским историко-этнографическим атласом.

Большое место в атласе, сказала Д. В. Найдиш (Ин-т этнографии), займет раздел «Сельскохозяйственные орудия». Он будет делиться на две части: в первой будут сосредоточены материалы, касающиеся уровня развития сельскохозяйственной техники в начале XX в. до Великой Октябрьской социалистической революции; во второй будут сконцентрированы материалы, показывающие местные особенности сельскохозяйственных орудий. По сельскохозяйственным орудиям в разделе предполагается дать 21 карту, к этому будет добавлен альбом с иллюстративным материалом — чертежами и рисунками. На всем этом материале можно будет проследить исторические этапы развития сельскохозяйственной техники у народа: он отражает на себе влияние определенных форм сельского хозяйства и влияние природных условий; на него накладывают отпечаток этнические традиции и культурно-исторические связи народа.

Выступившая в прениях С. К. Жегалова (Гос. исторический музей) подчеркнула актуальность создаваемого атласа. Наш коллектив, говорит С. К. Жегалова, готов включиться в эту работу, помогая по мере возможности имеющимися у нас материалами и накопленными знаниями. Очень хорошо, что материал атласа разделяется на исторические периоды. Материал первого периода позволит выявить характерные отличия районов до реформы 1861 г., когда в народном быту сохранялось еще много традиционных архаических черт. Материал же второго периода даст возможность проследить, как эти отличия в какой-то степени под влиянием развития капитализма нивелировались. Хотя тематика, выдвинутая Институтом этнографии, достаточно сложна и трудоемка, но все же чувствуется необходимость добавления еще одной темы — крестьянские промыслы. Если в одних районах земледелие играло ведущую роль и поэтому для них большое значение будет иметь показ именно сельскохозяйственных орудий, то в других районах решающее значение имели промыслы. Они так влияли на материальную культуру и быт населения, что не изучать их нельзя. Следовало бы включить в атлас в качестве дополнительных тем материалы о домашней крестьянской утвари, о

крестьянском творчестве, ибо в них очень ярко отражается своеобразие русской культуры. Районы, выделенные Г. С. Масловой, отличаются не только языковыми особенностями, но и своей материальной культурой — это подтверждается теми коллекциями, которые имеются в Государственном историческом музее. Но, заметила далее С. К. Жданкова, может быть, есть смысл сократить число районов, выделив наиболее характерные.

Некоторые сомнения возникают в отношении методической разработки карт. Институт этнографии намечает выявление на картах не только этнических, но и социальных особенностей. Не будет ли создана этим чрезмерная дробность карт?

Н. И. Лебедева (Рязанский краеведческий музей) подчеркнула, что создаваемый Институтом этнографии атлас интересует широкую музейную общественность. Жаль, что с самого начала работ над атласом отсутствовала связь с областными и районными музеями, которые могли бы оказать существенную помощь.

Останавливаясь на тематике атласа, Н. И. Лебедева выразила опасение, исходящее из названия вводных статей: не будут ли они содержать лишь схематическое освещение вопросов одежды, жилища и сельскохозяйственной техники. Даже после сообщений о работе по отдельным разделам атласа, говорит Н. И. Лебедева, многое остается неясным. Трудно, например, представить себе, насколько материал, имеющийся по одежде, дает возможность представить карты в динамике. Совсем неясен вопрос о том, как будет обстоять дело с изучением рабочего жилища. Не совсем правильно дано разграничение сельскохозяйственных орудий и построек в разделе «Сельскохозяйственная техника». Задача атласа — выявить разнообразие культуры по отдельным районам и областям. Основные вопросы намечены, но намечены очень ограниченно. Из сообщения Д. В. Найдиш, например, не совсем ясно, какое место в разделе будет уделено сельскохозяйственным орудиям и машинам, которые были впервые изобретены русскими. В программе говорится лишь о зерновом направлении хозяйства, в то время как в некоторых губерниях большое значение имели технические культуры. Упущены в программе такие важные разделы, как транспортировка удобрений, зерна. Ведь обработкой земли не ограничивается то, что связано с сельскохозяйственной техникой.

М. И. Ильина (Ин-т архитектуры сельских зданий и учреждений Академии архитектуры СССР), подчеркнув актуальность тематики атласа, указала на необходимость контакта между архитекторами и этнографами. Нашему Институту, сказала она, который изучает запросы и потребности сельского населения в отношении жилища и в связи с этим решает вопрос о типах нового сельского строительства, необходимо знать историю русского народного зодчества и, в частности, крестьянского строительства. В этом большую помощь окажет нам атлас.

Далее т. Ильина указала, что рабочее жилище нужно выделить особо, ибо это огромная область, которая охватывает жилище и города, и деревни. Поэтому в первом выпуске атласа основное внимание следует сосредоточить лишь на крестьянском жилище.

В. И. Герасимова (Гос. музей этнографии народов СССР) отметила, что работа над атласом глубоко волнует не только этнографов, но и историков, лингвистов, архитекторов. Атлас вооружит историков новыми материалами при решении вопросов формирования русской народности, складывания буржуазной и социалистической наций, ибо эти проблемы требуют еще глубокой разработки. Эту большую работу над атласом нужно поднимать общими силами. Хотя программа атласа в основном не встречает возражений, но в ней подчеркивается главным образом необходимость изучения отличительных черт, в то время как для разработки вопроса о формировании русской народности очень важны и общие черты. Коллектив музея с удовольствием примет участие в этом большом деле.

В своем выступлении К. В. Сивков (Ин-т истории АН СССР, Комиссия по истории земледелия) отмечает, что раздел «Земледельческая техника и сельскохозяйственные орудия» дан в атласе несколько ограниченно. Большое значение в освоении новых земель играли корчевание и вырубка леса. Связаны с техникой земледелия и мелиорация, и проблема удобрений. Нельзя ограничиваться только зерновыми культурами. В этом разделе должны найти место и способы обработки различного сельскохозяйственного сырья.

Комиссия по истории земледелия, говорит т. Сивков, заканчивая свое выступление, чрезвычайно заинтересована этим начинанием и придает изданию атласа большое значение. Между институтами необходимо установить тесный контакт.

Выступивший вторично П. С. Кузнецов еще раз подчеркнул, что этнографы могут помочь лингвистам в лексико-терминологической области. Был сделан известный упрек, говорит П. С. Кузнецов, по поводу того, что картографируются лишь различия, но не обращается существенного внимания на общее. На общее действительно важно обратить внимание, но общее важно для изучения, а картографировать надо все же лишь существенные различия.

Т. А. Жданко (Ин-т этнографии) отметила, что атлас в первую очередь явится ключом к решению вопросов, связанных с этногенезом русского народа, вопросами формирования русской народности и нации. Недавно прошедшая сессия по истории народов Средней Азии и Казахстана еще раз подтвердила, что вопросы этногенеза нельзя разрешить без привлечения этнографического материала.

Одна из задач атласа, сказала далее Т. А. Жданко, — проследить процесс форми-

рования русской буржуазной нации. Но совершенно ясно, что на одной лишь этнографии сельских районов всю эту проблему поднять нельзя, нужен материал и по городу: нужно картографировать в историческом плане и ремесла, и технику, и кустарное производство, и элементы городского быта, и средства передвижения, и, в частности, развитие самого города. Останавливаясь на сообщении Г. С. Масловой, Т. А. Жданко отметила, что она уже перешла к исследовательской работе. Надо приступить к этой стадии работы и по другим разделам атласа.

Подводя итоги обсуждения, С. П. Толстов подчеркнул, что атлас не только даст освещение больших исторических проблем, но и явится серьезным вкладом в разработку истории культуры русского народа, ибо целый ряд явлений, имеющих в соприкосновении русской культуры, не вошел еще в научный обиход и народ о них ничего не знает. Некоторые разделы атласа будут иметь и большое практическое значение, особенно в свете последних решений партии и правительства. Имеющийся у нас громадный материал по крестьянскому жилищу окажет несомненную услугу делу развития сельской архитектуры. То же нужно сказать и в отношении одежды. Нельзя забывать того лучшего, что было создано в области одежды народом в прошлом. Уже самым фактом опубликования атласа мы будем способствовать сохранению высокохудожественных форм одежды, будем способствовать их широкому продвижению в быт. Сектору славяно-русской этнографии необходимо подготовить перспективный план работы над атласом.

С. П. Толстов признал справедливость упреков Н. И. Лебедевой, которая указала на необходимость тесной связи с другими научными учреждениями. Он предложил сектору обсудить практически вопрос о связи с различными учреждениями и ведомствами, которые заинтересованы в этой работе. В дальнейшем, сказал С. П. Толстов, нужно будет собраться повторно для того, чтобы обсудить ход совместной работы.

В своем заключительном слове П. И. Кушнер поддержал предложение С. П. Толстова о подготовке перспективного плана атласа и об установлении связей с научными учреждениями, желающими работать над его созданием.

Отвечая на выступление С. К. Жегаловой, которая указала на необходимость включения в атлас раздела о промыслах, П. И. Кушнер сказал, что часть этого раздела можно включить в атлас уже теперь и в этом должны оказать помощь работники других научных учреждений, в частности Государственный исторический музей.

Атлас, подчеркнул П. И. Кушнер, поможет разрешению основных исторических проблем, покажет необычайное богатство и разнообразие русской народной культуры, окажет практическую помощь коммунистическому строительству. Для решения последней задачи, сказал П. И. Кушнер, исторические рамки атласа нужно расширить до сегодняшнего дня. Материал по этому периоду можно собрать при помощи экспедиций и создания широкой корреспондентской сети, в которую необходимо включить музеи.

В своем решении Ученый совет Института этнографии одобрил программу русского историко-этнографического атласа и предложил сектору славяно-русской этнографии разработать перспективный план издания.

В. Горелов

СОВЕЩАНИЕ УКРАИНСКИХ ЭТНОГРАФОВ

23—26 февраля 1954 г. во Львове проходило республиканское этнографическое совещание, созванное Президиумом Академии наук УССР. Оно ставило своей целью обсуждение состояния и перспектив развития этнографической работы на Украине. На совещание прибыли представители из 29 городов УССР: кроме этнографов, работники краеведческих и исторических музеев, историки, фольклористы, искусствоведы, лингвисты. Активное участие в работе совещания приняли также гости из братских советских республик — этнографы Москвы, Ленинграда, Минска, Тбилиси, Кишинева, Риги, Казани.

Совещание открыл председатель Львовского филиала действ. член АН УССР И. З. Штокало, охарактеризовавший основные задачи, стоящие перед советскими учеными. Он подчеркнул, что такое широкое совещание по вопросам этнографии на Украине проводится впервые, и выразил уверенность, что оно будет способствовать оживлению работы украинских этнографов и поможет им установить тесные деловые связи с учеными смежных дисциплин и краеведами.

В зачитанном на совещании докладе члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова «Задачи советской этнографической науки» были охарактеризованы достижения и недостатки в работе советских этнографов и намечены дальнейшие перспективы развития этнографических исследований. Этнография — неотъемлемая часть истории, говорится в докладе, и ее задачи определяются теми общими задачами, которые партия и правительство ставят перед исторической наукой. Специфические задачи этнографии сводятся к тому, чтобы путем непосредственного наблюдения и исторического анализа описать и изучить культурно-бытовые особенности различных народов мира в их историческом развитии, исследовать проблему происхождения народов, восстановить историю их передвижения и расселения.

В докладе отмечается, что советскими этнографами за последние годы достигну-

ты значительные успехи в изучении основной проблемы — социалистической стройки культуры и быта советских народов, особенно культуры и быта колхозного крестьянства. На страницах журнала «Советская этнография» была проведена дискуссия о задачах и методах изучения культуры и быта колхозников и напечатаны статьи о колхозном быте различных народов СССР. Сейчас этнографическое изучение колхозного крестьянства перешло на новую, высшую ступень — приступлено к этнографическому изучению и описанию отдельных колхозов. Сотрудники Института этнографии совместно с этнографами Таджикистана закончили монографию о таджикском колхозе; ведутся исследования в русском и киргизском колхозах. Этнографами Уфимской и Белорусской академий наук написаны монографии об узбекском и белорусском колхозах. Хуже обстоит дело с изучением культуры и быта рабочих, что объясняется длительным влиянием порочной установки буржуазной этнографии, утверждавшей будто носителем «этноса», традиций национальной культуры, является только крестьянство. Однако за последний год наметились сдвиги и в этой области. Опубликованы статьи В. Ю. Крупянской о быте уральских рабочих во второй половине XIX и А. И. Робакидзе о семейном быте чапурских горняков. Защищены две диссертации: А. С. Куницким (Киев) о социалистическом быте рабочих Ворошиловградского района и А. Г. Трофимовой (Москва) о бакинских рабочих-нефтяниках. В Тбилиси только вышла из печати монография А. И. Робакидзе «Некоторые стороны быта рабочих чапурских марганцевых рудников». Задача этнографов — закрепить наметившийся сдвиг и всемерно развивать дальнейшие исследования по изучению быта рабочих советских народов.

Другой важнейшей задачей этнографов являются исследования по исторической этнографии. Этнографы, так же как и археологи, обязаны принять самое активное участие в создании историй народов СССР, ибо без этнографических материалов никакая история — история трудящихся масс — не может быть написана. Сейчас имеется положительный опыт такой совместной работы по созданию историй Белоруссии, Латвии, Литвы, Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Якутии, Мордовии, Кабарды, Дагестана и др. Этот опыт надо расширять. Большое значение имеют историко-этнографические монографии, помогающие воссоздать историю ранее «бесписьменной» истории народов. Таковы, например, исследования проф. Л. П. Потапова о горных алтайцах, проф. С. А. Токарева об якутах, Т. А. Жданко о каракалпаках и др.

Очень многое могут сделать этнографы в области изучения этногенеза и истории первобытного общества. За последнее время они ослабили внимание к этим проблемам, что объясняется влиянием порочной концепции Н. Я. Марра. Надо добиться решительного перелома в этой области. Залогом успешной разработки проблемы происхождения народов служит организация комплексных экспедиций, в которых принимают участие этнографы, археологи, антропологи, фольклористы, лингвисты. Такие экспедиции уже проводились в Балтийской и Киргизской экспедиции. Следует организовать подобные экспедиции и по изучению других народов.

Важнейшим видом обобщающих историко-этнографических публикаций являются этнографические атласы. В докладе подчеркнуто, что издание атласов, а также альбомов по народному жилищу, одежде, прикладному искусству и т. п. имеет не только научное, но и большое практическое значение. Институт этнографии АН СССР уже подготовил атлас по материальной культуре народов Сибири и сейчас работает на составлении капитального русского историко-этнографического атласа. Было бы очень хорошо, если бы созданием этнографических атласов занялись этнографы всех советских республик.

Было бы весьма желательно, чтобы украинские этнографы и фольклористы принимали самое активное участие в написании раздела «Украинцы» для многотомника «Народы мира».

В докладе был отмечен количественный и качественный рост этнографических кадров и указаны недостатки в подготовке этнографов в вузах.

Закончился доклад призывом ко всем советским этнографам дружно работать над ведущими проблемами, так, чтобы разрабатываемые темы, дополняя одна другую, помогали общему делу изучения народов нашей Родины. Только при этом условии в тесном контакте с представителями смежных дисциплин этнографы смогут разрешить стоящие перед ними задачи.

Доклад «О состоянии и перспективах развития советской этнографии на Украине» сделал действительный член АН УССР М. Ф. Рыльский. Он отметил, что этнографическая работа на Украине за последнее время заметно оживилась, и охарактеризовал исследования, ведущиеся киевскими и львовскими этнографами.

Отдел этнографии Института искусствоведения, фольклора и этнографии занимается изучением различных сторон современного и прошлого быта украинских крестьян и рабочих. Канд. историч. наук Г. Е. Стельмах заканчивает большое исследование о типах сельских поселений Поднепровья в их историческом развитии. Канд. историч. наук А. С. Куницкий выполняет работу по изучению современной культуры и быта рабочих юга Украины (Ворошиловград, Днепрпетровщина). Исследование ведется по разделам: историко-этнографический очерк, общественный быт, материальная и духовная культура советских украинских рабочих. Мл. научный сотрудник Л. П. Шевченко провела работу по изучению быта рабочих королевской художественной артели и приступает к изучению культуры и быта рабочих легкой промышленности.

Сотрудники отдела этнографии включились в работу по координируемым темам. Канд. историч. наук Е. М. Кравец изучает социалистическое переустройство семьи и семейного быта украинских колхозников на материалах трех центральных областей — Киевской, Винницкой и Житомирской. Г. Е. Стельмах готовит статью о современном украинском народном жилище.

Отдел этнографии за последние годы пополнился квалифицированными кадрами. Защитил диссертацию Е. М. Кравец и А. С. Куницкий, подготовила диссертацию на тему «Колхозный праздник урожая» аспирантка Института А. Ф. Кувенева.

Разнообразную работу по изучению культуры и быта населения западноукраинских областей ведут львовские этнографы — научные сотрудники Музея этнографии и художественного промысла. Особенно следует отметить изучение народных художественных промыслов и прикладного искусства — керамики (К. И. Матейко), изделий из металла (Л. М. Сухая), художественного тканья и набойки (С. И. Сидорович). В течение ряда лет под руководством зав. отделом этнографии Музея М. Т. Ломовой выезжает экспедиция в Полесье, собравшая уже большой, интересный материал. Работы экспедиции будут продолжены и в этом году. Канд. историч. наук И. Ф. Симоненко продолжает изучение украинцев Закарпатской области. Ценные альбомы народной одежды и народной архитектуры западноукраинских областей составила художник-этнограф Е. Л. Кульчицкая. Сотрудники музея провели большую работу по изучению фондов и разработке принципов построения этнографической экспозиции музея.

М. Ф. Рылский особо подчеркнул значение историографических исследований. Такая работа уже начата. Е. М. Кравец написала работу «Роль Шевченко в развитии этнографической науки на Украине» и изучает связи прогрессивных украинских этнографов с русскими революционными демократами. М. Т. Ломова готовит диссертацию об И. Франко как этнографе. Начатые работы следует продолжить, украинские этнографы обязаны создать историю украинской этнографии.

Отметив достижения украинской советской этнографии, М. Ф. Рылский указал и на ее существенные недостатки. Украинские этнографы не дали еще обобщающих исследований по современному и прошлому быту; работы, выполняемые ими, не всегда стоят на достаточно высоком теоретическом уровне. Нет повседневной деловой связи с работниками краеведческих музеев и учеными смежных дисциплин. Несмотря на количественный и качественный рост этнографических кадров за последние годы, на Украине все еще ощущается недостаток квалифицированных этнографов. Необходимо добиваться улучшения преподавания этнографии в вузах и расширения аспирантуры по этнографии при Институте искусствоведения, фольклора и этнографии. Особенно отрицательно сказывается на развитии этнографической науки на Украине отсутствие высококвалифицированного руководителя отделом этнографии Института.

В заключение М. Ф. Рылский указал, что большие задачи, стоящие перед украинскими этнографами в области изучения различных сторон культуры и быта украинского народа, могут быть выполнены ими только в тесном содружестве со всеми советскими и прежде всего русскими этнографами и в контакте с учеными смежных дисциплин.

Доклады С. П. Толстова и М. Ф. Рылского вызвали оживленный обмен мнений. Выступавшие рассказывали о своей работе, говорили о задачах, стоящих перед украинской этнографией, вносили конкретные предложения. А. С. Куницкий и Ю. В. Пастушин (Львовский гос. университет) поделились опытом изучения рабочего быта. Ю. В. Пастушин ряд лет изучает прошлый и современный быт нефтянчиков Борислава и собрал большой полевой и архивный материал. Он подробно остановился на типах и историческом развитии жилища рабочих Борислава, на изменениях, происшедших в их быту и культуре за советский период. Сотрудники Львовского музея К. И. Матейко и Л. М. Сухая сообщили о результатах изучения народной художественной керамики и изделий из металла. Е. М. Кравец и М. Т. Ломова посвятили свои выступления истории этнографии. Е. М. Кравец говорила об огромном влиянии идей русских революционных демократов на развитие украинской этнографии, о тесной дружбе, связывавшей передовых русских и украинских ученых — этнографов и фольклористов. М. Т. Ломова рассказала о значении работ И. Франко для изучения рабочего быта. Директор Института общественных наук Львовского филиала АН УССР проф. И. П. Крипьякевич обратил внимание этнографов на необходимость изучения архивных фондов, которые могут раскрыть многие важные стороны народной жизни в прошлом. Важной задачей этнографов является также составление истории украинской этнографии. И. П. Крипьякевич указал на крупнейший недостаток в работе украинских этнографов — отсутствие связи и координации работы между киевскими и львовскими этнографами. Нет должного делового контакта и с историками.

Канд. филологич. наук Ф. И. Лавров (Киев) говорил о неразрывных органических связях этнографии и фольклористики, об общих задачах, стоящих перед фольклористами и этнографами. Он подчеркнул, что революционные демократы и прогрессивные русские и украинские этнографы всегда уделяли большое внимание народному поэтическому творчеству и считали его неотъемлемой частью этнографии. Одной из важнейших задач украинских фольклористов и этнографов Ф. И. Лавров считает изучение и издание наследия выдающихся ученых прошлого, и в первую очередь трудов акад. Ф. Колессы. О тесных связях этнографии и фольклористики говорила также В. К. Соколова (Москва).

Л. П. Шевченко (Киев) посвятила свое выступление методике полевых этнографических исследований.

Активное участие в прениях приняли представители краеведческих и исторических музеев. Они сообщили об имеющихся в музеях этнографических фондах, поделились положительным опытом своей работы. Так, Л. Ф. Новицкий (Черновицы) рассказал, как Черновицкий музей на этнографическом материале ярко отразил главные черты быта трудящихся города в период капитализма. К сожалению, таких примеров было приведено немного. Большинство выступавших указало, что этнографический материал в музеях используется очень слабо, а зачастую и совсем отсутствует в экспозиции. Работники музеев не имеют квалифицированного руководства и методических пособий и нередко не знают, как собирать и использовать этнографический материал. Музеи почти не пополняются современными этнографическими экспонатами, собирательская работа ведется ими от случая к случаю или совсем не ведется. Ю. В. Вильневский (Днепропетровск), Т. А. Сыс (Каменец-Подольский), А. А. Фурел (Полтава), Л. Ф. Новицкий и другие отмечали, что между этнографами, работающими в центральных научных учреждениях, и местными музеями нет связи. Л. Ф. Новицкий справедливо упрекнул этнографов за то, что они оторвались от масс, не создали актива из местных работников. Большая армия краеведов, любящих свой край, с народом и желающих изучать его, не привлекается к собиранию и изучению этнографического материала. Поэтому этнографическая работа на Украине должна развиваться.

Присутствовавшие на совещании делегаты братских республик: член-корреспондент АН Грузинской ССР Г. С. Читая (Тбилиси), действительный член АН Латвийской ССР Р. А. Пельше (Рига), канд. историч. наук А. И. Залесский (Минск) — рассказали о работе, проводимой грузинскими, латвийскими и белорусскими этнографами. Проф. Н. И. Воробьев (Казань) сообщил об исследованиях по народам Поволжья. Н. И. Камсюк (Минск) доложила об итогах изучения художественного творчества слесарских мастеров.

Канд. историч. наук Г. Е. Стельмах поднял вопрос о предмете и границах этнографии. Он справедливо указал на необходимость расширить работу по сбору этнографического материала и скорее обобщать и публиковать собранные материалы и исследования. Но этнографы при изучении социалистической культуры и быта, по его мнению, часто выходят за пределы своей науки и вторгаются в области других наук. Он полагает, что определение этнографии, данное в докладе С. П. Толстова в статьях, напечатанных в журнале «Советская этнография», слишком широко и считает необходимым резко ограничить этнографию от смежных дисциплин. Сам Г. Е. Стельмах предмет этнографической науки определяет как культурно-бытовое коллективное творчество трудящихся масс того или другого народа на различных исторических этапах его развития. Но он исключает из области этнографии народное поэтическое творчество, народное изобразительное и прикладное искусство и пр.

Поддавленное большинство участников совещания не согласилось с определением предмета и задач советской этнографии, данным Г. Е. Стельмахом. Выступившие в прениях проф. П. И. Кушнер (Москва), проф. И. П. Крипьякевич, А. И. Залесский и работники местных музеев говорили, что сам Г. Е. Стельмах понимает этнографию слишком узко и по существу сводит этнографическое изучение современности к изучению только сохраняющихся традиционных явлений культуры и быта. Изменения и переосмысления их. Нельзя согласиться с исключением из этнографии таких важных областей культуры народа, как народное художественное творчество, а также со стремлением отграничиться от родственных научных дисциплин. П. И. Кушнер напомнил, что понимание предмета и задач этнографии дано выдающимися русскими этнографами и революционерами-демократами, и у нас нет оснований отказываться от данного ими определения, ибо предмет этнографии остается тот же народ с его делами и воззрениями. Надо лишь уточнить свои задачи применительно к современности.

Вторым пунктом повестки дня совещания было обсуждение принципов экспозиции этнографического материала. Канд. историч. наук И. Ф. Симоненко доложил разработанные им совместно с коллективом этнографов музея принципы и план построения экспозиции этнографического отдела во Львовском музее. Выступившие по докладу канд. филологич. наук А. И. Генснорский (Львов), проф. Н. И. Воробьев, проф. П. И. Кушнер, канд. историч. наук Г. С. Маслова (Москва), В. К. Секолова, В. Галицкий (Киев), М. Т. Ломова, Д. И. Фиголь (Львов) и другие согласились с основными положениями, высказанными в докладе, дополнили и уточнили его отдельные положения.

Ученый секретарь Отделения общественных наук АН УССР канд. историч. наук П. С. Балковой в своем выступлении подвел итоги совещания и выразил уверенность, что оно будет иметь большое положительное значение для дальнейшего развития украинской этнографии.

Совещание приняло резолюцию, в которой отметило, что важнейшей задачей украинских этнографов является изучение социалистической культуры и быта украинского рабочего и крестьянина и создание историко-этнографических монографий о различных областях материальной и духовной культуры украинского народа. Особое внимание при этом необходимо уделить изучению общности и взаимовлияния быта и культуры

украинского, русского и белорусского народов. Украинские этнографы и фольклористы должны принять активное участие в написании раздела «Украинцы» для издаваемого Институтом этнографии АН СССР многотомника «Народы мира» и развернуть работу по темам, рекомендованным координационным совещанием. Следует развивать работы по истории этнографии, изучать наследие крупнейших украинских этнографов и фольклористов — акад. Ф. Колессы, К. В. Квитки и других. Совещание призвало этнографов усилить теоретическую работу, смелее выдвигать и решать новые актуальные проблемы, вести непримиримую борьбу против проявлений антимарксистских концепций в этнографии.

Резолюция обязывает этнографов установить связь с работниками краеведческих музеев и оказывать им повседневную помощь, привлекать их к полевой собирательской работе и добиваться возможно более широкого использования этнографических материалов в экспозициях местных краеведческих и исторических музеев. В целях улучшения методологической и методической помощи местным работникам рекомендовано создать при Институте искусствоведения, фольклора и этнографии специальный корреспондентский пункт и издать пособия по собиранию этнографических и фольклорных материалов. Совещание признало необходимым добиваться создания центрального этнографического музея в Киеве.

Совещание отметило недостатки в подготовке этнографических кадров в вузах и приняло решение поставить перед Министерством культуры вопрос о введении курса этнографии во всех гуманитарных вузах и средних педагогических и художественных учебных заведениях.

* * *

Прошедшее во Львове первое украинское этнографическое совещание показало, что на Украине имеются все условия и возможности для широкого развертывания этнографических исследований. Используя имеющиеся на местах кадры и развертывая работу в тесном контакте с этнографами всего Советского Союза и учеными смежных специальностей, украинские этнографы смогут добиться новых больших успехов в общем деле развития советской этнографии и выполнить задачи, поставленные партией и правительством перед советской наукой.

А. С. Куницкий

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДООКТЯБРЬСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Со времени решений ЦК Коммунистической партии по вопросам преподавания истории советская наука достигла больших успехов. Разоблачение вулгаризаторской «школы» Покровского и поворот советских исследователей к изучению конкретной истории народов были чрезвычайно важным этапом в развитии исторической науки во всех национальных республиках, в том числе и в республиках Средней Азии и Казахстана. За годы, прошедшие со времени этих решений, выросли значительные кадры квалифицированных историков, творческую деятельность которых объединили институты истории, археологии и этнографии академий наук союзных республик и филиалы Академии наук СССР, вузы и другие научные учреждения. За эти годы впервые созданы марксистские обобщающие труды по истории народов Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, разрабатывается история народов Туркмении, Киргизии, Кара-Калпакии.

Однако в процессе изучения истории Средней Азии и Казахстана был вскрыт ряд крупных ошибок и недостатков в работах некоторых историков, в частности неправильная оценка отдельных исторических фактов, событий и целых периодов исторического развития. В то же время выявились некоторые разногласия в путях разрешения ряда важных исторических проблем. Все это вызвало необходимость организации широкого обсуждения наиболее актуальных вопросов истории народов Средней Азии и Казахстана.

С 30 января по 6 февраля 1954 г. в Ташкенте проходила объединенная научная сессия, посвященная истории народов Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода. Сессия была организована Академией наук СССР совместно с академиями наук Казахской, Таджикской, Туркменской и Узбекской ССР и Киргизским филиалом АН СССР. В работе сессии приняли также участие ученые Азербайджана, Башкирской, Дагестанской и Татарской автономных республик и научная общественность г. Ташкента. Наряду с историками, этнографами, археологами, в работу сессии включились экономисты, юристы, философы, языковеды.

На повестке дня сессии стояли вопросы: 1) о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов; 2) о реакционной сущности панисламизма и пантюркизма; 3) о формировании буржуазных наций в Узбекистане и Казахстане; 4) о характере восстания 1916 г.; 5) о периодизации истории народов Средней Азии

и Казахстана. По всем этим темам были заслушаны доклады и развернулась оживленная дискуссия.

С первым докладом «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана» выступил доктор историч. наук Л. П. Потапов (Ин-т этнографии АН СССР). Основные положения доклада сводились к утверждению: 1) что все кочевые народы Средней Азии и Казахстана прошли феодальный путь развития и 2) что основным средством производства при феодализме у кочевников, равно как и у оседлых земледельческих народов, была земля — пастбища, кочевья, а также пахотные угодья на зимовках. Земля была главным, решающим условием для ведения кочевого скотоводства. Существовали феодальная собственность на землю и прикрепление непосредственных производителей — трудовых масс кочевников — к земле.

Привлекая материалы многих источников, докладчик показал генезис кочевого скотоводства и развитие классовых отношений — рабства и феодального строя у кочевников. В докладе нашел освещение важный вопрос о характере общины у кочевников, которая, по утверждению Л. П. Потапова, давно перестала быть родовой, хотя внешне и сохраняла этот характер. Община кочевников (или, как называет ее докладчик, кочевая аульная община) уже с древних времен по своему экономическому содержанию соответствовала сельской общине и давала достаточно простора для развития классовых отношений. В заключение докладчик остановился на сущности понятия «патриархально-феодальные отношения», которые он трактует как раннюю форму феодальных отношений, еще не свободных от патриархально-родовой оболочки, пережитков патриархальных отношений.

С содокладами выступили кандидаты историч. наук В. Ф. Шахматов (Казахстан) и С. И. Ильясов (Киргизия), противопоставившие положениям основного доклада свои точки зрения.

В. Ф. Шахматов утверждал, что Казахстан к моменту Октябрьской революции не дошел до стадии развитого, как он выразился, «классического» феодализма, а находился на стадии патриархально-феодальных отношений. Патриархально-феодальный экономический базис обусловил то обстоятельство, что в Казахстане сформировалась специфическая патриархально-феодальная политическая надстройка. Он утверждал, что в противоположность районам с развитыми феодальными отношениями в Казахстане скот, а не земля был основным средством производства и средством эксплуатации непосредственного производителя. По мнению В. Ф. Шахматова, в частной собственности находился только скот, а земля была общественной собственностью. С его точки зрения, земля не могла быть главным средством эксплуатации при кочевом образе жизни, так как к ней непосредственно не прилагался труд кочевников-скотоводов. В XIX в., утверждал В. Ф. Шахматов, общинная земля уже захватывалась частным «частным пользованием», но не она, а скот попрежнему являлся средством эксплуатации непосредственного производителя.

С. И. Ильясов, хотя и согласился с Л. П. Потаповым в том, что патриархально-феодальные отношения у кочевников — отношения феодальные, но в основном поддерживал В. Ф. Шахматова, подчеркивая их особую специфику. Признавая главным средством производства скот и пастбища одновременно, С. И. Ильясов средством эксплуатации в кочевых районах все же считает скот, а не землю. Отрицает он и возможность прикрепления крестьян к земле на том основании, что земля (кроме пахотной), по его мнению, до начала XX в. считалась собственностью рода, хотя фактическими владельцами ее и были феодалы.

Позиция, занятая обоими содокладчиками, а также присоединившимся к их основным положениям кандидатом историч. наук С. С. Черниковым (Ленинградское отделение ИИМК) и кандидатом экономич. наук С. Е. Толыбековым (Казахстан), по существу означала отрицание феодальных отношений у кочевников, утверждение, что кочевникам свойственны свои особые пути развития — какая-то своеобразная «патриархально-феодальная формация», отличная от феодализма у оседлых земледельческих народов.

Доклад и содоклады вызвали оживленную дискуссию. Подавляющее большинство выступавших по этому вопросу согласилось с Л. П. Потаповым и резко критиковало ошибочные взгляды В. Ф. Шахматова, С. И. Ильясова и С. Е. Толыбекова. Научные сотрудники Академии наук Казахской ССР М. Б. Ахинджанов, С. З. Зиманов, Н. Г. Аполлова, А. Е. Еренов и другие привели большой конкретный материал о феодальной земельной собственности у казахов и упрекали В. Ф. Шахматова в сознательном игнорировании источников, свидетельствующих о существовании в Казахстане на протяжении ряда веков феодальной земельной собственности. Считая, что главными средствами производства при феодализме являются земля и скот, причем первое место принадлежит земле, М. Б. Ахинджанов резко выступил против тезиса В. Ф. Шахматова о том, что кочевник не прилагает к земле никакого труда. Указывая, что все колодцы в пустыне построены человеческими руками, выступавший приводил примеры того, сколько сил необходимо потратить на сооружение колодца средней величины. Колодцы, как и зимовки «кстау», являлись очагами феодальной земельной собственности и только «джайлау» — летние пастбища — были общинными.

Кандидат историч. наук А. Б. Турсунбаев (Казахстан) в своем выступлении также приводил примеры того, как труд кочевника прилагается к земле, и доказывал глубокую

кую классовую дифференциацию кочевой аульной общины дореволюционного Казахстана. Он правильно отметил, что о значении земли как основного средства производства у казахов ярко свидетельствуют, в частности, все мероприятия советской власти в кочевых районах в первые годы после революции; как и в сельскохозяйственных районах, эти мероприятия были прежде всего направлены на обеспечение трудящихся масс землей.

Кандидат юридич. наук А. Е. Еренов (АН Каз. ССР) указывал, что ученые, отрицающие наличие в дореволюционном Казахстане развитых феодальных отношений, находятся под влиянием дореволюционных буржуазных историков, считавших, что в Казахстане в конце XIX — начале XX в. существовали родовой строй и общинная собственность на землю; т. Еренов подчеркнул, что царскому правительству была выгодна такая пропаганда, позволявшая ему оправдывать захват казахских земель, выдавая их за «бесхозные». На самом же деле в Казахстане издавна существовала феодальная собственность на землю. О том, что казахские феодалы были собственниками земли, на которой паслись их стада и стояли зимовки, говорят такие факты, как взимание в их пользу пошлины за прогон скота, ежегодное возвращение на одни и те же кочевья, то обстоятельство, что отдельные пастбища носили имя их владельцев-феодала, что их жаловали в качестве подарков, давали в калым и т. д. А. Е. Еренов выразил сожаление, что Л. П. Потапов в своем докладе обошел вниманием период XV—XVIII вв., наиболее важный и обильный фактами, подтверждающими наличие развитых феодальных отношений у кочевого населения Казахстана.

Выступивший в прениях доктор историч. наук А. Н. Бернштам (ЛОИИМК) подчеркнул необходимость учитывать тесную и постоянную связь кочевников с оседлыми сельскохозяйственными районами. Именно отрыв истории кочевых народов от земледельческих привел, по его мнению, тт. Шахматова и Толыбекова к утверждению о своеобразном «патриархально-феодальном» способе производства у кочевников, а тем самым к признанию особой социально-экономической формации, якобы существовавшей у кочевых народов. Отрицающие наличие у кочевников феодальной собственности на землю не оригинальны в своих взглядах, они повторяют старую «теорию» кочевого феодализма, давно уже изжившую себя; историки, в свое время разделявшие ее, отказались от прежних устаревших положений, опровергнутых в ходе развития исторической науки.

Большой интерес вызвало выступление чл.-корр. АН ТССР доктора историч. наук А. Каррыева. Он показал на конкретном фактическом материале, что основой феодальной эксплуатации у полукочевых племен западной Туркмении в XIX в. была собственность на землю — пастбища и колодцы, причем зависимость непосредственных производителей-туркмен от своего «родового старшины» — феодала имела различные формы. Когда массовые падежи скота, происходившие довольно часто, заставляли разорившихся скотоводов переходить к земледелию, это в условиях западной Туркмении оказывалось чрезвычайно трудным, так как все немногочисленные водные источники полностью находились в руках «родовой» (феодальной) знати.

Кандидат историч. наук Т. А. Жданко (Ин-т этнографии АН СССР) посвятила свое выступление сущности патриархально-феодальных отношений у каракалпаков. Она показала, что, начиная с XVII—XVIII вв., исторические и этнографические источники позволяют говорить о господстве феодальных отношений, о глубокой классовой дифференциации в каракалпакской полукочевой аульной общине, несмотря на чрезвычайную устойчивость патриархально-родовых пережитков в социально-экономическом строе и быту каракалпаков. Дальнейшему углублению исследованию каракалпакской земельно-водной аульной общины должно способствовать не только изучение архивных материалов и этнографических источников, но и археологическое исследование оросительной сети каракалпаков и остатков их поселений XVIII в., сохранившихся в бассейне пересохшей реки Жаны-Дарьи в северных Кызыл-Кумах. Историко-этнографические источники, в частности исторические предания каракалпаков, отметила Т. А. Жданко, косвенно свидетельствуют о феодальной собственности на землю и у казахских ханов XVII в., которые жаловали каракалпакам определенные территории на условиях выполнения разного рода феодальных повинностей, а в случае нарушения покорности снова отбирали эти земли.

Кандидат историч. наук С. М. Абрамзон (Ин-т этнографии АН СССР) остановился на вопросе о формах семейных отношений в патриархально-феодальном обществе кочевых народов Средней Азии и Казахстана. У кочевников, сказал С. М. Абрамзон, долгое время сохранялась большесемейная патриархальная община, пережитками которой можно считать группы кровных родственников, так называемые «бир атанынг балдары» у казахов, «коше» у каракалпаков, «бир ата» у туркмен и т. д. Далее он изложил свой взгляд на генезис земельной собственности в условиях кочевой большесемейной общины.

На конкретном историко-этнографическом материале было построено выступление С. М. Васильева (Башкирская АССР), посвященное вопросу о патриархально-феодальных отношениях у башкир.

Н. Е. Омелин, директор Ин-та экономики АН УзССР, высказал свои возражения докладчику, утверждавшему, что патриархально-феодальные отношения отражают ранний этап в развитии феодализма. По мнению Н. Е. Омелина, они при определенных условиях свойственны и развитому феодальному обществу, что мы и видим у кочевников Средней Азии и Казахстана.

Кандидат экономич. наук В. С. Батраков в своем выступлении подверг рез критике точку зрения В. Ф. Шахматова и его сторонников. Он подчеркнул, кочевые народы Средней Азии и Казахстана, несомненно, имели свою историческую специфику, но не настолько значительную, чтобы выделять на этом основании особую степень социально-экономического развития общества. Кочевое хозяйство следует рассматривать прежде всего как обособившуюся в процессе общественного разделения труда отрасль сельского хозяйства. Многолетние экономические исследования в Средней Азии, сказал он, прочно убедили меня, что кочевые районы нельзя рассматривать изолированно от земледельческих, хотя они и отставали от последних в своем экономическом развитии; кочевники не могли существовать без связей с оазисами. Кочевые народы прошли те же стадии развития феодализма, что и земледельческие, и в те исторические периоды. Специфика феодальных отношений у кочевых народов состоит в том, что у них на всех стадиях развития феодализма сохранялись родовые традиции, родовые деления и родовой быт. При отсутствии земледельческой оседлости присущая феодализму крепостная зависимость непосредственных производителей феодалов осуществлялась путем сохранения родовых объединений, возглавляемых феодалами. В. С. Батраков, как и многие другие выступавшие, подчеркнул, что обладание патриархально-феодальными отношениями не означает неразвитости феодализма — пережитки патриархальных отношений существовали и в русской деревне.

Кандидат историч. наук И. Я. Златкин (Ин-т востоковедения АН СССР) подготовил выступление по докладу Л. П. Потапова. Он указал, что в ходе дискуссии выявились две точки зрения на сущность патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. Ученые, взгляды которых ведут к утверждению, что патриархально-феодальные отношения есть особая разновидность феодализма, органически присущая лишь кочевым народам и являющаяся непременным условием существования последних, на данной сессии находятся в меньшинстве. Эта точка зрения, нашедшая свое отражение в майском 3-го издания «Истории Казахской ССР», противоречит марксистско-ленинскому учению о пяти общественных формациях и фактам конкретной истории. Она должна быть отвергнута. В основе феодального общества кочевых народов лежит феодальная собственность на землю. Она определяет и все общественные надстройки этих народов.

В заключительном слове на утреннем заседании 1 февраля Л. П. Потапов сказал, что чрезвычайно удовлетворен творческой дискуссией по его докладу, в которой приняло участие около двадцати человек, в своем подавляющем большинстве согласившихся с основными положениями доклада. В. Ф. Шахматов и С. Е. Толыбеков оказали в одиночестве, и можно надеяться, что они пересмотрят свои ошибочные взгляды, учитывая критику научной общественности.

Можно считать установленным, что советские историки преодолели «теорию особого пути развития кочевых народов»; этим народам свойственны общие закономерности общественно-экономического развития; основой феодализма у кочевников, как и повсюду, была феодальная собственность на землю, которая реализовалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты.

Участники сессии признали, что сущность патриархально-феодальных отношений — феодальная. Патриархально-феодальные отношения существовали как у кочевых, так и у оседлых земледельческих народов. Это — не свойственный только кочевым народам «вариант» феодализма, основой которого является собственность на скот; такое утверждение, по общему мнению, следует считать противоречащим марксистско-ленинскому учению о социально-экономических формациях и конкретным историческим фактам.

В то же время Л. П. Потапов отметил, что прения помогли ему понять два существенных недостатка, имеющих в его докладе: во-первых, недоучет роли земледельческих районов в жизни кочевников и, во-вторых, недостаточно четкое определение термина «патриархально-феодальные» отношения. Этот термин необходимо ограничить в хронологическом смысле. Неточность определения термина ведет к толкованию его как особой «патриархально-феодальной» формации, существовавшей у кочевников.

В заключение Л. П. Потапов отметил, что рост научных кадров историков Средней Азии и активное участие их в работе сессии позволили уже сейчас достигнуть плодотворных результатов в обсуждении сложного вопроса о патриархально-феодальных отношениях у кочевников. Но необходимо в дальнейшем углубить изучение проблемы феодализма у кочевников, приступить к систематической публикации материалов и исследований по этой теме.

С большим интересом был выслушан и обсужден доклад доктора историч. наук Б. Г. Гафурова (Таджикистан) «О реакционной сущности панисламизма и пантюркизма». Докладчик привел большой документальный материал, показывающий, как американский империализм разжигает и поддерживает эти течения в целях порабления народов стран Ближнего и Среднего Востока, как он использует их для борьбы против Советского Союза. Выступавшие конкретизировали и подкрепляли материалы своих исследований основные положения докладчика. Приводилось много сообщений, свидетельствующих, что панисламизм, пантюркизм и паниранизм представляют отдельные формы проявления идеологии космополитизма и национализма и глубоко враждебны народам Советского и зарубежного Востока. На сессии отмечалось, что историки еще слабо разоблачают реакционную сущность пантюркизма и панисламизма. В ряде работ допускались серьезные ошибки в оценке этих враждебных течений, не разоблачалась и затушевывалась реакционная сущность джадидизма и алашского движения.

Оживленные прения развернулись 2 и 3 февраля по докладам кандидатов историч. наук М. Г. Вахабова (АН Узб. ССР) и А. Н. Нусупбекова (АН Каз. ССР) о формировании узбекской и казахской буржуазных наций. На сессии выявились наличие двух точек зрения на вопрос о формировании буржуазных наций в Средней Азии. Докладчики доказывали, что с развитием капитализма в Средней Азии и Казахстане после присоединения к России начался процесс складывания буржуазных наций. Однако ввиду того, что в среднеазиатской экономике продолжали господствовать отсталые, докапиталистические, феодальные отношения, процесс сложения узбекской и казахской буржуазных наций до революции не завершился. Защитники другой точки зрения доказывали, что в Казахстане и Узбекистане еще до революции сложились буржуазные нации со всеми отличительными признаками. Большинство выступавших в прениях поддержало основные тезисы докладчиков, однако критиковало их за недостаточно глубокую разработку темы, за схематичность докладов и дополнило заслуженные доклады в некоторых частных вопросах.

Так, действительный член АН Тадж. ССР доктор филологич. наук А. М. Богоутдинов отметил, что хотя процесс складывания узбекского народа в нацию начался со второй половины XIX в., отдельные элементы нации возникали значительно раньше еще в докапиталистический период. Неправ М. Г. Вахабов, сказал А. М. Богоутдинов, и в том, что отождествляет государственные образования дореволюционной Средней Азии (Туркестан, Бухарское, Хивинское ханства) с территориальной общностью народности. Территориальной общности совсем не обязательно должна соответствовать единая государственность. А. М. Богоутдинов согласился с докладчиком в том, что процесс формирования узбеков в буржуазную нацию в дооктябрьский период не завершился.

Кандидат историч. наук С. Б. Башиев (Казахстан) поддержал положение о незавершенности процесса формирования буржуазных наций в Средней Азии и Казахстане в дооктябрьский период. Ученые Казахстана считают, сказал он, что процесс консолидации казахского народа в нацию происходил после Октябрьской революции. Народы Средней Азии и Казахстана не прошли капиталистического пути развития, поэтому те, кто говорит о завершенности процесса образования буржуазных наций до 1917 г. (А. А. Аминов и другие), не только не учитывают конкретно-исторических фактов, но и фактически выступают против положения В. И. Ленина о некапиталистическом пути развития среднеазиатских народов и умаляют роль советской власти в ликвидации их экономической, политической и культурной отсталости.

Кандидат историч. наук О. А. Сухарева (АН УзССР) привела значительный этнографический материал, свидетельствующий о том, что в дооктябрьский период формирование национальной общности узбеков не было еще завершено. Еще в начале XX в. среди узбеков различались две группы, одна из которых называла себя сартами, а другая — узбеками; среди кочевых узбеков были даже племена, не осознавшие себя узбеками (например кипчаки). Все же к началу XX в. определенная общность культуры узбекской народности существовала. В докладе М. Г. Вахабова, сказала О. А. Сухарева, преувеличены локальные различия в формах культуры узбеков. Это расхождение было, но оно явилось следствием неравномерности начавшегося капиталистического развития отдельных районов Туркестана; в тех местностях, куда капиталистические отношения проникали более глубоко, начался процесс разложения старых форм культуры и сложения новых. Как и А. М. Богоутдинов, О. А. Сухарева подчеркнула глубокую историчность отдельных элементов нации и, в частности, общности психического склада, проявляющегося в общности культуры. Выступавшая отметила невнимание обоих докладчиков к разработке этого вопроса. С основными выводами докладчиков О. А. Сухарева вполне согласилась.

Доктор филологич. наук В. В. Решетов (АН УзССР) сообщил об исследованиях филологов по вопросу о развитии общенационального узбекского языка и указал на недостаточное внимание историков к данным языкознания.

Кандидат юридич. наук С. З. Зиманов отметил, что многие выступающие путают два различных вопроса — о вызревании элементов нации и о консолидации или оформлении нации. Для дореволюционного Казахстана можно говорить лишь о вызревании элементов буржуазной нации. В силу господства патриархально-феодальных отношений и сохранения устоев феодализма казахская народность не смогла сложиться в буржуазную нацию.

Другую точку зрения отстаивали доктор историч. наук А. А. Аминов, В. К. Сабиров (АН Тадж. ССР), кандидат философских наук Ч. Овезбердыев (АН ТССР), кандидаты историч. наук А. М. Гуревич (Ташкент), А. Ф. Якунин (Москва) и другие. Они стремились доказать, что узбекская и казахская буржуазные нации сложились до Великой Октябрьской социалистической революции, но в силу неразвитости капиталистических отношений в Средней Азии и Казахстане были незрелыми, отсталыми.

Все выступавшие, как сторонники, так и противники точки зрения докладчиков, подчеркивали огромную прогрессивную роль присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Ряд выступавших отмечал также, что и у других народов Средней Азии (например туркмен) начавшийся процесс образования буржуазной нации до революции не был завершен. Участники дискуссии пришли к заключению, что ни в Узбекистане, ни в Казахстане в дооктябрьский период буржуазные нации не могли сложиться, так как ни узбеки, ни казахи не прошли стадии капиталистического развития. Складывавшиеся буржуазные нации у различных народов Средней Азии и Казах-

стана находились на разных ступенях оформления. Участники сессии пришли к общему мнению о необходимости организовать совместную разработку проблемы формирования буржуазных наций историками, этнографами, экономистами, лингвистами и филологами.

Наиболее разработанной и подготовленной к обсуждению на сессии оказалась тема «К вопросу о характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане». Вслед за обстоятельным докладом кандидата историч. наук Х. Т. Турсунова (АН УзССР) выступил ряд содокладчиков, развивавших теоретические положения основного доклада на хорошо изученном, конкретном историческом материале, относящемся к Казахстану, Киргизии, Туркмении. Выступавшие затем участники сессии согласились с докладчиком в том, что восстание 1916 г. было сложным и в известной мере противоречивым явлением. Это разрозненное, стихийное массовое движение не имело общего для всей края руководства; но в подавляющем большинстве районов оно было направлено против царского самодержавия, местных феодально-байских элементов и имело прогрессивный, революционный, народно-освободительный характер, смыкаясь с революционной борьбой русского рабочего класса и крестьянства против царизма.

Однако в отдельных районах феодально-клерикальные элементы, связанные с германо-турецкой агентурой, превращали восстание в антирусское реакционное движение. Такой характер приняло восстание в некоторых волостях на юге Семиречья частично — в Джизакском уезде, а также в Туркмении — на Гургене и Теджене.

Никакой поддержки на сессии не получили единичные выступления (Т. Н. Колупниковой и А. П. Савицкого), в которых делались попытки все восстание 1916 г. объявить реакционным, антинародным, спровоцированным враждебными России империалистическими державами; участники сессии признали эту точку зрения ошибочной, противоречащей историческим фактам и принижавшей роль народных масс Средней Азии и Казахстана в истории революционного движения.

Оживленную дискуссию вызвал доклад чл.-корр. АН Тадж. ССР И. С. Брагинского (Ин-т востоковедения АН СССР) «Периодизация истории народов Средней Азии в досоветскую эпоху». Говоря о методологическом значении правильной периодизации многовековой истории Средней Азии, докладчик охарактеризовал субъективную произвольность, расистские измышления, пронизывающие исследования буржуазных авторов в этой области: деление ими истории народов Средней Азии на «эпохи» ахеменидов, сасанидов, мусульманских династий; проповедь «универсального» феодализма и т. п. Далее докладчик осветил достижения советской науки в разработке марксистской периодизации истории Средней Азии, указав, однако, что и в настоящее время эта разработка не вполне завершена: существует ряд сложных вопросов, касающихся истории смены общественно-экономических формаций в Средней Азии в целом и своей задачи своего доклада уточнить основные вехи периодизации дооктябрьской истории народов Средней Азии. И. С. Брагинский предложил принять деление всего исторического процесса в Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции на четыре эпохи: I — эпоха первобытно-общинного строя и его разложения (заканчивается в начале I тысячелетия до н. э.); II — эпоха рабства (конец I тысячелетия до н. э. — V—VI вв. н. э.); III — эпоха феодализма: а) период возникновения феодализма (VI—IX вв.); б) период развитого феодализма (IX—XV вв.); в) период упадка феодализма (XV—XIX вв.); IV — присоединение Средней Азии к России и период присоединения к России.

Характеризуя особенности IV этапа истории Средней Азии, докладчик отметил, что прогрессивные последствия присоединения к России сказались прежде всего в развитии, вопреки колониальной политике царизма, элементов капитализма в недрах феодального общества Средней Азии.

Период конца XIX — начала XX в. И. С. Брагинский в соответствии с общепринятой периодизацией истории СССР разделил на этапы промышленного капитализма и империализма; в течение этого периода законы экономического развития привели к возникновению кадров местных рабочих, формировавшихся под влиянием русского пролетариата; сложились местные коммунистические организации; нарастала революционная ситуация, характерная для всей России начала XX в.

После И. С. Брагинского выступили содокладчики, сообщившие о разработанной на местах, с учетом своеобразия исторического развития отдельных народов, периодизации истории Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Туркмении.

Чл.-корр. АН УзССР Р. Н. Набиев в своем содокладе указал, что при нынешнем состоянии исторической науки, несмотря на все ее достижения, мы еще вынуждены решать многие вопросы периодизации истории Средней Азии лишь в общих чертах; для серьезной постановки этой важной проблемы необходимо в первую очередь углубить и расширить исследования в области социально-экономических отношений древности, средневековья и нового времени. Остановившись на особенностях отдельных периодов истории узбекского народа, Р. Н. Набиев отметил как важное достижение признание всеми того, что Средняя Азия прошла в своем развитии рабовладельческую формацию. Работы советских археологов дали убедительный материал, неопровержимо доказывающий господство рабовладельческого строя в Хорезме, Бактрии, Согде с VII в. до н. э. и до V в. н. э.; лишь весьма немногие специалисты теперь сомневаются в этом или вопреки историческим фактам пытаются оспаривать это положение.

Возникновение рабовладельческого строя в земледельческих оазисах Средней Азии относится ко времени, предшествовавшему завоеваниям ахеменидов (VI в. до н. э.), и неверно связывать истоки этого социально-экономического процесса лишь с вхождением древних среднеазиатских государств в состав рабовладельческого ахеменидского Ирана.

Важные уточнения внесены историками Узбекистана за последние годы в освещение эпохи феодализма. Признано, что начало этой эпохи следует относить не к XI, а к VI—VII вв. Начиная с этого времени, археологические и исторические источники уже свидетельствуют о крупных сдвигах в социально-экономической жизни населения Средней Азии; хозяйственное развитие отмечается совершенствованием ирригации, изобретением водоподъемных сооружений. Меняется тип сельских поселений, в которых господствующее место стали занимать сильно укрепленные замки земельной аристократии, возведенные в головах каналов. В лице декхан, захватывающих общинные земли и распространяющих власть на кедиверов — все более зависимых от них общинников, появляется и растет класс феодалов. Завоевание Средней Азии арабами ни в какой мере не внесло прогресса в экономику и общественный строй местного населения; наоборот, в период арабского халифата тормозился процесс внутреннего развития, консервировались наиболее ранние формы феодальных отношений и прочно сохранялся рабовладельческий уклад.

Перейдя затем к характеристике более поздних этапов развития феодализма в Узбекистане, Р. Н. Набиев подчеркнул ошибочность распространенного представления о начале «упадка феодализма» в XVI в. Неверно, прежде всего, рассматривать падение уровня сельского хозяйства, ремесла и культуры только как следствие завоевания Средней Азии шейбанидами и прихода в оазисы значительных масс кочевников. Следует учитывать и внутренние причины этого упадка, начавшегося значительно раньше, еще во второй половине XV в., когда в большей части распавшихся владений тимуридов стала господствовать реакция, возглавленная дервишским орденом Накшбанди. Р. Н. Набиев не согласился с И. С. Брагинским в оценке периода XV — середины XIX в. как времени «упадка феодализма». По его мнению, данные о разложении феодальной формации для этого периода отсутствуют. О разложении феодализма в Средней Азии можно говорить лишь со времени присоединения ее к России, когда здесь стали появляться зачатки капиталистических отношений.

С содокладом от Киргизского филиала АН СССР выступил кандидат историч. наук А. К. Кибиров.

В содокладе представителей АН Каз.ССР кандидатов историч. наук С. Н. Покровского и Г. Ф. Дахшлейгера подчеркивалась значительная специфичность исторического процесса в Казахстане. Приняв критические замечания выступавших на сессии по поводу недостаточной увязки истории Казахстана с историей Средней Азии в целом, докладчики доказывали, что исторические данные не позволяют говорить о рабовладельческой стадии в истории кочевников — предков казахского народа, и защищали тезис о развитии на территории Казахстана уже с первых веков нашей эры феодальных отношений, существовавших тогда якобы в неразвитой, ранней форме патриархально-феодальных, а с VI в. сложившихся в феодальную социально-экономическую формацию.

Выступивший с содокладом о периодизации истории Туркмении кандидат историч. наук А. А. Росляков (Ашхабад) остановился, в частности, на расхождении, существующих между историками Казахстана и Киргизии, с одной стороны, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, с другой, в вопросах периодизации рабовладельческой и отчасти феодальной формации. По его мнению, нет данных для возражений против тезиса историков Казахстана о миновании народами степных областей Средней Азии рабовладельческой формации; несомненно, что этот этап общественного развития прошли народы земледельческих областей Согда, Бактрии, Хорезма, Маргианы, Парфии, но у остальных полуоседлых и кочевых племен степных областей процесс разложения первобытно-общинного строя был замедлен и продолжался до середины I тысячелетия н. э., до возникновения феодальных отношений. Эти народы знали рабство, но можно полагать, что оно существовало у них лишь как уклад, не развившись вследствие низкого уровня производительных сил в господствующую форму социально-экономического строя. Как полагает А. А. Росляков, кочевые племена древней Туркмении, как и предки казахов, миновали стадию рабовладельческого строя. Признав правомочным это положение историков Казахстана, А. А. Росляков в то же время выступил категорически против другого тезиса — о возникновении феодальных отношений у кочевников в первых веках н. э., т. е. значительно ранее, чем в земледельческих оазисах Средней Азии. VII в. до н. э. — V в. н. э., период разложения первобытно-общинного строя, нельзя называть временем патриархально-феодальных отношений; этот термин лучше вообще убрать из периодизации и применять его лишь при конкретных описаниях общественного строя отсталых народностей, у которых феодальные отношения еще в XIX — начале XX в. были отягощены множеством родовых пережитков.

Остановившись затем на вопросе об особенностях феодальной формации у кочевых и оседлых народов Средней Азии, А. А. Росляков полностью присоединился к мнению Л. П. Потапова и большинства выступавших по его докладу. А. А. Росляков отметил, что и в эту эпоху какая-либо особая специфика исторического процесса в Казахстане

отсутствовала; феодальную формацию прошли и оседлые, и кочевые народы Средней Азии, причем и у тех, и у других существовала феодальная собственность на землю.

В прениях выступило большое число участников сессии. Выступавшие высказались большей частью по отдельным периодам истории, дополняя доклады или выступая докладчиками на основании нового конкретного материала.

Кандидат историч. наук И. Э. Воронец (Ташкент) остановился на периодном первобытно-общинном строе. Освещению рабовладельческого строя в Средней Азии посвящены выступления археологов Узбекистана — М. Е. Массона, Я. Г. Гулямова, а также М. М. Дьяконова (ИИМК АН СССР).

Доктор историч. наук Я. Г. Гулямов, опираясь на обширный археологический материал (в первую очередь на данные по ирригации, городским поселениям и ремеслу), осветил характерные особенности трех периодов развития рабовладельческой формации в Средней Азии (периоды ее возникновения, расцвета и разложения), удовлетворенный разделом основного доклада о переходном периоде от рабовладельческого строя к феодализму, Я. Г. Гулямов привел убедительные исторические примеры, свидетельствующие о развитии производительных сил (техники земледелия, водопользования и др.) в V—VI вв., повлекшем за собой смену социально-экономических формаций.

Доктор историч. наук М. Е. Массон сообщил о работах возглавляемой им Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции в области изучения рабовладельческого общества в древней Парфии. Собранные экспедицией новые данные, сказал он, «позволяют видеть в Парфянской державе централизованное, но все же бюрократическое рабовладельческое государство». Находки древних согдийских, хорезмийских документов, а также парфянского хозяйственного архива I в. до н. э. (1500 остраконов с текстом) позволяют надеяться, что путем археологических раскопок будут выявлены и новые письменные источники, которые более конкретно освещают вопрос о рабовладельческом обществе в Средней Азии.

Доктор историч. наук М. М. Дьяконов в своем выступлении подчеркнул, что теперь уже нельзя отрицать существования в Средней Азии и Казахстане этапов характеризующегося господством рабовладельческого способа производства, причем следует говорить именно об эпохе господства рабовладельческой формации, а не о сосуществовании рабовладельческого уклада наряду с другими, как это утверждалось в своем докладе И. С. Брагинский. Исторический и археологический материал, относящийся ко времени еще до середины I тысячелетия до н. э., говорит об уровне производительных сил, соответствующем рабовладельческому строю. Что касается районов с преобладанием кочевого скотоводства, то не следует забывать, что кочевники проникали во все поры среднеазиатского общества. Кочевники и оседлые земледельцы — это не два обособленных и противопоставленных друг другу мира, это — единый мир. Только понимание сложного взаимодействия кочевников и оседлых земледельцев дает возможность разобраться в проблемах среднеазиатской древности. При господстве рабовладельческого строя существовали разные уклады: так, у многих оставшихся в своем развитии кочевых или горных племен долгое время господствовал медленнее распадающийся общинно-родовой уклад.

Отметив, что С. С. Черников дает слишком раннюю датировку (первые века н. э.) становления феодальных отношений у кочевников, а А. А. Росляков пытается искусственно оторвать в периодизации истории Туркмении кочевое население от земледельческого, М. М. Дьяконов остановился на вопросе о роли общины в эпоху господства рабовладельческого строя. На широком историческом фоне, приводя сопоставления истории древней Греции и Рима, он доказывал, что большая роль свободных общин в общественно-экономической жизни свойственна рабовладельческому строю и последний вовсе не характеризуется численным преобладанием рабов над общинами, как полагают, по видимому, некоторые историки Средней Азии, в том числе и докладчик И. С. Брагинский.

Неправильно считать строй древней Средней Азии «общинно-рабовладельческим» или «патриархально-рабовладельческим» — это рабовладельческий строй, лишь с местными особенностями. В основном рабовладельческий строй Средней Азии не отличается от рабовладельческого строя в других странах древнего мира, заключил М. М. Дьяконов.

Ряд выступлений был посвящен периоду развитого феодализма. Кандидат историч. наук Т. Кадырова (АН УзССР) поделилась итогами исследования некоторых феодальных институтов, проводившегося ею по первоисточникам X—XI вв.; ей удалось уточнить значение пожалований «икта», выявить сущность другого, более распространенного вида феодальных пожалований — «ат-тумат», изучить разные виды налоговых льгот феодалам — «ат-тасви», «ал-ийгар», а также форму коммемдации, называемую «ат-тильшаа».

Кандидат историч. наук Е. А. Давидович (АН Тадж.ССР) высказалась по вопросу о времени становления феодализма в Средней Азии, приводя в дополнение к докладу И. С. Брагинского веские доказательства в пользу датировки начала этой эпохи не XI в., а более ранним временем. Анализируя источники, характеризующие социально-экономический строй государства саманидов (IX—XI вв.), Е. А. Давидович обнаружила, что, хотя пожалования «икта» в это время были еще мало распространены, это не означает слабого развития феодализма. Преобладала над «икта» до сих пор не

изученная, возникшая значительно раньше форма пожалований целых областей членам династии или крупным гражданским и военным чиновникам; владельцы в этих случаях выступали как наместники, имевшие не только право взимать часть доходов в свою пользу, но и целый ряд других прав и привилегий, вплоть до чеканки монеты от своего имени. IX—X вв., по мнению Е. А. Давидович, безусловно следует считать временем раннего, а уже вполне сложившегося феодализма.

О более поздних этапах развития феодализма высказалось несколько участников сессии. Кандидат историч. наук Б. А. Литвинский (АН ТаджССР) говорил о необходимости тщательного изучения вопросов городской жизни, денежной торговли средневековой Средней Азии и нумизматического материала как важнейшего источника для истории социально-экономической жизни страны. Доктор историч. наук О. Д. Чехович (АН УзССР), исследователь документальных материалов позднесредневековой Средней Азии, обобщила данные источников XVI—XVII вв. о городах, ремеслах, земельных отношениях и ирригации; она констатировала значительный рост в этот период феодальной собственности на землю в форме «мульки-хурри-халис» — обширных латифундий, передававшихся ханами из фонда государственных земель отдельным духовным и светским феодалам за деньги или иное возмещение. Следует отметить, что О. Д. Чехович односторонне осветила экономическую и культурную жизнь Средней Азии: в XVI—XVII вв., подчеркнув в ней отдельные явления роста и развития и умолчав о явлениях чрезвычайно сильного общего упадка, начавшегося с XV в.

Особый интерес для этнографов представляют высказывания, относящиеся к позднему феодализму — к периоду, предшествовавшему присоединению Средней Азии к России. Для этого времени этнографический материал становится особенно важным источником и может играть большую роль в исследованиях, хотя, к сожалению, до настоящего времени он чрезвычайно мало использовался историками.

Как выяснилось из прений, наиболее спорным и неисследованным является вопрос о кризисе XVIII в. и оценке уровня социально-экономического развития среднеазиатских ханств в первой половине XIX в. Кандидат историч. наук В. А. Шишкин (АН УзССР) придерживается мнения о постепенном нарастании экономического кризиса с XV до XVIII в., когда он достиг апогея. Однако, по его мнению, нет данных для рассматривания первой половины XIX в. как времени углубления кризиса, что утверждал И. С. Брагинский. Объективно консолидация политической власти в трех ханствах — Бухарском, Хивинском и Кокандском, — хотя и не полная, все же способствовала определенному оживлению хозяйственной и культурной жизни страны.

Кандидат историч. наук В. Я. Непомнин (АН УзССР) не согласился с точкой зрения, отраженной как в докладе И. С. Брагинского, так и в «Истории народов Узбекистана» и «Истории таджикского народа», — о длительном периоде упадка феодализма в протяжении XVI—XVIII вв. В течение многовековой эпохи феодализма неоднократно аблюдются временные периоды хозяйственного упадка и подъема. Хозяйственная политическая разруха, столь обострившаяся в XVIII в., могла быть вызвана закономерным экономическим процессом развития феодальной собственности, ростом таких категорий землевладения, как «мульки-хурри-халис». Развивались и разнообразные формы условного землевладения (например «танхо»). Рост экономической мощи феодальной знати усиливал ее сепаратистские тенденции, что ослабляло центральную власть; однако об упадке, разложении феодализма речи быть не может, этот тезис нуждается в пересмотре.

Остановившись далее на периоде истории Средней Азии после присоединения ее к России, В. Я. Непомнин обратил внимание на то обстоятельство, что в докладе И. С. Брагинского, как, впрочем, и во многих работах последнего времени, недостаточно учитываются положения В. И. Ленина и И. В. Сталина о реакционной сущности царизма и его угнетательской колониальной политики, об особенностях русского военно-феодального империализма, оплетенного густой сетью докапиталистических отношений, царизма, бывшего средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат. Между тем, не учитывая этого обстоятельства, нельзя понять своеобразия социально-экономического развития колониальной Средней Азии, нельзя понять, на какой основе развивалось национально-освободительное движение. В то же время рассмотрение того положения, что царизм был злейшим врагом всех народов России и в том числе русского народа, еще убедительнее показывает величайшее прогрессивное влияние революционной, народной России и роль самого революционного в мире русского пролетариата в сплочении всех угнетенных царизмом национальностей для борьбы с самодержавием. Задачи историков состоят в том, чтобы правильно понять диалектику, своеобразие того процесса, который связан с присоединением к России нерусских народов, в том числе народов Средней Азии.

Помимо историков, в прениях по вопросу периодизации Средней Азии приняли участие и специалисты смежных наук — экономисты (К. М. Мирзаев), языковеды (Ф. К. Камалов), искусствоведы (Г. А. Пугаченкова).

Обобщающий характер имело выступление чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова (Ин-т этнографии АН СССР). По его мнению, И. С. Брагинский преувеличил дискуссионность периодизации истории Средней Азии; на современном уровне развития исторической науки уже перестал быть дискуссионным ряд вопросов: о существовании рабовладельческой формации в Средней Азии, о датировке начала феодальной эпохи и многие другие, еще недавно плохо изученные спорные вопросы и проблемы.

С. П. Толстов считает наименее разработанной в настоящее время историю бытно-общинного строя в Средней Азии. Между тем изучение этой формации, на наш взгляд, чрезвычайно важно: она охватывает огромный исторический период, в течение которого начинают развиваться почти все явления, накладывающие свой отпечаток на историческое развитие народа в последующие эпохи. Необходимо значительно усилить археологические поиски и исследования памятников первобытного общества на территории Средней Азии.

Второй, пока еще плохо разработанный, вопрос древней истории Средней Азии касается рабовладельческого строя у кочевников. Нарративные и археологические источники дают обильные сведения о рабстве у кочевников, в частности у скифов. Самое появление кочевого скотоводства связано с первым значительным общественным разделением труда; без потребляющих земледельческих районов оно не могло существовать. В отдаленных глубинных районах хозяйство всегда имеет комплексный характер, и скотоводство сочетается здесь с примитивным земледелием, рыболовством и охотой.

Социальная верхушка общества кочевников неизбежно втягивается в рабовладельческие отношения, становится частью класса рабовладельцев. Нельзя поэтому согласиться с историками, утверждающими, что Казахстан миновал рабовладельческую стадию развития. Нельзя сравнивать кочевников среднеазиатских степей с германцами, славянами — народами лесной полосы с земледельческим или комплексным хозяйством, сравнительно слабо связанными с античным миром. Кочевники проникали во все поры античного общества Средней Азии, и с другой стороны — в глубь территории далеко внедрялась городская и земледельческая культура рабовладельческой Средней Азии. Об этом убедительно говорят многочисленные археологические памятники на территории степей Казахстана. Но для более углубленной разработки вопроса необходимы дополнительные факты о жизни кочевников Средней Азии и Казахстана, в особенности нужен массовый материал по курганам и археологическое изучение кочевых и полуседлых поселений.

Вторую часть своего выступления С. П. Толстов посвятил основным спорным вопросам феодального строя в Средней Азии и Казахстане, в частности — периодизации эпохи феодализма. Не соглашаясь с тезисом И. С. Брагинского о «двух путях развития феодализма в Средней Азии», С. П. Толстов полагает, что в данном случае следует говорить лишь о двух этапах, двух закономерных стадиях развития раннего феодализма: о периоде VI — первой половины IX в., с доминированием мелких городских царств и их конфедераций при номинальной зависимости народов Средней Азии от крупных примитивно-феодальных империй кочевников — тюркского каганата и арабского халифата, и о следующем периоде IX—X вв., для которого характерна относительная политическая централизация, образование раннефеодальной империи во главе с дехканской династией саманидов.

Согласившись с мнением о том, что пора историкам Средней Азии показать более прикрас действительную, крайне отрицательную для всей страны роль кровавой диктатуры Тимура, С. П. Толстов остановился на освещении последнего периода феодализма XV—XIX вв., который он считает крайне слабо изученным, несмотря на обилие источников. Огромные рукописные архивы почти не тронуты, сказал он, наряду с исследованием нарративов необходимо широко развернуть археологические работы по изучению позднесредневековых памятников — укреплений, поселений, городов, ирригации. Хорезмская экспедиция начала такую работу, и она оказывается весьма плодотворной (раскопки Куня-Ургенча, изучение ирригационных сооружений Сарыкамыш).

Весь период XV—XIX вв. характеризуется длительным хозяйственным и культурным упадком, причины которого не выявлены. Лишь в конце XVIII — первой половине XIX в. намечаются незначительные прогрессивные изменения в феодальной экономике и культуре Средней Азии, вызванные провинциальной централизацией вокруг Бухары, Хивы и Коканда и в особенности ростом экономических связей ханств с Россией. Нельзя забывать, что присоединение Средней Азии к России было не единовременным актом, а имело длительную историческую подготовку — уже с XVII в. Россия играла большую роль в хозяйственной жизни ханств. Рост города Ташкента и самое возникновение Кокандского ханства в значительной степени были обусловлены именно ролью среднесырдарьинских районов и Ферганы в экономических связях с Россией.

Сессия приняла развернутое решение, в котором подготовила теоретические результаты обсуждения докладов и признала необходимым сосредоточить внимание научных коллективов историков на разработке основных исторических проблем, уделять особое внимание истории экономического развития Средней Азии и Казахстана, выяснению роли народных масс в истории, глубоко раскрытию прогрессивного значения присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Сессия рекомендовала институтам Академии наук СССР и академиям наук союзных республик организовать публикацию восточных рукописей и архивных документов и предусмотреть дальнейшую совместную разработку общих проблем и совместное издание научных трудов.

Г. П. Васильева, Т. А. Жданко

**РАБОТЫ КИРГИЗСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ в 1953 г.****Первый год работы Киргизской комплексной экспедиции**

Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция организована по инициативе Киргизского филиала АН СССР решением Президиума Академии наук СССР. В организации экспедиции и ее деятельности приняли участие три учреждения: Институт истории материальной культуры АН СССР, Институт этнографии АН СССР и Институт языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР.

Необходимость в организации этой экспедиции очевидна. На территории Киргизской ССР в течение многих лет велись очень важные и интересные работы как по археологии, так и по этнографии. Работы Киргизской археологической экспедиции, возглавляемой на протяжении 1940—1949 гг. А. Н. Бериштамом, наглядно показали всю сложность и богатство исторического прошлого Киргизии, разнообразие и большую ценность имеющихся здесь археологических памятников¹. В свою очередь, не менее интересные и важные по значению работы были осуществлены в Киргизии и этнографической экспедицией под руководством С. М. Абрамзона.

Вместе с тем стало совершенно очевидным, что вполне назрела необходимость в постановке несравненно более широких по масштабам и целям, комплексных по характеру исследований, в процессе которых должны быть объединены усилия археологов, антропологов и этнографов. Если прежние работы ставили более узкие задачи, то эти комплексные работы должны иметь в своей основе несравненно более далеко идущие цели и перспективы.

Первая такая задача, требующая широко поставленных работ и единого плана деятельности большого коллектива исследователей, это выяснение прошлого киргизского народа и его происхождения. Широта этой темы и необходимость постановки именно комплексных работ определяются уже тем, что современный киргизский народ, как и всякий другой, сложился в результате длительного и сложного исторического процесса, а в формировании его участвовали различные этнические компоненты.

Для того чтобы приблизиться к восстановлению конкретной истории формирования киргизского народа, понять его прошлое, нужно ясно и отчетливо представить этнический состав современного киргизского народа, ответить на вопрос: что же такое представляют собой в этническом отношении современные киргизы? Нужно, следовательно, детально разобраться в родоплеменном составе киргизов, монографически описать составные части киргизского народа, выяснить их расселение, их историю, поскольку это возможно на этнографическом и историческом материале.

Тема о родоплеменном составе киргизского народа и его происхождении связана и с другой важнейшей, но вполне самостоятельной темой о культуре киргизского народа. Совершенно очевидно, что важнейшим вкладом в изучение народов Средней Азии и народов Советского Союза в целом явилась бы обобщающая работа или, по крайней мере, серия частных исследований, охватывающих как духовную культуру киргизского народа во всех ее проявлениях, так и материальную, которой посвящен уже, в частности, содержательный очерк С. М. Абрамзона. Такого рода работы были бы надежным фундаментом для разрешения больших исторических проблем, в первую очередь — проблемы происхождения киргизского народа.

О важности археологических исследований на территории Киргизии не приходится много говорить — она и так очевидна. Археологические исследования, в сочетании со свидетельствами письменных источников, должны дать то, в чем нуждаются языковеды, этнографы и антропологи: ту конкретно-историческую канву, на которую они должны проектировать свои факты; ту реальную историческую основу, которая определила облик современного киргизского народа, его физический тип и его культуру. Независимо от того, насколько велик в составе киргизского народа удельный вес этнических элементов центральноазиатского происхождения, нельзя не иметь в виду, что эти элементы, несомненно, издавна находились в разнообразных и тесных отношениях с коренным населением или, вернее, с теми, кого они встретили на этой территории. Современный киргизский народ по праву является наследником и полным хозяином всего культурного наследия, ему одинаково близки и дороги все памятники былых культур на территории Киргизии.

Уже из этого краткого перечня основных задач комплексного историко-археологического, этнографического и антропологического изучения Киргизии ясны значение, а вместе с тем и огромные масштабы работ, которые надлежит здесь осуществить; очевидна вся их сложность, а вместе с тем и тот факт, что исследования такого рода должны быть рассчитаны не на какой-то сравнительно небольшой отрезок времени, а на весьма длительное время, во всяком случае измеряющееся не годами, а десятилетиями. Само собой разумеется, что определенные конкретные задачи общего большого плана должны быть реализованы в точно определенные сроки, что должен быть наме-

¹ А. Н. Бериштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 26, М.—Л., 1952, стр. 12.

чен конкретный план таких мероприятий в виде выпуска трудов экспедиции и монографий.

Что же, конкретно, было сделано для реализации этих общих больших задач истекшего 1953 г.?

В 1953 г. на территории Киргизской АССР работал ряд археологических отрядов экспедиции. Первый из них, работавший под руководством автора этих строк, на своей задаче осуществление рекогносцировочных исследований для поисков следов каменного века и вообще памятников, предшествующих зрелой культуре бронзового века. Как известно, до сих пор таких памятников в Киргизии, если не считать отдельных, недостаточно ясных и неопубликованных находок, не было обнаружено.

В 1953 г. отряд произвел обследование на ряде участков долины р. Чу вблизи г. Фрунзе, Токмака и далее, по направлению к Бомскому ущелью. Затем было обследовано несколько пунктов в районе оз. Иссык-Куль и совершена поездка на Тянь-Шань по направлению к Нарыну. Особым рейсом были охвачены места по р. Сарыджаз, где находится широко известная пещера Ак-Чункур (Ак-Юнкюр). Кроме того, имела место и поездка в район Таласа.

Наиболее важным результатом этих работ является открытие на Тянь-Шане, в р. Он-Арча (приток Нарына), первого раннепалеолитического местонахождения Средней Азии, где вещи лежат *in situ*, в древних галечниках. Обнаружены также и более поздние памятники, опять-таки первые для Киргизии следы деятельности человека широко пользовавшегося камнем для изготовления орудий труда. Большая часть из них, по видимому, относится к эпохе ранней бронзы.

Второй отряд, работавший под руководством А. К. Кибирова, изучал памятники кочевого населения Тянь-Шаня. Здесь исследовались погребения усуньского времени и также многочисленные погребения кочевников средневековой эпохи, в том числе свидетельствующие о связях местных племен с центральноазиатскими и южносибирскими племенами.

Очень интересны результаты исследования в Баласагуне, где ранее были произведены работы А. Н. Бернштамом, открывшим сооружения киданьского времени. Л. Р. Кызласовым были исследованы в 1953 г. остатки замечательного архитектурного памятника VIII—IX вв. н. э. Как показали его раскопки, этот памятник является новым свидетельством важной роли в истории Киргизии так называемой согдийской колонизации, когда здесь появились пионеры земледелия и носители высокой культуры земледельческих народов Средней Азии. Были обнаружены превосходно сохранившиеся остатки буддийского храма VIII в. н. э., богато украшенного росписью и скульптурой. Архитектурные черты храма, черты росписей и скульптуры сближают его как с памятниками Согды, в первую очередь с храмами древнего Пянджикента, так и с пещерными храмами Восточного Туркестана. Раскопки Баласагунского храма дали богатый материал также и для понимания уровня развития производственных сил и хозяйства того времени, в первую очередь земледелия. Земледелие как основное занятие строителей храма — согдийцев наглядно представлено обнаруженными в здании и использованными в качестве строительных деталей крупными жерновками, которые, судя по их размерам, должны были приводиться в движение силой воды или животными. Еще интереснее целый деревянный плуг, древнейший из найденных в Средней Азии, который был вложен в угол стены для более прочного скрепления ее.

Не менее выразительный и богатый материал дали раскопки памятника и для характеристики образа жизни и культуры тех тюркоязычных кочевников, которые спустя столетие поселились внутри его стен со своими очагами для котлов и бочкообразными ямами для хранения мяса. Ясно видно и то, как эти кочевники постепенно оседают на землю и превращаются в земледельцев. В их жилищах-землянках появляются ручные зернотерки, железные серпы и мотыги.

Из числа наиболее важных археологических открытий экспедиции следует упомянуть замечательное поселение у с. Сретенка, где особый отряд экспедиции во главе с П. Н. Кожемяко при моем участии исследовал остатки трех зданий, существовавших в течение длительного времени и по крайней мере дважды перестраивавшихся. Одно из этих зданий (№ 1) во втором периоде его существования имело обширные размеры и делилось на три параллельных ряда комнат, располагавшихся по сторонам света, с юга на север. На полу некоторых комнат еще уцелела роскошная облицовка, своего рода декоративный ковер из разноцветных изразцовых плиток, не уступавший по орнаментальному богатству лучшим среднеазиатским образцам такого рода убранства.

Особенностью здания, помимо мозаичного пола, являются остатки резной терракотовой облицовки архитектурных деталей, выполненной с изумительной тонкостью и совершенством. Орнамент на терракотовых плитках геометрический и растительный. Геометрический орнамент представлен в виде рельефных треугольников, углубленных кружков, ромбов, многогранников, сложных плетенок и дугообразных фигур. Растительный узор состоит преимущественно из стилизованных листьев с причудливыми завитками вдоль краев.

Внутри здания найдены два массивных цилиндра высотой около 40 см каждый, вылитых из золотистой бронзы. Оба цилиндра представляют собой уникальные произведения искусства средневековой Средней Азии. Они сплошь покрыты тончайшим орнаментом, в том числе орнаментализованными поясами арабских надписей, выполненных

гравировкой. Совершенно необычным украшением этих цилиндров являются выпуклые фигурки львов, как бы идущих в процессии поперек цилиндра. Эти скульптурные изображения по манере, в которой они выполнены, напоминают лучшие образцы искусства литейщиков Средней Азии XI—XIII вв. и являются шедеврами в своем роде. Вместе с ними найдены тонкие образцы художественного стекла, бронзовые художественно украшенные бляшки и пластины с фигурной арабской вязью, служившие, очевидно, украшением каких-то архитектурных деталей. В здании обнаружены также многочисленные изделия из железа, в том числе сосуд и различные другие предметы.

Не менее замечательны предметы, найденные в здании № 2: медная литая бляшка с изображением животных, символизирующих двенадцатигодичный календарный цикл, украшение из белого восточнотуркестанского нефрита, а также фрагменты лепной глиняной головы китайского дракона, служившей архитектурной деталью. Там же обнаружены типично китайские по технике и форме кровельные черепицы. Все это дает право датировать поздний период существования поселения тем временем, когда в Семиречье жили пришельцы из далекого Северного Китая — кидани или, иначе, каракитай, принесшие сюда элементы усвоенной ими на их родине китайской культуры. В это время здесь находилось, очевидно, какое-то кара-китайское поселение, может быть, ставка одного из их феодальных властителей, если не самого правителя — гурхана.

Важные для истории средневековой Киргизии работы начаты и на юге Киргизии, где работал отряд под руководством Н. Н. Забелиной.

Не менее успешно работали в 1953 г. этнографы и антропологи, собравшие обширный и весьма ценный материал, который уже сейчас разъясняет многие вопросы истории киргизского народа и позволяет существенно уточнить представления о процессе его формирования.

Кроме археологов, этнографов и антропологов, в экспедиции 1953 г. приняли участие фольклористы и языковеды, направленные Киргизским филиалом АН СССР.

Особенно важно, что в 1953 г. на территории Киргизии впервые были осуществлены широкие по масштабу антропологические исследования, дополняющие и подтверждающие общие выводы, к которым в результате работ 1953 г. пришли этнографы и отчасти археологи (в первую очередь, по линии уточнения и конкретизации связей киргизов с народами Центральной Азии и Южной Сибири). Результаты этих работ подробно освещаются ниже, в сообщениях С. М. Абрамзона, Я. Р. Винникова и Г. Ф. Дебеца.

Из сказанного видно, что работы 1953 г. оправдали связанные с ними ожидания и открыли широкие перспективы для дальнейших работ 1954 г. Нужно полагать, что работы 1954 г. принесут экспедиции новые интересные открытия и, несомненно, будут дальнейшей важной ступенью на пути к достижению тех больших целей, которые поставлены перед коллективом Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции.

А. Окладников

Полевые этнографические исследования в Киргизской ССР в 1953 г.

Задачей этнографического отряда, работавшего в 1953 г. в северной части Киргизской ССР, является проведение исследований по этнографии Киргизии, способствующих решению основных проблем, стоящих перед экспедицией в целом¹. Соответственно этому надлежит провести широкое историко-этнографическое изучение важнейших территориальных (совпадающих отчасти с ранее существовавшими племенными) групп киргизского населения, что даст материал для решения вопроса о путях формирования культуры киргизского народа. В течение трех лет этнографам предстоит обследовать киргизское население всех областей республики и произвести сбор материалов по следующим вопросам: этнический и родоплеменный состав киргизской народности в прошлом, материальное производство и материальная культура, народные обычаи и обряды, народное изобразительное искусство.

Первый этап протекал с 12 июня по 20 июля в с. Дархан Покровского района Иссык-Кульской области. Здесь продолжалось начатое в 1952 г. монографическое изучение культуры и быта колхозников сельскохозяйственной артели им. К. Е. Ворошилова. Эта работа, носящая стационарный характер, имеет большое значение и для дальнейшего маршрутного обследования Прииссыккулья, поскольку составной ее частью, наряду с изучением современности, является углубленное исследование истории местного населения, старинных форм материальной культуры, народных обычаев и т. п.

Второй этап работы включал маршрутное обследование населения Иссык-Кульской области. Были посещены восемь (из 9) районов области. Третий этап составило частичное обследование населения Тянь-Шаньской области. Здесь отряд побывал в Кочкорском и Чолпонском районах, а также на высокогорных пастбищах вокруг озера Сон-Куль. За время маршрутной поездки, продолжавшейся около 70 дней, отря-

¹ В 1953 г. в состав отряда входили три научных сотрудника (С. М. Абрамзон — начальник отряда, Е. И. Махова и Г. П. Васильева), два лаборанта (З. Белекова и К. Ишембаев), аспирант М. Айтбаев, художник Г. А. Позин и кинооператор Д. В. Бородин.

дом и отдельными его сотрудниками было посещено более 50 населенных пунктов, том числе до 10 айлов колхозных животноводов на пастбищах Прииссыккулья и Тянь-Шаня.

В результате маршрутных поездок были собраны обширные, хорошо документированные этнографические материалы, характеризующие большой комплекс историко-культурных явлений. Эти материалы заполняют весьма существенные пробелы в литературе по этнографии Киргизии, особенно ощутимые в области материальной культуры, изобразительного искусства и других. Кроме того, что особенно важно в свете задач экспедиции в целом, собраны ценные данные, проливающие свет на некоторые вопросы, связанные с происхождением и формированием отдельных территориально-племенных групп, вошедших в состав киргизского народа. Вместе с материалами ряда этнографических экспедиций, осуществлявшихся в послевоенные годы Киргизским филиалом и Институтом этнографии АН СССР, начатые в 1953 г. исследования составляют основу для создания в будущем фундаментального труда по этнографии Киргизии. Необходимо подчеркнуть, что такое широкое историко-этнографическое обследование киргизского населения всех областей республики коллективом специалистов-этнографов предпринимается впервые. Методика исследования (сквозное обследование с охватом всех основных территориальных групп, комплексный подход при сборе, разработке материалов, сочетание всех видов этнографических источников) дает возможность собрать однотипный и, следовательно, сравнимый материал, позволяет увязать в единое целое все линии связей как между различными, так и между близкими по происхождению, но территориально разобщенными группами киргизского населения.

В результате проведенных отрядом в 1953 г. исследований выяснен родоплеменный состав территориальных групп киргизского населения, известных под названиями бусаяк и сарыбагыш (последние две группы обследованы еще неполностью), а также и некоторых других. Группа бугу локализуется в основном на территории Прииссыккулья, группа Сарыбагыш — в Кочкорской долине и отчасти в долине р. Нары (Тянь-Шаньская область), а также на территории восточных районов Фрунзенской области, группа саяк — преимущественно на Тянь-Шане и в Прииссыккулье. Деталь изучалось расселение всех подразделений этих групп, что имеет немаловажное значение для уяснения истории их формирования.

Сложность этнического состава названных (как и других) групп киргизского населения, их пестрота и смешанность, являющиеся результатом зачастую еще сравнительно недавно протекавших процессов этногенеза, привели в свое время таких крупных исследователей, как В. В. Радлов и Н. А. Аристов, к ошибочным выводам о наличии у киргизов особого звена родоплеменной структуры, аналогичного алтайскому союзу. В действительности же среди киргизов мы подобного звена не находим. Широкое расселение в прошлом на значительной территории некоторых одноименных племенных групп является следствием имевших место социально-политических событий, передвижений, схождения и расхождения различных групп и т. д. Например, в составе кыдык — одного из основных подразделений группы бугу — мы находим мелкие группы самого различного происхождения: кыпчак, кутчу, тынымсеит, катаган и другие. Наличие в составе ряда территориальных групп мелких включений иноплеменного происхождения из среды монголдор, черик, кутчу и других вовсе не свидетельствует о существовании союзов монголдор, черик и т. д., но служит лишь подтверждением большой подвижности этнических групп, опровергая националистические байско-маңгыские вымыслы о «чистоте» основных слагаемых киргизской народности. В связи со сказанным для Прииссыккулья должны быть отмечены этнические связи с южнокиргизскими территориально-племенными группами, с одной стороны, и с группами, проживающими в долине р. Таласа, — с другой.

Добытые отрядом материалы позволяют восстановить в основных чертах этническую историю населения посещенных районов на протяжении последних 150—200 лет. В некоторых случаях оказалось возможным уловить данные и о более раннем периоде этнической истории, вплоть до XVI—XVII вв. В этих материалах содержатся данные о широких этнических связях киргизов с казахскими, узбекскими и ойратскими племенами. В памяти стариков отложились и события относительно далекого прошлого. Так, в предании о происхождении группы джетиген (Куланакский район Тянь-Шаньской области) фигурируют как Эдиге, так и Токтомышкан (Тохтамыш) и Баракан (Боракхан), что указывает на связь этого предания с событиями первой трети XV в., захватывавшими и Моголистан. Любопытно, что в предании упоминается и жестокая эпидемия, охватившая страну (известно, что в Дешт-и-Кыпчаке в 1428—1430 г. свирепствовала чума). В одной из распространенных легенд о предках фигурирует пришелец, ханский сын Даир, отправившийся затем к казахам и ставший родоначальником казахской группы джалаир (по другому варианту — албан). Это имя вполне увязывается с исторической личностью — казахским ханом Тахиром, стоявшим в течение некоторого времени, в 20-х годах XVI в., во главе моголистанских киргизов.

Ряд показаний в преданиях и легендах уходит в XVII в. Наиболее ярким из них следует считать рассказ о походе киргизов на запад во главе с Кудаяном; этот поход рассказчики связывают с голодным временем, когда, как говорит пословица, «казахи дошли березу, а киргизы ушли в Гисар и Куляб» («казахи кайын саап, кыргыз, ысар-көйлөпкө кетти»). Как известно, крупное передвижение киргизов в Гисар произошло в 1635—1636 гг.

Сейчас еще преждевременно делать какие-либо широкие выводы и заключения, но все же предварительный анализ собранных данных позволяет утверждать, что в них получили отражение по крайней мере три крупных этапа этнической истории территориально-племенных групп, вошедших в состав киргизской народности.

1. Период, который можно датировать VI—XII вв., когда явственно выступают связи с Алтаем, Восточным Туркестаном, кара-китаями. Слелами этого периода являются имеющиеся в составе киргизов этнические группы алтайского происхождения — дбёлос и мундуз, группа кыпчак, по некоторым данным генетически не связанная с кыпчаками, вошедшими в состав узбеков, предание о предке Долон-бие и его трех сыновьях, ушедших в Западный Китай и давших там начало народу ўч-долон (весьма ценное указание на связь с живущими в Синьцзяне долонами), наличие в Таласе, на Иссык-Куле, на Тянь-Шане и в других местах групп кытай, которые окружающее население еще до сих пор в шутку называет «кара-кытай».

Следует заметить, что связь ферганских и прииссыкульских мундузов и дбёлосов с алтайскими подтверждается наличием общих названий родовых групп (коткор-мундузы у первых и кочкор-мундузы у вторых, чулум у иссыкульских дбёлосов, чулум-мундуз у алтайцев и т. д.).

2. Период, который можно датировать XIII—XVI вв., когда в процесс киргизского этногенеза более интенсивно включаются монгольские и другие центральноазиатские элементы и когда процесс формирования основных киргизских племен вступает в полосу своего завершения. К этому периоду можно отнести включение в состав формирующейся киргизской народности групп найман, баарын (ср. узбекск. багрин или бехрин), керент, конгурат, кайдуулат и др.

3. Период, который можно датировать XVII — XIX вв., — время многократных передвижений, схождения и расхождения различных племенных групп, время окончательного сложения киргизских племен в их более позднем облике с характерной для них этнической пестротой, время максимального развития возникшей ранее новой этнической общности — киргизской народности.

Ближайшее отношение к сказанному выше имеет весьма характерное явление, заключающееся в отчетливом представлении о круге более древних и круге более поздних киргизских племен. При этом в качестве более ранних выступают племена, появившиеся в Средней Азии в предмонгольское и послемонгольское время.

Большую роль в формировании новых этнических образований играли упомянутые передвижения различных групп. Передвижения в подавляющем большинстве случаев были обусловлены социально-политическими обстоятельствами: рост численности населения, раздоры и столкновения между феодальными верхами, возглавлявшими различные группы, насильственное переселение подвластных групп феодалами и, с другой стороны, вызывавшийся притеснениями со стороны последних организованный переход некоторых групп на новые территории, стремление близких по происхождению, но территориально разобщенных групп к соединению друг с другом, и т. п.

Немаловажную роль в переселениях больших племенных групп киргизов играли нападения на них со стороны главным образом ойратских (калмыцких) феодалов.

Примененные отрядом методы во многих случаях позволили довольно детально восстановить пути передвижения различных групп, что имеет существенное значение для понимания происходивших этнических процессов. Важное значение имеет ряд показаний, свидетельствующих о распространении в прошлом киргизских кочевий далеко на восток, вплоть до р. Кунгеса и Джылдыза (Большие и Малые Юлдузы). Использование киргизами отдаленных пастбищ на Кунгесе и в Джылдызе в более поздний период было, повидимому, связано не только с высокими кормовыми качествами этих пастбищ — определенную роль играли и наличие древних традиций, воспоминаний о некогда освоенной киргизами территории. И действительно, некоторые информаторы, ссылаясь на рассказы своих отцов и дедов, утверждали, что до того, как киргизы поселились в ферганско-алайских горах, они пришли с Джылдыза. Очень большое значение имеют и собранные отрядом многочисленные сведения об этническом составе и расселении основных киргизских групп на территории соседнего Синьцзяна. Эти сведения дают возможность отметить несколько существенных обстоятельств: 1) известная часть населения Синьцзяна, ныне ведущая оседлый образ жизни и говорящая на уйгурском языке, сохраняя воспоминание о своем киргизском происхождении; 2) ареал распространения киргизских племен в Синьцзяне весьма велик, доходя до Тибета и Кашмира; 3) среди киргизских племен Синьцзяна встречаются значительные группы племен алтайского круга (дбёлос, мундуз).

Совокупность собранных этнографических материалов, рассматриваемых с учетом имеющихся исторических данных, позволяет высказать некоторые предварительные соображения о характере имевших место процессов киргизского этногенеза: 1) процесс формирования киргизских племен в их более позднем облике протекал на территории как западного, так и восточного Тянь-Шаня и Памиро-Алая с прилегающими к ним горными странами; здесь же произошло и окончательное сложение этих племен в киргизскую народность; 2) наряду с племенами, издавна жившими на указанной территории, в процессе исторического развития киргизской народности, весьма большую роль сыграли и пришедшие тюркоязычные (часть из них, возможно, ранее была монголоязычной) племена южносибирского и центральноазиатского происхождения; 3) весьма интенсивное передвижение различных племен на Тянь-Шань и в Памиро-Алай происхо-

дило через Джунгарию в предмонгольское и послемонгольское время; 4) важнейшее значение в развитии процессов этногенеза играли как крупные по своим размерам так и локальные передвижения различных территориально-племенных групп — племенные движения, в основе которых лежали преимущественно социально-политические причины.

Полученные данные вполне убедительно и согласованно повествуют о весьма важном в далеком прошлом значении охоты в хозяйственной жизни населения. Совокупность ряда этнографических данных позволяет рассматривать Иссык-Кульскую котловину в качестве одного из наиболее ранних очагов киргизского земледелия.

Отрядом всесторонне изучались материальное производство и материальная культура. Собранные материалы, относящиеся к XIX, а частично и к концу XVIII в., охватывают следующие темы: 1) земледелие, 2) скотоводство, 3) охота, 4) домашнее производство (обработка дерева, художественная обработка металлов, изготовление жбанной посуды и т. п.), 5) жилище, 6) одежда, головные уборы и украшения, 7) плетение и ткачество (утварь, 8) прикладное искусство (войлочные ковры, узорное плетение и ткачество вышивки); особое внимание уделялось анализу орнамента и записи связанной с терминологии. Материал по прикладному искусству сулит в будущем немало важных выводов.

Хотя в этнографическом отношении население обследованных районов обладает рядом своеобразных особенностей, однако существенных различий, например, в материальной культуре обследованных групп, пока не отмечено. Это свидетельствует, конечно, о давно развивавшемся процессе этнической консолидации киргизских племен и о самобытной основе культуры киргизской народности.

Записи по народным обычаям и обрядам включают описание свадебных и похоронных обрядов, терминологию родства, рассказы о существовавших в прошлом обычаях (мазарах), обрядах жертвоприношения, праздниках, народном календаре и т. п. Большой интерес представляют записанные легенды тотемистического цикла. Он побывал на родине широко известного в свое время народного астролога и метеоролога Манаке Айманбаева (с. Тепке Тюпского района Иссык-Кульской области), умерев в 1908 г. Полученные о нем сведения рисуют его как незаурядного человека, сумевшего обобщить народные знания и применять их в повседневной трудовой жизни скотоводов и земледельцев.

Особое следует остановиться на проделанной отрядом работе (к сожалению, очень непродолжительной) по ознакомлению с бытом группы выходцев из округа Ак-Синьцзянь, проживающей ныне в Чолпонском районе. Собранные здесь материалы дают представление о бытовом укладе, ряде обычаев, о некоторых важных элементах материальной культуры зарубежной территориальной группы черик.

Для Прииссыккулья чрезвычайно важно отметить повсеместное и плодотворное влияние культуры великого русского народа на земледельческий быт, материальную культуру киргизского населения. Вместе с тем в отношении материальной культуры должны быть подчеркнуты несомненные связи с Синьцзяном, а также с соседними районами Казахстана.

В процессе работы отряда производилась подробная фиксация изучаемых объектов. Выполнено 168 листов рисунков, характеризующих старинные сельскохозяйственные орудия, срубы и средства передвижения, домашние производства (инструментарий, станки, изделия), жилище и старую утварь, национальную одежду и головные уборы, вышивку на одежде и предметах убранства юрты, орнамент войлочных ковров и т. п., резьбу по дереву и т. п. Сделано около 2000 фотоснимков. Ряд этнографических сюжетов заснят на киноплёнку.

С. Абрам

Полевые этнографические работы 1953 года в Южной Киргизии

Южнокиргизский этнографический отряд Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции имел задачу собрать и изучить статистические и этнографические материалы для составления: 1) карты расселения родоплеменных групп до революции и 2) этнической карты современного расселения народов и этнографических групп Киргизской ССР. По плану 1953 г. полевые работы были рассчитаны на полтора месяца.

За время полевых работ по сплошному историко-этнографическому обследованию отряд собрал большой однородный и, следовательно, сравнимый статистический и этнографический материал по всем 10 районам Джалал-Абадской и по пяти восточным районам (Карасуйскому, Куршабскому, Узгенскому, Мирза-Акинскому и Советско-Ошской области Киргизской ССР. Кроме того, было изучено родоплеменное деление и дореволюционное расселение киргизов на современной территории Ворошиловского и Аимского районов Андижанской области Узбекской ССР.

Весь собранный в полевой период 1953 г. уже предварительно изученный и описанный ботанический, этнографический и фольклорный материал о происхождении, родоплеменном делении и истории передвижения киргизов в сопоставлении имеющимися в литературе историческими сведениями о народах, населявших в различные исторические периоды территорию современных районов Джалал-Абадской и Ошской областей, позволяет, во-первых, выявить некоторые этнические группы, участвовавшие в процессе сложения киргизского народа. Следы этого участия до некоторой степени

выявляются и в наименованиях племен и родов, в тамгах, в ряде традиционных элементов, свойственных отдельным родоплеменным группам киргизов. Во-вторых, представляется возможным составить отдельные таблицы структуры родовых подразделений по каждой племенной группе, обитавшей в дореволюционный период только на территории современной Джалал-Абадской и восточной части Ошской области: а) правого крыла — «он»: багыш, саяк, мунгуш, адыгене, джедыгер, сарыбагыш, монгол; б) левого крыла — «сол»: басыз, барын, чонбагыш, ктай, мундуз, кутчу; в) частично — родоплеменных группировок, входивших в отдел ичкиликов. В-третьих, полученные данные позволяют составить карту родоплеменного расселения киргизов в дореволюционное время. Эта карта, как и таблицы родоплеменной структуры киргизов, восстановленные нами путем перекрестного опроса ряда информаторов, еще четко сохраняющих в памяти сложную систему генеалогических и родоплеменных связей, даст возможность не только наглядно представить картину расселения киргизов в прошлом, но и позволит высказать некоторые соображения по отдельным группам, вошедшим в состав современного киргизского народа. Наконец, в-четвертых, полученные данные дают возможность составить этническую карту, характеризующую современное расселение национальных и этнографических групп по каждому населенному пункту, колхозу, сельсовету и району Джалал-Абадской и восточной части Ошской области.

Историко-этнографический анализ сложной структуры родоплеменных групп, связанных обычно общей генеалогией, а также пестрой и смешанной картины их дореволюционного расселения дает возможность вскрыть некоторые важные события, связанные с процессом формирования киргизского народа. В его состав, как известно, вошли уже упоминавшиеся племенные группы. В состав некоторых из них, как, например, адыгене, входили и мелкие этнические элементы некиргизского происхождения. В качестве примера следует назвать подразделения джору, тенгизбай; в состав племени багыш и мунгуш вошли подразделения монгол, калмык. Происхождение подразделения джору, как сообщают информаторы, связывается с именем Жолжаксы (раба Адыгене). Подразделение же тенгизбай связывается с именем захваченного в плен Койчул Карасатым. Оба они монгольского происхождения.

Подразделение монгол (монол) зарегистрировано нами в Ала-Букинском районе Джалал-Абадской области в составе племенной группировки багыш, а также в Мирза-Акинском районе Ошской области в составе племенной группы мунгуш. Подразделение монгол (монголдор) встречается и среди сарыбагышей, локализованных в Северной Киргизии. Народные легенды связывают его происхождение с Нааль — сестрой Тагая, Адыгене и Мунгуша. Отцом Монгола якобы был раб Адыгене, монгольского происхождения.

В составе племенной группы багыш, локализованной в Октябрьском районе Джалал-Абадской области, числится мелкая, но выделявшаяся группа калмык. Она, как утверждают народные легенды, происходит от группы калмыков, отколовшихся от их основной части и постепенно влившись в состав киргизского народа.

На основе собранных отрядом этнографических и фольклорных материалов представляется возможность хотя бы в общих чертах осветить этнические и генеалогические связи не только отдельных племенных групп киргизов правого и левого крыла и ичкиликов, но и их связи с узбеками и другими этническими группами, в той или иной степени участвовавшими в формировании киргизской народности.

Структура дореволюционных родоплеменных групп киргизов, связанных, как уже говорилось выше, общей генеалогией, и показания наших информаторов свидетельствуют о многовековой тесной связи киргизов, локализуемых на территории Ферганской долины, с киргизами Тянь-Шаня, Иссык-Куля, Таласа и других районов Северной Киргизии. Для подтверждения этого достаточно указать на локализацию не только отдельных племенных групп киргизов, как, например, сарыбагыш, саяк, мундуз, сару, кутчу, ктай и других, но и на ряд их мелких подразделений. Все они расселены на территории Южной и Северной Киргизии. В основу такого расселения названных групп киргизов легли, несомненно, социально-политические факторы. Они же вызвали многократное и довольно интенсивное передвижение многих этнических групп. Немаловажную роль в прежних передвижениях некоторых групп, очевидно, играли и традиции кочевого быта. Фольклорные сведения вполне убедительно и согласованно подтверждают факт существовавшей в отдаленном прошлом и в дореволюционные годы связи между определенными родоплеменными группами Южной и Северной Киргизии.

Ближайшее отношение к сказанному выше имеет факт тождественных наименований отдельных родовых подразделений: таковы, например, ктай, найман, монголдор, черик, ордай (ардай), сапалак, кыпчак, каткан, тулейкен, канды и многие другие.

Среди родоплеменных групп киргизов нередко встречаются названия, происхождение которых, вероятно, было обусловлено топонимикой, как, например, подразделение жилькельды, входившее в состав племени мунгуш. Это наименование, несомненно, связано с названиями ряда населенных пунктов, расположенных ныне на территории колхоза им. Шверника Карасуйского района. Таковы же наименования кыдырша, карачолок, каранай и ряд других. Однако чаще приходилось фиксировать обратные явления: названия населенных пунктов происходят от наименований родоплеменных групп, как, например, найман, кыпчак, мундуз, кызыл-аяк, боре, канды и многие другие.

Нам кажется, что собранные отрядом материалы в соединении с имеющимися историческими и архивными сведениями позволят исследователям более убедительно осветить историю формирования и расселения киргизского народа.

Я. Винник

Работа антропологического отряда

В состав отряда входили: Г. Ф. Дебеч (начальник отряда), аспирантка Ин-та антропологии МГУ Н. Н. Миклашевская, студентка МГУ И. М. Золотарева и фотограф А. А. Кутинов.

Отряд, пройдя по маршруту около 7500 км, производил соматологические исследования населения Киргизии и соседних республик. Обследовано около 3000 взрослых мужчин (киргизов 2050, узбеков 550, казахов 200, таджиков 100, дунган 100). Охвачены все основные территориальные и этнографические группы киргизского народа (как проживающих на территории Таджикской ССР), а именно: территориальные группы иссык-кульская, Тяньшанская, чуйская, таласская, ферганская, алайская; этнографические группы: правое крыло (он): I — тагай (бугу, саяк, сарыбагыш, монгол-черик, солто, багыш), II — адыгене (собственно адыгене, монгуш); левое крыло (сол): ктай, кутчу, саруу, басыз, мундуз; ичкилик (кыпчак, кесек, ават). Кроме того, исследованы сарт-калмаки, которых в настоящее время следует считать этнографической группой киргизского народа.

Не охвачены некоторые группы ичкиликов (найман, теит) и не выделены отдельные подгруппы в составе адыгене (бурю, баргы, джору и карабагыш). Однако, сколько различия прослеживаются, повидимому, только между большими территориальными группами киргизского народа, в охвате и выделении этих мелких этнографических групп нет, как нам кажется, надобности.

Собранные и обработанные материалы позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Можно утверждать, что киргизы в целом характеризуются признаками монголоидной расы в большей мере, чем какой-либо другой народ Средней Азии. Учение древнего, европеоидного по типу населения Киргизии в образовании киргизского народа невелико. Подавляющее большинство предков киргизского народа происходило из Центральной Азии. Даже та небольшая доля европеоидной примеси, которая имеется в составе киргизов, может быть в известной мере отнесена, во-первых, за счет смешения еще в пределах Центральной Азии, где европеоидная примесь отмечена, например, у тувинцев, во-вторых, за счет происшедшего в течение последних столетий смешения с узбеками и таджиками.

Как уже отмечалось другими исследователями, примесь европеоидных элементов наиболее отчетливо выявляется у киргизов Ферганской долины. Монголоидные признаки наиболее резко выражены у киргизов Тянь-Шаня, Алая и Иссык-Куля. Киргизы Чуйской и Таласской долин занимают в общем промежуточное положение между Тяньшанскими и ферганскими.

Более развернутая и более обоснованная характеристика физического типа киргизов и его значения для понимания этногенеза киргизского народа может быть дана после проведения дополнительных исследований с привлечением краниологического остеологического материала, относящегося к киргизам XVIII — начала XX в., и данных других наук.

Кроме описанных исследований на территории Киргизии, сотрудник антропологического отряда аспирант Ин-та этнографии АН СССР В. П. Алексеев производил краниологическое исследование материала по современному населению Хакаской автономной области. Собрано 140 черепов, которые следующим образом распределяются по этнической принадлежности: 50 черепов — шорских, 50 — бельтирских и 40 — сагайских. Сопоставление собранных черепов со средневековыми группами «енисейских кыргызов» показало, что современные киргизы более похожи на енисейских, чем хакасы; можно таким образом, утверждать, что основная масса «енисейских кыргызов» влилась в состав киргизского, а не хакаского народа, что не подтверждает ранее высказывавшуюся некоторыми исследователями (С. В. Киселев) точку зрения. Окончательный ответ на вопрос о родстве хакаского и киргизского народов и о связи их с «енисейскими кыргызами» может быть получен только после завершения сбора краниологического материала по современному населению Киргизии.

Г. Деб

ТУВИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Тува — самая молодая из советских национальных областей, она вошла в состав Советского Союза в 1944 г. Вступление Тувинской Народной Республики в состав СССР на правах автономной области было подготовлено ее 23-летним сотрудничеством с великой страной социализма.

За последние годы тувинский народ добился коренных преобразований во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Коммунистическая партия Советского Союза проводит в Туве политику, направленную на развитие и укрепление

ского Союза и Советское правительство оказали и оказывают огромную помощь новой автономной области. Успехи, достигнутые Советской Тувой, ярко свидетельствуют о торжестве национальной политики КПСС.

Еще в 1929 г. постановлением правительства Тувинской Народной Республики было положено начало Тувинскому краеведческому музею. Часть предметов, послуживших первыми экспонатами музея, была собрана еще раньше, в 1925—1928 гг. Сбором экспонатов в то время занимались члены так называемого «кружка урянхаеведения», возникшего в 1925 г. при попечестве СССР в ТНР.

Тувинский музей был организован при Министерстве внутренних дел ТНР на средства, отпускавшиеся на народное образование и культурно-просветительную работу. Впоследствии музей перешел в ведение Министерства по делам культуры.

Организовав музей, правительство ТНР обратилось с письмом к Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей, в котором просило оказать содействие молодому культурному учреждению ТНР. В ноябре 1929 г. правительство ТНР командировало в Москву и Ленинград представителя для установления связей с научными организациями СССР. ВОКС со своей стороны обратился к Академии наук СССР с просьбой оказать помощь Тувинскому музею. Академия наук и подведомственные ей учреждения и организации внимательно отнеслись к просьбе ВОКС и оказали Тувинскому музею большое содействие экспонатами и консультациями.

В адрес музея были высланы сотни книг, десятки картин, скульптур, художественных изделий из фарфора и т. п. Зоологический музей Академии наук выделил несколько десятков экземпляров чучел позвоночных животных, коллекцию беспозвоночных, насекомых и другие экспонаты. Государственный Эрмитаж и Государственный Русский музей прислали Тувинскому музею около семидесяти картин русских и западноевропейских художников. Минералогический музей Академии наук прислал большую коллекцию минералов и палеонтологических экспонатов.

Официальное открытие Тувинского музея состоялось в 1930 г., когда были размещены экспонаты, присланные Академией наук и другими научными учреждениями СССР.

С 1935 по 1941 г. музей был законсервирован. В 1942 г. музею было дано новое, более обширное помещение. Правительство ТНР отпустило на реорганизацию музея крупные суммы, к работе были привлечены художники, педагоги, общественные организации. С 1941 по 1944 г. музей сильно вырос. Начали проводиться экспедиции с научно-собираТЕЛЬскими целями, велась работа по сбору тувинского фольклора, производилось обследование археологических памятников на территории ТНР.

Именно в этот период музей начал приобретать краеведческое значение. В нем появилось много экспонатов по местной промышленности, сельскому хозяйству, транспорту и т. д. Организовался отдел истории, в создании которого приняли участие Минусинский музей им. Н. М. Мартынова, Красноярский краевой музей. Все экспонаты, полученные от этих музеев, до сих пор являются основой отдела древней истории Тувинского краеведческого музея.

В настоящее время, к десятилетию со дня вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР, Тувинский краеведческий музей стал одним из важнейших очагов и рассадников культуры в области, превратился в подлинное хранилище памятников духовной и материальной культуры.

В отделе природы хорошо показаны география и геология области. Показан многообразный растительный и животный мир. Экспонируются материалы, пропагандирующие творческий советский дарвинизм — мичуринскую биологию.

Отдел истории открывается темой «Древнекаменный век», характеризующей человеческое общество в период сложения родоплеменной организации. Каменные орудия этого времени представлены в слепках-копиях орудий из Афонтовой горы. В экспозициях «Новокаменный век», «Эпоха бронзы», «Тува в I тысячелетии до нашей эры», «Тува в середине I тысячелетия» представлены материалы из раскопок, проводившихся в Южной Сибири, в том числе находки из Тувы. Большое место отведено памятникам древней письменности тюркоязычных народов.

В теме «Тува в составе государства енисейских кыргызов (хакасов) IX—XI вв.» показан сравнительно высокий уровень культуры древних насельников края; включены выдержки из китайских летописей о государстве енисейских кыргызов и весь археологический материал, относящийся к этому времени. Разрушительные последствия нашествия Чингиз-хана подчеркнуты в теме «Тува под гнетом монголов». Следует отметить, что в экспозицию раздела «Древней истории» включены новые материалы о крепости Тере-холь — историко-культурном памятнике IX в. (схема, фотографии, характеризующие общий вид и отдельные части крепости, образцы строительного материала).

Экспозиция раздела «Патриархально-феодалная Тува» включает ряд стендов, характеризующих основные черты хозяйства и культуры, населения горно-таежных, горно-степных и степных районов Тувы (по материалам этнографических экспедиций 1951 и 1952 гг.). Здесь показано примитивное кочевое скотоводство и низкий уровень земледелия в патриархально-феодалной Туве.

Особый стенд посвящен классовой борьбе, восстанию «60 богатырей» и другим антифеодалным народным движениям. Здесь же показана роль общения аратов с русскими крестьянами-бедняками в пробуждении классового самосознания трудящихся Тувы.

Новым материалам, характеризующим огромную прогрессивную роль великого русского народа в истории Тувы (общение с русскими переселенцами, влияние русской материальной культуры на культуру тувинцев), отведен специальный стенд.

Экспонаты музея наглядно говорят о том феодальном и колониальном гнете, который довел тувинцев до крайнего обнищания, рассказывают о борьбе трудящихся масс против своих поработителей. Материалы, полученные в результате многочисленных исследований, позволили воссоздать картину угнетения трудящихся аратов, показать бесправное положение до победы национально-освободительной революции. Рядом с убогой утварью и примитивными орудиями труда бедняков-аратов в музее представлены богатая одежда и роскошные предметы быта феодалов. Тут же находятся разнообразные орудия пыток, при помощи которых знать выколачивала непосильные налоги и расправлялась с недовольными.

В истории тувинского народа известно происшедшее в 1883—1885 гг. в западных районах Тувы антифеодальное восстание «60 богатырей». Это восстание, проходившее под руководством бедняка-арата Самбажика, было направлено против жестокого колониально-феодального режима. Осенью 1883 г. небольшая группа аратов, возмущенная зверствами феодалов и колонизаторов, ушла в горы. К восставшим скоро примкнули другие группы аратов. В течение почти двух лет араты вели вооруженную борьбу против своих поработителей, принимая налеты на хозяйства феодалов и иноземных купцов-ростовщиков. Повстанцы отнимали у эксплуататоров скот и раздавали его беднякам. Ряд исторических материалов свидетельствует, что восставшие араты, стремясь освободиться от феодально-колониального ига, предполагали создать особый суверенный государственный строй. Другие источники говорят о том, что восставшие хотели покинуть Туву, перейти русскую границу и поселиться на русской земле. Восстание «60 богатырей», носило стихийный характер и не имело четко выраженной политической программы, однако оно явилось одним из крупных народных выступлений против феодального гнета и иноземных захватчиков, выступлений, способствовавших расшатыванию и ослаблению системы феодальных отношений в Туве.

В первой половине XIX в. в пограничных районах Тувы возникают русские поселения. Во второй половине этого же столетия в Туву начинают проникать русские купцы, а немного позднее начинается переселение русских крестьян. Эти события не могли пройти бесследно для развития бесправного, забитого, угнетенного тувинского народа. Из России в Туву проникали не только эксплуататоры-предприниматели, но и рабочий люд, приносивший с собой прогрессивные идеи. В далеком Засаянском крае приходили из России вести о крестьянских «бунтах» против угнетателей-помещиков. Они воодушевляли тувинских аратов на борьбу с эксплуататорами, протягивали связующую нить между классовой борьбой азиатских масс и борьбой великого русского народа.

Являясь стихийным выступлением трудовых аратских масс против внешних и внутренних эксплуататоров, восстание «60 богатырей» испытывало на себе могучее воздействие революционного движения, нараставшего в России. Тот факт, что восставшие араты предполагали уйти на русскую территорию, является ярким свидетельством большого влияния шедших из России в Туву прогрессивных идей.

Классовое расслоение и классовая борьба в феодально-колониальной Туве привели к тому, что у эксплуататоров и у эксплуатируемых сложилась различная внешнеполитическая ориентация.

Предистория Советской Тувы дана на материалах, показывающих значение Великой Октябрьской социалистической революции, событий периода иностранной интервенции и гражданской войны, предшествовавших образованию в 1921 г. Тувинской Народной Республики. Экспонаты убедительно показывают бескорыстную помощь Страны Советов тувинскому народу. В экспозиции представлены фотографии и тексты, относящиеся к событиям гражданской войны в Туве и свидетельствующие о той огромной помощи в борьбе с белогвардейцами и интервентами, которую оказал тувинскому народу великий русский народ.

Здесь хранится и партизанский билет № 1, выданный верному сыну тувинского народа Иргит Монге, который с 1918 по 1921 г. участвовал во многих боях партизан с белобандитами и интервентами.

Принятие Тувинской Народной Республики в СССР на правах автономной области Российской Федерации явилось великим переломным моментом в жизни тувинского народа.

Все материалы отдела советского периода на конкретных примерах иллюстрируют действие основного экономического закона социализма и успешное строительство коммунизма в нашей стране. Экспозиции подчеркивают направляющую и руководящую роль КПСС в деле социалистических преобразований в Туве, бескорыстную помощь народов СССР трудящимся Тувинской автономной области и дружбу народов СССР.

Тема «Рост материального благосостояния и культурного уровня трудящихся Советской Тувы» представлена на конкретных примерах из жизни семей колхозников, рабочих и служащих.

Хорошо представлена в экспозиции работа племенной фермы каракулевых овец колхоза «Красный партизан» Тандинского района, опыт работы одного из лучших чабанов области т. Кудрявцева, «День на свиноферме» в колхозе «Красный партизан», работа лучшей МТФ области (колхоз «Пламя революции» Тандинского района), опы-

работы одного из лучших табунщиков Д. Кашки (колхоз «Новый путь» Эрзинского района). Всесторонне показана работа двух передовых сельхозартелей области — колхоза им. 1 Мая Тоджинского района и колхоза «Красный пахарь» Пий-Хемского района.

Отделом советского периода экспонировались материалы пятой сессии Верховного Совета СССР, решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС, постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС о мероприятиях по осуществлению круглого подъема легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства и товарооборота. Тексты, диаграммы, фотографии и другие научно-вспомогательные экспонаты показывают, что все эти мероприятия, отражая политику партии и правительства, направленную на решительное повышение уровня жизни рабочего класса, колхозного крестьянства, всего советского народа, свидетельствуют о новом этапе движения нашей страны к коммунизму, этапе, подготовленном всем предшествующим ходом социалистического строительства.

Новые задачи в области дальнейшего развития промышленности и сельского хозяйства и дальнейшего улучшения материального благосостояния народа, поставленные перед народным хозяйством Тувинской области, а также первые успехи в решении этих задач коллектив музея сумел удачно показать в теме «Социалистическое хозяйство и культура области». Серьезное внимание уделено в экспозиции вопросам пропаганды достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве. В подтемах «Животноводство» и «Растениеводство» показан опыт работы передовых животноводов, механизаторов и т. п.

С ростом и укреплением колхозов уходят в прошлое такие черты старого быта, как юрта — неизбежный спутник тяжелой кочевой жизни. Электричество вошло и в колхозное производство и в быт тувинского колхозника.

Велики успехи культурного строительства в Туве. В области имеются Институт усовершенствования учителей, ряд техникумов, большое количество библиотек, изб-читален и клубов. С каждым годом расширяется сеть медицинских учреждений и школ. Выпуск литературы за это время увеличился более чем в 10 раз. За истекшие десять лет выпущено более 400 названий книг на тувинском языке. Тувинцы читают на родном языке произведения классиков марксизма-ленинизма, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Чехова, Толстого, Горького, Маяковского. Издаются четыре газеты: три на тувинском языке и одна на русском.

Старые заунывные аратские песни о тяжелой доле тувинского скотовода сменились новыми, жизнерадостными песнями. В них поется о колхозной жизни, о радости коллективного труда, о Коммунистической партии и Советском правительстве.

Музей поддерживает тесную связь с Тувинским научно-исследовательским институтом, Областным государственным архивом МВД, комплексной экспедицией АН СССР в Туве, горной экспедицией, Институтом этнографии АН СССР. Эта связь музея с научными учреждениями благотворно отражается на всей его работе.

Музей ведет научно-исследовательскую и собирательскую работу, не уступая в этом отношении передовым краеведческим музеям нашей страны. В настоящее время коллективом научных сотрудников разработана для экспозиции карта расселения оленеводов и скотоводов в конце XIX — начале XX в., подготовлен к печати ряд научных статей и других публикаций.

Б. Вампилов

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ТУВИНСКОГО МУЗЕЯ В ЮГО-ВОСТОЧНУЮ ТУВУ

(Предварительное сообщение)

Восточные тувинцы в прошлом были одной из наиболее отсталых групп тувинского населения; большую роль в этом играла их географическая изоляция: высокие горные цепи отделяют бассейны верховьев рек Пий-Хем (Большой Енисей) и Каа-Хем (Малый Енисей) от остальной территории области. До настоящего времени туда можно проникнуть, только преодолев верхом на лошади труднодоступные горные перевалы или пользуясь воздушным транспортом. В этнографическом отношении восточные тувинцы изучены слабо, литература о них исчерпывается лишь несколькими публикациями, касающимися населения бассейна верховьев р. Пий-Хем¹. Этнографическое изучение тувинцев, населяющих бассейн верховьев р. Каа-Хем, началось только в 1952 г.

Экспедиция 1952 г. в Каа-Хемский район Тувы была организована Тувинским краеведческим музеем как продолжение работ по этнографическому обследованию восточ-

¹ П. Е. Островских, Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли, «Изв. РГО», т. XXXIV, вып. IV, 1898; его же. Оленные тувинцы, «Северная Азия», кн. 5—6, 1927; М. И. Райков, Отчет о поездке к верховьям реки Енисей, совершенной в 1897 году по поручению РГО, «Изв. РГО», т. XXXIV, вып. IV, 1898; Д. Карутерс, Неведомая Монголия, т. I, Урянхайский край, Пгтр., 1914.

ных тувинцев, начатому в 1951 г.² Этнографические исследования проводились на территории колхоза «Большевик», организованного в 1949 г. К 1952 г. в нем объединилось 88,4% всех аратских хозяйств, населявших территорию бывшего Тере-Хольского района.

В настоящем сообщении использованы также материалы, собранные автором в время его научной командировки в колхоз «Большевик» в марте 1953 г.

В 1952 г. в Тоджинском районе работал Тувинский отряд Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР (руководитель экспедиции проф. Л. П. Потапов, начальник отряда Е. Д. Прокофьева). Отряд собрал большой материал по этнографии тоджинцев, в частности по вопросам, связанным с изучением процесса национальной консолидации тувинцев³.

До 1953 г. юго-восточная часть Тувы, расположенная в пределах южной части Восточно-Тувинского нагорья, составляла в административном отношении отдельный Тере-Хольский район. В связи с коллективизацией и переходом на оседлость население кочевывшее раньше небольшими группами по редко населенной территории района стало жить значительно более компактно. Это позволило в 1953 г. упразднить Тере-Хольский район, включив его территорию в состав Каа-Хемского района.

Бывший Тере-Хольский район — один из наиболее высокогорных в области, с большими участками тайги и степями. Климат его характеризуется прохладным летом и суровой зимой с обильными осадками. В южной части территории расположено большое, сильно заболоченное озеро Тере-Холь (по-монгольски Тере-Нур), давшее название району. На востоке района проходит государственная граница СССР с Монгольской Народной Республикой.

Экспедицией были собраны историко-этнографические материалы, характеризующие современную культуру и быт колхозников, а также родовой состав, хозяйство, быт и культуру населения юго-восточной Тувы в начале XX в.

Территорию бывшего Тере-Хольского района в начале XX в. населяли роды Кыргыз, Балыкчы, Кара-Иргит, Сарыг-Иргит, Хертек, Хоскан, Ак-Соян и Кара-Соян.

Около половины населения юго-восточной Тувы принадлежало к роду Кыргыз. До коллективизации кыргызы вели кочевой образ жизни. Часть их кочевала по долинам р. Балыктыг-Хем, Кундус и их притокам. Летние пастбища были расположены в верховьях этих рек, зимние — в низовьях. Другая большая группа кыргызов кочевала западнее, по р. Сайгыль, левым притокам верхнего течения р. Бурень и рекам Эрзин и Нарын (по существующему в настоящее время административному делению — территория Эрзинского района).

До административной реформы 1923 г. кыргызы входили в состав Салдзакского хошуна, образуя отдельный сумон. По рассказам стариков, род Кыргыз пришел в эти места издавна, с запада, из-за гор⁴. Основным занятием их было скотоводство. Разводили яков, коров, овец, коз и лошадей. Основным типом жилища служила войлочная решетчатая юрта монгольского типа (*кидис-ог*). Бедняки, не имевшие достаточно шерсти для изготовления войлока, жили в конических шалашах (*чадыр-ог*), которые покрывали кусками изношенного войлока (*кидис*) или лиственничной корой (*шангда*).

Старики-колхозники Н. К. Манчын, Б. Б. Сундуй, Х. Ч. Чапсын и другие сообщили нам много фактов из своей прошлой жизни, иллюстрирующих глубокое социальное неравенство в тувинском аале и жестокую эксплуатацию бедняков их богатыми родственниками, часто использовавшими для этого пережитки родового обычая взаимопомощи.

Н. К. Манчын в годы юности (начало XX в.) кочевал со своими родителями по р. Балыктыг. В их аале было 10 хозяйств (*ореге*), из них 3 хозяйства совершенно не имели скота. Не имело скота и хозяйство Манчына, а в хозяйстве бая Менди Кыргыза, у которого Манчын пас скот, было около двухсот голов крупного рогатого скота, более трехсот овец и коз и около сотни лошадей.

Бедняки пасли скот баев, женщины из семей бедняков шили для баев одежду и обувь. За это они получали от баев остатки пищи, обноски одежды, истрепавшиеся войлочные покрывала юрты, которыми бедняки покрывали свои шалаша. Нередко баи были бедняков за малейшие провинности. В угнетении трудящихся аратов баям оказывали помощь маньчжуро-китайские чиновники Дайцинской империи.

² В 1951 г. работы проводились на территории Тоджинского района в верховьях р. Пий-Хем. Экспедиция в составе автора настоящего сообщения и переводчика сосредоточила исследования в колхозе имени Первого мая с центром в поселке Ий. В результате были собраны интересные материалы, характеризующие перестройку культуры и быта тоджинцев в условиях Советской Тувы, сведения о родовом составе, пережитках родового быта и расселении родовых групп в конце XIX — начале XX в. Сделано около 150 зарисовок предметов материальной культуры и более 400 фотоснимков. Для музея приобретена большая этнографическая коллекция.

³ Е. Д. Прокофьева, Работа Тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XX, М., 1954, стр. 8—16.

⁴ Некоторые исследователи предполагают, что кыргызы, населяющие юго-восточную Туву, являются потомками части енисейских кыргызов, насильственно переселенных джунгарскими зайсанами из Минусинской котловины в Семиречье в 1703 г. (см.: W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, Лейпциг, 1884, стр. 221; Л. П. Потапов, Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев, «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 77, 79).

Баи захватывали лучшие пастбища, особенно зимники.

Для битвы шерсти на войлок баи назначал *тук савар*. В этот день у его юрты собирались зависимые от него жители аала и родственники, которые и производили эту работу. Вместо платы баи устраивал угощение (*тук байыр*).

Баи никогда не оказывали бескорыстной помощи бедным родственникам. Если бедняк заходил в юрту к богатому, надеясь получить остатки пищи от обеда, баи сначала заставлял его выполнить какую-нибудь работу, а потом уже бросал ему кусок мяса.

Голод, возникавший среди беднейшей части аратского населения после суровой зимы, сопровождавшейся массовым падежом скота, баи использовали для жестокого закабаления нуждавшихся в помощи. Сообщение Е. К. Яковлева о том, что якобы тувинец «не может быть голоден, если рядом другой сыт», и что «в периоды голодовок богачам приходится голодать так же, как и беднякам»⁵, по единодушному утверждению наших информаторов — стариков из различных родовых групп, совершенно не соответствовало действительности.

Браки у кыргызов были запрещены лишь между ближайшими родственниками (*хан торело*).

Разговорным языком кыргызов был монгольский, большинство их не знало тувинского языка.

Роды Балыкчы, Сарыг-Иргит, Кара-Иргит, Хертек, Хоскан до 1923 г. входили в сумон Холь Сальджакского хошуна⁶.

Род Балыкчы (*балыкчы* — по-тувински рыбаки) населял местности, прилегающие к северо-западной, западной и южной сторонам озера Тере-Холь. Балыкчы вели полукочевой образ жизни, занимаясь в основном рыболовством, охотой и в незначительной степени скотоводством. Скота в хозяйствах балыкчи было значительно меньше, чем у кыргызов. Сравнительно богатыми считались хозяйства, имевшие больше десяти голов скота, в то время как у кыргызов стада баев насчитывали сотни голов. В большинстве хозяйств рода Балыкчы скота не было. Хозяйства, имевшие скот, совершали небольшие перекочевки поблизости от озера.

Рыболовством занимались в течение круглого года. Ловили рыбу волосяными сетями (*четки*), острогой (*серээ*), багром (*тыртпа*). Для лова использовали плоты (*сал*) своеобразной конструкции, лодок не знали. Рыболовством занимались только мужчины. Обычно ловили рыбу в озере небольшими артелями в 6—8 человек, а в устьях впадающих в озеро или вытекающих из него рек — группами в 2—3 человека. При ловле артелью забрасывали одновременно две сети, скрепленные между собой. Двое на плотях тянули сеть к берегу. Остальные четверо или шестеро рыбаков с шумом лыжи на плотях вслед за сетью, огибая образованный ею полукруг. Затем сеть замыкали и вытаскивали на берег.

Балыкчы жили в конических шалашах (*алажы-ог*, *чадры-ог*), покрытых корой лиственницы. Юрт не ставили, так как не имели достаточно шерсти для изготовления войлока.

Говорили на тувинском языке, но большинство балыкчы знало и монгольский.

В предании о происхождении рода Балыкчы рассказывается, что когда-то, очень давно, в этих местах китайцы построили крепость и оставили в ней гарнизон. Образовавшееся впоследствии озеро затопило крепость. Большая часть находившегося в нем гарнизона ушла обратно в Китай. Несколько человек не смогли уйти. От них и происходят балыкчы. (На острове озера Тере-Холь до настоящего времени сохранились развалины большой крепости.)⁷

Род Хоскан населял местность, прилегающую к озеру Тере-Холь с юго-восточной стороны. Хосканы считали свой род отделившимся от рода Балыкчы. Они вели такой же образ жизни, как и балыкчы.

⁵ Е. К. Яковлев, Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея, Минусинск, 1900, стр. 77.

⁶ В сообщении Г. Н. Потанина об административном делении Тувы в конце XIX в. говорится, что сумон Холь Сальджакского хошуна состоит из четырех костей (родов): Балыкчы, Хэрдэк, или Хердыгыт, Иргит, Хускуй. Кость Иргит делится на две ветви — Хара-Иргит и Сарыг-Иргит (Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, СПб., 1883, вып. IV, стр. 11). Наши материалы подтверждают это сообщение, однако род Хертек, по словам информаторов, другого названия (Хердыгыт) не имел. Г. Н. Потанин указывает: «...на Тарисе же и Термисе (реки в юго-восточной части б. Тере-Хольского района.— С. В.), где живут также хольсумские урянхайцы, мне назвали кости: Мингит, Монгош, Союн, Хирейд, Хэрдэк» (там же). По имеющимся у нас данным, перечисленные здесь роды в конце XIX в. не населяли район р. Тариса и Термиса. Повидимому, Г. Н. Потанин имеет в виду не роды, а отдельные семьи, перекочевавшие временно на Тарис и Термис из других районов Тувы, так как здесь расположены широко известные в Туве горячие целебные источники Аржан, привлекающие больных из самых отдаленных районов.

⁷ Наряду с этнографическими исследованиями, экспедиция проводила разведку археологических памятников. Она обследовала развалины древней крепости и сняла ее план. К северу от крепости, в 150 м от берега озера была обнаружена каменная стела с плохо сохранившейся древнеуйгурской надписью.

Роды Хертек, Кара-Иргит и Сарыг-Иргит по образу жизни мало чем отличались от кыргызов. Большая часть кара-иргитов кочевала по берегам р. Термис, а сары-иргиты — в долине Шынаа. Летники хертеков находились в местности Чыргалад зимники — в местности Каргы.

В горной тайге к северу от озера Тере-Холь кочевали роды Ак-Соян и Кара-Соян. Кара-сояны жили по рекам Белины, Кыдыр-ос, Белих и другим правым притокам р. Кызыл-Хем. Ак-сояны жили в основном в бассейне левых притоков р. Кызыл-Хем кочуя по рекам Бус, Эликтиг, Чул, Кый, Чечен и в местности Оргу-Сын.

Основными занятиями этих родовых групп были кочевое таежное оленеводство охота. Оленеводство играло очень большую роль в хозяйстве. Оленей использовали для перевозки имущества при перекочевках, верхом на оленях ездили на охоту, важен доили. Из оленьих шкур изготавливали одежду, обувь, покрышки для чума. На мя оленей резали очень редко, только в случае острой необходимости.

Тип оленеводства — вьючно-верховой, без пастушеской собаки, аналогичный р. пространному у тувинцев Тоджинского района и у тофаларов (карагасов). Во время верховой езды на оленях в зимних условиях в юго-восточной Туве обычно применяют посох (*таянгыш*), который держат в левой руке.

Оленеводы-тувинцы жили в конических шалашах (*алажы-ог*), покрываемых летом берестяными покрышками (*ог-шывыы*), а зимой шкурами (*алгы-чывыы*) лося, оленьим марала.

В начале XX в. середняцкие хозяйства имели по 5—10 оленей. Богатые хозяйства владели стадами в сто оленей и более. Многие бедняцкие хозяйства оленей не имели.

Наши информаторы — старики-олeneводы привели нам яркие примеры того, как в прошлом богатые оленеводы эксплуатировали своих сородичей. Безоленные хозяйства были в полной зависимости от богатых оленеводов. За ездового оленя, взятого на период охоты, охотник в конце сезона должен был отдать хозяину двадцать белок.

Безоленные хозяйства на кабальных условиях получали от богатых оленеводов дойных важенков которых они обязаны были вернуть через определенное время приплодом, и, кроме того, за пользование ими должны были отдать их владельцу определенное количество белых шкур или отработать у него в хозяйстве.

У оленеводов в начале XX в. больше, чем в каких-либо других группах тувинского населения, сохранялись многочисленные пережитки родового быта. Они соблюдал экзогамия. У них еще недавно бытовал обычай, восходящий к периоду перехода к матрилокальному браку к патрилокальному: женившийся, прежде чем привести молдую в свое жилище, должен был прожить у нее в течение определенного времени примерно 10—15 дней (*аалдап бар чор мен*).

Пользуясь опросом старшего поколения, экспедиция собрала большой материал о различных пережитках родового быта у оленеводов, в частности о родовых охотничьих территориях и их использовании, о различных случаях действия «ужа» — обычая раздела охотничьей добычи с лицами, не принимавшими участия в охоте, о родовых общественных молениях и т. д.

* * *

За последние годы в жизни населения юго-восточной Тувы произошли коренные преобразования.

В мае 1949 г. пятьдесят хозяйств скотоводов, кочевавших в бассейне верхнего течения реки Каа-Хем, объединились в сельхозартель «Большевик». Вскоре в высокогорной долине Шынаа, вблизи озера Тере-Холь, на берегу р. Кунгуртук были выстроены первые дома нового колхозного поселка. В настоящее время колхоз объединяет более 90% аратских хозяйств бывшего Тере-Хольского района. Соотношение родовых групп в составе колхоза, по данным на 1 января 1953 г., было следующим: Кыргыз — 47%; Балыкчы — 22%; Сарыг-Иргит — 8%; Кара-Иргит — 7%; Хертек — 7%; Ак-Соян — 3%; Кара-Соян — 2%; Хоскан — 2%. В колхоз входит также несколько семей монголов.

Одной из основных задач, стоявших перед колхозом с момента его организации, было строительство производственных, жилых и культурно-бытовых помещений. На первых порах при выполнении этой задачи колхоз встретился с серьезной трудностью — никто из колхозников не был знаком со строительным делом, никто из них не умел плотничать. Собрание правления колхоза постановило послать колхозника Чап Дамдына на краткосрочные курсы десятников-строителей, организованные по решению Тувинского облисполкома в г. Кызыле. После возвращения он был назначен руководителем строительной бригады. Многие колхозники настолько хорошо освоили работу на строительстве, что систематически в течение круглого года выполняют норму на 150—180%. В настоящее время в колхозе выстроено много производственных помещений и жилых зданий. Строительство ведется по типовым проектам. Благодаря успешному завершению строительных работ большинство колхозников переселилось из юрт в добротные дома стандартного типа.

Хозяйство колхоза основано на животноводстве, охоте и рыболовстве. По данным на 1 января 1952 г., доходы колхоза по животноводству составляли 62,2%; по охоте — 22,5%; по рыболовству — 15,3%.

В колхозе организованы четыре бригады — строительная, охотничье-рыболовецкая, кормодобыывания, полеводческая и три животноводческие фермы — крупного рогатого скота, коневодческая и овцеводческая.

Количество скота в колхозе с 1949 г. по 1952 г. возросло в четыре раза. Колхоз разводит коров, яков, овец, коз, лошадей и оленей. В общем поголовье значительно преобладают овцы и козы (72%), оленей сравнительно немного (около 1%).

Большая часть скота — яки, олени, лошади, овцы и козы в течение круглого года содержатся на высокогорных пастбищах. Дойные коровы, рабочие лошади и молодой скот находятся на полустойловом содержании. Пастбища в зависимости от географического положения, качества корма, высоты, снежного покрова делятся на зимние, весенние, летние и осенние. При участии зоотехника виды скота распределены по определенным пастбищам с учетом их рационального использования. Наиболее удаленные пастбища находятся в 150 км от колхозного центра на высоте более 2500 м над ур. м. На путях перегона скота построены деревянные дома для пастухов.

В колхозе вырабатывается новая порода скота, полученная в результате скрещивания коровы и яка. В этой породе высокая жирность молока яка, его крайняя неприхотливость к пище и условиям содержания сочетаются с ценными качествами коров — повышенной удойностью и лучшим вкусом мяса. Все же низкий удой коров, связанный с сохранившимся до настоящего времени подсосным методом доения, пока остается серьезным недостатком в животноводстве колхоза.

Для улучшения породного состава колхозных лошадей проводится скрещивание лошадей местной породы с чистокровными дончаками.

Большое значение для дальнейшего развития колхозного животноводства имеет заготовка кормов. В прошлом население юго-восточной Тувы не заготавливало сена на зиму, если не считать мизерного количества, которое запасали для молодняка. Сено заготавливали примитивным способом — траву резали ножом или вырывали руками и хранили в жгутах. Теперь бригада кормодобыывания — самая многочисленная в колхозе. Она формируется в конце июня и работает до первых чисел октября. Бригада состоит из восьми звеньев. Сено убирают конными сенокосилками. Количество заготавливаемых кормов увеличивается из года в год.

Полеводство в колхозе имеет опытный характер, так как в прошлом земледелием в юго-восточной Туве не занимались. В 1952 г. 48 га было засеяно пшеницей и 3 га — овощными культурами.

Значительное место в хозяйстве колхоза занимает охота. Охотничий сезон продолжается с 20 октября до 1 февраля. Охотничье-рыболовецкая бригада к началу охотничьего сезона организует четыре охотничьих звена, которые отправляются в таежные массивы, расположенные на северо-восток, восток, юг и запад от колхозного центра. Охотничьи звенья при обильной охоте пополняются за счет колхозников из других бригад, за исключением строительной. Состав звеньев утверждается правлением колхоза. Расстояние от колхозного центра до наиболее удаленной местности, в которой ведется охотничий промысел, — около 200 км.

Колхозники охотятся на белку, соболя, колонка, горностая и выдру. Продукты питания, боеприпасы и транспорт охотники получают в колхозе. Самострел (*аа*) и кремневое ружье (*чактыр*) — основные виды охотничьего оружия в старой Туве — теперь не употребляются. Охотники вооружены карабинами и мелкокалиберными винтовками современного типа. На охоту выезжают верхом на лошадях или оленях.

Рыболовецкое звено бригады начинает лов рыбы в озере Тере-Холь в конце мая и оканчивает в конце октября.

Общественное хозяйство колхоза приносит большие доходы, размер оплаты труда дня повышается с каждым годом.

В связи с переходом на оседлость в корне перестраивается домашний быт колхозников. Навсегда ушел в прошлое постоянно менявший свое местоположение аал — небольшое стойбище скотоводов-кочевников, состоявшее из нескольких юрт и чумов. Местом проживания большинства колхозников стал новый благоустроенный поселок уличного плана. На центральной улице поселка расположены здания административного и общественно-бытового назначения, в которых помещаются правление колхоза, сельсовет, клуб, библиотека, школа, интернат, радиостанция, магазин, баня и т. д.

Колхозники живут в добротных благоустроенных срубных домах, главным образом двухкамерных. В быт колхозников вошла такая мебель, как столы, стулья, металлические кровати, этажерки. Вместе с тем, как обязательная часть обстановки комнаты, сохраняются традиционные орнаментированные деревянные сундуки (*аптара*) для хранения одежды, мягких вещей и запасов продовольствия и ящики (*хааржак*) для хранения мелких вещей.

В жаркие летние дни семьи некоторых колхозников временно переселяются в юрты, которые устанавливают недалеко от дома. Войлочная юрта продолжает служить жилищем для пастухов на высокогорных пастбищах, но обстановка юрты изменилась. В повседневный обиход вошли часы, небольшие полочки с книгами и газетами, патефоны, радиоприемники. Решетчатые стенки юрты украшают репродукциями картин советских художников.

В обиход вошла более гигиеничная и удобная в оседлом быту металлическая и фаянсовая посуда, но не исчезла из употребления деревянная и кожаная посуда старого типа, которой пользуются обычно в бригадах охотники, рыбаки, пастухи. Более разнообразной стала пища колхозников. Наряду с мясными и молочными продуктами в

рацион прочно вошли хлеб и другие мучные изделия, сахар, конфеты, различные сервы, овощи и фрукты.

В колхозе работает комсомольско-молодежная бригада культбыта, состоящая из молодых учителей, медицинских работников, специалистов сельского хозяйства. Члены бригады помогают колхозникам в устройстве домашнего быта при переселении из старых домов.

Одежда большинства колхозников продолжает сохранять традиционные формы. Верхней летней одеждой служит длиннополой, запахивающийся направо халат (или монгольского образца). Однако в покрое халата произошли изменения, связанные с приспособлением его к новым условиям производства. Большинство колхозников носят халаты более короткие и без обшлагов (*уштук*), характерных для одежды старого типа и аналогичной одежды монголов⁸. Обшлаг и слишком длинный халат мешают во время работы. Халат имеет характерный ступенчатый вырез на верхней поле и стоячий воротник. Покрой мужского и женского халата одинаков. Мужские халаты шьют обычно из синей далямбы, а женские — из синей, желтой, красной или зеленой далямбы или шелка. Зимней одеждой служат овчинные шубы такого же покроя, как и халат. В последнее время получают распространение простеганные ватные шубы (*хочевтон*) такого же покроя, как и тон; в прошлом они были доступны только баям.

Мужские и женские рубахи до пояса (*хойлен*) шьют либо в виде короткого халата, либо с разрезом по середине груди (*мунгаш хойлен*). Обувь носят нескольких типов: *кадык идик* шьют из коровьей кожи на многослойной войлочной подошве, с характерным загнутым кверху носком, *чымчак идик* выкраивают в виде чулка из кожи коровы или сарлыка. У оленеводов была распространена обувь *бышкак-идик* из оленьих маральих и лосиных камысов. Теперь обувь такого типа носят охотники колхозов время промысла.

В последнее время начинают получать некоторое распространение одежда и обувь городского типа. Большинство колхозников покупают фабричного изготовления ватные и кожаные сапоги. Женщины, наряду с национальной одеждой, нередко носят платья городского типа из шелка, штапельного полотна, различных видов хлопчатобумажной или шерстяной ткани, приобретаемые в готовом виде в местном магазине. Многие мужчины также, наряду с национальной одеждой, носят костюмы городского типа. Летом главными уборами служат фуражки, кепки, фетровые шляпы; зимними — меховые шапки, приобретаемые в магазине. Женщины носят на голове платок и берет.

О повышении культурного уровня колхозников свидетельствует быстрый рост грамотности. В колхозе «Большевик», как и в других колхозах области, в результате проведения большой работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения большинство колхозников в настоящее время грамотны. Переход на оседлость оказал решающее влияние на вовлечение всех детей школьного возраста в учебу. Если в 1947 г. учебной было охвачено всего 41,6% детей аратов, то в 1949 г., после организации колхоза и перехода на оседлость, школу стало посещать 97% детей, а в 1952 г. — 100%. Для школьников в колхозном поселке выстроен благоустроенный интернат, где дети получают бесплатное питание и одежду. В настоящее время во всей Тувинской автономной области осуществлено всеобщее семилетнее обучение. Многие юноши и девушки Тер-Холя продолжают свое образование в средних специальных и высших учебных заведениях Кызыла и других городов Советского Союза.

Среди колхозников проводится большая культурно-просветительная работа. В клубе организовано несколько кружков художественной самодеятельности, систематически читаются лекции, работает кино. Непрерывно возрастает посещаемость библиотеки.

Очень интересные явления связаны с процессом национальной консолидации, особенно ярко проявляющейся в отношении языка. Еще несколько лет назад большинство населения юго-восточной Тувы (роды Кыргыз, Кара-Иргит, Сарыг-Иргит) говорило на монгольском языке. Выступления тувинцев, приезжавших в колхоз «Большевик» из других районов области, в частности из Кызыла, обязательно переводились на монгольский язык, так как большинство колхозников не понимало тувинского.

За последние годы тувинский язык распространяется поразительно быстро, вытесняя монгольский. Решающее влияние на этот процесс оказали усилившиеся в последнее десятилетие хозяйственно-культурные связи населения юго-восточной Тувы с остальными районами области, распространение грамотности. Большую роль сыграла школа, в которой обучение ведется на тувинском языке, а также тувинское радиовещание, газеты, книги.

В настоящее время большинство колхозников на собраниях и в общественных местах говорят по-тувински. Во многих семьях из рода Кыргыз, раньше говоривших только по-монгольски, теперь можно услышать тувинскую речь.

Например, арат Бадыр-оол еще в 1945 г. не знал тувинского языка и мог объясняться только через переводчика. Теперь он свободно говорит, читает и пишет по-тувински. Его дети разговаривают между собой по-тувински. Учителя отмечают знание тувинского языка детьми, поступающими в школу.

Большим спросом среди колхозников пользуется литература на тувинском языке. В 1952 г. колхозники сельхозартели «Большевик» выписывали 73 газеты («Шын», 39 газет «Тыванын аныяктары», 155 газет «Салдысчиташ». Материалы, собранные экспедицией, свидетельствуют о том, что за 10 лет, прошедших после вступления Тувы в

⁸ Hansen, Mongol costumes, Kobenhavn, 1950, стр. 12—30.

братскую семью советских народов, в ее даже самых отсталых в прошлом районах достигнуты крупные успехи в деле социалистического преобразования хозяйства, культуры и быта календаря.

В 1954 г. музей продолжает этнографическое изучение восточной Тувы.

С. И. Вайнштейн

КИТАЙСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В МУЗЕЯХ КАЗАНИ

В музеях Казани, истари являвшейся важным пунктом на транзитном пути между Россией и азиатскими странами, в том числе и Китаем, накопилось довольно большое число предметов, характеризующих быт и культуру китайского народа, преимущественно XIX и начала XX в. Значительное место китайские коллекции занимают в Этнографическом музее Казанского государственного университета, одном из старейших музеев Казани. Там насчитывается более 700 китайских предметов, среди них — костюмы, украшения, фарфор, изделия из кости, камня, лака, музыкальные инструменты и т. д., свидетельствующие о древней и высокой культуре великого китайского народа. Начало поступлению китайских коллекций в музей было положено рядом предметов, переданных профессором восточного разряда университета О. М. Ковалевским, который в 30-х годах XIX в. несколько лет путешествовал по Забайкалью, Монголии и Китаю. 13 месяцев О. М. Ковалевский пробыл в Пекине. Обладая исключительной гуманностью, тактом и чутким отношением к окружающим, он быстро завоевал авторитет и доверие китайцев. В своих работах он с восхищением отзывался о трудолюбии китайцев и их высокой культуре. Он пишет, что китайский народ «пески превращает в плодоносные нивы, ...проложил дороги; на ручьях создал великолепные каменные мосты, а реки и каналы покрыл бесчисленными лодками; в городах и селениях усилил промышленность; мраморными памятниками и в летописях обессмертил заслуги своих предков»¹.

Ковалевский указывает, что честное и дружественное отношение русских к китайцам внушило последним уважение к России. В то же время, пишет исследователь, «насиленные и коварные меры, предпринимаемые ненасытными британскими корыстолюбцами, раздражают подозрительность китайского правительства. И когда сыны севера (России) своею правотою и твердостью приобрели исключительное право жить в сердце срединного государства и пользоваться совершенною свободой в столице, недоступной для прочих европейцев, тогда пришельцы с другого конца мира, развратители нравственности, продавцы гибельного опиума... могут ли добиться славы мирных честных соседей, искренних друзей»².

Значительно способствовал пополнению китайских коллекций музея профессор Казанского университета, впоследствии академик, В. П. Васильев, проживший в Китае десять лет (1840—1850-е годы). Крупная коллекция китайских вещей была передана музею университетским отрядом «Красного Креста», работавшим на Дальнем Востоке в период русско-японской войны 1904—1905 гг. Поступали китайские вещи и от различных лиц, бывавших в Китае, в дар, а также путем покупки.

В собраниях музея имеется значительное число мужских и женских костюмов из различных тканей: полотна, синей дабы и особенно из шелка. Многие костюмы богато расшиты оригинальными узорами, которые веками создавались искусными китайскими мастерами. Имеется немало образцов обуви, начиная от тяжелых сапог с толстыми подошвами и кончая разнообразными женскими туфельками, в том числе очень маленькими, надевавшимися китаянками из обеспеченных слоев общества на изуродованные бинтованием с детства ноги. Много в музее мужских и женских головных уборов различного вида и качества. Интересное собрание представляет коллекция принадлежностей женского туалета, переданная проф. О. М. Ковалевским. Здесь много женских украшений: серебряные серьги, ожерелья, заколки для волос, шпильки, булавки, а также разнообразные веера, сумочки, расшитые шелками, ручные и подвешиваемые к поясу зеркала, ленты, искусно сделанные из шелка цветы и т. п. Оригинален набор принадлежностей женского туалета: гребешков, щеточек, палочек для чистки ногтей и т. п., уложенных в картонную коробку. Имеется также набор китайской косметики: белила, румяна, благовония. Очень интересен смонтированный в богатой лакированной коробке набор для женских рукоделий, состоящий из подмотков для ниток, различных палочек для вязания, сделанных из слоистой кости и покрытых оригинальным орнаментом, и т. д. Имеется в музее и немало принадлежностей для еды, а также для курения — вплоть до специальных лампочек для разогревания опиума.

Довольно хорошо представлен китайский фарфор. Это различного качества и размера вазы, тарелки, блюда, чайная посуда, богато украшенные рельефным орнаментом и многокрасочной росписью (рис. 1), а также различные фарфоровые статуэтки. Особенно интересны редкие шкатулки для женских украшений и рукоделий, сделанные из покрытого лаком палье-маше и украшенные тонкой резьбой, делающей их подлинными произведениями искусства (рис. 2). Имеются изделия из камня и кости, поражающие исключительной тонкостью отделки. Некоторые костяные изделия настолько тонкой работы, что представляют собой как бы костяные кружева.

¹ О. М. Ковалевский, О знакомстве европейцев с Азией, 1837, стр. 33.

² Там же, стр. 28—29.

Рис. 1. Образцы китайского фарфора
Этнографический музей Казанского гос. университета

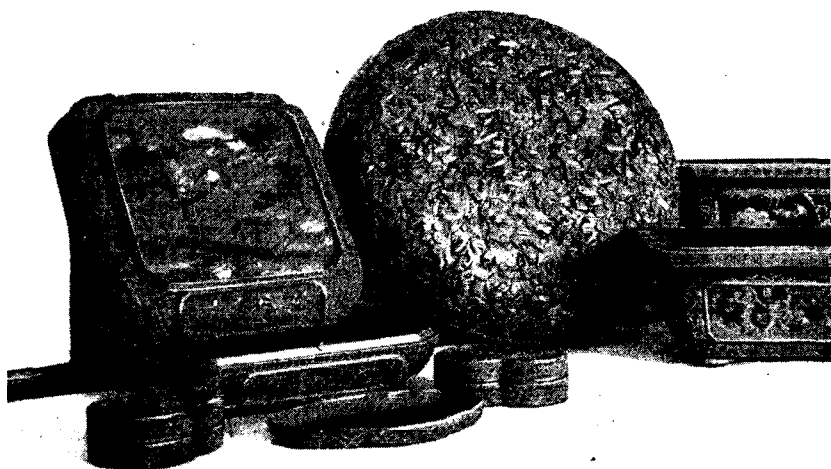

Рис. 2. Китайские шкатулки из папье-маше, крытого лаком
Этнографический музей Казанского гос. университета

В музее имеется хорошее собрание китайских акварелей и лубочных картин различного, преимущественно бытового и религиозного содержания, сделанных на шелке и различных сортах бумаги яркими красками в манере старой китайской живописи, со своеобразной перспективой, без теней.

Немало в музее предметов, характеризующих духовную культуру китайцев. Здесь мы видим принадлежности для письма: специальные мраморные пластинки для натирания туши, целые наборы палочек сухой туши, кисточки для письма, а также образцы китайских рукописей, ряд книг, компасы, солнечные часы, счеты, разновесы и т. п. Богато представлены предметы религиозного, преимущественно буддийского культа, вывезенные из Китая главным образом О. М. Ковалевским и В. П. Васильевым, а позднее Н. Ф. Катановым. Здесь много статуй, изображений божеств на полотне, дереве, бумаге, много утвари, употреблявшейся при богослужениях, специальные трубы и другие музыкальные инструменты, сопровождавшие религиозные шествия, богато расшитое шелками покрывало с престола и другие экспонаты.

Интересное собрание представляет коллекция, переданная музею в 1912 г. известным исследователем Уссурийского края В. К. Арсеньевым и состоящая из 34 предметов, характеризующих быт китайцев-звероловов Маньчжурии и Уссурийского края. Здесь имеется: сетка для ловли соболей, принадлежности хозяйственного инвентаря, переносные алтари и другие предметы.

Более обширно, но менее разнообразно собрание китайских коллекций в Государственном музее Татарской АССР, включающее более 1200 предметов. Это собрание создано в основном из коллекций основателя музея — А. Ф. Лихачева, затем проф. Н. Ф. Высоцкого и проф. Н. Ф. Катанова. Кроме экспонатов, привезенных Н. Ф. Катановым из его путешествий по Западному Китаю и Монголии, имеются экспонаты, собранные на месте, в Казани. Многие торговцы, особенно татары, ведя дела с Китаем через Кяхту, вывозили оттуда китайские изделия, особенно фарфор. Эти привезенные в Казань вещи по преимуществу и приобретались проф. Высоцким и А. Ф. Лихачевым, составив довольно большие собрания. После Великой Октябрьской социалистической революции музей получил от различных организаций и приобрел немало подобных предметов. Так, например, в собрания музея поступило много китайских ваз, курильниц, фарфоровой посуды и тому подобных предметов, составлявших до революции обстановку магазина казанской чайной фирмы Унженнина.

Интересна коллекция, преимущественно из предметов буддийского культа, а также ваз и курильниц, переданная Государственному музею из музея бывш. Казанской духовной академии. Имеются данные, что, кроме ряда вещей, привезенных проф. Н. Ф. Катановым, большинство китайских коллекций академией составилось из предметов, переданных бывшим ее воспитанником известным синологом Н. Я. Бичуриным (Иакинфом). Однако указаний на Бичурина в документации коллекций нет (возможно потому, что он по возвращении из Китая оказался в опале у духовных властей), и о принадлежности ему этих собраний можно судить только по устным рассказам.

Лучше всего в Государственном музее представлен фарфор. Имеется большое количество крупных и мелких ваз, покрытых богатым многоцветным орнаментом, с изображением растений, животных и людей в характерной китайской манере. Много фарфоровой чайной и столовой посуды, в том числе чашек типа пиалы, которые в большом количестве вывозились из Китая в Среднюю Азию, Казахстан, попадая и к казанским татарам — торговцам. Посуда нередко весьма ценная, высокого качества.

В Государственном музее хранится также большое собрание китайских картин на шелке и бумаге, преимущественно бытового содержания. Имеются предметы обстановки и мебели. Интересен старинный китайский шкаф, а также различные скамеечки, подставки под вазы, полочки и т. п., в большинстве покрытые резным орнаментом или лакированные. Среди предметов, собранных А. Ф. Лихачевым, имеются роскошные китайские одежды, расшитые шелками и золоченой нитью.

Хорошо представлены различные бытовые вещи, среди которых немало предметов и статуэток, сделанных из камня, стекла, слоновой кости, перламутра. Обращает на себя внимание небольшой чайник, вырезанный из цельного куска серого с оранжевыми прожилками камня. По верхнему краю чайника идет вырезанная рельефом гирлянда из цветов и листьев, на крыше — статуэтка сидящей птицы. Интересна шкапулка из папье-маше, покрытая красным лаком, подобная упомянутому выше шкапулкам из коллекций университетского музея. Она имеет форму ромба с фигурно закругленными углами; на крышке — рельефное изображение двух китайцев, из которых один сидит под деревом на берегу водоема, а другой несколько в стороне играет на каком-то музыкальном инструменте.

Богато также собрание культовых статуэток, рисунков и культовой утвари.

Таким образом, Казань обладает довольно крупными коллекциями, характеризующими быт китайцев в прошлом. Выставка Государственного музея, экспонировавшего в 1951 г. эти коллекции с привлечением ряда данных о новом Китае, вызвала большой интерес населения. Желательно было бы эти коллекции, характеризующие богатейшую культуру китайского народа в прошлом, дополнить экспонатами, показывающими достижения культуры Китайской Народной Республики.

*Е. Бусыгин,
Н. Воробьев*

ПОЕЗДКА В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

По приглашению Чехословацкой Академии наук я принял участие в конференции чехословацких этнографов, которая происходила 21—23 октября 1953 г. в доме ученого им. Я. Е. Пуркyně в с. Либлице, в 40 км от Праги. Я имел также возможность познакомиться с этнографическими учреждениями и музеями Чехословакии и совершить небольшую поездку по стране.

На конференцию съехалось более 70 этнографов, фольклористов и музейных работников, представлявших этнографический актив страны.

В Чехословакии существует два научных этнографических центра — один в Праге, другой в Братиславе. Это кабинеты этнографии при Чехословацкой Академии наук и при Словацкой Академии наук. Оба кабинета созданы недавно и перед конференцией стояла задача ознакомиться с работой научных этнографических центров и выработать общее направление этнографических исследований на ближайшие годы.

Как и этнографы нашей страны, этнографы Чехословакии работают в настоящее время над многими актуальными темами, имеющими непосредственное значение для социалистического строительства. Среди этих тем ведущими считаются две: 1) этнографическое изучение быта кооперированной деревни и 2) этнографическое изучение быта населения промышленных областей. Кроме того, этнографы продолжают многолетнюю работу по изучению культуры и быта народных масс в эпоху славянского возрождения (в эпоху формирования чешской буржуазной нации), а также по изучению истории народного жилища и народной одежды. На пленарных заседаниях конференции и на секционных заседаниях были обсуждены многочисленные доклады как методологического характера, так и по отдельным проблемам. С такими докладами выступили заведующие кабинетами этнографии д-р Я. Крамаржик (Прага) и проф. Я. Малик (Братислава), заведующий филиалом Кабинета д-р К. Фойтык (Брно), редактор журнала «Чехословацкое этнографическое изучение» д-р О. Нагодил (Прага), редактор журнала «Чехословацкий этнографический журнал» д-р О. Скалников, д-р Л. Кунц, д-р М. Маркуш, Подолак, Ф. Ванчик, Чаян Шейфлер, Рыхнов, доцент Странская (Карлов университет, Прага), О. Сыроватка, Вицпалек, Петира, Шпилька, Врбцова, д-р Б. Барабашова, д-р Свобода, В. Часалов, д-р С. Ковачевичова и др. Я выступил на конференции с докладом «Этнографическое изучение современного сельского быта в СССР» и участвовал в заседаниях секций.

Конференция дала мне возможность ознакомиться не только с проблематикой этнографических исследований, ведущихся в Чехословакии, но и с представителями различных научных направлений. Ведущим направлением в чехословацкой этнографии является марксистское. Это направление, опирающееся в основном на молодые кадры, не только в методологическом отношении, но и численно преобладало на конференции. Противниками этого направления, число которых на конференции было значительно меньше, были «фактологи». Под такой кличкой известны здесь позитивисты, утверждающие, будто только они изучают факты (чего якобы не делают марксисты). Демократическая молодежь, окончившая чехословацкие университеты в последние годы и получившая образование в СССР, хорошо владеет марксистской методологией, имеет много членов коммунистической партии и комсомола. Придя в научно-исследовательские институты, эта молодежь отстаивает марксистскую методологию и борется с пропагандой буржуазных формалистических методов, с антимарксистским направлением научной деятельности «фактологов». Отсюда и столкновения, имевшие место и на конференции в достаточно острой форме. Молодежь критиковала также руководство Кабинета этнографии в Праге за недостаточно активную роль в отношении координации и направления исследовательских работ в этнографических учреждениях страны. То, что молодые ученые, являющиеся основной научной силой в этнографических кабинетах обеих академий (в Праге и Братиславе), четко представляют себе методологические принципы и ближайшие организационные задачи этнографической науки, дает основание надеяться на хорошие перспективы дальнейшего развития этнографии в Чехословакии.

По окончании конференции я ознакомился с постановкой научно-исследовательской работы в Кабинете этнографии Чехословацкой Академии наук, осмотрел Этнографическое отделение Народного музея, Напростков музей (музей этнографии вневвропейских стран), и, по предложению научных работников, выехал на места их полевых этнографических исследований.

К северу от Праги, в промышленном Кладненском районе, этнографы изучают быт рабочих-горняков в поселках возле с. Брандиски. Поселки эти как по времени своей постройки, так и по быту представляют собою различные эпохи. Старые рабочие колонии, выстроенные капиталистами для шахтеров в конце XIX в., состоят из небольших домовишек, сгруппированных вдоль тракта на пустыре. Более новый поселок, начала XX в., состоит из улиц, застроенных однотипными двухквартирными одноэтажными домами. Дворы при этих домах так малы, что рабочие семьи предпочитают проводить свободное время не во дворе, а на улице перед дверью дома. Дома арендовали рабочие у предпринимателей, причем очень многие рабочие семьи, чтобы иметь возможность покрывать квартирную плату, принуждены были сдавать углы холостым рабочим. Поэтому заселенность этих домов была очень велика. Каждая квартира состояла из одной-двух небольших комнат и кухни. До постройки поселка рабочие жили

соседних крестьян, снимаемая у них комнаты и углы. Одно из таких селений, в котором в настоящее время организован сельский кооператив, находится рядом с рабочим поселком. Между этим селением и рабочим поселком, расположенным вдоль большого шоссе, строится теперь (частично дома уже заселены) новый рабочий поселок. Просторные каменные дома, открытые квадратные дворы при них — чисто, светло и удобно. Во дворах пока еще нет зеленых насаждений. Но чехи очень любят цветы, деревья и, несомненно, разведут цветники, сады и небольшие огороды подле новых домов. Быт всех этих поселков изучается в настоящее время этнографами.

В Чехии я не видел хуторов и отдельно стоящих усадеб — преобладающей повсюду формой поселения являются деревни, но особого типа: чешские деревни — это маленькие городские поселки. Те же кирпичные оштукатуренные и окрашенные (главным образом в темножелтый или оранжевый цвет) одноэтажные дома, как и в городских пригородах промышленных центров. Широкие одностворчатые («модерные») окна, двухстворчатые ворота, заперты внутренним дверным замком, в самом центре дома, одна из сторон которого расположена вдоль улицы. Сплошная стена домов, кончающаяся лишь на перекрестках. На небольших центральных площадях — церковь, несколько магазинов, аптека, склады (в настоящее время — склады сельского кооператива). Поодаль — «Культурный дом». При въезде и выезде — «гостиница», т. е. деревенская харчевня. Когда подъезжаешь к какому-либо промышленному центру, таких селений становится все больше, и, наконец, они незаметно переходят в пригороды.

В Чехословакии прекрасные дороги, асфальтированные шоссе, автострады. Очень развито автомобильное и автобусное сообщение, всюду много мотоциклистов, а в селениях — велосипедистов. Нередко можно видеть на велосипеде даже старых женщин, едущих в лавку или из лавки с корзинкой. По дорогам всюду посажено много фруктовых деревьев. На некоторых из них висят какие-то кисточки, сделанные из маленьких прутьев. Это знаки собственности. Деревья эти принадлежат отдельным лицам, в то время как остальные фруктовые деревья, высаженные вдоль шоссе и проезжих дорог, принадлежат государству. Каждую осень урожай с деревьев снимается близлежащей общиной и сдается государству.

При поездке мне пришлось наблюдать охоту на зайцев: группа охотников, человек 20, шла с собакой по полю, вытянувшись цепочкой. Зайцев бить можно только организовано, участвуя в таких групповых охотах; за день группа убивает много дичи и сносит все в определенное место. Добыча сдается государству, но участники охоты пользуются привилегией получить по одному зайцу по заготовительной цене. Неорганизованная охота и, в особенности, хищнические методы охоты строго преследуются.

Как в самой Праге, так и в других городах и селениях большинство девушек ходит в брюках или спортивных костюмах. В такие костюмы одеты и дети. Было еще тепло, и молодежь ходила с открытой головой, но в деревнях девушки и в особенности замужние женщины прикрывали голову цветным платком, завязанным под подбородком. Идя на работу или с работы, крестьянки надевают цветной передник. Костюм рабочего, повидимому, повсюду одинаков — темная блуза, кепка с небольшим козырьком или черный берет; такими я видел рабочих и в пригородах Праги, и в Пльзене, и на стройках Словакии.

В одном месте сельское население оказалось одетым необычно для чешской деревни — это был Горшовский Тын, селение, находящееся примерно в 10 км от баварской границы. Был воскресный день, когда мы въезжали в это селение; на улице гуляло много девушек и девочек-подростков, и все они были одеты в яркие народные костюмы, сшитые главным образом из ситца и других набивных тканей. Здесь живут ходы. Это этнографическая группа чешского народа, образовавшаяся в период борьбы с немцами в позднем средневековье. Пограничному чешскому населению государство предоставило ряд льгот, освободило его от многих повинностей, но обязало нести караульную службу, охраняя границу от немцев. Вначале это было скорее сословие свободных пограничных крестьян, но с течением времени ходы (название объясняют тем, что они «ходили» вдоль границы — так ли это, выяснить не удалось), подобно нашим казакам, обособились от остальных чехов и образом жизни, и обычаями, и одеждой. Своеобразная женская одежда сохраняется у ходов до наших дней. Ходы-мужчины по своей одежде теперь ничем не отличаются от остальных чехов. У ходов имеются некоторые отличия от чехов и в пище.

Среди ходов, которые являются в Горшовском Тыне старожилками, в усадьбах бывших немецких колонистов живут теперь возвратившиеся с Волыни (Украинская ССР) чехи. Прожив в течение нескольких поколений среди украинского населения, волынские чехи многое переняли от украинцев (в фольклоре, танцах, пище и т. п.). С ходами на первых порах они не очень ладили, и только после создания сельских кооперативов, в которых оказались и ходы и чехи с Волыни, наладилось братское содружество двух этнографических групп одного и того же народа.

В Чехословакии существуют три основных типа кооперированных сельских хозяйств. К первому типу кооперативов относятся товарищества по совместной уборке урожая — это простейший тип временного объединения, на период полевых работ. Ко второму типу относятся товарищества по совместной обработке земли, к третьему типу — сельские кооперативы, соответствующие нашим сельскохозяйственным артелям. Кооперативов третьего типа меньше, чем двух первых, причем в Чехии их больше, чем в Словакии: в этом, вероятно, сказывается влияние пролетарской прослойки среди на-

селения. Там, где пролетарская прослойка выше (как в Чехии), кооперативное движение развивается быстрее и в более совершенных формах. Кроме сельских кооперативов существуют крупные государственные хозяйства, расположенные в разных областях страны.

От Горшовского Тына, быт населения которого изучается группой этнографов Праги, мы проехали в г. Домажлицы — старинный городской центр ходского населения. По постановлению чехословацкого правительства Домажлицы превращены в городской музей. Городской центр сохраняется в том виде, какой он имел в XVII в., — те же здания, та же архитектура, те же улицы. Запрещено переделывать и модернизировать все строения, отнесенные к историческим памятникам, — их только сохраняют и реставрируют. Благодаря этому можно видеть часть укреплений города, старинные торговые ряды, дома бюргеров, ремесленников, торговцев, ходить по площади и узким улочкам, заходить в дома с толстыми каменными стенами и высокими черепичными крышами. Быт позднего средневековья оживает перед посетителем не только на улицах города, но и в местном краеведческом музее. В музее находится несколько макетов XVI, XVII и XVIII вв., изображающих «Вифлеем». Богомольные мастера-ремесленники, выполнившие какой-либо «обет богу» (в виде расплаты за свои «грехи»), иногда в течение десятилетия работали над такими макетами. Пытаясь воссоздать библейских «волхвов», наши мастера-художники самым детальным образом и тщательно обработанных фигур воспроизводили жителей своего города, с их профессиональными занятиями, одеждой, жилищем. В каждом таком макете сотни отдельных фигур, и все они являются лиственными изображениями современных этим мастерам персонажей. Это редчайший макет городского средневекового быта, документальный памятник эпохи.

В Домажлицком краеведческом музее собраны редкие экспонаты по истории борьбы с немецкими феодалами; XVIII в. представлен прекрасными коллекциями оружия, ремесленными изделиями; XIX в. — одеждой, вышивками и предметами домашнего быта. Наиболее запоминаются образцы художественной ходской вышивки — цветная гладь по черному фону — оригинальное и специфически ходское искусство: спут ходские вышивки с вышивкой какого-либо другого народа трудно, настолько они отличаются манерой исполнения и расцветкой.

В этом небольшом музее, весь штат которого состоит из заведующего и хранителя фондов, мне пришлось впервые в чехословацких музеях видеть последовательно проведенный социальный принцип в экспозиции. Экспонаты подбираются обычно или по их художественному значению, или по принципу исторической документальности. Но так как собирателями в Чехословакии были раньше главным образом искусствоведы, многие коллекции попали в музей в виде подарков от частных лиц — любителей народного искусства, то красивость все-таки обычно преобладает здесь над исторической правдой. Это больше всего чувствуется в тех случаях, когда музей пытается дать картину народного быта — тогда для отражения этого быта не хватает соответствующих экспонатов, и дается, по существу, лишь праздничный быт, да и то богатых крестьян. Жизнь крестьян в будни, быт бедноты не попадают в музейную экспозицию. Советские посетители Домажлицкого музея — здесь представлен и праздничный, и будничный быт ходской деревни, быт ее зажиточных слоев и быт бедноты. В этом большая научная заслуга работников музея, создававших его экспозицию.

К сожалению, фонды музея не пополнялись уже в течение десятка лет, и потому быт современной кооперированной деревни в музейной экспозиции пока отсутствует.

На обратном пути в Прагу мы заехали в г. Пльзень и посетили городской музей. Это типичный музей бюргерства, представляющий буржуазный быт XVIII—XIX вв., но среди его документальных экспонатов (музей размещен в доме богатой бюргерской семьи) обращает на себя внимание «черная кухня» — закопченная кухня-камин, существовавшая в этом богатом доме еще до половины XIX в. Кухня эта по типу аналогична тем громадным каминным сооружениям, которые существовали еще в начале XX в. в богатых усадьбах курземских крестьян в Латвии (так называемые «мантильские курстенисы») и, как я установил во время своей поездки по Чехии и Словакии, во многих местах северной, близкой к Польше области — иногда в виде живого экспоната (в с. Брандиски под Прагой), иногда же только в памяти современного поколения (в северной Словакии).

Моя поездка по Словакии началась от Братиславы. Основной целью поездки был Словацкий народный музей в г. Мартине, поэтому в селениях по дороге мы почти не останавливались. Ехали мы на северо-восток, почти параллельно реке Ваг. Эта многоводная, быстрая и порожистая горная река содержит громадные энергетические ресурсы, использовать которые можно будет полностью лишь после того, как будут построены крупные гидроэлектростанции, которые дадут ток промышленным предприятиям. Некоторые гидроэлектростанции уже вступили в действие, другие строятся. Строятся и промышленные предприятия — их очень много. И если, проезжая по дорогам Чехии, мы видели везде строительные леса, опалубки, котлованы, то в Словакии картина всенародной стройки была еще более мощной. Отсталая в прошлом, аграрная Словакия быстро индустриализируется. Строятся гидроэлектростанции, железные дороги, фабрики и громадные заводы, строятся целые города, поселки, расширяются и обновляются старые селения. На фоне этой социалистической индустриализации особенно архаично выглядят каменные кресты на околицах, статуи святых на площадях селений, вместительные костелы. Но все это уходит в прошлое. Новое уже пробилось к жизни — это «дома культуры»

в деревнях, сельские советы, громкоговорители на улицах, помещения сельских кооперативов.

От Братиславы словацкие селения постепенно меняют свое лицо. Вначале это тот же тип селения, что и в Чехии, — кирпичные дома, стоящие вдоль улицы, сплошная стена одноэтажных домов с запертыми наглухо воротами. Те же одностворчатые «модерные» окна, та же оранжевая и желтая окраска. Но по мере продвижения к северу тип селений начинает меняться. Во-первых, меняется окраска домов — вместо оранжевого цвета появляется белый и синий, становясь потом преобладающим. Во-вторых, кирпичные дома обращены к улице своим узким фронтоном, и сплошная стена разбивается щелями длинных дворов. Дворы эти закрыты со стороны улицы воротами. Потом появляются срубные дома, оштукатуренные и окрашенные в синий цвет. Наконец, их вытесняют срубные неоштукатуренные строения, а во дворах исчезают ворота. Это уже в северной части страны, где живут «горали» — горцы. Ближе к крупным городам (Тренчин, Жилина, Мартин, Прешов, Кошица) селения вновь обретают «модерные» окна, оранжевую штукатурку, но по мере удаления от этих промышленных или административных центров лицо селений снова меняется. В восточной Словакии, особенно в районах, заселенных украинцами, совершенно своеобразны и тип селений, и тип домов — это срубные жилища с высокой крышей, некрашенные и неоштукатуренные, с большими квадратными дворами, расположенными вдоль улицы.

В районах, заселенных «горальями», у многих домов нет дымовых труб — дым из печей выпускается под крышу. И хотя ведется борьба с таким архаическим способом отопления, вызывающим частые пожары, крестьяне упорно сопротивляются модернизации дымоходов, утверждая, что дым, идущий на чердак, обогревает сверху все жилое помещение.

Малоземелье и дороговизна приусадебной земли в селениях вызывали во многих районах Словакии своеобразное развитие жилых домов. Мы видели длинные дома, в которых расположены в последовательном порядке жилые помещения четырех (в настоящее время не родственных) семей, затем — хлевы, конюшни, амбары и клетки, саран всех этих (каждой в отдельности) семей, — и все это под одной общей крышей. Это — результат происшедшего некогда дробления больших неразделенных семей: для каждой новой семьи делалась пристройка, и дом все удлинялся. Строить новый дом отдельно было нельзя из-за отсутствия усадебной земли. Иногда дом делился не только путем удлинения, но и путем продольного разреза. Такие двойные длинные дома имеют не один, а два длинных двора с каждой стороны дома. Опрос жителей показал, что все эти дома сравнительно недавнего происхождения, и утверждение будто они являются пережитками «длинных общинных домов» родового строя не имеет под собой никакой почвы.

Почти во всех словацких домах устье печи находится в сенях, а туловище ее — в хате. При модернизации печного отопления к печи пристраивается плита, и дымоход выводится на самую крышу — делается дымовая труба. Это первый этап модернизации, ограничивающийся лишь самой печью. Жилое помещение по-прежнему делится на сени и расположенные вдоль сеней жилую хату и комору, имеющие сообщение лишь с сенями. Повышение культурного уровня, быстро растущего у словацких крестьян после установления народно-демократического строя, привело к дальнейшей модернизации жилого дома: сени превращаются в кухню, туда переносится целиком печь, в комнате остается лишь одна ее сторона для обогрева (иногда пристраивается обогревательный щиток или ставится небольшая обогревательная печка-мазанка или чугунная печь); затем комора превращается в комнату-спальню с особой обогревательной печью (или без нее, а лишь с обогревательным щитком от плиты) и соединяется дверьми уже не с сенями, а с жилой хатой, которая становится или парадной комнатной, или спальней для молодой пары. Старики в таких случаях живут в кухне, где стоит также обеденный стол для всей семьи. Таких модернизированных жилищ мы видели немало; видимо, по этому пути пойдет приспособление жилищ до той поры, пока повышение зажиточности кооперированного крестьянства не даст возможности строить новые многокомнатные дома.

Внутренний вид крестьянского жилища в Словакии неодинаков. У менее зажиточных сохраняются неподвижные лавки, единственная деревянная кровать для главы семьи и хозяйки, самодельная мебель — столы, сундуки, табуреты. У более зажиточных или семей с более высоким культурным уровнем (сельская интеллигенция, местные активисты и проч.) имеется городская мебель, деревянные лакированные кровати, швейные машины, радиоприемники, хорошая посуда и т. д. Но Словакия только еще стала на путь социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, и полная перестройка материального быта всего народа не может произойти, пока перестройка народного хозяйства не завершена. Население героически строит промышленную базу, переделывает сельское хозяйство, преодолевая при этом ожесточеннейшее сопротивление своих классовых врагов. Мне пришлось беседовать с крестьянами в разных селениях: они полны веры в свое будущее, хотя трудностей еще много и они сказываются на разных сторонах крестьянского быта.

Вместе с постепенным изменением типов застройки селений и типов жилых домов меняется у нас на глазах по мере продвижения на северо-восток и восток народный костюм. Ближе к Братиславе крестьяне носят то же платье, что и горожане. Но вскоре стали попадаться цветные платочки на головах молодых женщины и темные — на го-

ловах пожилых; затем появились передники как непременная часть женского одеяния; потом перед нами предстали все более своеобразные народные костюмы женщин, девушек, детей. Мужчин в старых народных одеяниях мне видеть не пришлось, за исключением костюмов нескольких подростков, участвовавших в художественной самодеятельности в Доме культуры с. Выходне. Это не значит, что мужчины не ходят в таких костюмах — просто мне они не попадались.

Громадный Словацкий народный музей в г. Мартине — древней столице Словакии — имеет очень богатые этнографические фонды и не менее богатую развернутую экспозицию. Во всей Чехословакии нет ни одного этнографического музея, который мог бы соперничать с ним в отношении количества экспонатов. Во время моего посещения происходила перестройка экспозиции этого музея, и значительное число зал не было закончено. Прекрасно представлена в музее материальная культура словаков: сельскохозяйственные орудия, лесные промыслы, гончарство, стекольный промысел, обработка металлов (в частности, дратарство — изделия из проволоки) и проч., но богаче всего фонды по одежде и тканям. Однако экспозиция (приходится судить по старой экспозиции, так как новая не была закончена) методологически повторяла буржуазно-искусствоведческий подход к народному костюму — выставлен был лишь праздничный (да притом еще исключительно новый, неношенный) костюм, размещенный так, что представление о смежных типах терялось. Экспозиция по народной одежде не дает возможности представить народный быт таким, каким он был или каким он является в настоящее время. Если верить этой экспозиции, то словацкий народ только тем и занимался, что праздновал и веселился. Так же антиисторически представлено в музее народное жилище: жилище богатых людей, даже очень богатых, подменяет собою в этой экспозиции жилище словацких крестьян.

В этом музее, как и во многих других чехословацких музеях, очень мало научных работников. Исследовательской работы эти музеи, за малым исключением, почти не ведут. Своих полевых экспедиций не имели в течение многих лет. В методологическом отношении, насколько мне пришлось знакомиться с этой стороной музейной работы, этнографические музеи Чехословакии несколько отстают от общего уровня развития этнографии в этой стране. Однако большие и глубокие традиции этнографического собирательства, традиции изучения народной жизни так велики в Чехословакии и так сильны среди новой народной интеллигенции интерес к познанию народного быта, что можно ожидать в ближайшие же годы расцвета не только научно-исследовательской работы в академических учреждениях, но и воссоздания широкой корреспондентской этнографической сети, а следовательно, и расширения собирательской работы. Это даст новую базу для музейной экспозиции.

После города Мартина мы остановились на один день в Пряшеве и выезжали в украинское село Варатка на северо-востоке страны, в Ондавский Верховине. Мы заехали в несколько домов, посетили крестьянина-активиста, вернувшегося после второй мировой войны из Канады. Это передовой человек, коммунист, и в домашнем быту его, в отношении к близким, старикам-родителям, детям, внукам, к соседям, так много теплого и хорошего, что об этом посещении у меня сохранилось лучшее воспоминание. Дом, в котором он живет, перестроен внутри — в нем две комнаты, кухня, все это отделано масляной краской, блестит чистотой, полы прикрыты цветными половиками, на стенах рисунки, репродукции картин. Удобная, хорошо отделанная мебель, у каждого члена семьи отдельная, иногда красиво застланная кровать. Радиоприемник, когда мы пришли, был поставлен на Москву и встретил нас русской песней, исполняемой Лемешевым.

В г. Кошице, последней остановке моей на территории Словакии, я ознакомился с экспозицией Исторического музея. Этнографические фонды этого музея крайне немногочисленны, музей находится еще в стадии формирования, в исторической экспозиции много пробелов. Обогащение как чисто исторической, так и, в особенности, этнографической экспозиции этого музея является непременным условием его дальнейшего роста. Очень хороши в то же время экспонаты музея по палеолиту и неолиту — это результат исследовательской работы самих работников музея, сумевших осуществить в последние годы ряд важнейших раскопок.

Когда едешь по Чехословакии, видишь, как много может сделать здесь этнограф для социалистической перестройки быта, в особенности сельского быта. Чехословацкие этнографы уверенно и смело перестраивают направление своих исследований, изучают современность. При этом они стараются использовать наш положительный опыт и избежать допущенных нами ошибок. Для того чтобы быть постоянно в курсе изысканий советских исследователей, этнографы Чехословакии следят за нашей этнографической литературой, переводят и помещают в своих журналах наши статьи. Само приглашение меня на конференцию в Либлицах было вызвано желанием ближе познакомиться с методологией советских исследований. Советская наука пользуется в Чехословакии большим авторитетом, и это должно заставить нас, советских этнографов, в своей научно-исследовательской работе особенно тщательно применять марксистско-ленинскую методологию, охраняя ее от всяких попыток вульгаризации и упрощенчества. Проблемы, на разрешение которых направлены наши изыскания, актуальны не только для нас: если для СССР это настоящий день, то для Чехословакии и других стран народной демократии это самое ближайшее будущее.

П. И. Кушнер

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ ШИЛЛИНГ

(1892—1953)

4 декабря 1953 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался на 61-м году жизни один из старейших научных сотрудников Института этнографии АН СССР, крупный знаток этнографии Кавказа Евгений Михайлович Шиллинг.

Е. М. Шиллинг родился в Москве 7 октября 1892 г. Высшее образование получил в Московском университете, где в 1916 г. окончил историко-филологический факультет и получил диплом первой степени. Научная деятельность Е. М. Шиллинга началась в том же 1916 году, когда он впервые совершил поездку в Вологодскую губернию по поручению Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. С этого времени вплоть до 1945 г. Е. М. Шиллинг провел свыше 20 научных командировок и экспедиций в различные районы Кавказа, где собрал богатый материал, характеризующий различные стороны культуры и быта кавказских народов. Его перу принадлежат монография «Кубачинцы и их культура» и свыше 70 статей и очерков; подавляющая часть этих работ посвящена этнографии народов Дагестана, исследованию их хозяйства, материальной и духовной культуры.

В своих работах Е. М. Шиллинг на богатом и разнообразном (полевом, литературном, музейном) материале сумел показать яркую и своеобразную культуру дагестанских народов. Большое внимание уделял он исследованию их художественного ремесла: ковровому и войлочному производству, гончарству, обработке металла, дерева и камня. Сравнительный анализ культуры отдельных народов Дагестана позволил Е. М. Шиллингу показать черты общности и выявить специфические особенности культуры каждого из этих народов, составляющие их вклад в общедагестанскую сокровищницу культуры.

Большое число этнографических рукописей Е. М. Шиллинга осталось неопубликованным и хранится в архивах Института этнографии АН СССР, в Московском университете, Институте художественной промышленности и других научных учреждениях Советского Союза.

Собранные Е. М. Шиллингом многочисленные вещевые материалы, снабженные научной аннотацией, пополнили и обогатили этнографические коллекции ряда наших музеев (Государственного музея этнографии народов СССР, Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, Музея истории религии, Государственного исторического музея, Музея восточных культур, Музея художественной промышленности, Дагестанского государственного музея и других).

Советские этнографы — специалисты по народам Кавказа всегда будут обращаться к научным трудам и архивным материалам Е. М. Шиллинга, в которых они найдут образцы тщательно выполненного конкретного исследования, точной документации и разнообразных форм фиксации материала.

Наряду с научной деятельностью Е. М. Шиллинг в течение всей своей жизни вел большую педагогическую работу, подготовив большое число специалистов по этнографии Кавказа. Помимо занятий в Московском университете, Е. М. Шиллинг проводил семинарские занятия со студентами Московского текстильного института и аспирантами Научно-исследовательского института народов Востока, Института художественной промышленности и других научных учреждений Москвы. Большую и систематическую работу вел Е. М. Шиллинг по руководству полевой практикой студентов и аспирантов, по руководству их дипломными и диссертационными работами. Будучи исключительно внимательным и отзывчивым человеком, Е. М. Шиллинг пользовался большим уважением своих учеников, в сердца которых он вложил любовь к науке, стремление к самоотверженной деятельности на ее поприще.

За плодотворную деятельность на поприще советской науки Е. М. Шиллинг в 1945 г., в связи с 220-летним юбилеем Академии наук СССР, был награжден почетной грамотой Президиума Академии, в том же году, в связи с 25-летием советской автономии Дагестана, награжден почетной грамотой Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР. Советское правительство отметило самоотверженную работу

Е. М. Шиллинга медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Образ Е. М. Шиллинга, крупного ученого, внимательного педагога и самоотверженного товарища останется в памяти всех знавших его.

З. А. Никольск

Список основных печатных работ Е. М. Шиллинга

- Дагестанские кустари, изд. Центрального музея народоведения, М., 1926.
 В Гудаутской Абхазии, журн. «Этнография», 1926, № 1.
 Религиозные верования чечено-ингушей, черкесов, абхазов, сванов, Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I, Огиз, 1931.
 Унцукуль, Сб. «Дагестан», Гослитиздат, 1936.
 Балхар. Женские художественные промысла дагестанского аула Балхар, Пятигорск, 1936.
 Ковроткачество Дагестана, журн. «Советская этнография», 1936, № 4—5.
 Орнаментальное искусство Дагестана, Альманах «Творчество народов СССР», М., 1937, № 1.
 Мастера резца и наковальни, журн. «Народное творчество», 1937, № 1.
 Художницы Балхара, «Народное творчество», 1937, № 2—3.
 Художественные промыслы Дагестана, Сб. «Народное искусство СССР», т. I, М., 1937.
 Пережитки мужских союзов в Дагестане, «Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ», вып. 6, М., 1947.
 Литейное производство Дагестана (Женские пояса с литыми свинцовыми бляшками), «Советская этнография», 1947, № 1.
 Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. VIII, М.—Л., 1949.
 Изобразительное искусство народов горного Дагестана, «Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ», кн. IX, М., 1950.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

М. О. Косвен. *Очерки истории первобытной культуры*. Издательство Академии наук СССР. Научно-популярная серия. М., 1953.

Освещающая основные явления первобытной истории книга М. О. Косвена, несомненно, принесет большую пользу широким кругам нашей учащейся молодежи, а также всем советским читателям, интересующимся историческими проблемами. Книга явится полезным пособием и по университетскому курсу истории первобытного общества. Напомним, что уже очень давно из-под пера советских исследователей не выходило обобщающих работ, посвященных истории первобытной культуры.

В своей книге М. О. Косвен сжато характеризует проблему происхождения человека, описывает развитие первобытной техники, начиная с шельских рубил и кончая первыми железными орудиями; описывает развитие первобытной охоты, рыболовства, земледелия, скотоводства. В книге характеризуется развитие общественных отношений и семьи в рамках первобытно-общинного строя, развитие первобытного искусства и религиозных верований. Заканчивается книга описанием распада первобытно-общинного строя и возникновения классов и государства.

Особо выделяя эпоху распада первобытно-общинного строя, М. О. Косвен совершенно справедливо различает также начальный этап первобытного общества, эпоху первобытного стада, когда только возникали начатки человеческой культуры. Эта эпоха предшествует времени появления человека современного физического типа (*Нотозарипс*) и времени возникновения родовой общины; согласно археологической периодизации, она соответствует в основном раннему палеолиту.

Эпохе возникновения родового строя, известной нам главным образом по археологическим памятникам позднего палеолита, автор уделяет сравнительно мало внимания. Вполне обоснованно большая часть книги М. О. Косвена посвящена эпохе расцвета первобытно-общинного строя, эпохе существования матриархального родового строя и перехода от матриархата к патриархату. Здесь автор привлекает главным образом этнографический материал, позволяющий ему дать интересные, живые характеристики, в некоторой степени дополняя данные этнографии данными археологии.

Особенностью рецензируемой книги является широкое привлечение в ней разнообразного, тщательно проверенного, умело подобранного материала. В частности, автор знакомит читателей с новейшими открытиями советских археологов, важными для разработки тех или иных проблем истории первобытной культуры.

Очень ценно то, что М. О. Косвен во всех разделах своей книги, излагая материалы по истории первобытной культуры, критикует антинаучные расистские построения буржуазных археологов и этнографов. Книге М. О. Косвена чужд беспристрастный академизм. Стоя на марксистско-ленинских позициях, автор резко, принципиально разоблачает зарубежных расистов как недавнего прошлого, так и современных.

Книга М. О. Косвена насыщена большим фактическим материалом, написана живо, доходчиво. Особенно хочется отметить яркий, образный и в то же время очень ясный язык книги. Автор правильно поступает, расшифровывая всюду происхождение специальных терминов. Это значительно облегчает пользование книгой.

К недостаткам рецензируемой книги принадлежат, на мой взгляд, наличествующие в ней места (стр. 55—56, 124—126) элементы идеализации первобытного общества. Одним из основных положений марксистско-ленинского учения о первобытно-общинном строе является то, что этот строй был обречен на гибель, что рабовладельческий строй, представляющий в современных условиях бессмыслицу, противостоит нелепости, означал шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем. Эта застойность, отсталость первобытности в свое время была образно передана А. С. Пушкиным. «„Записки Теннера“ представляют живую и грустную картину. В них есть какое-то однообразие, какая-то сонная бессвязность и отсутствие мысли, дающие некоторое понятие о жизни американских дикарей. Это длинная повесть о застреленных зверях, о метелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках, замерзших на пути, о скотских

оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованности»¹.

Однако основное положение о застойности, отсталости первобытного общества не развито в должной мере в рецензируемой книге. Напротив, М. О. Косвен пишет (стр. 55): «Буржуазная наука всегда настаивает на том, что в первобытном обществе как и среди современных отсталых племен, индивид обезличен, полностью поглощен коллективом и пр. Этим имеется в виду «доказать», в соответствии с буржуазной теорией прогресса, что только в классовом обществе личность человека получает свободу и т. д.» Трудно согласиться с тем, как автор ставит эту проблему. Тезис о том, что племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках, принадлежит основоположникам марксизма-ленинизма. Ими же развито положение, что свобода человека в классовом обществе, будучи ничтожной, является все же большей, чем в обществе первобытном. И автор поступил бы правильно, развив и иллюстрировав в своей книге эти положения.

С идеализацией первобытного общества связано и то, что кровавая месть описывается в рецензируемой книге только в последней главе, посвященной распаду первобытно-общинного строя (стр. 193). Между тем кровавая месть, в такой же мере, как и родовое гостеприимство, является обычаем, характерным для первобытно-общинного строя в целом. Ошибкой автора рецензируемой книги является то, что язык и мышление первобытного общества он описывает в одной главе с такими надстроечными явлениями, как первобытная религия и первобытное искусство.

Советская наука о первобытном обществе развивается в оживленных научных дискуссиях. Далеко не все проблемы первобытной истории разрешены советскими исследователями. Многие проблемы являются спорными, дискуссионными. Научно-популярная книга по истории первобытной культуры только выиграла бы, если бы в ней были отмечена неразработанность отдельных проблем, если бы в ней были отмечены разногласия, существующие по некоторым основным вопросам среди советских этнографов и археологов. Эти разногласия незачем скрывать от читателей. Между тем рецензируемая книга грешит известным догматизмом. Спорные для советских исследователей проблемы М. О. Косвена или обходит, или излагает как уже разрешенные. Характерный пример — трактовка в рецензируемой книге вопроса о зарождении религиозных верований у неандертальцев (стр. 33). Как известно, существование неандертальских погребений признают такие видные и авторитетные советские археологи, как П. П. Ефименко², А. П. Окладников³ и другие. Можно полемизировать с ними, доказывать и неправоту, но едва ли правильно без аргументации отрицать существование у неандертальцев погребального обряда, ограничиваясь только замечанием о «фантазии археологов». Со своей стороны замечу по данному вопросу следующее. Открытие советскими археологами в 1952 и 1953 гг. трех позднепалеолитических погребений в Костенке в сопоставлении со старой находкой М. М. Герасимовым позднепалеолитического погребения в Мальте, показывает сложность, разнообразие и высокое развитие погребальной обрядности в позднем палеолите. Это дает основание предполагать, что такая сложная, разнообразная обрядность едва ли возникла на пустом месте. Вероятно, первые слабые зачатки этой обрядности начинали зарождаться еще в мустьерскую эпоху о чем и свидетельствуют неандертальские погребения в тех случаях, когда они тщательно раскопаны и правильно интерпретированы. Едва ли нужно доказывать, что признание зарождения у неандертальцев первых слабых зачатков религии не имеет ничего общего с признанием «изначальности» религии. Ведь люди выделились из животного состояния за несколько сот тысяч лет до возникновения неандертальцев и неандертальских погребений.

Наконец, серьезным недостатком рецензируемой книги является полное отсутствие в ней иллюстраций, а также указаний на литературу предмета. Научно-популярная работа лишь в том случае достигнет своей цели, если она пробудит у читателя интерес к предмету, желание углубить свои знания, больше прочитать по этому же вопросу. А в рецензируемой книге не названа, не порекомендована ни одна из многочисленных работ советских этнографов и археологов, посвященных истории первобытного общества и первобытной культуры. Необходимо констатировать, что вышедшая одновременно с книгой М. О. Косвена в той же научно-популярной серии Академии наук СССР книга П. Н. Третьякова «Восточно-славянские племена» выгодно отличается от книги М. О. Косвена наличием многочисленных указаний на специальные исторические и археологические работы, с которыми может ознакомиться читатель.

Подытоживая, отметим, что рецензируемая книга М. О. Косвена представляет собой ценный, содержательный и интересный труд, удовлетворяющий насущной потребности в литературе такого рода. Но ценность этого труда снижается указанными здесь недостатками. Желательно, чтобы подобных недостатков были лишены другие научно-популярные книги, посвященные первобытности.

П. И. Борисовский

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 458.

² П. П. Ефименко, Первобытное общество, 3-е изд., Киев, 1953, стр. 248—252.

³ А. П. Окладников, О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры, «Советская этнография», 1952, № 3.

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ М. О. КОСВЕНА «ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ»

12 марта 1954 г. состоялось первое заседание вновь образованного Ученого совета Отделения археологии и этнографии Исторического факультета Московского гос. университета, посвященное обсуждению книги М. О. Косвена «Очерки истории первобытной культуры».

Открывая заседание, председательствующий А. В. Арциховский отметил, что известная близость археологической и этнографической тематики и наличие ряда общих для этих наук вопросов делают организацию Ученого совета Отделения важным и заметным событием.

Прения по книге М. О. Косвена открыла Б. И. Шаревская, подчеркивая значение обсуждаемой книги как общего руководства, восполняющего давнишний пробел в научно-популярной (а в известной мере также и учебной) литературе о первобытном обществе. Это обстоятельство заставляет отнестись к достоинствам и недостаткам книги с особенным вниманием. Бесспорным достоинством книги является то, что автор рассматривает историю первобытности как особую область исторической науки. Автор правильно поступил, не останавливаясь подробно на периодизации истории первобытного общества, крайне слабо еще разработанной. Следует приветствовать тот факт, что М. О. Косвен, в противоположность ряду других исследователей, видит грань между человеком и его животными предками в возникновении трудовой деятельности и, следовательно, признает ископаемых людей настоящими людьми. Однако в книге много существенных недостатков. В ней не раскрыты производственные отношения, существовавшие в родовой общине, не показан экономический строй первобытного общества. Неудачна композиция раздела о духовной культуре, куда, наряду с явлениями надстроечного характера, включены язык, мышление, правила личной гигиены и т. п. Нельзя, как это делает М. О. Косвен, говорить об «эпохе военной демократии»: термин «военная демократия» может обозначать лишь политическую надстройку. Неверно утверждение о том, что шелльский ударник появился как гениальное изобретение одного индивида; речь в данном случае может идти только о коллективном изобретении. Говоря о происхождении того или иного элемента культуры, этнограф должен указывать не страну, не территорию, а народ, вкладом которого в мировую культуру является данное изобретение или открытие. В этом же вопросе автором допущен ряд неточностей: маис впервые культивировали не индейцы Андов, а майя, картофель ведет происхождение не из Перу и Чили, а, как показали советские исследователи, с Боливийского нагорья, неверно утверждение, что народы Африки, а равным образом и народы Индии не употребляли в пищу молока. Вряд ли следовало, излагая историю жилища, рассматривать его только как элемент материальной культуры, вне связи с историей общества; при таком подходе к делу остаются неясными многие особенности исторических форм жилища (например, деление на мужскую и женскую половины). Столь же неоправданно механическое перечисление форм брака, относящихся к различным стадиям развития человеческого общества. Теоретически слаб раздел, посвященный происхождению и развитию религии. Автор умалчивает здесь о социальных корнях религии, не показывает, что религия возникла в головах людей как фантастическое отражение действительности, односторонне освещает вопрос о появлении служителей культа, не связывая его с общественно-экономическим развитием общества. Ошибочно содержащееся в книге утверждение, будто возникновение частной собственности начинается с появления частной собственности на землю. В книге имеется немало неверных и неудачных формулировок, часты повторения (при описании свадьбы, патронимии и др.).

Л. Р. Кызласов в своем выступлении отметил, что книга М. О. Косвена является успешной попыткой осветить в научно-популярной форме один из наиболее сложных периодов истории культуры. Перед автором такой книги стоят значительные трудности, связанные с недостаточностью археологических данных и сложностью использования этнографического материала, тем не менее книга М. О. Косвена построена методологически правильно. Наиболее существенным недостатком обсуждаемой работы является то, что в вводном разделе не показан крупнейший вклад Энгельса в изучение истории первобытного общества, значение его бессмертного труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Автор неправильно пользуется термином «военная демократия», обозначая им не политическую надстройку общества, а определенную историческую эпоху. В книге имеется противоречие: правильно протеста против термина «обезьяночеловек», М. О. Косвен здесь же пишет об обезьяноподобных человеческих существах. Предлагаемая автором датировка происхождения оленеводства излишне расширительна: археологические данные позволяют решить этот вопрос гораздо точнее. Имеются и прямо ошибочные положения. Мадленские стоянки Мальта и Буреть неверно определены как ориньяко-солютрейские. Каменные бабы, которые рассматриваются автором как особый вид менгиров, в действительности представляют собой только изображения покойников. Неверна датировка горно-алтайских курганов, а самое утверждение, будто курганы первоначально являлись коллективными родовыми погребениями, весьма спорно и фактами не подтверждается. В заключение Л. Р. Кызласов подчеркнул, что, несмотря на ряд отдельных недостатков, книга М. О. Косвена в целом заслуживает самой положительной оценки.

Обсуждение новой книги М. О. Косвена, указал С. А. Токарев, имеет большое значение, и не только для оценки данной работы, ибо достоинства книги свидетельствуют о достижениях советской науки о первобытном обществе, недостатки же в значительной мере отражают имеющиеся в последней пробелы. Автор поднимает ряд общих вопросов, не решенных еще историками первобытного общества, и в ряде случаев предлагает собственные решения.

К числу основных положительных сторон обсуждаемой книги следует отнести пронизывающую ее идею исторического прогресса человеческого общества и его культуры, а равным образом стремление автора внушить читателю подлинное уважение к так называемым отсталым народам, их труду, их творчеству, их достижениям. Важным достоинством книги является то обстоятельство, что в ней последовательно, хотя и не всегда в достаточной мере, критикуются псевдонаучные положения реакционных буржуазных исследователей. Существенно и то, что в новой книге М. О. Косвен пересмотрел многие свои устаревшие взгляды (выделение в истории семейной общины «демократического» и «деспотического» этапов, признание «теории трех ступеней» в истории развития хозяйства и т. п.).

Однако весьма существенны и недостатки обсуждаемой книги. Это — прежде всего схематизм в трактовке многих вопросов, связанных с историей развития семьи и общества, общественного производства, материальной и духовной культуры. В ряде случаев создается впечатление, что развитие культуры происходит по прямой линии, в порядке простой эволюции. Изложение зачастую ведется абстрактно, выдвигаемые положения не подкреплены необходимыми конкретными фактами. Нельзя согласиться со схематической трактовкой матриархата и патриархата, которые рассматриваются как исторические периоды. Конкретное содержание этих периодов всегда было очень неясно, оно не раскрыто и в обсуждаемой книге, хотя в ней и имеется ряд существенных уточнений. Патриархат должен рассматриваться не как эпоха, а как исторически ограниченное явление, возникающее при распаде родового строя и характеризующее деспотическую власть отца семейства («патриарха»). Крупным недостатком книги является то, что история семейных отношений выдвигается в ней на первый план, заслоняя собой историю общества. Плохо освещена история производства, которой в нашей науке вообще уделялось очень мало внимания. Локальные варианты земледельческого, скотоводческого и других форм хозяйства показаны недостаточно. Подсечно-огневое земледелие, имевшее весьма ограниченное распространение, характеризуется как древнейшая и наиболее универсальная форма, в то время как о степном земледелии не говорится ни слова. Очень спорно утверждение автора о том, что, прежде чем одомашнить животных, нужно было их приручить. Вряд ли следовало говорить о полицентрическом происхождении оленеводства, ибо М. Г. Левиным доказано наличие двух определенных центров. Много устаревшего имеется и в разделе, посвященном развитию религии. Общим недостатком книги является то, что в ней мало этнографических примеров, а многие вопросы, как, например, развитие обмена, развитие форм собственности, поданы совершенно абстрактно.

А. В. Арциховский отметив, как несомненное достоинство книги, пересмотр в ней ряда устаревших положений первобытной истории, упрекнул автора в допущении им весьма значительного схематизма. Примером этого может служить отнесение к патриархальной стадии самых различных по уровню своего развития народов, в частности, отнесение к этой стадии австралийцев. Объяснение смены у австралийцев матриархата патриархатом европейской колонизацией неубедительно: колонизация имела место и в Африке, однако здесь сохранились четко выраженные матриархальные формы. Нельзя говорить об «эпохе военной демократии», так как этот термин применим лишь к надстройке. В книге М. О. Косвена, как правило, удачно используются данные археологии, но есть и ошибки. Так, например, неверно указано, что жилище появляется раньше одежды, ибо естественные укрытия — пещеры — нельзя безоговорочно рассматривать в качестве жилищ; неправильно приписаны первобытному обществу некоторые явления, свойственные уже классовым обществам: сложный плуг, гончарный круг, глазури на гончарных изделиях. В книге правильно указывается, что с разложением первобытно-общинного строя усиливается смешение племен и начинается складывание народностей, но нельзя говорить, как это делает автор, об антропологической однородности племен в предшествующий период. Отметив, как положительный факт, большое внимание, уделяемое критике реакционных концепций буржуазных ученых, А. В. Арциховский указал, что эта критика, а равным образом и критика ошибок советских исследователей в некоторых случаях голословна (например, по поводу взглядов А. П. Окладникова и В. К. Никольского на неандертальские погребения). Имеющиеся в книге пробелы и недостатки должны быть устранены во втором издании, которого книга, несомненно, заслуживает.

В. Д. Блаватский в своем выступлении остановился на необходимости учитывать конкретные исторические и географические условия, говоря о достоинствах того или иного элемента культуры. Нельзя, например, безоговорочно утверждать, что соха всегда примитивнее плуга, так как некоторые почвы требуют очень неглубокой вспашки и плуг для них непригоден.

В ответном слове М. О. Косвен отметил, что участники обсуждения сделали ряд полезных замечаний, и обратил внимание собравшихся на трудности, вставшие перед ним в связи со слабой разработкой многих основных вопросов первобытной истории

Касаясь отдельных критических замечаний, М. О. Косвен возразил против трактовки военной демократии как политической надстройки. Военная демократия является именно эпохой в развитии первобытного общества, так как политическая надстройка не может существовать без соответствующего ей базиса; изучение трудов классиков марксизма-ленинизма позволяет рассматривать военную демократию как определенный исторический этап. Именно так трактуется этот термин и в последних трудах по истории народов СССР. Нет ничего ошибочного в том, что общества, весьма различные по уровню своего социально-экономического развития, характеризуются в книге как матриархальные: матриархат не однотипен, в разных обществах он различен. Настаивая на своем утверждении, что первой формой частной собственности является частная собственность на землю, М. О. Косвен отметил, что он основывается в этом вопросе на указаниях Энгельса и исходит из марксистского положения о частной собственности как отношении между людьми, а не отношении к вещам. Ни орудия, ни скот не могли в то время явиться частной собственностью; вообще же поднятый вопрос очень сложен, и освещение его в дальнейшем будет дано особо. Некоторые отдельные поправки, сделанные участниками обсуждения, очень спорны. Существуют весьма различные мнения по поводу родины картофеля и многих других культурных растений. Вопрос о соотношении лесного и степного земледелия все еще не изучен. Весьма спорно утверждение о том, что появление одежды предшествовало возникновению жилища: археологи оперируют в этом вопросе не фактами, а умозрительными соображениями. Не отрицая наличия в книге известного схематизма, М. О. Косвен указал на неизбежность его при современном состоянии наших знаний о первобытности, а также на необходимость известных упрощений в научно-популярном издании. В заключение М. О. Косвен подчеркнул необходимость усиления научной разработки вопросов первобытной истории и, в частности, желательность подготовки ряда исследований по отдельным конкретным вопросам.

Заключая прения по книге, А. В. Арциховский выразил пожелание, чтобы при подготовке второго издания были учтены критические замечания, высказанные при обсуждении.

А. Першц

НАРОДЫ СССР

С. И. Руденко. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. М.—Л., 1953.

Капитальный труд С. И. Руденко «Культура населения Горного Алтая в скифское время» представляет собою монографию, посвященную изучению Пазырыкских курганов на Алтае. Книга содержит более 400 страниц обильно иллюстрированного текста и свыше 120 черно-белых и цветных таблиц. Первая глава книги посвящена описанию ландшафта и географических условий Улаганского нагорья и вопросам курганной мерзлоты, этого специфического явления, обусловившего сохранность пазырыкских находок. Во второй главе дается общее описание курганов и процесса их раскопок, а в третьей — описание физического типа пазырыкцев по костным материалам и мумиям, обнаруженным в погребениях. В последующих главах описываются хозяйство и образ жизни, одежда и украшения, средства передвижения и техника обработки различных материалов. В восьмой главе автор затрагивает трудные для разрешения в археологическом исследовании вопросы об общественном строе. Далее очень подробно даются описание и анализ предметов искусства, для чего Пазырыкские курганы представляют богатейший и разнообразный материал. Десятая глава посвящена верованиям и культуре пазырыкцев, вопросам, не менее трудным для разрешения их на археологическом материале, чем общественный строй. В заключительной, одиннадцатой, главе автор подводит итоги своего исследования, формулирует датировки и высказывает некоторые соображения относительно этнической принадлежности пазырыкцев.

Как в процессе полевых работ, так и в дальнейшем исследовании автор уделил много внимания комплексному изучению географических условий Улаганского нагорья, вопросам палеоботаники и исторической климатологии. Тщательно анализируя собранные данные, С. И. Руденко убедительно показывает, что в период, к которому относится сооружение Пазырыкских курганов, как климатологические условия, так и состав флоры и фауны не отличались сколько-нибудь существенно от современных. Эти выводы в дальнейшем служат автору конкретной базой для реконструкции форм хозяйства, в силу чего эта реконструкция весьма выигрывает в своей убедительности. Особо был поставлен вопрос об изучении курганной мерзлоты, для чего в состав экспедиции были приглашены соответствующие специалисты. Изучение этого интересного явления, обусловившего сохранение не только таких материалов, как дерево, кожа и ткани, но даже и конских трупов, позволило автору детально разобраться в вопросах о времени и условиях, при которых было совершенно ограбление. Можно вполне согласиться с автором, что ввиду чрезвычайной затрудненности работы, которую требовалось проделать в условиях промерзшего грунта, эти ограбления могли иметь место лишь после того, как пазырыкцы покинули долину Улагана.

Коснуться в настоящей рецензии всех вопросов, затронутых С. И. Руденко в его обширном исследовании, не представляется возможным. Остановимся лишь на некоторых, как нам представляется узловых, вопросах.

Реконструируя формы хозяйства пазырыкцев, С. И. Руденко считает, что оно было комплексным, причем ведущая роль принадлежала скотоводству. Как полагает автор известную роль играла и охота, особенно среди беднейших слоев населения, где она вероятно, являлась немаловажным подсобным промыслом в отличие от более зажиточных хозяйств. Если судить по имеющимся материалам, охота носила уже не только потребительский, но отчасти и товарный характер. О последнем говорит обилие вещей из меха пушных зверей, среди которых особо ценились белка и соболь. «Не случай но,— пишет автор,— что во всех захоронениях племенных вождей или старейшин, там где сохранилась меховая одежда, мы встречаем одежды из меха соболя» (стр. 75).

Вопрос о существовании земледелия у пазырыкцев автор оставляет открытым. Н в одном из курганов не было найдено ни зерен культурных злаков, ни даже зернотеря что, впрочем, может объясняться и высоким общественным положением погребенны С. И. Руденко указывает, что и климат Улаганской долины слишком суров для существования в ней земледелия, однако он не исключает возможности, что у населения Центрального Алтая, в частности, в долине Урсула, где климат теплее и мягче, оно могло существовать, хотя и едва ли в значительных размерах.

Судя по находкам в Пазырыке, состав стада был разнообразным. Пазырыкцы разводили как крупный рогатый скот — коров и яков, так и мелкий — коз и овец, однако центральное место, несомненно, занимало коневодство. Несмотря на то, что скотоводство играло доминирующую роль в хозяйствах пазырыкских племен, С. И. Руденко, в противоположность М. П. Грязнову¹, не считает возможным рассматривать пазырыкцев как кочевников. Действительно, как полагает автор, развитию кочевого быта не способствовали и естественная среда. Обильные пастбища Горного Алтая вполне обеспечивали потребности местного скотоводства и не только в летнее время, но и зимой, даже при самых незначительных сезонных передвижениях стад. О полуседлом, если даже не оседлом, образе жизни древних насельников Горного Алтая говорит хорошо развитая строительная техника. Следует вполне согласиться с автором в том, что искусство, с которым сделаны срубы погребальных камер, могло сложиться лишь в условиях длительного постоянного совершенствования в сооружении рубленых домов. Можно поэтому не сомневаться в том, что у пазырыкцев существовали оседлые поселения, хотя некоторая часть населения могла находиться постоянно при стадах. Подобный тип хозяйства, сочетающий в себе оседлый быт с кочевыми формами хозяйства, хорошо известен по этнографическим данным. В качестве примера можно указать на башкир, у которых при наличии оседлости, существовал не только летний, но и зимний выпас скота в условиях, даже менее благоприятных, чем в Горном Алтае. Еще более ярким примером могут служить зыряне-ижемцы, у которых лишь отдельные хозяйства или даже отдельные члены семьи вели кочевой образ жизни, уходя со стадами за сотни километров (а не десятки, как это могло быть на Алтае), в то время как основная часть населения жила совершенно оседло, занимаясь охотой и ремеслами: ткачеством, изготовлением медных котлов, бронзовых украшений и других предметов, предназначавшихся на продажу, главным образом немцам-кочевникам.

Не исключена, конечно, возможность, что у пазырыкцев существовали хотя и постоянные, но сезонные поселения типа летников и зимников. Такой тип оседлости также хорошо известен у некоторых народов Сибири с комплексными формами хозяйства, как, например, у манси, хантов и некоторых других. У них можно было наблюдать существование зимних, летних, а иногда и весенних поселений, состоявших из постоянных рубленых жилищ. Выбор мест для сезонных селений обуславливался спецификой хозяйственного года и местными климатическими условиями. Расстояния между зимними и летними селениями обычно бывали порядка нескольких километров, изредка больше — пятнадцати-двадцати. Здесь обитала основная часть населения, и лишь небольшая группа его, состоявшая, как правило, из отдельных представителей больших семей, часть года или даже круглый год кочевала с оленями, уходя в горы или тундру.

Дополнительным аргументом в пользу оседлости пазырыкцев является отмеченный В. О. Виттом и С. И. Руденко факт, что кровные кони из Пазырыкских погребений должны были содержаться в стойлах на концентрированных кормах, что также едва ли могло иметь место при кочевом быте.

В соответствии с комплексным развитым хозяйством и достаточно высоким уровнем развития техники у пазырыкцев автор реконструирует их общественный быт. Он устанавливает наличие глубокого имущественного расслоения и отчетливой общественной дифференциации, хотя еще и в пределах первобытно-общинного строя. Вполне убедительно и наличие военной организации, причем следует согласиться с автором в том, что должность вождя была скорее выборной, чем наследственной, и при избрании его предпочтение отдавалось личным качествам воина. Едва ли приходится возражать и против выдвинутого автором положения о семейном владении скотом, что не исключало возможности личного владения конями, ходившими под седлом. Убедительно показан развитый характер обменно-торговых связей как с соседними, так и с более отдаленными областями.

Следует отметить, что автор очень осторожен в своих выводах как в отношении общественного строя, так в еще большей степени в отношении религиозных представлений. Однако в этом его едва ли можно упрекнуть, учитывая неполноту и односторон-

¹ М. П. Грязнов, Первый Пазырыкский курган, М., 1950, стр. 50.

ность материала, при полном отсутствии данных, касающихся поселений того времени. Тем не менее и те сведения, которые приводит в своей книге С. И. Руденко, представляют совершенно исключительный интерес. Обряды бальзамирования трупов, татуировка на телах вождей, пышное и красочное искусство пазырыкцев — все это открывает перед нами совершенно новый мир. Открытия С. И. Руденко заставляют полностью отбросить старые представления об отсталых народах, якобы влачивших тусклое существование в захолустной сибирской глуши. Автор дает представление о совершенно иной картине жизни древних алтайских племен с их удивительным народным творчеством и их обширнейшими связями, уходившими в Китай и Переднюю Азию.

Довольно подробно С. И. Руденко останавливается на одной очень интересной детали конского убранства, вызвавшей в свое время оживленную полемику в литературе. Деталью этой являются маски и наголовья, изображающие фантастических животных и борьбу зверей, обнаруженные в ряде конских захоронений. Как известно, в свое время Н. Я. Марр в маскировке коней увидел подтверждение своей теории о смене оленеводства, хотя, по существу говоря, маска с оленьими рогами из 1-го Пазырыкского кургана изображает нападение барса на оленя, а то время как вторая маска из того же кургана вообще не содержит оленьих черт. К точке зрения Н. Я. Марра в одной из своих ранних работ присоединился и С. И. Руденко². Позднее в связи с анализом пазырыкских материалов эту теорию поддержали С. В. Киселев и М. П. Грязнов³. В рецензируемой работе С. И. Руденко отмечает, что раскопки последующих курганов не только привели его к полному отказу от этой теории, но и показали всю ее необоснованность. Он подчеркивает, что «из восьми навершен конских головных уборов только в одном мы видим оленью голову и в другом оленьи рога, все же остальные шесть представлены иными мотивами» (стр. 226). Уже это одно заставляет отбросить всякую мысль о маскировке коня под оленя. Мало того, наголовье в виде оленя из 6-го кургана показывает, что эти вещи не являлись специально погребальными, а служили, скорее всего, церемониальным убранством. Следы употребления и ремонта на последнем наголовье свидетельствуют об этом достаточно убедительно.

Остановимся на вопросе о датировках, по которому в литературе было высказано несколько различных точек зрения. Исходя из всего комплекса находок в Пазырыкских курганах, С. И. Руденко считает возможным «первые два и, вероятно, пятый датировать V веком до н. э., а остальные концом V, вернее IV в. до нашей эры» (стр. 360). От более точной их датировки автор пока воздерживается. Очень близкую позицию в отношении датировки 1-го Пазырыкского кургана занимает М. П. Грязнов, исходя из «ясно прослеживаемых культурных связей с народами Ирана и Средней Азии ахеменидского времени»⁴. Однако, в отличие от С. И. Руденко, он считает, что наиболее вероятной датой является IV в. до н. э., поскольку он не усматривает в комплексе вещей майэмирского типа.

Следует заметить, что это соображение М. П. Грязнова о невозможности датировать 1-й Пазырыкский курган V в. до н. э. не является бесспорным. В своей работе, посвященной 1-му кургану, на основании изучения пробоя на конских черепах он дает весьма убедительную реконструкцию клеца, которым были убиты погребенные кони. Подобного типа клецы С. В. Киселев относит к первой стадии тагара⁵. Дополнительные данные С. И. Руденко показывают, что аналогичными клецами были убиты кони и из других курганов и, что еще интереснее, от удара этим же оружием погиб и вождь, погребенный во 2-м кургане.

Все это вместе взятое указывает на то, что бронзовые клецы как боевое оружие еще широко бытовали в пазырыкское время. Хотя они и продолжали встречаться в IV в. до н. э., основное распространение их все же падает на более раннее время, что в известной степени идет в разрез с приведенным выше доказательством М. П. Грязнова о невозможности датировать 1-й курган V в. до н. э.

Иную позицию в датировке Пазырыкских курганов занимает С. В. Киселев. Признавая наличие в материале Пазырыкских курганов традиций, уходящих к древности классического Востока и ахеменидского Ирана, С. В. Киселев относит эти черты за счет своеобразной архаизации, якобы свойственной пазырыкцам, и считает, что Пазырыкские курганы относятся ко времени с конца III до I в. до н. э.⁶. Основанием для столь поздней датировки С. В. Киселеву послужило прежде всего сходство пазырыкских вещей с материалами из курганов Шибэ и Ноин-Улы и главным образом ссылка на так называемый аму-дарьинский клад. Как указал С. И. Руденко, Шибинский курган, по комплексу вещей действительно очень близкий к 3-му и 4-му Пазырыкским, был датирован М. П. Грязновым и Голомштоком II в. до н. э. — I в. н. э. Эта дата основана на определении японским археологом Умехарой обломка китайской лаковой чашечки. С. И. Руденко указывает, что в настоящее время этого обломка в коллекции нет, почему и проверить определение Умехары невозможно. Последнее было бы крайне

² С. И. Руденко, Скифское погребение Восточного Алтая, «Изв. ГАИМК», 1931, № 2.

³ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, «Материалы и исследования по археологии СССР», 9, 1949, стр. 207; М. П. Грязнов, Указ. соч., стр. 85.

⁴ М. П. Грязнов, Указ. соч., стр. 43.

⁵ С. В. Киселев, Указ. соч., стр. 115, 131.

⁶ Там же, стр. 215—216.

интересно еще и потому, что в современной китайской археологической литературе⁷ типологический метод Умехары подвергнут суровой критике, ввиду чего и определения его не могут считаться бесспорными. Что же касается сходства с Нюин-Улой, то оно легко объясняется тем, что традиции, сложившиеся в Пазырыке, могли бытовать и позднее, почему оно и не может служить доказательством синхронности памятников.

Наконец, аргументация аму-дарьинским кладом с его якобы поздней датой является недоразумением, поскольку, как известно, аму-дарьинский клад является случайным собранием вещей, т. е. не представляет собой комплекса и в целом служит основанием для датировки не может.

Против поздней датировки 1-го Пазырыкского кургана возражал и М. П. Грязнов, отмечавший отсутствие в нем вещей греко-бактрийского происхождения. Добавим от себя, что это соображение, равно как и отсутствие ханьских вещей, столь обычных и многочисленных даже в рядовых памятниках Сибири, может быть распространено и на все остальные исследованные курганы Пазырыкской группы.

Есть еще одно обстоятельство, которое позволяет судить о верхнем пределе существования пазырыкской культуры. Как С. И. Руденко, так и М. П. Грязнов отмечают, что основным, если даже не единственным орудием, применявшимся для рубки и обтесывания дерева при сооружении погребальных камер, был бронзовый кельт, насаженный на рукоятку либо как топор, либо как тесло. Более того, бронзовым кельтом орудовали и грабители, оставившие в 1-м кургане сломанную рукоятку такого кельта. Как уже отмечалось, ограбление пазырыкских курганов было единовременным и произошло уже после того, как долина Улагана была покинута пазырыками. Последнее обстоятельство позволяет говорить о том, что бронзовые кельты продолжали бытовать даже некоторое время спустя после конца пазырыкского культурного этапа. В то же время известно, что бронзовые кельты, тем более как рабочее орудие, полностью исчезают из употребления в III в. до н. э.

Таким образом, нам представляется, что датировка Пазырыкских курганов концом V — IV веком до н. э., выведенная на основании анализа всего комплекса находок, является убедительной. Может быть, в дальнейшем ее придется несколько расширить (до начала III в. до н. э.), но такие уточнения будут возможны лишь после дальнейших исследований. Для датировки Пазырыкских курганов несомненный интерес представляет статья Э. Роуз о влиянии ахеменидского искусства на искусство кочевников. Интересно при этом, что автор, видимо, незнакомый с русским языком исходит, из анализа лишь ахеменидского искусства.

Э. Роуз отвергла дату Миннза (для 1-го кургана — III в. до н. э.) и Кюна — «около начала нашей эры» — и приходит к тем же выводам, что и М. П. Грязнов, датируя первые два кургана IV в. до н. э. Датировку V в. до н. э. она считает сомнительной⁸. Однако в этой части ее доводы не представляются вполне убедительными, и, может быть, изучение Пазырыкских курганов поможет внести некоторые уточнения в хронологию I тысячелетия до н. э. и позволит установить даты возникновения отдельных форм, получивших широкое распространение в последующее за пазырыкским сарматское время.

При знакомстве с интереснейшей пазырыкской культурой у каждого читателя естественно возникает вопрос, с какой же этнической группой и с какими народами древности ее следует связывать. Приходится отметить, что в этом вопросе автор проявил излишнюю осторожность. В книге мы не находим прямого ответа на этот вопрос. Вместе с тем, привлекая многочисленные сведения античных писателей о народах, обитавших на степных пространствах Евразии, автор подает их столь суммарно и обобщенно, что они перестают служить каким-либо критерием для этнической характеристики. В частности, едва ли уместно столь безоговорочно перенесение на алтайскую почву скифского пантеона в той форме, как он известен нам по данным Геродота. Это тем более неправильно, что автор как будто не связывает пазырыкцев ни с одним из крупных этнических массивов древности. Наоборот, он говорит о многочисленных племенах, «различных по своему происхождению и языку, обитавших в данную эпоху на огромных пространствах восточноевропейских и азиатских степей и предгорий...» (стр. 361). Даже в пределах Горного Алтая он видит возможность в дальнейшем «выделить из общей массы населяющих его племен более или менее обособленные этнические группы» (там же). Очевидно, у автора нет ясности в этом вопросе; поэтому становятся не вполне правомерными и приводимые им исторические параллели. Нам представляется, что автору следовало бы этим аналогиям и параллелям предпослать свои соображения о возможной этнической принадлежности пазырыкцев, тем более, что для таких соображений, как нам думается, известный материал в распоряжении автора имеется.

С. И. Руденко на протяжении всей книги многократно говорит о близости пазырыкской культуры с культурой населения Северного Причерноморья скифского времени. В то же время, исходя из анализа предметов искусства, С. И. Руденко возражает С. В. Киселеву по поводу высказанного последним предположения, что «изображения грифонов на пазырыкских псалнях происходят с запада, из области эллино-скифского

⁷ «Чжунго коагу сюэбао», Шанхай, 1948, № 3 (статья Ли-Цзи, перевод Р. Итса и М. Воробьева).

⁸ Anne Roës, Achaemenid Influence upon Egyptian and Norman Art, «Artibus Asiae», т. 15, вып. 1 и 2, 1952, стр. 24—30.

художественного ремесла»⁹. С. И. Руденко указывает, что подобные изображения известны равным образом по ахеменидскому и ассирийскому искусству. Именно для этих областей — для Передней и Средней Азии — читатель и обнаруживает в книге С. И. Руденко наиболее многочисленные и яркие параллели. Мы не будем останавливаться на их перечислении, читатель легко найдет их в книге. Коснемся лишь одного факта, который, несмотря на свою малозаметность, является, по нашему мнению, весьма существенным для понимания истоков пазырыкской культуры. Как М. П. Грязнов, так и С. И. Руденко, описывая керамику, обнаруженную в Пазырыкских курганах, отмечают, что сосуды изготовлены от руки, но не ленточным налепом, характерным для сибирской керамики, а по способу четырех поясов, характерному для Средней Азии. Можно говорить об импорте оружия, украшений, художественных изделий, можно говорить о воздействиях и влиянии в области изобразительного искусства, но едва ли допустимо говорить о заимствовании техники изготовления лепной посуды. Как уже отмечалось, для Сибири и Северного Казахстана типична ленточная техника. Лепка по способу четырех поясов здесь не применялась, но в то же время в данную эпоху она была характерна для территории распространения сакских племен¹⁰. Как полагают, эта территория достигала западного Алтая, и не исключена возможность, что именно с сакским миром следует связывать происхождение пазырыкской культуры.

В целом, появление работы С. И. Руденко представляет собой большое событие, далеко выходящее за пределы интересов сибирской археологии. Прекрасно подготовленная и хорошо изданная книга найдет себе многочисленных читателей как среди широких слоев интеллигенции, так и среди специалистов — не только археологов, но и представителей ряда смежных дисциплин. Она послужит ценным источником для дальнейших исследований и в области древней истории народов нашей родины, и в области истории искусств, и в общей мировой ориенталистике. Эта книга является прекрасным завершением большой и напряженной работы, проведенной хорошо слаженным коллективом Горно-Алтайской экспедиции под руководством С. И. Руденко.

В. Н. Чернецов

Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, *Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии*. Сборник статей, Изд-во Академии наук Узбекской ССР. Ташкент, 1953.

Антропологические исследования народов Средней Азии ведутся Л. В. Ошаниным и его сотрудниками в течение 30 лет. Часть собранных за это время данных была опубликована Л. В. Ошаниным в 1927—1937 гг., но большая часть оставалась неизданной, хотя частично и была использована в качестве сравнительного материала. В рецензируемом сборнике Л. В. Ошанин и Академия наук Узбекской ССР в известной мере выполнили, хотя и с большим опозданием, свой долг перед советской и мировой наукой, введя в научный оборот оставшиеся ранее не опубликованными результаты антропологического исследования более чем шести тысяч человек, относящихся к разным национальностям Средней Азии и сопредельных областей. Кроме материалов Л. В. Ошанина и его ближайших сотрудников, в сборнике опубликованы также некоторые материалы других исследователей, среди них Д. Д. Букнича о некоторых народах Афганистана, в частности о хезарейцах, — первые, насколько нам известно, антропологические данные об этом народе, основанные на антропометрических и статистических наблюдениях.

Публикация материалов произведена в весьма «экономной» форме. В дореволюционных работах, а также в большинстве современных работ зарубежных антропологов результаты исследования, основанные на материале, в несколько раз меньшем, занимают обычно в несколько раз большее место. Краткость публикации была бы одним из достоинств сборника, если бы она не была несколько чрезмерной. Вряд ли стоило, например, окружать средние арифметические до миллиметра и ограничиваться только средними баллами описательных признаков.

Впрочем, публикация материалов, при всей важности тщательного внимания к этой необходимой стороне научного исследования, не является ни основным содержанием рецензируемого сборника, ни его главной задачей. Направленность сборника определяется его заглавием, вполне соответствующим содержанию. Сборник посвящен вопросам этногенеза, участие в разработке которых составляет одну из основных задач антропологии (хотя и далеко не единственную ее задачу).

Сборник открывается статьей Л. В. Ошанина, озаглавленной «Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии (Итоги 25-летних антропологических исследований в Средней Азии)». В статье описаны основные антропологические типы Средней Азии и сопредельных областей. Автор выделяет шесть типов — два монголоидных: южносибирский и центральноазиатский и четыре европеоидных: тип Среднеазиатского междуречья, закаспийский, хорасанский и переднеазиатский. Два последних на территории советских республик Средней Азии встречаются главным образом среди заведомо пришлого населения. По нашему мнению, выделение двух монголоидных типов на данной территории не оправдывается приводи-

⁹ С. В. Киселев, Указ. соч., стр. 204.

¹⁰ И. И. Копылов, Сакские племена Сыр-Дарьи и Семиречья по археологическим данным (автореферат), Л., 1953, стр. 13.

мыми материалами, да и сам автор в дальнейшем говорит о монголоидах как о едином типе. Действительно, все исторические события, прослеживаемые автором, имели следствием распространение из Центральной Азии монголоидного типа, смещение которого с древним европеоидным населением казахстанских степей привело к формированию южносибирского типа. Южносибирский тип, таким образом, не является самостоятельным ответвлением монголоидной расы наряду с центральноазиатским, как думал и известный исследователь антропологии тюркских народов А. И. Ярхо.

Отражение исторических событий на антропологическом составе народов Средней Азии схематически рисуется автором в следующих основных чертах. Древнее европеоидное население Средней Азии издавна различалось по форме головы: на западе в закаспийских степях, преобладали длинноголовые, на востоке — круглоголовы. Оба европеоидных типа в разной степени смешались с продвинувшимися из Центральной Азии монголоидами. Доля участия каждого из этих трех типов в антропологическом составе отдельных групп была различной. Определение этой доли и не может выяснять конкретные условия формирования отдельных этнических и территориальных групп.

Вторая часть статьи посвящена истории формирования антропологического состава отдельных народов. Обзор начинается с киргизов и казахов, которые, по мнению автора, относятся к одному типу, хотя «территориально, хронологически и этнически казахи и киргизы имеют различное происхождение» (стр. 30). По сравнению с киргизами в целом монголоидные особенности у казахов менее ясно выражены. Отсюда можно сделать вывод, что древнее европеоидное население приняло участие в формировании казахов в большей мере, чем киргизов. У последних примесь европеоидных элементов настолько незначительна, что встает вопрос о том, вошло ли вообще древнее европеоидное население Киргизии в сколько-нибудь значительную меру в состав современных киргизов. Не могла ли небольшая доля примеси европеоидных типов войти в состав киргизов еще на их центральноазиатской родине? Заведомо известно, что в прошлом население степей Алтае-Саянского нагорья в антропологическом отношении принадлежало к европеоидам. То же, судя по данным Л. В. Ошанина, можно сказать и о Восточном Туркестане (Синьцзяне). Этот вопрос, имеющий большое значение для правильного понимания этногенеза киргизов, должен стать предметом пристального внимания со стороны антропологов, изучающих народы Средней Азии, так как антропологические данные должны, повидимому, сыграть в его разрешении решающую роль.

Далее автор переходит к рассмотрению данных по антропологии каракалпаков, кипчаков. Последние, занимавшие некогда видное место в истории народов Средней Азии и сопредельных областей, сейчас уже не существуют как самостоятельный народ, представляя собой локальную этнографическую группу узбекской социалистической нации. Но широкое распространение наименования кипчаков в родоплеменных названиях групп различных тюркских народов вполне оправдывает их выделение в особую группу в работе, посвященной проблемам этногенеза. Каракалпаки, представляющие собой особый, отличный от узбеков народ в пределах Кара-Калпакской АССР, также становятся в той части, которая населяет некоторые районы Ферганской долины, этнографической группой узбекского народа, хотя процесс слияния еще не завершился. Советский антрополог, руководящийся сталинским учением о нации, не являющейся, согласно этому учению, расовой общностью людей, не только не должен пренебрегать различиями в физическом типе отдельных этнографических групп, входящих в состав изучаемой им нации; он использует эти различия для конкретизации теоретического положения о сложении нации из разных рас и племен. Так и поступает Л. В. Ошанин. Составленные им таблицы (для читателя-неспециалиста следовало бы, пожалуй, дополнить их графиками) наглядно показывают, как отражается в антропологических данных заключительный этап этногенеза узбеков.

Антропологические материалы, опубликованные в сборнике, и результаты их научной интерпретации не стоят, разумеется, одиноко в комплексе данных различных наук, разрабатывающих проблемы этногенеза. Историки, как справедливо отмечает Л. В. Ошанин, со своей стороны заметили сложный состав узбекского народа. Наряду с кипчаками и каракалпаками, монголоидный компонент которых «выступает довольно ярким пятном на европеоидном фоне узбеков» (стр. 32), большая часть узбекского народа и исторически, и антропологически обнаруживает близкое родство с таджиками. В рецензируемой работе показано, однако, что взаимоотношения, узбеков и таджиков не следует слишком схематически представлять себе только как «тюркизацию иранцев» в языковом отношении. Во-первых, в состав узбеков, даже по происхождению наиболее близких к таджикам «узбеков без родовых делений», все же входит монголоидный компонент центральноазиатского происхождения. Этот компонент находится в меньшинстве, но тем не менее ясно прослеживается на антропологических данных. Значение этого факта нельзя недооценивать, в частности для разоблачения пантюркистской теории, господствующей в буржуазной Турции. Материалы по антропологии узбекского народа ясно показывают, что исторические условия, которые привели к распространению тюркских языков, имели своим отражением в антропологии распространение монголоидной расы. Этот параллелизм, ясно выступающий на востоке и все более стирающийся к западу, наглядно свидетельствует о восточном происхождении тюркских языков.

Во-вторых, из работы Л. В. Ошанина ясно следует, что пришлые монголоидные

элементы вошли и в состав таджиков, в тем большей мере, конечно, чем они территориально ближе к узбекам. Это наблюдение уточняет наши представления и об этногенезе таджиков.

Глава заканчивается описанием антропологического типа туркмен, изучение которого уже давно послужило Л. В. Ошанину для обоснования теории о сложении туркмен на базе так называемых «скифских» племен Закаспия.

Размеры журнальной рецензии не позволяют нам подробно остановиться на рассмотрении следующих глав, посвященных антропологии национальных меньшинств Средней Азии: белуджей, евреев, дунган и других. Отметим, что для антрополога вопрос об этногенезе дунган представляется достаточно ясным: это китайцы, принявшие мусульманство. Следовало бы шире использовать эти данные для искоренения распространенных еще среди дунган представлений об их происхождении от арабов, женившихся на китайцах.

Дополнением к статье Л. В. Ошанина является работа В. Я. Зезенковой «Материалы по антропологии женщин различных племен и народов Средней Азии». Опубликованные в этой работе данные служат хорошим контролем над выводами, полученными на основании изучения мужчин. Уже поэтому следует приветствовать собрание антропологического материала среди представителей обоих полов. В данном случае выводы выдержали этот контроль. Следует помнить, однако, что в некоторых случаях исследовались только женщины (например, киргизки и казашки), что, вследствие почти неизбежных субъективных различий в методике, приводит к затруднениям при сравнении. Переносе у женщин-киргизок, исследованных Зезенковой, оказалось, например, выше, чем у мужчин, исследованных Л. В. Ошаниным, что отражает, конечно, не реальные соотношения, а методические различия.

Статья Л. В. Ошанина «К проблеме этногенеза уйгуров по данным сравнительной антропологии населения Средней Азии и Синьцзяна» показывает, что формирование узбеков и уйгуров протекало параллельными и очень сходными путями. Его же статья «Палеантропологические и исторические данные о расселении монголоидных рас в северной степной полосе Средней Азии» представляет собой сводку работ различных советских антропологов по этому вопросу. Потребность в такой работе давно ощущалась, и появление подобной статьи более чем своевременно. Л. В. Ошанин в общем верно показал, как отразились исторические события на сложении антропологического типа, и тем способствовал выяснению самой картины этих событий. По нашему мнению, следовало бы, однако, более критически подойти к вопросу о роли гуннов в этногенезе народов Средней Азии. Неоднократно повторенное в трудах А. Н. Бернштама и В. В. Гиззбурга утверждение об увеличении удельного веса монголоидного компонента в составе населения Средней Азии после появления гуннов представляет собой умозраительное построение, не подтверждающееся пока палеантропологическими материалами. По крайней мере, черепа из могильников, приписываемых гуннам, не отличаются по степени выступаания скулы и носа от черепов более древних периодов, приписываемых усуням. Примесь монголоидного элемента имеется, повидимому, у тех и других. Отсюда следует, что либо гунны не внесли в этом отношении существенных изменений, либо Кенколский и другие могильники вообще не гуннские, по крайней мере, в этнографическом смысле. Мы лишены здесь возможности с цифрами в руках аргументировать это положение, но считаем долгом обратить на него внимание.

Сборник заканчивается статьей В. Я. Зезенковой «Материалы к палеантропологии Узбекистана и Туркменин». Опубликованные в ней материалы очень невелики, но, при крайней бедности этими данными территории обеих республик, представляют несомненный интерес. На том небольшом материале, который был в ее распоряжении, В. Я. Зезенкова смогла в общем только подтвердить выводы Л. В. Ошанина, но надо надеяться, что с накоплением новых данных они послужат и для дальнейшего развития наших знаний. Следует только пожелать, чтобы автор относился с большей тщательностью к редактированию таблиц. Непонятно, например, зачем один и тот же размер помещен в таблицы дважды; один раз с точностью до миллиметра, другой раз — до десятых долей, причем назван по-разному. Так, наименьшая ширина носовых костей — то же самое, что симметрическая хорда, а межглазничная ширина то же, что дакриальная хорда. И уже совсем нехорошо, когда один размер под разными наименованиями оказывается различным и по цифрам. На табл. 45 межглазничная ширина черепа № 4 равна 22 мм, тот же размер, названный дакриальной хордой, — 21,1 мм. Иначе, как небрежностью, нельзя объяснить отсутствие симметрических размеров в измерениях черепов № 2 и № 4 в той же таблице. Такие же погрешности имеются и в табл. 47 и 49. На табл. 51 измерения на черепе иногда совершенно не совпадают с измерениями на муляжах. Следовало бы как-то согласовать эти данные.

Списка опечаток в книге нет, но опечатки, к сожалению, есть (средний балл профиля лица у кипчаков в табл. 3; ширина нижней челюсти у узбеков Ленинского района в табл. 41 и др.), не говоря уже о путанице инициалов на обложке, свидетельствующей о совершенно недопустимом неуважении издательства к автору.

Следует пожелать издательству при публикации последующих работ Л. В. Ошанина, которые, как можно надеяться, появятся в непродолжительном времени, обратить внимание на качество иллюстраций, часть которых едва ли может быть названа удовлетворительной.

Г. Ф. Дебец

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ЯКУТСКОГО НАРОДА¹

XVII век был переломным в истории якутского народа — в этом столетии Якутия вошла в состав Русского государства.

Редакция сборника правильно считает основной его задачей показ конкретной истории присоединения Якутии к Русскому государству и положительных результатов этого большого события.

Первая глава «Открытие Якутии русскими и присоединение ее к России», написанная С. В. Бахрушиным, сообщает много новых данных по истории освоения русских территорий Якутии. Так, оказывается, что первым из русских служилых людей проник в 1635—1636 гг. на Яну, а в 1640 г. и на Колыму Селиван Харитонов, им которого до сих пор почти совсем не упоминалось среди русских землепроходцев XVII в. Очень интересны данные о походе Мартына Васильева и Антона Добрынского, устанавливающие, что на Лену, в область расселения основной массы якутов, русские служилые люди проникли с Вилюя в 1630 г., т. е. раньше походов Ивана Галкина (1631) и Петра Бекетова (1632). Много нового и интересного материала содержит также и описание того, как осваивались Вилюй, Алдан, сама Средняя Лена и т. д.

Недостатком всех этих описаний является то, что они перегружены данными о военных действиях. Надо иметь в виду, что служилые люди были склонны несколько преувеличивать размеры и жестокость своих стычек с местным населением, так как в отписки в значительной части посылались в качестве официальных реляций для представления отличавшихся к награде. Наоборот, мирные отношения в известных на документах находили меньше отражение, и в целом поэтому картина ранних взаимных отношений с местным населением получалась в значительной степени односторонней. Военные эпизоды в ней преобладали над мирными взаимоотношениями, тогда как в действительности дело обстояло наоборот. Эту особенность источников в рецензируемой книге следовало бы оговорить.

Большая и очень содержательная вторая глава «Коренное население Якутии в XVII веке», как указано в примечании к ней, представляет собой в большей своей части сокращенное и переработанное изложение известной монографии С. А. Токарева «Общественный строй якутов в XVII-XVIII вв.» (Якутск, 1945). Оценка этого наиболее крупного труда о хозяйстве, общественном быте и культуре якутов XVII—XVIII вв. уже давалась на страницах «Советской этнографии» (1946, № 2, стр. 218—226).

Наиболее спорным из вопросов, трактуемых во второй главе рецензируемой книги, является вопрос об общественном строе якутов к приходу русских. В предисловии к рецензируемой книге С. А. Токарев высказывает мнение, что «общественное развитие якутского народа перед приходом русских шло в направлении формирования ранне-рабовладельческого строя, и только вхождение Якутии в феодально-крепостническое Русское государство направило развитие якутского общества по иному пути — по пути феодального развития» (стр. 7). С. В. Бахрушин, О. В. Ионова, Б. А. Гарданов и, с некоторыми оговорками, А. П. Окладников считают, что процесс общественного развития якутов еще до прихода русских шел по линии феодализма. Как указывает С. А. Токарев в том же предисловии к рецензируемой книге, «ввиду существующих разногласий по этому важному вопросу, редакция стремилась изложить фактические данные, характеризующие все стороны разложения якутской общины, не высказывая категорически по спорным вопросам» (стр. 7). Отсутствие определенной точки зрения на общественный строй якутов к приходу русских, конечно, является недостатком рецензируемой книги.

Рассматривая проблему общественного строя якутов, надо всегда иметь в виду, что якутское рабство было патриархальным. С. А. Токарев правильно указывает, что русские застали у якутов «развитый патриархально-родовой, или, лучше сказать, родоплеменный быт», который «уже вступил в фазу своего разложения» (стр. 86). Однако С. А. Токарев, как нам кажется, несколько переоценивает значение и перспективы дальнейшего развития рабства у якутов: ведь, несмотря на наличие патриархального рабства, при известных условиях развитие могло пойти минуя рабовладельческую формацию.

Рецензируемый сборник, как указано в его предисловии, был составлен и отредактирован до выхода в свет труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Надо надеяться, что в дальнейшем историками Якутии будут разработаны на якутском материале такие поставленные И. В. Сталиным проблемы, как феодальная собственность на землю в качестве основы феодализма, товарное производство в докапиталистических формациях и другие.

Не совсем четко решен в рецензируемой книге вопрос о том, что представляли собой якутские «волости» XVII в. Этот вопрос в свое время вызвал дискуссию между С. А. Токаревым и Б. А. Гардановым². На стр. 86 рецензируемой книги С. А. Токарев утверждает, что «волость» была не чем иным, как племенем. На стр. 91 имеется, однако, оговорка, что мелкие волости трудно назвать племенами, что к ним больше подходит наименование «род».

¹ «Якутия в XVII веке (Очерки)». Сборник под редакцией С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутское книжное издательство, Якутск, 1953.

² См. «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 218—226; 1947, № 1, стр. 216—217.

Нам кажется, что последнее добавление С. А. Токарева по вопросу о том, что представляли собой якутские «волости», правильно. Действительно, большие «волости», состоявшие из ряда родов, правильнее считать племенами, а мелкие волости, часто являвшиеся ответвлениями этих крупных волостей, следует квалифицировать как отдельные роды. Что же касается того обстоятельства, что у якутских племен отсутствовал как будто такой существенный признак племени, как диалект, то надо учитывать, что якуты в XVII в. представляли собой этнографическую группу, сравнительно недавно колонизировавшую новую область. Поскольку все или почти все якутские племена в XVII в. представляли, видимо, разросшиеся ответвления небольшого ядра первоначальных переселенцев³, постольку заметных диалектных различий у якутских племен и не следовало ожидать.

В разделе «Тунгусы в XVII веке в Якутии», который тоже входит во вторую главу, содержится большой интересный материал о тунгусах. Но в этом разделе вызывают сомнения формулировки его автора Н. Н. Степанова о распадении рода на отдельные патриархальные «большие семьи» (стр. 197 и др.). Нам кажется, что патриархальная семья является не только формой разложения, но и формой существования патриархально-родового строя.

Не совсем ясно понимание Н. Н. Степановым рабства у тунгусов. Редакция правильно оговаривает (стр. 194), что у тунгусов рабство было патриархальным. Необходимо также заметить, в противоположность мнению Н. Н. Степанова, что патриархальное рабство, известное имущественное неравенство, более или менее угнетенное положение женщины — все это неотъемлемые признаки патриархально-родового строя.

С интересом читается ярко, с большим проникновением в жизнь эпохи написанная С. В. Бахрушиным третья глава о воеводском управлении Якутией.

Обширный фактический материал об организации ясачного обложения в Якутии, технике сбора ясака, о политике московского правительства в отношении ясачного населения и о борьбе якутов против эксплуататорского ясачного режима сообщает четвертая глава «Эксплуатация коренного населения Якутии царизмом и борьба якутского народа против нее», в основном написанная И. С. Гурвичем.

Следует особо отметить пятую главу рецензируемой книги, посвященную русскому населению Якутии XVII в. (написана С. В. Бахрушиным и молодым якутским историком Ф. Г. Сафроновым). Включение столь важного и притом насыщенного большим фактическим материалом раздела в книгу по истории Якутии является значительным достижением.

Отметим некоторые неточности. В 1689 г. восставшими якутами было взято не Бутальское ясачное зимовье, а лишь зимовье промышленных людей (стр. 39). Постник Иванов поставил зимовье не «за шиверами», а «под шиверами» (стр. 52). Зашиверское зимовье было поставлено значительно позднее. Тунгусский князек Ковыря был убит не в ясачном зимовье в аманатах, а в лесу, в дороге (стр. 199). Сотник Иван Курбатов был посажен не в Анадырском остроге, а по дороге к нему в верховьях Анюя. Осажден он был ходынцами, а выручили его чуванцы. Те и другие были ясачными людьми Анадырского острога, а не из каких-либо других «дальних зимовьев» (стр. 325). Воеводу Глебова звали не Богдан, а Матвей Богданович (стр. 372). В таблице на стр. 262 приведены данные не поступлений ясака, а оклады, которые по большей части не соответствовали фактическим поступлениям ясака.

Недостатком рецензируемой книги является большое количество опечаток, например, при перечислении родов вилюйских якутов на стр. 24, в речах борогонского тойона Книги на стр. 290 и во многих других местах, в частности, в собственных именах, даже в оглавлении.

В заключительной главе подводятся итоги положительным результатам присоединения Якутии к Русскому государству. Авторы этой главы С. В. Бахрушин и С. А. Токарев справедливо отмечают, что «русские принесли в Якутский край более высокую культуру, земледелие, письменность. Через русскую культуру якуты смогли приобщиться к мировой цивилизации, от которой долгое время были оторваны... В XVII веке были также сделаны первые шаги в установлении общности интересов и целей в борьбе трудящихся масс якутского и русского народов за освобождение от экономического и политического угнетения. Эта общность впоследствии все более и более крепла, и она привела под конец к победоносной Революции и к окончательному устранению всех форм гнета над народами Якутии» (стр. 436).

В целом можно констатировать, что рецензируемая книга является ценным вкладом в историческую и в значительной степени также в этнографическую литературу о якутском народе.

Б. Долгих

³ Эта основа якутского народа могла состоять из элементов разного происхождения. Но к тому времени, когда переселенцы прочно обосновались на Средней Лене и стали расширять свою территорию, они, видимо, представляли в этническом и языковом отношении уже нечто целое.

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Козаченко (Москва). Древнерусская народность — общая этническая база русского, украинского и белорусского народов	3
С. А. Токарев (Москва). О культурной общности восточнославянских народов	21
Вопросы этногенеза и исторической этнографии	
В. В. Мавродин (Ленинград). К вопросу об «антах» Псевдомаврикия	32
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Г. С. Маслова (Москва). Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды	42
Г. С. Сухобрус (Киев). Основные черты общности русского и украинского народно-поэтического творчества	60
Ф. И. Лавров (Киев). Дружба русского, украинского и других народов СССР в украинском народно-поэтическом творчестве	69
А. М. Кинько (Киев). Образ Богдана Хмельницкого в народной поэзии	80
Б. Бутник-Сиверский (Киев). Народное искусство Советской Украины	91
Дискуссии и обсуждения	
К. В. Чистов (Петрозаводск). О некоторых проблемах фольклористики	105
Заметки. Сообщения. Рефераты.	
А. Ф. Будзан (Львов). Резьба по дереву в западных областях Украины	112
А. С. Бежкович (Ленинград). Настенная роспись украинской хаты	121
Хроника	
Ф. Лавров, А. Кинько (Киев). Юбилейная сессия Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР	129
О. Корбе (Москва). Сессии Академии наук СССР, посвященные 300-летию воссоединения Украины с Россией	131
О научных результатах археолого-этнографической сессии Отделения исторических наук АН СССР (Постановление Президиума Академии наук СССР)	132
В. Горелов (Москва). Русский историко-этнографический атлас	135
А. С. Куницкий (Киев). Совещание украинских этнографов	139
Г. П. Васильева, Т. А. Жданко (Москва). Актуальные вопросы дооктябрьской истории народов Средней Азии и Казахстана	143
А. Окладников, С. Абрамзон, Я. Винников, Г. Дебец. Работы Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953 году	153
Б. Вампилов (Москва). Тувинский областной краеведческий музей	160
С. И. Вайнштейн (Кызыл). Этнографическая экспедиция Тувинского музея в юго-восточную Туву	163
Е. Бусыгин, Н. Воробьев (Казань). Китайские коллекции в музеях Казани	169
П. И. Кушнер (Москва). Поездка в Чехословакию	172
<u>Евгений Михайлович Шиллинг</u>	177
Критика и библиография	
Общая этнография	
П. И. Борисковский (Ленинград). М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры	179
А. Першиц (Москва). Обсуждение книги М. О. Косвена «Очерки истории первобытной культуры»	184
Народы СССР	
В. Н. Чернецов (Москва). С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время	183
Г. Ф. Дебец (Москва). Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии	187
Б. Долгих (Москва). Новая книга по истории якутского народа	190

ОПЕЧАТКА

<i>Страница</i>	<i>Сноска</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
35	12	Ефременко	Ефименко

Сов. этнография, № 2